

4/2017

ЗОЛОТОЕ

РУНО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Золотое руно»

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2) 64
@ 3-81

Золотое руно. Литературный альманах. № 4.
Издательство ООО «Золотое руно», 2017. 480 с.

Главный редактор
Л.Г. Подольский

Заместитель главного редактора
А.Ю. Гедымин

Редакционный совет:

Л.А. Аннинский, К.В. Ковальджи, О.С. Ильницкая,
В.Е. Лебединский, Е.В. Сафронова, Д.В. Силкан,
А.Ю. Гедымин, Л.Г. Подольский, И.Б. Чубайс

ISBN 978-5-8420-0056-2

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Анна ГЕДЫМИН	8
Зиновий ВАЛЬШОНОК	13
Наталия КРАВЧЕНКО	30
Валерий ЛЕБЕДИНСКИЙ.	45
Валентин РЕЗНИК.	58
Евгений ДАНИЛОВ.	78
Ирина КАВЕРИНА	88
Инна БОГАЧИНСКАЯ.	96
София ЮЗЕФПОЛЬСКАЯ-ЦИЛОСАНИ	111
Галина БОГАПЕКО	124
Дмитрий ГАРАНИН	127
Михаил ЖИНЖЕРОВ	131
Ольга НАЦАРЕНУС	135
Маргарита ВИШНЯКОВА	136
Виталий ГРИГОРОВ	143
Марина ШАМСУТДИНОВА.	147
Юрий ЖАРКОЙ.	149
Татьяна ЛЕТНЕВА.	154
Марина РОМАНДИНА.	160
Анна ФУНИКОВА	163
Татьяна ХАТИНА	168
Марина ЗАВЬЯЛОВА	172
Елена НИГРИ	174
Ольга ЧЕЛЮКАНОВА	183

КРИТИКА. ЭССЕ

Лев АННИНСКИЙ. Магия слова	384
Леонид ПОДОЛЬСКИЙ. «Захар Прилепин: между художественной правдой и ложной идеей»	393
Наталья КРАВЧЕНКО. На что мне люди?.....	401
Валентин РЕЗНИК. «Идентичность»: книга, которую нужно прочесть	406
И был оставлен я на третий год.....	408
Елена САФРОНОВА. Призраки «Голубого экрана»	418

ПУБЛИЦИСТИКА

Алла ВАЛЬКО. Географические карты.	440
---	-----

ПЕРЕВОДЫ

Алексей КЛОКОВ	454
----------------------	-----

САТИРА И ЮМОР

Марина САЛЬТИНА.....	462
Эдуард СКВОРЦОВ.....	468
Валентина МАЛЬЦЕВА	472

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ АНИСИМОВОЙ	475
--	-----

ПОЭЗИЯ

Анна ГЕДЫМИН — коренная москвичка. Автор сотен публикаций в российской и московской периодике (журналы «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Огонёк», «Континент», «Арион», «Кольцо А», «Работница», «Литературная газета»; антология «Русская поэзия. XX век» (М., 2001); альманахи «День поэзии», «Поэзия», «Истоки» и др.). Член Союза писателей СССР и СП Москвы с 1991 года, Русского ПЕН-центра — с 2016 года. Автор семи стихотворных сборников и книги детской прозы. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (2013; в рамках Международной Волошинской Премии) за книгу «Осенние празд-

ники. Избранные стихи»; премии им. Анны Ахматовой (журнала «Юность»); журналов «Литературная учеба», «Дети Ра», радиостанции «Немецкая волна» и др. Живет в Москве.

* * *

Встаем на восходе.
Восхода червонная мякоть
Теплее на юге,
но ярче в России зимой.
И трудно понять,
то ли хочется петь, то ли плакать,
И близкое небо
чрезмерной чудит крутизной.

Постой, не чуди.
А не то — сколько раз уж бывало! —
Прольется на землю
горячий рубиновый цвет.
Конечно, красиво.

Да только Россия устала
Быть главною жертвой
своих же великих побед.

ВЕРА

А солдат не вернулся домой
Ни весной, ни зимой.
Не увидел, пройдя сквозь сени,
Как на добром смоленом полу,
Под лампадкой, в углу,
Вон — оставили след колени...

Всё ждала, не тушила огня.
Глубже день ото дня
Головой уходила в плечи.
И уже не творила хулу,
Только в красном углу
Лик повесила человечесий...

ЕСЛИ

Если город на дымной подушке
Видит снова волшебные сны,
Если лес от корней до макушки
Обновился в припадке весны,
Если вой леденящий и длинный
Бросил в небо затравленный волк
И, снижаясь, косяк журавлиный
Режет воздуха парусный шелк,
Если где-нибудь рядом Иуда
И еще один год за спиной, —
Жизнь идет. Спать спокойно я буду:
Все, что надо — случится со мной.

* * *

Твой голос морозен —
впору надеть тулуп.
Какого дьявола!
Растопи эти льдины!
Ну почему, почему,
почему так глуп
Самый умный
и самый необходимый!

За что, несчастье мое,
ты это все говоришь?
Тебя — разлюбила!
Придумать такие бредни!
Свобода кончилась на тебе.
Ты — Париж,
Который стоит обедни.

К Парижу этому
вел диковатый шлях —
Дорога жизни моей,
проложенная не гладко.
И теперь я требую,
чтобы на Елисейских Полях
Были теплые летние сумерки!
Без осадков!

НА ДВЕНАДЦАТОМ ЭТАЖЕ

Небо озвучено галками.
Август. Домашние туфли.
Со скандинавскими палками
Мама шагает по кухне.
Мысли при этом осенние:
Зябко, дожить бы до Святток...

Кризис. Москва. Воскресение.
Полдень. Девятый десяток.

Мама, покоя не зная,
Ходит, как заводная,
Ни от кого не завися,
Скудную жизнь не ругая,
Тихо, как палые листья...

Ты моя дорогая...

ВОСПОМИНАНИЕ О СЧАСТЛИВОЙ ЗИМЕ

И сосен исполинский рост,
И в небе самолетный хвост,
И гроздь рябины на снегу,
Как будто праздник неуместный,
И голос твой издалека,
И телеграфная строка,
И взгляд — восторженный и лестный...

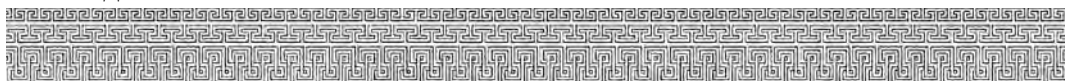
Скупа коллекция чудес,
Все остальное просто: лес,
Река и проржавелый катер,
И воспаленный цвет небес,
Где все мы будем — на закате...

* * *

Вроде рукой подать,
А не дойти никогда:
Тихая благодать,
Медленная вода.

Впереди холода,
Первых снежинок сверк...

Только бы не беда,
Только бы свет не мерк!

И цвели, как вчера,
Мальвы, меняя суть —
Если уже пора,
Если уже — забудь.

Не умножить года,
Вечность не обуздать...
Медленная вода,
Тихая благодать...

Зиновий ВАЛЬШОНОК — знаменитый советский, российский и украинский поэт. Родился в 1934 году в Харькове. Автор более 50 книг стихов, многочисленных поэм. Публиковался в большинстве ведущих советских и российских журналов (первые известные стихи Зиновия Вальшонка опубликованы в «Новом мире» в далеком 1962 году). Член Союза писателей с 1968 года. Трижды становился победителем Всероссийских конкурсов поэзии, Лауреат престижных литературных премий: имени Бориса Пастернака (2008), имени Марины Цветаевой (2012), обладатель почетной именной медали «Золотой теленок» (2003).

Борис Чичибабин так озаглавил статью, предваряющую семитомник Зиновия Вальшонка: «Поэзия — это разговор с Богом». Статья о жизни и творчестве Зиновия Вальшонка опубликована в четвертом томе «Энциклопедии современной Украины».

Творчеству Зиновия Вальшонка посвящено обширное литературоведческое исследование-монография «Поэт Зиновий Вальшонок. Личность. Творчество. Судьба». Большая подборка его стихов вошла в Антологию мировой поэзии «Закон случайных чисел. 150 поэтов мира». Зиновий Михайлович Вальшонок предоставил редакции альманаха «Золотое руно» большую подборку своих стихов, за что мы выражаем поэту искреннюю благодарность.

ДРОБИЦКИЙ ЯР

Увалы Дробецкого яра
огнем осеннего пожара
испепеляюще горят.
В траве и ветках дикой груши
прячт расстрелянные души,
горюют, молятся, скорбят.
Вот этот кустик цвета меди
носил когда-то имя Мендель,
он был сапожник и трепач.

Тот одуванчик на полянке
никто иной, как ребе Янкель,
веселый харьковский скрипач.
В ромашке — призрак человека:
библиотекарша Ревекка
вдыхает солнечную пыль.
А там, в круженье листьев прелых,
танцует вечный танец «Фрейлехс»
босая девочка Рахиль.
«Жи-ды!..» — предатели орали,
когда толпу фашисты гнали
сюда, за тракторный завод.
Людей в евреях отрицая,
толкали в яму полицаи
калек, и старцев, и сирот.
Как вещей символ катастрофы,
мать восходила на Голгофу,
собой прикрывши малыша.
Хор автоматов монотонно
отпел библейскую Мадонну,
мольбы и выкрики глуша.
Я — тот малыш. И невидимкой
лежу с убитыми в обнимку
в том окровавленном яру.
С презрительной нашивкой «юде»
среди затравленного люда.
Я — мертв... И дважды не умру.
Давным-давно все это было...
Но черносотенного пыла
не охладили реки слез.

Не жаль погромщикам усилий,
чтоб в старом эйхмановском стиле
еврейский разрешить вопрос.
На склонах Дробицкого яра

от оружейного угара
еще туманится роса.
И тридцать тысяч монолитно,
как поминальную молитву,
возносят к небу голоса.

* * *

Талант и совесть неразъединимы.
И взрывчаты поэты, и ранимы,
поскольку душу таинство томит,
как спрятанный в подвале динамит.
Без дара совесть неосуществима,
невоплотима, словно пантомима,
где в жестах — и огонь, и страсть, и зов,
но не хватает голоса и слов.
А совести лишённые таланты
нелепы, как безрукие атланты,
чьи мускулы, и мощь, и удалство
не держат никого и ничего.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОЛГОФУ

1.

...Но в час, когда накатит вдохновенье
и сердце ищет образы и звуки,
минута сокровенного прозренья
становится моментом высшей муки.
Взывает плач тишайшего моленья,
и зоркости провидческой избыток,
и жертвенное слово искупленья
к душе, изнемогающей от пыток.

Тогда, подвластен горнему искусу,
духовную пророча катастрофу,

поэт уподобляется Иусу,
идущему смиренно на Голгофу.

2.

Мне выпало в мире жестоком родиться,
что разуму непостижим,
где нет милосердья, но есть любопытство
к смертям и страданьям чужим.
Века притерпелись к мольбам и проклятьям,
и, брэнностью быта объят,
народ мельгешит под библейским распятым
бесстрастней, чем циник Пилат.
Кто хлебом надежды поделится с голью,
кто крикнет толпе: «Аз воздам!»?..
Привыкли к лицу, искаженному болью,
к пробившим ладони гвоздям.
И братья-земляне, в ком дух умирает,
чью совесть сожгла суэта,
две тысячи лет равнодушно взирают
на крестные муки Христа.

* * *

Мне помогают жить слова
и впасть в отчаянье мешают.
Когда в тревоге голова,
они, как люди, утешают.
Свою спасительную роль
играют честно и без страха.
И могут снять любую боль,
как жест тибетского монаха.
Им чужды выспренность и ложь.
Лишь Истина — для них святое.
Постмодернистский выпендрёж
несовместим с их простотою.
Для моды не беря в залог

злой эпатаж блатного флёра,
они трагичный монолог
судьбе диктуют без суфлёра.
И сердце до таких высот
возносят к Божьему покою,
что можно, кажется, вот-вот
потрогать ангела рукою.
В них — благодать и забытьё
души средь жизни оголтелой.
А ржавой фальши остриё —
как гвоздь, что вбит в Христово тело.

КЛАССИЦИСТ

Прощай, эпоха сантиментов,
чувствительных интеллигентов,
способных плакать над строкой.
Теперь крутые москвиты,
и холодны, и деловиты,
творят свой бизнес день-деньской.
Им не до слез и не до шуток,
их прагматический рассудок
нацелен в область барыша.
Век — в беготне, скороговорках...
А на залузганных задворках
ютится брeнная душа.
Лишь я, романтик вдохновенный,
стучась в бесчувственные стены,
дурацкий расшибаю лоб.
Среди лихого постмодерна
и впрямь я выгляжу, наверно,
как ретроград и остолоп.
Над прахом попранного духа
царит житуха-нескладуха
в извечном поиске монет.
Кому благоволит удача,

имеет баксы, тачку, дачу...
И только Бога, Бога нет!
Среди трагического мира
не знаю высшего кумира,
чем царскосельский лицеист.
Но от тусовок в отдаленье
бросают мне, как оскорбленье:
«Да ты, дружище, классицист!»
Нет, классицист — не значит классик,
но этот титул душу красит.
И пусть я нынче нищ и гол,
я — чувств возвышенных наследник,
и, может быть, я из последних,
в ком жив классический глагол!

МАСТЕР-КЛАСС

Северянинским ананасом,
хлебом с хлебниковской руки
и есенинским ассонансом
насыщал я свои стихи.
Всё цветаевское дикарство,
мандельштамовское клише
и кирсановское штукарство
примерял я к своей душе.
И портачил я, и ишачил,
гумелёвил и пастерначил,
чичибабил даже чуть-чуть.
С переимчивой ноты начал,
но себя я переиначил —
и нашёл свой особый путь!
От мычаний, рычаний, ржаний,
веря Голосу и Судьбе,
от ребяческих подражаний
я пришёл к самому себе.
И из песен-незавершёнок,

то наивных, то отрешённых,
на виду изумленных рож —
из поношенных распашонок
вырос, выпростался Вальшонок,
тот, что сам на себя похож!

Я — ПОЛЕ БОЛИ!
(триптих)

1.

Жесток и мнителен, как Цезарь,
не первый день, не первый год
во мне живет незримый цензор
и строки лучшие сечет.

Он в покровители рядится,
моим пеняющий добром.
И мысли, не успев родиться,
мертвеют под его пером.
Он озарения, как скверну,
жжет, не скрывая торжество.
О совесть! Помоги мне свергнуть
в груди тирана моего...

2.

Я — поле брани, я — поле дряни,
что так искусно в меня внедряли,
внушая догмы и постулаты,
что величавы и туповаты.
Я — поле битвы, я — поле бритвы,
прижатой к горлу в момент молитвы.
Но уберите от горла руки,
чтобы свободно исторгло звуки.
Я — поле боя, я — поле боли,
меня топтали, меня мололи,

но жив остался под жерновами,
и потому я — сегодня с вами!
Быть полем схваток мне так обрыдло,
быть надоело рабом и быдлом.
Хочу быть просто зеленым полем
любви и света, добра и воли.

3.

Мученики слова, страстотерпцы,
все мы так от жизни далеки.
Как ребенка, пестуем под сердцем
веще младенчество строки.

Ощувив интимность как глобальность,
в мощь глагола веруем всерьез,
превращая в зримую реальность
смутные виденья наших грез.

С яростью наивных Дон Кихотов
воздевая копья и щиты,
заразить надеемся кого-то
пламенем любви и доброты.

Что толпе до Божеского света?
Что для повседневности — века?
И зеваки смотрят на поэта,
как на городского дурачка.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Теней и бликов смутных битва
багрит закатный материк.
Моя вечерняя молитва
похожа на беззвучный крик.
В слезах, без позы и без грима,

стою, отверженная голь.
Жестока и неутолима
в груди клокочущая боль.
Перед эпохой, злой и жгучей,
с ее срамной неправотой,
как Достоевский, бьюсь в падучей,
бунтую гневно, как Толстой.
Когда сердца гнетёт разруха,
спит царство Божие внутри.
О, где вы, трубадуры духа,
провидцы и поводыри?
С восходом, душу не гнетущим,
я верил радужной судьбе.
Огни надежд на день грядущий
мерцали в утренней мольбе.
Но перед призраками ночи,
где тьма беззвездная окрест,
слова тревожней и короче,
и все надсадней жизни крест.
Мятежный шепот, в храме рея,
едва колеблет тишину.
Я не виню чумное время,
но сам за все себя кляню.
В миру корыстном и убогом,
где ум и совесть не в чести,
я прикипаю к лику Бога,
чтоб душу грешную спасти.
Меня трясет, как малярия,
разгул бесстыдства наяву.
Скоропослушницу Марию
губами терпкими зову.
Прошу у выси светлоокой
не славы и не серебра, —
лишь участи не одинокой
да мудрой дерзости пера.

Но, бесам ночи окаянной
ища святой противовес,
смогу ли болью покаянной
я докричатся до небес?..

МЫ — ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Да, мы — шестидесятники,
надежды переброд,
прорабы и десятники
очнувшихся свобод.
Поэты, математики,
толкавшие прогресс.
Очкарики, романтики,
метатели словес.
Растили бунт на кухне мы,
крушители химер.
Увы, они не рухнули
от наших полумер.
Нас охватила оторопь
и нас подмяла власть,
когда святая «оттепель»
на взлете пресеклась.
За наши неумения,
за то, что нрав обмяк,
швыряет в нас камения
бедовый молодняк.
Так, по Господней милости
подросшие, щенки
вонзают в грудь кормилицы
окрепшие клыки.
Мы шли, чтоб стать мессиями,
не потеряв лица,
да только не осилили
работу до конца.

Сломить шестидесятники
 эпоху не смогли.
 Грядущего десантники,
 подбитые с земли.

В ЗАЩИТУ БАРДА

Не знаю я, кто это выдумал,
 фанатик или лиходея —
 лепить непогрешимых идолов
 из грешных, путаных людей.
 Певца вчерашние гонители
 сегодня делают святым.
 А ведь ему в земной обители
 противен был кадильный дым.
 От поздних славословий сладостных
 унылый гул стоит в ушах.
 Увы, от наделенья святостью
 до святотатства — только шаг.
 Когда иконами разменными
 навешен бард на все углы,
 пыл поклонения безмерного —
 лишь продолжение хулы.
 О, эти копии несметные!
 Не отразит людской любви
 обронзовение посмертное
 Судьбы на хрипе и крови.

КОЛОКОЛЬЧИКИ БУЛАТА

Я побывал на даче Окуджавы.
 Ввела меня из нервной маеты
 калитка в листьях,
 бронзовых и ржавых,
 в пространство аскетичной чистоты.
 Там с потолка, вися на тонких нитях,

высокой тайне вторят бубенцы.
Звоните, мои милые, звоните,
скитальцы, правдолюбцы, мудрецы!
О, сколько вас, святых и окаянных,
подаренных хорошими людьми,
фарфоровых, железных, деревянных,
лепечущих о горечи любви.
И, глядя в мир, что зелен и игольчат,
внимая вашим трепетам, Булат
уверен был, что каждый колокольчик
таит в себе младенческий набат.

Как трудно вам, смиренникам, страдальцам,
великую разлуку выносить!
Без нежности родных хозяйских пальцев
так хочется роптать и голосить.
Статичность фотографий поминальных
страстей провидца не отобразит.
В ухоженных вещах мемориальных
приглаженность какая-то сквозит.
Дом — сирота, и грусть его безмерна.
Всё есть: очки, тетрадь, карандаши...
Жилая обстановка достоверна.
И только нет трагической души.
За резкое признание извините,
не смею нарушать музейный лад.
Звоните, колокольчики, звоните!
Быть может, и откликнется Булат...

ТРИ БОРИСА

Грустные ромашки,
хвощ да лопухи.
Тяпнем по рюмашке,
заведем стихи.

В тайне полумрака
здесь, за гаражом,
свечку Пастернака
мысленно зажжём.

И скорбящий Слуцкий,
как родных людей,
помянёт по-русски
рыжих лошадей.

Чичибабин, взором
прост и не мастит,
горстью помидоров
красных угостит.

Клевер да сурепка,
плющ да лебеда.
Век стегал их крепко,
дар секла беда.

Тот сдыхал в опале,
этот гнил в тюрьме.
Цензоры не спали,
бдел стукач во тьме.

В мире барбарисов,
хмеля да крапив
судьбы трех Борисов
горькой окропим.

И читать до третьих
будем петухов.
Можно ль жить на свете
без таких стихов?..

* * *

Даруй мне, время, мудрость немоты,
чтоб не утратить голоса былого
в поспешности и суетности слова,
озвучившего призраки тщеты.
Как будто нам язык щекочет бес,
поэты все — немного краснобаи.
И речь изнемогает, погибая
в пучине необузданных словес.
О, эта разговорчивая прыть!
В ней — парадокс, отрадный для сатрапов,
когда страшнее всех цензурных кляпов
безбрежная свобода говорить.

Даруй мне, время, мудрость немоты,
чтоб накопить в душе неизреченность.
Маячит в суесловье обречённость
духовности, любви и красоты.
Там, где сиял российской речи храм,
возвышенные фрески и детали
лихие словоблуды заболтали
и музыку преобразили в хлам.
Так пусть же храм, обугленный дотла,
восстанет вновь, прекрасен и спокоен,
всей мощью куполов и колоколен,
и запоят его колокола!..
Сквозь пытку бессловесной черноты
пусть мысль, как из бессвязного мычанья,
нам явит Слово — детище молчанья.
Даруй мне, время, мудрость немоты.

БЕСЦЕНЗУРНОЕ ВРЕМЯ

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,

И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.
Велимир Хлебников

Кричали: Погибла культура
от злого всевластья чинуш,
и давит лихая цензура
прозрения праведных душ!
Вопили: Тупые генсеки,
лелея свой хиленький культ,
безжалостно, как дровосеки,
таланты под корень секут!
Но ветер мятежного века
смял тяжесть огульных угроз.
Ни цензоров нет, ни генсеков,
ни сонмищ обкомовских бонз.
Но где ж вы, творцы и пророки,
где новых времен златоуст?
Где звёздные мысли и строки
из вещей провидческих уст?
Нагая явилась Свобода,
но в мир не пришла благодать:
печальны культурные всходы,
шедевров пока не видать!
Следы бездуховной пустыни
мешают свободно творить.
Увы, не умеем поныне
мы с небом на ты говорить!

НОСТАЛЬГИЯ ПО СТАЛИНУ

Вас жжёт тоска по Сталину
с казарменным покоем,
с порядочком, поставленным
железною рукою.

Вам не хватает Цезаря,
что всё решает сверху,
и бдительного цензора,
чтоб души сдать на сверку.

Вы истерично плачете
по дням с тотальным сыском,
по росписи палаческой
в конце расстрельных списков.

Тоскуете по качеству
юстиции разгульной,
повальному стукачеству
и клевете огульной.

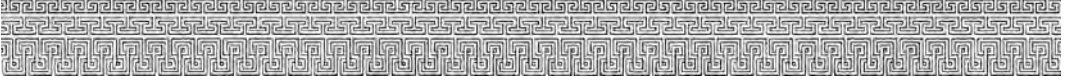
По рвению соловецкому
энкавэдэшной банды,
по запаху мертвецкому
гулаговской баланды.

Вы славите торжественно
вождя, прощая беды,
забыв, какими жертвами
оплачена Победа.

Мечтаете за чарками,
свободный дух охаяв,
вы о стране с овчарками
и сворой вертухаев.

Уводит время в сторону
от ужаса сквозного,
где тени «чёрных воронов»
и крик звонка дверного.

Но дышит твердь росистая
недавней катастрофой,
прослывшей всероссийскою
кромешною Голгофой.

Нет, племя бездуховное
не слышит опыт века.
Беспамятство греховное
затмило стоны зэков.

Страсть рабства осязаема,
и вознесён рабами
мираж — сапог Хозяина,
чтоб к ним припасть губами.

Неужто вы соскучились
по первобытным страхам,
по праву в яме скученной
истлеть безвестным прахом?..

Наталья КРАВЧЕНКО родилась и живёт в Саратове. Филолог, член Союза журналистов, работала корреспондентом ГТРК, социологом, редактором частного издательства. Читает публичные лекции о поэзии разных стран и эпох. Автор 18 книг стихов, литературных эссе и критических статей.

Публиковалась в журналах и литературных альманахах «Саратов литературный», «Эдита», «Русское литературное эхо», «Сура», «Параллели», «RELGA», «Новый свет», «Фабрика литературы», «Порт-фолио», «Артикль», «Эрфольг», «45-я параллель», «Семь искусств», «Лексикон», «Золотое руно», «Гостиная», «Подлинник», «День и ночь».

Лауреат 13-го Международного конкурса поэзии «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, 2 место). Финалист 5-го Международного конкурса поэзии им. Владимира Добина (Ашдод-Израиль). Лауреат Международных поэтических конкурсов «Серебряный стрелец», «Цветаяевская осень», «45 калибр», «Эмигрантская лира-2013/2014», конкурса имени Игоря Царёва «Пятая стихия», конкурса имени Дюка де Ришелье (Серебряный Дюк), международного конкурса «Серебряный голубь России 2016» (Санкт-Петербург, 4 премия), финалист и дипломант межобластного конкурса поэзии «Чем жива душа...» (Ярославль, 2016), международного литературного конкурса «Родной дом» (Минск, 2016), лауреат литературной премии «Свой вариант» (Луганск, 2016).

НА ДНЕ РОЖДЕНИЯ СЧАСТЬЯ И ПЕЧАЛИ

На дне рождения, на самом дне,
когда покинут все, кто были с нами,
нередко остаёмся мы одне
наедине с несбывшимися снами.

Идём, куда, не зная, налегке,
и, получив за жизнь привычно неуд,
глазами что-то ищем вдалеке,
закинув в небо свой дырявый невод.

И там, витая в голубом ничто,
утратив всё, чего ты так алкала,
вдруг понимаешь: истина — не то,
что плещет на поверхности бокала.

На расстоянье зорче нам видней.
Любовь ценней в конце, а не в начале,
как всё, что затаилось в глубине,
на дне рожденья счастья и печали.

О, счастье жить и знать, что не одна,
что мне дано без слёз и без истерик
русалкой подхватить тебя со дна
и вынести на безопасный берег.

И там, с тобой одним наедине,
плести свой день из небыли и были
и постигать, что истина на дне,
на дне того, что мы захлёб любили.

* * *

Февраль! Чернил уже не надо,
когда есть вилы для воды.
Писать сонеты иль сонаты,
в сердцах растапливая льды.

Бумаге жизнь передоверив,
смотреть, как гаснут фонари,
в чужие не стучаться двери,
познав, что выход — изнутри.

Когда ж сойдёт на нет удача,
побив все карты до одной,
и вековая недостача
преобразится в вечный ноль,

когда все маски и личины
оскал покажут бытия —
и в минусовых величинах
надежда выживет моя.

Но даже там где нет надежды —
моя любовь тебя спасёт.
Где утешенье безутешно,
она одна осилит всё.

* * *

Хоть всё, что есть, поставь на кон,
все нити жизни свей,
но не перехитрить закон
тебе вовек, Орфей.

Деревьев-церберов конвой
не проведёт туда,
и профиль лунный восковой
в ответ — ни нет, ни да.

Рассвет поднимет белый флаг
как знак, что всё, он пас,
чтоб Тот, кто вечен и всеблаг,
не мучил больше нас.

* * *

Мёртвый голубь под моим балконом,
ветка вяза, бившая в окно...
О себе напомнило уколом
что-то позабытое давно.

Выхожу из дома, как из комы,
и брожу, рисунок дня лепя.
Я с собою будто незнакома.
Я так мало знаю про себя.

Всё носила, как цветок в петлице,
на губах заветное словцо.
Так оно хотело в мир излиться,
даже проступало сквозь лицо.

То ли ангел райский, то ли кондор
душу нёс в объятиях, когтя,
в небесах очерчивая контур,
за которым всё, что до тебя.

Если бы когтями было можно
в прошлое вцепиться посильней
и втащить сюда его безбожно,
вырвав из кладбищенских камней!

Что-то мне привиделось сегодня.
Что-то засветилось над травой.
О судьба, бессмысленная сводня!
Мёртвый голубь, ангел неживой.

Но сквозь все запреты и потери
я в ночи твой облик сторожу
и держу распахнутыми двери,
окна все раскрытыми держу.

И поскольку ты во мне отныне
так сияешь радугой в тиши,
я должна лелеять как святыню
оболочку тела и души.

* * *

С мелиссой чай заваривай, настаивай,
мели, о чём твоей душе угодно,
но на своём особо не настаивай,
жизнь отпусти, пускай течёт свободно.

Чай разливай из треснувшего носика,
стараясь быть уместной и любезной,
и струйка — вроде крошечного тросика,
что держит над невидимую бездной...

* * *

Весна ещё совсем слаба,
нетвёрдые шажки.
Трещит по швам моя судьба,
расходятся стежки.

Окно открою поутру
и слышу, не дыша,
как сжалась на ночном ветру
продрогшая душа.

Пойми меня, как зверя зверь,
как мать своё дитя,
и целиком себя доверь,
навек, не шутя.

Люблю тебя в мерцанье бра,
в обличии любом.
Нет завтра, нынче и вчера,
есть вечность в голубом.

Коснись рукой горячей лба,
прижми к своей груди.
Весна уже не так слаба.
И лето впереди.

* * *

До рассвета порою не спим,
нашу жизнь доедаем на кухне,
вечерком на балконе стоим,
пока старый фонарь не потухнет.

Позабыты борьба и гульба,
бремя планов и страхов дурацких.
Столько лет не меняет судьба
ни сценария, ни декораций.

Но всё так же играем спектакль
для кого-то в себе дорогого.
Тихо ходики шепчут: тик-так...
Да, вот так, и не надо другого.

До конца свою роль доведя,
улыбаться, шутить, целоваться,
и уйти под шептанье дождя,
как под гул благодарных овец.

* * *

Друзей, которых нет уже нигде —
гашу следы, стираю отпечатки.
И привыкаю к этой пустоте,
как к темноте на лестничной площадке.

Дороги развивается клубок.
Уверенно вслепую ставлю ногу.
Я будущее знаю назубок —
оно короче прошлого намного.

Мой сквер, я столько по тебе хожу,
тебя как книгу старую листая,
что, кажется, тебе принадлежу
частицей человечье-птичьей стаи.

Присаживаюсь на твою скамью,
твоею укрываюсь пышной кроной.
Давно меня здесь держат за свою
деревья, клумбы, дворники, вороны.

Людей роднят метели и дожди.
Как беззащитны слипшиеся прядки.
Прохожий, незнакомец, подожди!
Как дети, мы с собой играем в прятки.

Но представляю выраженье лиц,
когда бы то в реальности скажи я.
Как зыбки очертания границ
меж теми, кто свои и кто чужие.

* * *

Гляжу в окна распахнутое око,
а между рам колотится оса.
И выход близок — форточка под боком,
но недоступны глупой небеса.

Вот так и я с безумием де Сада
бьюсь головой, не ведая пути,
а Бог со стороны глядит с досадой:
ну вот же выход, дурочка, лети!

Большое видится на расстоянье.
Вблизи ты неразумен, как дитя.
Мы тратим жизнь на противостоянье,
а ларчик открывается шутя.

* * *

Жизнь без быта, со множеством «без» —
без удачи, добычи, улова.
Отделяет её от небес
волосок или честное слово.

Было счастьем, звездой, мечтой,
стало участью, жребием, роком.
Млечный путь по дороге ночной —
указатель в пути одиноком.

Но ценить и беречь, словно крохи,
то, что тянет нас вниз, а не ввысь:
и малейший цветок у дороги,
и любую весёлую мысль.

Если холодно в небе бесстрастном
и дорога ослепла от слёз —
не чурайся того, что прекрасно
по-земному, легко, не всерьёз.

Как чудесны простые напевы,
золотистый струящийся мёд...
Пусть Лилит не стесняется Евы,
а Татьяна и Ольгу поймёт.

Если звёздного шифра не видно —
опускайте глаза свои вниз.
Это лёгкий такой, безобидный,
безопасный с собой компромисс.

* * *

Не бояться зеркал и своих запоздалых прозрений,
отцеплять от себя якоря и чужие клише.
И уверенно «нет» говорить, не скрывая презренья,
и свободное «да» не таить в отворённой душе.

Пусть струится весна, унося, как щепу, в самотёке.
Пусть холодная осень не сводит безжалостных глаз.
Всюду жизнь, даже в самой тоскливой глухой безнадёге.
Надо лишь не мертветь, пока что-нибудь теплится в нас.

Сохранить то тепло за душой, распихать по карманам,
прислониться к единственным в мире плечам и губам,
и питаться как манной бесхитростным самообманом,
предпочтя его правде, свободе и вольным хлебам.

* * *

Любовь — не когда прожигает огнём, —
когда проживают подолгу вдвоём,
когда унимается то, что трясло,
когда понимается всё с полусло...

Любовь — когда тапочки, чай и очки,
когда близко-близко родные зрачки.
Когда не срывают одежд, не крадут —
во сне укрывают теплей от простуд.

Когда замечаешь: белеет висок,
когда оставляешь получше кусок,
когда не стенанья, не розы к ногам,
а ловишь дыханье в ночи по губам.

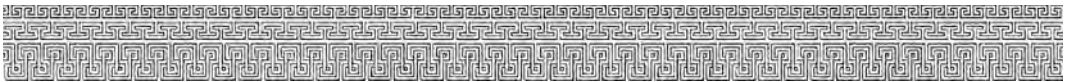
Любовь — когда нету ни дня, чтобы врозь,
когда прорастаешь друг в друга насквозь,
когда словно слиты в один монолит,
и больно, когда у другого болит.

* * *

Твой бедный разум, неподвластный фразам,
напоминает жаркий и бессвязный
тот бред, что ты шептал мне по ночам,
когда мы были молоды, безумны,
и страсти огнедышащий везувий
объятыя наши грешные венчал.

Во мне ты видишь маму или дочку,
и каждый день — подарок и отсрочка,
но мы теперь — навеки визави,
я не уйду, я буду близко, тесно,
я дочь твоя, и мать, сестра, невеста,
зови, как хочешь, лишь зови, зови.

Вот он, край света, на который я бы
шла за тобой по ямам и ухабам,
преграды прорывая и слои,
вот он — край света, что сошёлся клином
на взгляде и на голосе едином,
на слабых пальцах, держащих мои.

А дальше — тьма, безмолвие и амок...
Мне душен этот безвоздушный замок,
и страшен взгляд, не видящий меня,
но я его дыханьем отопрею,
ты крепче обними меня за шею,
я вынесу и всё преодолею,
так, как детей выносят из огня.

* * *

Мир, оставь меня в покое!
Я — отрезанный ломоть,
но не дам себя легко я
молоху перемолоть.

Как лицо твоё убого,
руки жадные в крови,
купола, где нету Бога,
и дома, где нет любви,

где законы волчьего рынка,
сгинь, отринь меня, гуляй!
Только ты, моя кровинка,
не покинь, не оставляй.

Перед смертью мы как дети,
страшно ночью одному.
Нужен кто-то, чтоб приветил,
обнял, не пустил во тьму.

У меня в душе такое —
без тебя не потяну.
Не оставь меня в покое,
не оставь меня одну.

* * *

На чёрный день копила радость
в надежде, что ещё не он,
что есть ещё чернее гадость,
которая возьмёт в полон,

а этот — временной полоской
уйдёт, дав ночи полчаса,
как пуля, не затронув мозга,
как туча, прячась в небеса.

Ещё не он, ещё не скоро,
и всё на чёрный день коплю
крупинки слов, и крохи спора,
и каплю сладкого «люблю».

Когда же он придёт однажды —
тот свет, накопленный в углу,
сверкнув улыбкою отважной,
испепелит любую мглу.

* * *

Помнишь, как мы пошли с тобой в то воскресенье осеннее в Липки?
Старых лип там уж нету почти, ну а новые — низки и хлипки.

Помнишь, ели мороженое, рифму искали к орешкам кешью.
И её подсказало над деревом небо синеющей брешью.

Шли по Взвозу мы к Волге, зашла я в бывший отцовский дворик,
где листва всё пышнее, а запах каштанов горяч и горек.

А у самой беседки застали свадьбу: невесты, платья.
Крики «горько», лобзання, хмельные объятия, все люди братья.

«Офигительная!» — орал тамада за большие деньги.
«Сногшибательная!» — вторил ему, надрываясь, поделник.

Лоскутками цветными обвешан был памятник «всем влюблённым»,
что глядели из вороха тряпок озлобленно, оскорблённо.

Словно знали, что их прозвали в народе: «двум педерастам».
Да, вот так этот мир и построен, где всё на контрастах.

Шли и шли мы по Набережной под пьяные свадьбины вопли.
Начал дождик накрапывать, и мы ненадолго промокли.

Пустовали кафе, и лежали бомжи, как на лаврах, на лавках.
О театр абсурда, весь мир подшофе, нестареющий Кафка!

Нас укрыли зонты от дождя, а быть может, от божьего рока.
Ах, веди нас, дорога, веди, доведи до родного порога!

Поскорей бы согреться, и чаю поставить, и хлеба, и сала...
Моё глупое сердце, ответь, для чего и кому я всё это писала?

Просто — всем невдомёк: наша жизнь — мотылёк, ветерка дуновенье.
Просто — этот денёк захотелось спасти, уберечь от забвенья...

* * *

Перед зеркалом красуюсь,
От тебя я слышу: «Рубенс!»

Огорчилась: неужель?
А мне мнилось — Рафаэль!

Вот истаю, словно воск, —
Будет Брейгель или Босх!

* * *

Поскрипывает мебель по ночам.
Судьбы постскриптум...
Как будто ангел где-то у плеча
настроит скрипку...

Как будто лодка с вёслами сквозь сон
по водной зыби...
Тьма горяча, смешай коктейль времён
и тихо выпей.

И выплыви к далёким берегам
из плена тлена...
Сам Сатана не брат нам будет там,
Стикс по колено.

Скрипач на крыше заставляет быть,
взяв нотой выше.
Ведь что такое, в сущности, любить?
Лишь способ выжить.

* * *

Жизнь моя дремлет, и сладкие сны
ей навевают остатки весны.

Пусть мне уже не послушен реал,
но как воздушен ночной сериал...

Вот загорается в небе звезда,
приоткрывается дверь в навсегда...

Кружатся лица, как листья в лесу.
Сколько любви я с собой унесу...

Нежности кружево, сны наяву...
Что б вы так жили, как я не живу.

* * *

А счастье — это как журавль,
что скрылся вдаль за облаками,
как поднебесный дирижабль,
как то, чего нельзя руками.

Проснуться, утро торопя,
спешить в леса, сады и парки,
чтоб скрыться от самой себя,
спастись от вездесущей Парки.

Окно и двери распахну,
накину старенькое пончо.
Когда же, боже, жить начну?
Наверное, когда закончу.

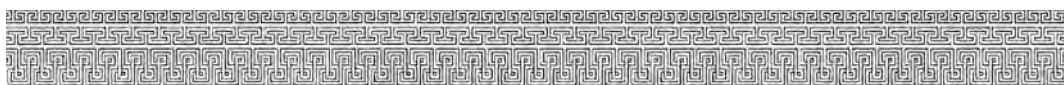
* * *

Я у Творца просила без конца
хоть отблеска любимого лица,
край облака подняв, как одеяло.
Летит листва сквозь миллионы лет,
и каждый лист — как пропуск, как билет
туда, где жизнь любовью одеяла.

Но небеса, налитые свинцом,
нам адреса любимых мертвецов
не выдают сквозь сумрачную млечность.
С течением дней я делаюсь одной,
и с каждым днём мне ближе и родней
твоя недостижимая вечность.

Я вижу руку с родинками звёзд,
я в бездну перекидываю мост,
и образ твой оплакан и обласкан.
Что не убило — не убьёт уже,

хоть постоянно видится душе
блаженный сон смертельного соблазна.

Минует всё, в далёкое маня.
Всё соткано из праха и огня,
всё будущей подёрнуто золою.
Грядущее, в сегодня обратясь,
назавтра с ним утрачивает связь,
и живо только милое бывшее.

Течёт сквозь пальцы времени вода.
В огромное, как небо, никогда
я боль свою как птицу отпустила.
Любовь земная, старый мой дружок,
в груди горячий розовый кружок,
сдвигает с места солнце и светила.

Валерий ЛЕБЕДИНСКИЙ родился в 1940 году в городе Кременчуг Полтавской области. Окончил два факультета Одесского государственного университета имени Мечникова: юридический (1965) и исторический (1971). Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России. Автор девяти книг, лауреат литературных премий, главный редактор международного литературного альманаха «Муза».

В РАЗДУМЬЯХ, В ДНИ МОИХ ПОЕЗДОК...

Забываю литовские фрески,
Грандиозность костёлов твоих,
Так зачем же такие поездки,
Если мало осталось от них?

Нет, затем, что они уже сами,
В дни и ночи, когда я в них был,
Разжигали в душе моей пламя,
Поэтически огненный пыл...

* * *

На улице Чюрлёниса,
На месте старых вилл,
Закат ещё червонится,
Но солнце в небе скрыл.

А я иду по Вильнюсу
В преддверье новых встреч,
Как вдруг из ножен вынул
Кровавых молний меч.

Закат ещё картинится,
Цвета — как на лугу,
А я спешу в гостиницу,
По улице бегу.

Вот здесь, в краю Чюрлёниса,
Гнездо себе я свил,
А день к исходу клонится
В тени старинных вилл...

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА В ТБИЛИСИ

В ушах стоят как наваждение
Слова, которые корили:

— Вы потеряли наслаждение,
Не прочитав Бараташвили.

Студентка юная тбилисская
(Я помню даже строгость голоса),
Она назвала мне
ей близкие
Стихи любимого Николоза.

Коджорским ветром строк оваянная,
Сев на коня его — Мерани,
Она, должно быть, в те мгновения
Жила в его далёкой рани.

Горы Мтацминды насаждения
С ней вместе как бы говорили:
«Вы потеряли наслаждение,
Не прочитав Бараташвили».

Так, волшебством его пленённая,
С лицом, слегка покрытым пудрой,

Она — совсем ещё зелёная —
Казалась в ту минуту мудрой.

Стыдом кололо отчуждение
От их холмов и древних шпилей:

— Вы потеряли наслаждение,
Не прочитав Бараташвили.

Ну, что ж, свой мир вы сами сузили
Без романтических строк лазури,
Не покидайте только Грузии,
Не слыша струн его чонгури.

Не ощутив рукой ни колоса
Его пленяющих соцветий,
Не вычлняя мир Николоза
Из всех грузинских лихолетий...

* * *

Четыре пятых Средней Азии
Успел объехать всё же я.
Да где уж только мы ни лазили,
Постигнув краткость бытия.

И пусть мой путь меня выматывал,
Но в годы разные влекла
Земля Джамбула и Айтматова,
Кому особая хвала.

Там под зурны напевы грустные,
Пленясь гордой высотой,
Я восходил на пик искусственный
Над прошлых лет Алма-Атой.

Я пролетал над Кара-Кумами,
В Чарджоу рвался к Сыр-Дарье,
И, полон весь благими думами,
Писал в отеле на жаре.

Я постигал в музеях Азию,
В картинных залах галерей.
Душа влекла к разнообразию
Дверных орнаментов дверей.

И Верещагин с гордым вызовом
С полей являлся боевых,
Ещё вино я пил с киргизами,
Переводил узбекский стих...

И всё же...
В книгах поэтических,
Быть может, только до поры,
Нет у меня
Её Величества —
Жестоко правящей жары.

Нет азиатских рек с арыками,
Нет всюду высившихся гор,
Нет той земли с её **великими**,
О чём отдельный разговор...

* * *

— Ах, что вы, мой гид, говорили
О диких законах тайги,
Где жутко в глуби, как в могиле,
А ночью не видно ни зги!

На Лене, Витиме, Вилюе,
На хмуром, седом Иртыше

Тайга слабовольных не любит,
Тайга своевольна в душе.

В тайге ли, поодаль — на трассе,
Явилось давно и не вдруг:
Идущий навстречу опасен,
Идущий навстречу — не друг.

И будь он могучего вида,
Так ты ли в ответ не хитёр?
Тут гасла улыбка у гида,
Язык становился остёр.

— Энергию — словно бы в стремя,
Бежать — твою мать! — не моги,
Почти как в ушедшее время
Совсем уже дикой тайги.

Почти как тогда, как на тропах
Идущий был дерзок и крут.
Смотри же, момент не прохлопай
Ответственных в жизни минут.

Ножом, топором ли, кастетом
Ударь его первым, не жди!
Весною грядущей скелеты
Смывали ветра и дожди.

А что же, по-вашему, нонче, —
Зрачки свои сузил мой гид. —
Тайга не воспитана тонче,
Тайга укусить норовит.

И так вот разбой как угроза
Забрался под кожу Руси,

А тут — и всегда-то угроза,
Тут сам ты себя и спаси.

ЯМЩИК НА ЛЕНЕ

Он сед, и каждая щека
Слегка запала.
Ну как не вспомнить ямщика
Во дни развала.

...Сменяла сани после зим
Колёс резина,
А он всё помнил, как возил
Серго, грузина.

Тот ссыльный, ох и волевой, —
Один из сильных.
(О, да, он помнил, ездовой,
Ту ярость ссыльных).

Он как бы жил
Былой порой,
Где Русь убога,
Он был раздумчив, ездовой —
Длинна дорога...

Он со двора, где глух забор,
Шёл к нам, туристам.
Он воскрешал того, кто скор,
Кто был неистов;

Кто отвергал собой застой,
Уж лучше — тризна!
На что ямщик, мужик простой,
А помнить призван

Ту ярость. Пламя. Тот накал.
Страстей горнило...
Ещё не мыслился развал
Всего, что было.

* * *

Отплыв от Малого Атлыма —
Деревни на холмистой Оби,
Я ощутил, как вновь нахлынул
Порыв, трепещущий в ознобе.

Наверно, быстрое течение
Плюс красота холмов Атлыма
Повинны в пламенном прочтенье
Обычных слов, плывущих мимо.

Так сколько нужно дней и красок,
Какие сёла, мели, рифы,
Чтобы, как будто из-под масок,
Вдруг извлекать простые рифмы?

Каких разящих впечатлений,
Поездок, плаваний, полётов,
Чтобы увидеть суть явлений
В каких-то новых поворотах?

Чтобы взошла, как при ознобе,
Температура в том порыве,
Когда обычный день на Оби
Уже летит, расправив крылья;

Когда в каком-нибудь Атлыме —
Глухом, безвестном и далёком —
Слова становятся литыми,
Пройдя под судорожным током.

И вот нежданно, внезапно,
Уже поодаль от селенья,
Тебя поднимут, словно залпом,
Твои дневные впечатленья.

Поток увиденного за день,
Чуть охлаждённого от зноя:
Береговых песчаных ссадин
В местах, где рухнувшая хвоя;

Подъёма с берега в кедровник
С крутыми спусками к оврагу, —
И мысль строй, пока не ровный,
Уже ложится на бумагу...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛОДКА

1.

Вдоль Северной, быстро текущей Двины
Так пишется в сумраках мглистых...
Вы были в дороге в меня влюблены,
Девчата из группы туристов.

По росту, манерам, ну словно на вкус,
Для вас не такой, как хотелось,
Я быстро, однако, в сверкании бус
Пошёл на привычную смелость.

Нет-нет, не подумайте, это не то,
И пошлость здесь вроде не к месту.
Я просто поэт. А поэт, как никто,
Талантом находит невесту.

Под сводами тоненьких псевдоколонн
Звучали чеканные строки...
Вы помните тот музыкальный салон
С восходом луны на востоке?

Тогда забывался мой маленький рост,
Какие-то, право, манеры,
И зря прорывались сквозь этот форпост
Достойные вас кавалеры.

Таких вот восторженных несколько дней
Когда не бывает у женщин!
Но стоит оставить красивых коней —
Порыв этот скажется меньше.

2.

Так вот, по прошествии суток пяти
Пошли соловецкие ели,
И остров открыл нам на долгом пути
Свои монастырские кельи.

И вышли мы в лодочный трудный поход
По тем соловецким озёрам...
Уж вот где не место — среди каверзных вод! —
Таким болтунам и позёрам.

Ну, право, в глуши отдалённых веков
Кой чёрт те каналы настроил!
Каскады петляли среди Соловков,
А было в той лодке нас трое.

Недолго поэту стихами цвести,
Где трудностей край непочатый, —
Я быстро устал против ветра грести,
И вёсла оставил девчатам.

Они довели нас до цели с трудом,
Пришла наша лодка последней,
И все их восторги пред этим судом
Уже представлялись как бредни.

И рост мой, и липкая вязкость манер
Открылись для них на привале,
И дни упоений, как тени химер,
В какой-то момент миновали...

3.

С тех пор при восторженной встрече стихов
Я вижу злосчастный аналог, —
Влюблённость девчат и... позор Соловков
При первом проходе каналов.

Постойте! Не надо мне рукоплескать,
Шептать упоённо: «Валерий!...»
А если — на вёсла? А если опять
Внезапно утрачу доверье?

В МУЗЕЕ ПРИРОДЫ

И горный хрусталь, и кристаллы пирита,
И золото в кварце из редких пород...
Брожу по музеям, далёким от быта,
Устав от вседневных тревог и забот.

Играют окраски, блестят переливы,
Просторно раздумьям о чём-то своём...
Нет, право, нелишни в делах перерывы,
Не зря от забот ускользаю в проём.

Вливаюсь, забывшись, в музейные залы,
Плыву по волне набегающих дум,
Где в мерном покое прозрачны кристаллы,
Где трепетно светел песок Кара-Кум...

...И снова — на выход. К тревогам, угрозам,
К удушью взлелеянной с детства мечты,
Где воздух надежды окован морозом,
Где правит крикливость пустой суеты.

Туда, где вблизи от покоя музея
Контрастно-кровавый бушует разбой.
Где мимо проходят, спокойно глаза,
Где заняты
Славой,
Речами,
Собой.

ГЛУБИННОЕ

...В глазах — привокзальные литеры,
Где Невский — лишь краем угла.
Тоска по культурному Питеру
Всю душу мою извела.

По редкой, особо ухоженной
Струе интеллекта в крови.
О, как ещё трепетны, Боже мой,
Голодные души Твои!..

* * *

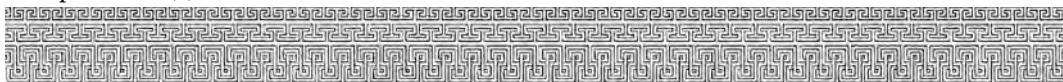
...Однако нет в моих стихах
Душе родного Ленинграда.
В охвате тем — и Фет, и Бах,
Чечня, и дальняя Канада.

В них — юных лет моих Херсон, —
Не спящей памяти услада,
Но где же крик, но где же стон
От боли в сердце — Ленинграда?

НЕСЕЗОН

Пред сном, видать,
На злате октября
Лениво так укладывалась Ялта.

Весь длинный берег встал на якоря,
Метались чайки в суматохе гвалта.

Покой и тишь пришли в кафе «Волна»,
В порту и том зевало равнодушие...
Испил, казалось, свой сезон до дна
Волшебный сгусток райских вод и суши.

* * *

Без Ялты так без Ялты,
Но нет, страдаешь год,
Чтоб в сердце засиял ты,
Предутренный восход.

Чтоб утром, где-то в восемь,
Идя в кафе «Волна»,
Я все заботы сбросил
С души своей сполна.

И вновь — на пляж, где строго
Купаюсь дважды в день.
Ах, Ялта, дар от Бога,
Его земная сень!

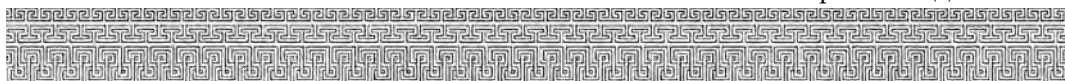
Без Ялты?
Вслед за маем
Душой уже я в ней,
Влекомый дивным раем
Её желанных дней...

* * *

Давно не знаю путешествий,
В раздумье с книгой не брожу.
Такой урон всегда существует:
Мой дар обязан багажу.

Глухой пробел я не покрою,
А бьёт он больно. И весьма.
В стихах — застой. И лишь порою —
Полёт изящного письма...

Валентин РЕЗНИК родился в 1938 году на станции Няндомо Архангельской области (в системе Каргопольлага). В 1943 году в Карлаге умерла его мать, Полина Григорьевна Резник. В 1989 году она была реабилитирована. В Москве Валентин Резник проживает с 1947 года. С 14 лет и до выхода на пенсию работал слесарем. Пишет стихи с 19 лет. Долгое время занимался в литобъединении при заводе им. Лихачева и в молодёжной студии Кирилла Ковальджи. Член Союза писателей Москвы. Автор четырех сборников стихов: «Возраст» (1982), «Бездорожье» (1998), «Стрелочник (2007), «Будни бытия» (2013). Печатался в «Литературной газете», «Комсомольской правде», «Московском комсомольце», газете «Труд», «Независимой газете», в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Юность», «Сельская молодежь», «Кольцо А», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Золотое руно» и др. Лауреат премии «Золотой Дельви́г» за 2014 год.

* * *

Сколько можно ностальгировать
По стране, что больше нет,
И в дискуссиях лавировать
Выводя её на свет
В рода разного обличиях,
Излучавшей свет и тьму?..
Всё равно её величия
Не оспорить никому.
Ну а то, что в бездну канула
Без особого труда,
То спросить бы надо с Каина,
Что народом был тогда.

* * *

Ларисе Миллер

Вроде бы и ценили,
Но всё чаще с годами
Мы для них только были
Отпущенья козлами.
Не скупилась на средства,
Чтобы сделать больней.
Родом я не из детства,
А из дела врачей.
Может быть, и некстати
И кому-то в укор,
Но в том белом халате
Я хожу до сих пор.

* * *

Я друг коренного народа
И по совместительству враг —
По воле рябого уroda,
Что мать мою бросил в Гулаг.
Я тот, кто, слюной отобедав,
В обносках с чужого плеча,
Единственный раз — в год победы —
Любил своего палача.
Но как не была бы терпима
Жестокая память о нём,
При звуках его псевдонима
Я тотчас мрачнею лицом.

* * *

Вся надежда на небо,
Коль земля подвела.
Эх, бескрылому мне бы

Заиметь бы крыла.
Может, я и не пара
Голубой вышине,
Но замашки Икара
Обитают во мне.
И откуда я знаю
Почему это так,
Почему я летаю —
Не взлетая никак?

* * *

В основном лишь себе в утешенье,
Чтобы память на нет не свести,
Сочиняешь ты стихотворенья
О своём непутёвом пути.
Где хватало и ям, и колдобин,
Где рябило в глазах от берёз,
Где ты был относительно добрым,
Молодым и наивным до слёз.
Об отваге, скорее застольной,
О бросающей в жар красоте,
Ну а главное — о добровольной,
Поразившей тебя слепоте.

ВЕСНА

И вот опять сверкающими днями
Как на дрожжах вздымается река,
И выпуклые, как на диораме,
Стоят в глубоком небе облака.
Сквозною синью березняк прополот.
Неузнаваем за неделю стал.
Вчера ещё несокрушимый холод
Сегодня покидает пьедестал.
Прощай, зима. Прости, что в душу вкралось
Скрываемое плохо торжество.

Прости, что не испытываю жалость
По поводу ухода твоего.

* * *

То ли нервы тому причина,
То ли возраст тому виной, —
Далеко не старый мужчина,
Полюбил я тишь и покой.
Выручай же, мама Природа,
Я к тебе возвращаюсь опять —
Подышать луговым кислородом,
Под нагретой сосной полежать.
Сбита с сердца забот колодка,
Тишина над землёй плывёт,
И куда-то божья коровка
По большому пальцу ползёт.

* * *

За этим письменным столом,
Не отрываясь от тетради,
Провёл ты под кривым углом
Всё лето, непонятно, ради
Чего? Каких таких идей,
Страстей, стремящихся на выход?
В прямом отрыве от дождей,
От пенья птиц и прочих выгод,
Что с летней связаны порой,
И что зимою будут сниться,
И не заменят ни одной
Тобою созданной страницы.

* * *

Не самое удачное из мест,
Где ты на свет изволил появиться,

Где получал ты за один присест,
Что выпадало, может, единицам.
В одном флаконе: ссылка и детдом,
И улочки ампирного Арбата,
И май над краснопресненским прудом
В расщелинах литейного заката.
И непередаваемая грусть
В душе, Бог знает, до чего дошедшей,
И блузку распирающая грудь
В ночную смену спящей военпредши.

2001 г.

* * *

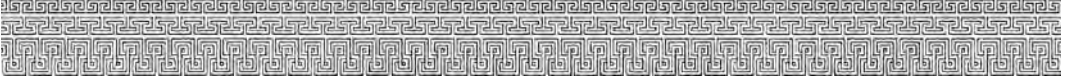
Я из тех, кто в толпе,
Кто ничем не отмечен, не признан,
И лишь только тебе
Я обязан судьбою и жизнью.
И пускай моя кровь
От твоей отличается крови,
Ты мой донор и кров
Безо всякого рода условий.
И когда я уйду,
Отороченный траурным крепом,
То за счастье почту
Стать твоими землёю и небом.

2003 г.

* * *

Снова мимо Бологого
Пролетаю в Ленинград.
В сторону гнезда чужого,
Что милей мне во сто крат,
Чем иные палестины,
Выселки и хутора.

Здесь петровские картины
Вас преследуют с утра —
В виде Мойки, в виде «Сада»,
В виде зелени густой.
Панорама Ленинграда
С петербургской красотой.

1994 г.

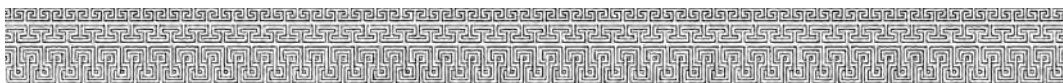
* * *

Умирают поэты
Среди белого дня,
На руках у планеты,
На глазах у меня.
Глухо падают комья,
Длится время беспечно.
Стали слишком знакомы мне
Тропы на Новодевичье...
Нет, не в лету вы канули —
В лето, в осени, в зимы,
И над вами веками
Убиваться России.

* * *

Не думать бы тебе об этом,
Не наносить печали грим,
Что так ты и не стол поэтом,
Хотя и назывался им.
Хотя и отщипнул от славы,
И отхлебнул её вина,
Но это больше для забавы
С очередного бодуна.
И пусть останется секретом,
Что вынес ты, судьбу губя.
И не с кого спросить за это,
И даже с самого себя.

* * *

Хотя не за горами
Печальнейший из дней, —
Душевный быт с годами
Становится прочней.
Настоянный на спорах
И на слиянии уст,
Он пребывает в шорах
Непреходящих чувств,
Он выглядит нелепо,
Смешно со стороны,
Но грозен, словно крепость,
В последний день войны.

1994 г.

* * *

Тебе и плакать-то нельзя,
Хотя б отчасти.
Уходят на тот свет друзья
По воле страсти.
По обстоятельствам таким,
Что только ахнешь.
И, одиночеством гоним,
Стоишь на вахте.
На вахте горя и беды,
И ожиданья.
И не кому подать воды,
Смягчить рыданье.

* * *

А может быть, замнём для ясности
Наш беспредметный разговор?
Тем более что ты в опасности
Себя считаешь до сих пор.

Хотя погода и ненастная,
Но всё ж не льёт как из ведра,
И далеко уже не красная
Стоит на улице пора.
Так что возможно при желании
Не только языком трепать,
А ты живёшь всё в ожидании
Того, чего не стоит ждать.

* * *

Тебя ценили и завлабы,
И гегемонная братва,
Поскольку ты стоял за слабых,
За проигравшихся дотла.
И пусть в поддатых потасовках
И на собраньях записных
Ты выступал не очень ловко,
Но всё же не был в запасных.
Нечасто резал правду-матку
И лез в открытую на нож,
Но всё ж в крови однажды майку
Домой украдкой принёс.

* * *

Я больше не могу,
Я лучше сгину
С лица земли,
Которую люблю.
Слепую злобу,
Как рубаху, скину
И все грехи
Чужие замолю.
Чужие, да.
А о своих — ни слова.
На свете нет

Таких монастырей,
Чтобы моя душа
Была готова
Перебеситься памятью своей.

* * *

Завершился бы жизненный бал
Менуэтом старинным.
Слишком долго я в жизни молчал
По различным причинам.
Никого не дано воскресить,
Ничего уже не переделать,
И не тянет ни пить, ни любить,
Как когда-то хотелось.
Только лютая жажда одна —
Всё поведать до точки,
А потом пусть родная страна
Забывает сыночка.

* * *

С.Д.Г.

Отправляюсь к чёрту на кулички
Навестить подругу юных дней,
Ту, что по своей чудной привычке
Вымещала доброту на мне,
Что со мной возилась, графоманом,
В книжный мир вводила не спеша,
Интеллектуальная душа,
Что была мне вроде атамана.
Гордость и краса всего факжура,
До сих пор он ей не по плечу.
Более полвека с этой «дурой»
Я счастливый жребий свой влачу.

* * *

А в жизни нет иного выхода,
Как только жить
И безрассудно и невыгодно
Её любить.
Любить за радость и за горечь,
За плач и смех.
Любить за медленность и скорость,
За жизнь и смерть.
И что её порочить проку,
Когда она
У каждого, и слава Богу,
Всего одна.

* * *

В ожидании лучших времён
Прожил он в суете торопливой,
В обожанье ушедших имён,
В поглощение газетного чтива,
При хоккейно-футбольных страстях,
И в пылу доминошных баталий,
В нескончаемых очередях,
Что длинней и безжалостней стали.
У него две войны за спиной,
Три семьи разорённых бедою,
И на лацкане — орден святой,
Именуемый красной звездой.

1984 г.

* * *

Навсегда оставленный друзьями,
Что ушли, удел свой отрубя,
Что ты смотришь грустными глазами
В зеркало на самого себя?

Созерцать своё изображение,
Поводя расчёской по губам, —
Далеко не лучший вид общенья
С теми, кто уже ни здесь, ни там...
Не осталось никого в помине,
С кем полжизни был накоротке.
Тут, глядишь, недолго, как на mine,
Подорваться на сплошной тоске.

* * *

Отражался в прудах и озёрах,
Разбирался в футболе и шах,
И досуг проводил в разговорах
Об интимного рода вещах.
Неохотно ходил на собранья,
Речи мимо ушей пропускал
И по случаю голосованья
Руку позже других подымал.
Плавал кролем и бегал трусцою,
И к начальству дорожку торил,
И не ведал грехов за собою,
Даже ведая то, что творил.

* * *

Наугад, наощупь, на авось
Он живёт и бродит где попало,
Честно говоря, несчастый гость
В наших замороченных кварталах.
Не какой-то там властитель дум,
Не очередной борец с властями,
Если и производил он шум,
То отнюдь не гневными речами
И не митинговой суетой,
Не советом: «Как благоустроить...»
Просто быть во всём самым собой,
Всё ещё чего-нибудь да стоит.

* * *

Рановато подводить итоги,
Поздновато начинать с нуля.
Всё ещё заботы и тревоги
Вынимают душу из меня.
Этот мир, в котором пребываю,
Эта жизнь, которой я живу,
Всё ещё прекрасным называю,
Всё ещё счастливою зову.
Козырьком ладонь ко лбу приставив,
Щурюсь на рассыпчатый снежок
И не в силах всё ещё представить,
Как я буду скоро одинок.

* * *

Не стоит заниматься самоедством
И душу постоянно обнажать.
Не лучшее на белом свете средство —
Таким приёмом совесть ублажать.
И что за прок в раскаиванье частом,
В словах, берущих сердце на испуг?
Не слишком ли сомнительное счастье,
Когда тебя жалеют все вокруг?
И как бы ни был ты порой наивен,
Какой бы ни закатывал скандал,
Ты всё же сам в своих грехах повинен,
И даже в тех, что ты не совершал.

* * *

Не делай вид, что всё тебе до лампочки,
Что всё тебе на свете трин-трава.
Ещё не время прозябать на лавочке
И бормотать бессвязные слова.
Ещё рука не затекла от посоха,

И плоть ещё годится для того,
Чтоб вздрагивать от ливневого шороха
И наслаждаться свежестью его.
И не трястись от страха и от скупости,
Не отрекаться от чужой вины,
И совершать такого рода глупости,
Которым нет и не было цены.

* * *

И вдруг махну на всё рукою —
На быт, на книги, на семью —
И только дочь возьму с собою,
Козетту вечную мою.
И ни жене, ни государству
На воспитанье не отдам,
И буду сам поить лекарством,
Стирать и стряпать буду сам.
Её носочки и платочки
Как сувениры берегу.
Семнадцать дней живу без дочки.
И сколько так ещё смогу?

* * *

Я думал о тебе и в майскую поездку —
В старинный городок, похожий на мечту.
И сердцу вопреки, и разуму в отместку
Под всем, что пережил, я подводил черту.
Вещал экскурсовод о княжеских раздорах,
О происках врагов и доблести друзей,
А я предполагал, что ты уедешь скоро,
И я освобожусь от магии твоей.
И снова заживу привычной суетою,
И белкой в колесе забегая опять,
И только, как назло, —

Наедине с собою
Я буду о тебе внезапно вспоминать.

* * *

Пили Рислинг в кафе на Бронной,
Зябли на Патриаршем пруду,
«И катилась вниз по наклонной»
У всяя Москвы на виду.
Засекали нас сослуживцы,
«Заставали» соседи нас,
Всех мастей и рангов ревнивцы
С наших лиц не сводили глаз.
Но отведав счастливого страха —
Свой «позор» подтверждали вновь.
Как стрельцы всходили на плаху,
Так всходили мы на любовь.

* * *

Я служу под твоим началом,
Обречённый тебя беречь,
Поправлять на тебе одеяло,
Что всё время сползает с плеч.
Обращать вниманье на дочь,
Помогать тебе по хозяйству, —
Правда, тут уж ты благодарствуй,
Я не очень могу помочь.
Но, являясь твоею ошибкой,
Всё-таки, несмотря ни на что, —
Подавать тебе только с улыбкой
Побывавшее в чистке пальто.

2008 г.

* * *

Ревуша, модница, зануда...
Дурную голову склоня,
Благодарю тебя за чудо —
За то, что вторилась в меня,
За то, что побоку пустила
Своих поклонников рои,
За то, что так и не простила
Те похождения мои,
За глухоту советов дельных,
За чувств сомнительных обвал,
За то, что я тебе ни денег,
Ни счастья, ни любви не дал.

1974 г.

* * *

Отрешил я себя, отрешил
От звонков, от свиданий, от писем.
Душу, словно костюм, перешил
И презрением боль свою высек.
От свидетельств и явных улик
Твоего пребывания на свете
Отбояриваюсь каждый миг
И открещиваюсь каждый вечер.
Чур меня, чур меня, сатана!
Не казни мою память улыбкой
И хотя бы в течение дня
Не являйся добавочной пыткой.

1984 г.

* * *

И когда смерть начнёт свою жизнь
И над нами сгустится забвеньё, —
Ты хоть майским жуком окажись,

Хоть лиловой берёзовой тенью.
Я отдам всем религиям дань,
Все кораны до дыр зачитаю,
Буквой будь или цифрою стань,
А ничем — знать тебя не желаю.
Даже в мире, где нет ничего,
Где в беспамятстве мы пребываем,
Я бы только хотел одного —
Чтобы ты оставалась живая.

1984 г.

* * *

Вот уж никогда не думал,
Не предполагал,
То, что можно жить без шума,
Не впадать в скандал,
На шантаж и на угрозы
В раж не залетать,
Истерические слёзы
Вслух не проливать.
И на «явные улики»,
На свинцовый бред,
Чуть наивные улыбки
Посылать в ответ.

* * *

Память пожилую мучая,
Жребий свой кляня,
При любом удобном случае
Вспоминай меня.
Между прочим, ненароком ли,
На закате дня,
Безупречными упрёками
Вспоминай меня.

По фамилии иль отчеству,
Верность не храня,
Даже и каким не хочется,
Вспоминай меня.

2000 г.

* * *

Семейный очаг сокруша,
Куда ж ты опять запропала?
И снова провал за провалом
Надменная терпит душа.
О, мой кареглазый каратель!
Нельзя ли пореже чуть-чуть
Являть свой строптивый характер,
Пытаясь себя обмануть.
Пустой предаваясь надежде,
Что порознь сумеем прожить,
Мы всё-таки будем, как прежде,
С ума друг от друга сходить.

1984 г.

* * *

Ну что же делать мне, Джульетта?
Восторженно себя губя,
Из всех девчонок на планете
Я выбрал всё-таки тебя.
Ты и в мечтах мне не подвластна,
Ты недоступна и во сне,
Но всё ж подспудно и негласно
Надежда теплится во мне:
Пускай особых не имею
Талантов и достоинств я,
Но если б не было Ромео,
Ты б, может, выбрала меня.

* * *

Не убивайся! Все пройдёт,
И ты опять вернёшься в Обнинск.
А тот, кто допустил просчёт,
Об этом даже и не вспомнит.
Ну что ему твои дела,
Твои терзания и муки?
Поскольку ты сама взяла
Его такого на поруки.
В надежде, что он сможет стать
Твоей, пусть слабой, но защитой.
Да что об этом толковать
Вблизи разбитого корыта.

1.

Не трави мою душу своим появлением во сне.
Обходи ты меня за четыре квартала.
Сколько можно сражаться на той безымянной войне,
Где для полного счастья лишь гибели нам не хватало!

2.

Наша песенка спета.
Наше дело табак.
Нам хотя б до рассвета
Протянуть кое-как.
Пока дрыхнут соседи
За картонной стеной,
Нам хотя бы до смерти
не расстаться с тобой.

* * *

Сколько же нас развелось, стихоплётов!
Ну а поэтов всё так же в обрез...
О, безрассудная жажда полёта,

Лучше с крылами, но можно и без!
Чистой и грязной воды графоманы,
Каждый собой до небес упоён.
Я ведь и сам из того же обмана,
Бог его знает, зачем сотворён.
Собственной жизни сплошная помеха,
В деле, где страсти кипят наповал,
Я никому не желаю успеха,
Даже и тем, кто его испытал.
1992–1998 гг.

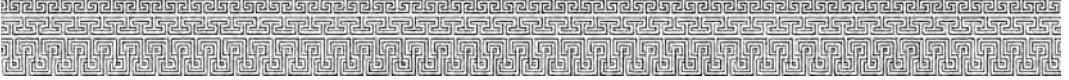
* * *

Какой бы там жизнь ни была,
И что бы она ни творила, —
Спасибо ещё, что дотла
Тебя она не изводила.
Давала и хлеба кусок,
И не обносила одежкой,
И даже свободы глоток,
Но этого, правда, немножко.
И, зла на неё не держа,
Хотя и случалось порою.
Спасибо за то, что душа
Всегда оставалась душою.
1992 г.

* * *

Ремонтные работы на дому
Идут широким, и не очень, фронтом.
Врагу не пожелаю своему
Всего того, что связано с ремонтом.
Шпаклевка, лаки, ацетонный дух,
Следы и от белил, и от замазки,
А тут ещё и тополиный пух

Свою ватой засоряет краски.
И нервы на пределе, и жена
Песочит, пилит, не даёт проходу...
А за окном бесчинствует весна
И выдаёт прекрасную погоду.

Евгений ДАНИЛОВ родился в 1960 году в г. Владимире. Учился в МХТИ им. Д.И.Менделеева; окончил Московский государственный историко-архивный институт. Служил в армии. Автор поэтических сборников «Поминное слово» (1992), «Русская тема» (1993), «Выкуп Господень» (1995), «Праздник одиночества» (1995) и «Эхо в конце коридора» (2005). Стихотворения печатались в альманахах «Воскрешение», «Мосты», «Храм», «Поэзия», «День поэзии», в газетах «Домострой» и «Литературная Россия», в журналах «Континент», «Грани», «Сельская молодежь», «Москва», «Дружба

народов», «Духовный собеседник», «Голос эпохи» и др. Публикатор и исследователь творческого наследия Александра Солодовникова, Николая Стефановича, Ивана Савина, Наталии Ануфриевой и ряда других русских поэтов. Работал на ТВ и в ряде печатных изданий. Автор телефильма о поэте Александре Солодовникове «Слава Богу за всё» (студия «Лад», РТР, 1993) и тематического фильма «Страна анекдотов / Россия в зеркале политического анекдота» (ТК «РЕН-ТВ», 2001). С 2007 г. — ведущий радио «Благовещение», созданного по инициативе протоиерея Димитрия Смирнова в 2004 г. Автор и исполнитель песен, частично они вышли в альбомах «Встреча» (2004), «Небесные пастухи» (2010), «Дорогой Иова» (2012), «Две души» (2013), «Воины Христовы» (2014), «Живите с Богом» (2015) и «Песни русской души» (2016). Член Союза журналистов России и Союза литераторов России.

ПЛАНЕТА МАРС

Близко Марс подошел к земле
В предвкушенье больших событий,
Вероятно, дело к войне,
Вновь в клубок съединились нити.
Он извечен, парад планет.
Погадаем-ка на ромашке.
Повоюем, а может, нет?
Ведь свои у судьбы замашки.

Это в бездну открылся вход,
Это вянут гелиотропы,
Это мирный последний год
У седой старушки Европы.
Время глупый закончить фарс
И не ждать от судеб пощады,
Нависает над миром Марс
Как кровавое око Ада.

Вверх посмотришь — всё тот же вид.
Не поймешь, что в потоках света
К нам навстречу уже летит
Роковая эта планета.
Мирной жизни пришел конец,
Вновь раздолье свинцу и меди,
И наметил уже Творец
Свой венец мировых трагедий.

Апрель 2014 г.

ЧИТАЛ ГОГОЛЬ ПУШКИНУ

Боже, как грустна наша Россия.

А.С.Пушкин

Читал Гоголь Пушкину про мёртвые души,
Становилися глаза всё мрачней и суше.

Про шашни чиновников, склоненные выи,
Про свинью на площади... В общем, про Россию.

Читал с выражением, читал с аппетитом,
Был сюжет закрученный вовсе не избитым.

Читал Гоголь Пушкину, очень он старался —
Только почему-то вот Пушкин не смеялся.

Ходики чирикали, чай дымился в кружках,
Становилися глаза всё мрачней и суше.

Эх, Россия-матушка наша дорогая,
Как и 200 лет назад — далека до Рая.

Так же бьют урядники в суконные рыла,
Тырят губернаторы... В общем, всё как было.

Дочитали классики, молвил Коле Саша:
«Боже, как она грустна, мать Россия наша...»

2 окт. 2015 г.

ВИЗАНТИЯ

Жалко мне, ребята, ох, жалко Византию.
Всё у византийцев было в избытке,
Все гордые ходили, не склоняли выи,
И даже отменить предполагалось пытки.

Всё у византийцев было в порядке,
Всё у византийцев было в ажуре,
Закрома с пшеницей, в шоколаде пятки,
В соболях бабенки, а не в лисьей шкуре.

Была Византия оазисом порядка,
Неким филиалом райского сада,
Одописцы оды сочиняли гладко,
Певцы и музыканты выводили рулады.

Только хорошее предрекали гадалки,
По гадальным книгам также гадали,
Жалко Византию, ребята, ох, жалко,
Вполне благоприятные расстилались дали.

Экспертное сообщество уверенно считало,
Что до конца времен предстоит веселиться,
По губам текли молоко и сало,
Вот только подшутила судьба-мастерица.

В городах стояли вождей истуканы,
Граждане согласно поднимали руки,
Но уже подступали злые османы.
И уже наступали турки-сельджуки.

Никто не ждал Господнего гнева.
Только вот простучали копыта —
Из Айя-Софии ушла Приснодева,
И нет Византии. Тема закрыта.

25–26 сентября 2015 г.

В ТОМ ДОМЕ

В том доме жили сны людей,
Которые когда-то жили,
Мечтали, верили, любили
И зачинали в нем детей.
В том доме жили сны людей.

Минуло только 40 лет,
Дела людей волнами смыты,
Ни дома нет, ни сада нет,
И люди те давно забыты.
Минуло только 40 лет.

У дома цвел огромный сад,
Под вечер пела радиола...
Не триста лет тому назад,
Там, где пустырь, — светилась школа.
У дома цвел огромный сад.

К чему напрасные слова
Про кратковременность былого?..
Понятно всем как дважды два,
Что долговечно только слово,
А всё иное — трын-трава.

18 сентября 2015 г.

У НАДГРОБИЯ «НОВОГО РУССКОГО»

Распирала тебя гордыня,
Душу мучило бесовство,
Только стал ты прахом отныне,
И остался без НИЧЕГО.

Крест массивный на бычьей шее
Стал не нужен, остался шиш.
Ах, Расея моя, Расея,
Ты красиво нынче горишь!

Искушали тебя соблазны,
Плоти грешное баловство,
Над могилкой — только миазмы,
Ты остался — без НИЧЕГО.

Далеко завлекла гордыня,
С чем ты встанешь на Страшный суд?
За душою — одна пустыня,
Да гниющей плоти сосуд.

2015 г.

ФЕВРАЛЬ

Февраль, достать чернил и плакать...

Борис Пастернак

Але Поповой

Всё чаще, чаще провожаешь
Тех, кто в последний путь уходит,
И сам уже не понимаешь —
Когда и кто тебя проводит?

Всё огорчительно и странно,
И водкой горе не замыто...
Саднит не зажитая рана,
Скрипит как старое корыто.

Несовершенно всё и шатко,
А время требует героя...
Опять слезу смахнешь украдкой
И вспомнишь: «Да... нас было трое!..»

Твоя душа не виновата,
Что злобы в мире слишком много,
Что брат войной пошел на брата,
Что нужно Крест нести до гроба.

Что век земной такой короткий,
А жизнь расколота как блюдце,
Что после выцветшие фотки
Одни — да песни остаются.

Дороги разъедает слякоть,
А душу слезы разъедают,
Февраль, достать чернил и плакать,
Как грач у старого сарая...

Февраль 2015 г.

* * *

Они любить умеют только мертвых...

Пушкин

Любите нас, пока мы живы,
Пока с небес не грянул гром,
Пока Харон неторопливый
Не зачерпнул воды веслом.

Поэтам нужно так немного,
Чтоб не остыла в жилах кровь, —
Тепло друзей, улыбка Бога,
И женщин трепетных любовь.

10 января 2012 г.

* * *

Любите, девушки, поэтов,
Они избранники богов!
Им Солнце дарит брызги света,
А девы дарят им любовь.

БУДУЩЕЕ

Вновь 30 лет как день минуло,
Последний наступил покой,
И вслед платочком мне махнула
Седая женщина с клюкой.

И умер свет, и тень упала,
И, будоража чьи-то сны,
Словно отлитый из металла,
Сиял холодный серп Луны.

ДВЕ ДУШИ

Мы слишком мало жили на земле
И недостойны муки полновесной,
Но, как огонь на длинном фитиле,
Качаются душа и сад чудесный.
Анастасия Харитоновна

На огромной планете Земля —
Две души, что стремятся друг к другу,
А Земля по извечному кругу
Знай, летит, как повозка пыли.

На огромной планете Земля —
Две души, две мечты, две пылинки.
Вани, Сани, Настасьи, Маринки
На борту одного корабля.

А останется лишь тру-ля-ля
Да две тени на выцветшем снимке,
Да сожженные солнцем былинки,
Да в безмолвии флаг корабля.

На огромной планете Земля —
Две души, что стремятся друг к другу,
А Земля по извечному кругу
Знай, летит, как повозка пыли.

15.01.2012 г.

ПЕСНЯ ПРО ЗВЕЗДЫ

Звезды украшают небосклон,
Ими мы любимся всегда,
Но, однако, есть такой закон —
Звезды к нам не сходят никогда.

Их надменность в нас рождает стон,
Каждый знает — звезды изо льда,
И к несчастью он суров, закон —
Звезды к нам не сходят никогда.

Можно ждать до Страшного суда,
Можно долго на небо смотреть,
Веря, что надменная звезда
Вдруг рискнет на землю прилететь.

Но все так же звезды, как всегда,
Льют с небес свой одинокий свет,
Глядя вниз — на наши города,
Никогда не говорят: «Привет!»

И у звезд случается каприз —
Иль в пути встречается беда,
И тогда летит на землю вниз
В небе заплутавшая звезда.

Это всем земным большой сюрприз —
Увидать тот яркий след во мгле
От звезды, с небес слетевшей вниз
И сгоревшей на пути к земле.

Звезды украшают небосклон,
Ими мы любимся всегда,
Но, однако, есть такой закон —
Звезды к нам не сходят никогда.

Но, однако, он суров, закон —
Звезды к нам не сходят никогда.

Июль 2012 г.

* * *

Тебя вели надрезом
По сердцу моему.
Б.Л.Пастернак

Я заболел тобою,
Хоть это не в струю,
Сейчас лежу — и вою,
А после водку пью.

Я заболел тобою,
Хоть корм сей не в коня,
Ну что ж с того, что вою —
Ты позабудь меня.

Я знаю, мне на смену
Придет другой пиит,
Поднимется на сцену
И тоже погрустит.

Вновь снежной бахромою
Укроет стекла ночь,
А я лежу — и вою,
Сумел бы кто помочь.

Да, нет тебя со мною,
А словно рядом ты,
И холм земли накроет
Увядавшие цветы.

Но Бог пошлет удачу,
Меня покинет грусть,
Сейчас лежу — и плачу,
А завтра посмеюсь.

Февраль 2007 г.

Ирина КАВЕРИНА родилась в 1964 г. в Москве, в писательской семье. Окончила биологический факультет МГУ. С 1996 по 2004 г. жила в Австрии. С 2005 г. — в США, профессор биологии в Университете Вандербилт. С 1980 г. пишет стихи и сказки. В 1996 г. стихи были опубликованы в журнале «Знамя», в 2016 г. — на электронном портале «Золотое руно».

* * *

Меня мама назвала Божьим миром —
Ну когда же будет мир во мне!
От скитаний треснувшая лира
Не фальшивит только во сне.
Но я не помню снов.

Пальцем я пишу на мокрой гальке,
Но следа не остается на ней,
И наутро будет мне не жалко
Музыки, сплетенной во сне —
Ведь я не помню слов.

ВКУС КАМПАРИ

Всю жизнь боялась плагиата,
И в примечаниях «цитата»
Иных, пожалуй, чаще слов.
Всю жизнь боялась быть банальной,
А полюбила берег скальный —
Непредсказуема любовь.

Всю жизнь ждала какой-то встречи —
Иных уж нет, а те далече

(Храни, Господь, твоих рабов!).
И трепещу я, как когда-то,
Опять вставляя в текст цитату —
Ненаказуема любовь.

Существованье всякой твари
Обманчиво, как вкус кампари:
Он вязко горек и багров,
А поначалу было сладко...
Еще глоток, еще загадка —
Неустрашаема любовь.

ГОД ДРАКОНА, ВЕСНА

Взгляд дракона на стене нарисуй,
Дай мне сил твой след не терять,
Дай мне сил удержать на весу
Строчку из «Детей декабря».

Невещественен мой субстрат,
Как пропитанная хромпиком ткань,
Словно предсказания карт,
Истонченных игрой в дурака.

Даже при наложении времен
Налицо несовпадение звезд,
И обрублен, и накренен
Освещаемый ими мост.

Взгляд дракона нарисуй на стене,
Параллельно направленью моста.
Мудрый ящер сочувствует мне,
Но признать не желает родства.

А я говорю — Верь!
Я, скользя, над рекой бегу.

Я — Дракон, я мишурный зверь.
Меня после маскарада сожгут.

ГОД ДРАКОНА, ДЕКАБРЬ

Кончится свет, свет-маскарад,
Бумажный змей изорван и смят,
Его сожгут на заднем дворе.
Черточки пепла вверх улетят,
Где он был всех могущественней и добрей.
Кончится год, музыкой полный,
Пепел войдет в сточные волны.
Он требовал света — сулили покой,
В древнем Китае он станет рекой.

* * *

Он говорит — Мне не с кем быть здесь в ссоре,
Кроме как с собой.
Он говорит — и сыплет соль на стол и на пол,
Зачем? и так ведь соли кот наплакал,
Зачем? и так ведь болью пол закапан,
Вообще — чтобы соленым было море,
Не обязательно плевать в прибой.
— Попойка кончена, иди, учи других,
Я знаю сам, какие догмы проповедать!
А это кушанье соленое отведать —
Будь музыкой, будь музой — помоги.

* * *

Я — вулканическая магма,
Я — титаническая кобра.
Что маленькие человечки,
Встречающиеся на моей дороге,
Целующиеся на крылечке,
Стесняющиеся недотроги!

Я — электрическая помпа,
Астрологическая карта,
От траурного катафалка
Я черно-золотая лента.

* * *

Рассуждать о свободе движения вбок,
Превращения из гобелена в лубок,
Машинально ворча покаянный псалом,
Нелегально влача идеалы на слом,
Затянув свое горло железным узлом.

Рассуждать о возможном движении вниз
(Спи в кусте придорожном, но больше не снись,
Позабудь навсегда о моей красоте,
О познания плодах все на том же кусте —
И на первых порах будешь даже лететь!).

Рассуждать о проблеме движения вверх,
Увязая в системе различия вер,
Напрягая софистикой скрюченный ум,
Излагая на листики музыки триумф
И, конечно, не двигаясь ввысь ни на дюйм...

* * *

*Господин Главный Ветер и прочая, и прочая,
и прочая, ты слышишь меня?..*

*«Что прошло, то прошло» — было написано
почти на каждом доме.*

В.Каверин. Летящий мальчик

Что прошло, то прошло, Господин мой Великий Ветер.
И по осени лишь золотые скорлупки считать.

Что прошло, то прошло. Вот стою я на снежном свете,
А где носится ветер — не знает и ветрова мать.

Что мне не о чем петь — не спасение, не утешайте.
Вот из пальцев моих сила жизни течет в препарат.
Я встречаю закат за прибором и в белом халате,
А где носится ветер — не знает и ветровый брат.

За осенние дни, за веселые дни звездопада
Научил меня он звезды неба местами менять,
Но последнюю тайну выпадения из звукоряда
По моей ли вине — не успел перенять от меня.

Свист декабрьского вихря, его ледяное касанье
Я пою на краю быстротечного зимнего дня.
Когда нужно взлететь, мы обходимся без заклинаний,
А где носится ветер — уже не пытаюсь понять.

* * *

Любви земной простой предел,
Из тонких реек сбитый, —
Переплетенье голых тел
Мыслительной элиты.
«Иди и больше не греши».
И все пути открыты,
И клетка для моей души
Из тонких реек сбита.
Что стоит оторвать одну,
Пронзить босой ступней волну,
Я ни за что не утону,
Водой зеленой смыта.

Любви великой нет конца,
Но где ее начало?..
Цепь — продолжение кольца,

Крепление причала.
Что стоит отогнуть звено,
Замшелым килем чиркнуть дно
И насладиться глубиной,
Зеленой, белой, алой...

* * *

Потому, что я снизу смотрю или сбоку,
Перспектива изогнута и безобразна.
Я смотрю на тебя, как прикованный Локи
Ждет воды, а не яда на старые язвы.

Но напрасна надежда коварного бога:
— Надо было творить добро,
И никто твоего упрека
Не воспримет, антигерой.

* * *

Я отдаю свои глаза
Давно любимому пейзажу.
Я далека от тех, кто за —
За морем и за сушей даже,
Кто за нейтральной страной,
Кто за ближайшей стеной,
Тех, кто ладонь мою берет,
Но ранее меня умрет,
Забывши прежде, безусловно,
Всю мелочь суеты любовной.

Но ты останешься со мной,
Дитя соседнего квартала,
Как бы тебя ни забывала,
Как бы тебе ни изменяла —
Властитель снов.

НАГОВОРНОЕ ТАНГО

Называли меня Ирулей,
улыбались — и провели:
Вокруг пальца меня обернули,
Подарили мне горсть земли.
Так и жить мне с зажатой горстью
Над рядами пустых могил.
И дружить мне с костлявой гостьей,
Поджидающей, кто мне мил.
Ты похож на античного бога,
И дорога твоя — казино.
А у нашего тихого лога
Столько снега наметено!..

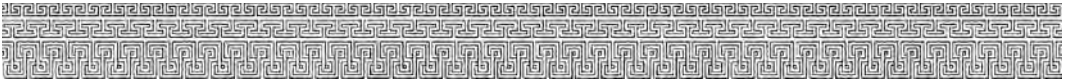
Встань передо мной
Как лист перед травой,
Как Сергей у икон,
Как вор перед замком.

Как Али-Баба,
Как моя судьба,

Солнечным лучом,
Как-нибудь еще!
Безразлично, как —
Журавлем в руках!

Ночь на город сойдет и прогонит
Ослепленье фальшивых личин.
В освещенном летящем вагоне
Много мальчиков и мужчин.
Я сжимаю дрожащие веки —
Все равно среди них не найдешь
Никого с телом древнего грека,
Кто бы песню любил про дождь...

* * *

Пора! — мы только кажемся такими, как были.
Пора! — легкие звезды там, над клубами пыли.
Я ощущаю в ладонях трепет подземных взрывов,
И окна в домах расположены несколько криво.

Но пока мы танцуем — кто может вмешаться в это?
Пока мы поем — мы не заметим удара!
Когда мы вдвоем — кто назовет меня старой?
И мы откладываем конец света.

Инна БОГАЧИНСКАЯ — известный поэт, журналист, переводчик — родилась в Москве. Вскоре родители переехали в Одессу. Журналистская деятельность Богачинской началась в газете «Вечерняя Одесса». Первая поэтическая подборка была напечатана в журнале «Огонёк» в 1977 г. Её статьи, очерки и стихи регулярно появлялись как в республиканской, так и во всесоюзной прессе. Одним из первых признал Инну как поэта Андрей Вознесенский, дружба с которым длилась до последних дней его жизни. Вознесенский высоко оценивал поэзию Богачинской и ставил её в один ряд «со значимыми поэтическими фигурами зарубежья». Вот что писал Вознесенский о поэзии Инны: «Что мне хотелось сказать о стихах Инны Богачинской? Это талант необычный. Как все яркие дарования, она противостоит волне, т.е. если мода на неоклассицизм, если мода на античные символы, на мраморную холодность в поэзии, то она остается всегда собой. Я бы сказал, что это московская школа поэзии, которая идет от Цветаевой, от красок, от буйства, от энергии. И противостоит гляncу, холодности... Это особый голос.» С 1979 г. Богачинская живёт в Нью-Йорке. Работает судебным переводчиком. В 1991 г. Книга Года Энциклопедии «Британника» назвала Богачинскую одним из наиболее состоявшихся поэтов Русского Зарубежья. В том же году она стала лауреатом Международного фестиваля Русского искусства в Чикаго, а также была удостоена звания «Поэт года» в Нью-Йорке. Творчество Инны Богачинской было включено в программу курса современной литературы в Одесском Национальном университете им. И.И. Мечникова и в Северо-Кавказском университете им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ). По её творчеству написано четыре дипломные работы. Литературовед Виктор Финкель посвятил творчеству Богачинской одну из глав своей книги «Поэты рубежа», которая была издана в Филадельфии в 1999 г. Статья о Богачинской включена в «Словарь поэтов русского зарубежья», вышедший в Санкт-Петербурге в 1999 г. Её творчество отмечено также в изданном в США на английском языке «Словаре русских писателей-женщин». Инна Богачинская — автор пяти книг поэзии и прозы: «СТИХИЯ», «Подтексты», «В четвёртом измерении», «Перевод с космического», «Репортаж из параллельного мира». В 2014 г. Инна получила в Москве медаль «За заслуги в культуре и искусстве» от Кирилло-Мефодиевской Академии Славянского Просвещения. Ей также было присвоено звание Академика Академии Народного Искусства России.

РАЗГОВОР С ГОСПОЖОЙ ЭПОХОЙ

Т. и Л. Бунякиным

Нет, конечно, не страшно,
случалось похлеще:
То сорвёшься с петли,
то — взлетишь акробатом,
То сожмут, как Отелло,
инфляции клещи,
Или просто зацепишься
словом горбатым.

Всё измерено
и застраховано вроде.
Пересчитаны шансы
судов и кассаций,
Но за кадром
гудят пароходы пародий,
Чтобы блажь эта
былью не стала казаться.

Два витка
в директории тысячелетья.
Две подачи —
и гол стадион взбудоражит.
Захлебнулась эпоха
распятый и сплетен,
Полонило затмение
души и разум.

Петушимся по поводу
бури в стакане,
Будто это глобальней,
чем пульс Андромеды,

Но моргнуть не успеем,
как в летопись канет
Эта буря
и акты из трагикомедий.

Стало душно,
хотя на термометре — минус.
К эскулапам
наведываемся всё чаще.
Разучились мы
даже беседовать мирно
И, как прежде, не делом,
а сердцем общаться.

Не заменят ни факс
и ни почта e-mail
Эти мощные импульсы
бывшего братства.
Кто услышать других
в наше время умеет?
Кто осмелится
в дебрях своих разобраться?

А эпоха пасует
в финальном забеге.
Не хватает ей
воздуха, веры, бензина.
Ей бы топлива с Марса,
а может быть, с Веге,
И хоть каплю чутья,
чтобы сообразила,
Что швырять «на авось»
себя больше не стоит,
Что молвы эпидемия —
яростней СПИДа,

Что способна ещё
к возрождению, то есть
Предостаточно горечи
ею испито.

А пока —
приговоры штампуются звонко.
Полыхает сирень.
Угасают каминны.
Продолжается эта безумная гонка,
Где всегда не хватает
молитвы и мига.

ВАМ, ВОШЕДШИМ В НЕБО...

*(Памяти 224 жизней, унесённых неведомым ветром
в вечность 31 октября 2015 г. в небе над Египтом)*

Закричало Небо: — Помоги, Египет!
Разорвались жизни. Утешенье — блеф.
Все слова бессильны перед словом «гибель».
Как суметь подняться, шок преодолев?

Материнский траур никогда не гаснет.
Жжёт незаполнимость половинных душ.
Вырвали у скольких главное богатство!
Для чего надежду на расстрел ведут??

Небо дрожью сводит. Шаг в него, как в бездну.
Кто решится снова испытать свой рок?
Что в разгадке: Случай? Сроки? Неизбежность?
Иль за зверскость действий праведный урок?

А пока: Вопросы. Версии. Разборки.
Мириады мифов. Слезный водопад.
Все на беспределе от вестей разбойных.
Сколько, сколько можно по беде ступать??

Вам, вошедшим в Небо, ЧТО мирские копьа?
Ни к чему хоромы. Слава. И престол.
Эти все игрушки отдали вы скопом.
Вам вручили Небо. Всё пред ним ничто.

Фокусы фортуны — наш удел исконный.
Так зачем ещё друг друга истреблять?
Помните: бесстрастны Космоса законы.
Прозревайте срочно! В западне Земля!..

МОЛИТВА МАТЕРЕЙ

Молитесь за детей. Послушных и строптивых.
Ведь нашу жизнь они наполнили своей.
Не создано ещё значительней мотива,
Чем монолитная молитва матерей.

О Господи, прости в них наши отклоненья —
Разомкнутость души. И замкнутость углов.
И хоть они для нас по жизни — оппоненты,
Мы просим, чтоб не нам, а им чтоб повезло.

Чтоб не случилось им пройти огонь и воду.
Быть в рабстве у пилюль. У рюмок. У любви.
У собственных детей, что нас в тупик заводят.
Пусть и себя, и мир сумеют удивить.

Чтоб был их путь земной размахист и немерян.
Чтоб на своих ногах. И при своём уме.
Чтоб разобраться в сути бытия сумели.
И поняли — уметь достойней, чем иметь.

Не ждите от детей с собой единых действий.
Хоть выходцы они из наших кровных недр.
Всё так, как быть должно.
Всё к лучшему.

Надейтесь!

Компьютерных программ для материнства нет.

Понять бы, что они — свободная стихия,
Отдельная от наших страхов и надежд.
Мы сами ведь творили выходки лихие,
Что каждый нерв у наших мам балдел.

Кто бросил вас, кто предал — и за тех молитесь.
Нам курс «священной боли» звёзды взять велят.
Увы, преподают его родные лица.
Ведь дети — посланные нам учителя.

Молитесь за чужих, за сложных и колючих,
За изгнанных и избранных детей.
Ко всем найти пытайтесь свой особый ключик,
Чтоб по орбите их хоть раз бы с ними пролететь.

Пусть будет этот зов услышан Небесами,
Чтоб нашим чадам стать добрее и мудрей!
Чтоб их в любых мирах хранили и спасали!
Да сбудутся,
да сбудутся
молитвы матерей!

К ТОЛКОВАНИЮ ОДНОГО ПРОРИЦАНИЯ

*Вас ждёт посмертная слава
и пожизненное изгойство...
(Одно из прорицаний, неоднократно
высказываемых автору этих
и последующих строк)*

Ни награды, ни райские кущи,
И ни патока почестей лестных
Не заменят тот миг всемогущий,
Когда строчки из пазухи лезут.

С чем сравнить этот выход весомый?
Разве только с касанием чуда,
Где сплетаются рифм хромосомы,
Поэтичность момента почуяв.

Но творения акт наказуем.
Истый голос рвёт хилые уши.
И недаром безгласые зубры
Его так оглушительно глушат.

Этот праздник — отнюдь не для слабых.
Хочешь в сильные — травли не бойся.
Ведь пророчат посмертную славу
И пожизненное изгойство.

Новизной эта схема не пахнет.
У неё слишком крепкие корни.
Ренессанс уготован для павших.
А живых — погребением кормят.

Донимают практичные асы
Поменять род занятия срочно.
Для меня же нет большего класса,
Чем стащить из-за пазухи строчку.

Объяснение — съезд скважин замочных.
Дар Небес — наваждение и кара.
Кто из самых влиятельных может
Объяснить поведение Икара?

Выбор мой — не алмазы, не манна,
И не пышность подъездов престольных,
Не отёчность тугого кармана,
И не членство в придворных застольях.

Хохочу над рабами комфорта
И над власть предержавшим плебейством,
И кричу на внушительном форте:
— Бейте нас, созидающих, бейте!

Утвердиться хоть в чём-то вам надо.
Прямо в князи из грязи — легко ли?
Наше слово — тюльпаны в гранатах.
Вам к лицу — бессловесные роли.

Нас услышат. Сведутся все счёты.
Кто есть кто — жизнь однажды покажет.
Жертвой быть, заявляю, почётней,
Чем рабом и всеильной букашкой.

Тем жива. Устремляюсь за главным.
О регалиях не беспокоюсь.
И меняю плебейскую славу
На пожизненное изгойство.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

*Посвящается всем
безвременно из него ушедшим*

Смерть самых лучших выбирает
и щелкает по одному.
Владимир Высоцкий

Мы — поколение выставок,
Раздавленных бульдозером.
Мы — поколение высланных,
Разъятых, травимых, задолбленных.

Мы — поколение болтиков
Без имени и без места.

Наших отцов оболганных
Вернули нам лишь посмертно.

Мы — поколение астматиков.
Нас душит вина и кашель.
Но мы не слишком внимательны
К тому, кто и что про нас скажет.

Мы — поколение возраста,
Не переходящего в старость.
В отравленных порах воздуха —
Токсины атомных станций.

Мы — поколение молчальников
Средь тонны опусов пресных.
Если уж нас печатали, —
То с оглушительным треском.

Мы — поколение заочников.
Сизиф против нас — снежинка.
Мы — поколение очереди
За хлебом. За справкой. За жизнью.

Мы — поколение отшельников,
Вжатых в себя, как улитки.
Разве у нас отношения? —
Комплексы и конфликты.

Мы — поколение, которое
В лозунгах сплошь и подделках.
При нас обнажали историю —
Как продажную девку.

А мы у столба позорного
От славословья глохли,

И жизнями нашими сорванными
(А это почище, чем глотки)
Из репродукторов совести
Захлебывался Высоцкий.

Для тех, кто с душами голыми, —
Всегда наготове топор.
Лишь с достойных слетают головы,
Растоптанные толпой.

.....
Неправда, что незаменимых нет!
Оригинал не заменить на снимок.
Под этим суетным брожением планет
Те, кто ушли, — никем не заменимы.

БАЛЛАДА О НЕВПИСЫВАЕМОСТИ

Я не вписываюсь
в заурядную замкнутость групп,
в безапелляционную хрестоматийность
компаний,
Я не вписываюсь туда,
где элегантно друг другу врут
и обаятельно ямы друг другу копают.

Заключенно, как в списке,
Отвергаю молву.
Я живу без прописки.
Я крылато живу.

Я не вписываюсь
в имена, этикетки, застолья,
шаблоны и культы.
Меня нет среди вас.
Я притянута зовом высот.
Мне скучны ритуалы,

кликуши, чины, разговоры о кухне.
Обывательский облик — по мне —
будто пуля в висок.

Принята я соснами,
Бездностью небес.
Вся, как есть, осознана,
С шишками и без.

**Я не вписываюсь
в подпевалы, инвестменты, правила,
в макси и мини.
Только Космос в ответе
за то, что меня приручил.
Существую я с вами в одном,
но раздвоенном мире,
Где обычно пеняют на следствие,
но не находят причин.**

Я, как кошка Киплинга,
Сама по себе.
Пробегаю гибельно
По своей судьбе.

**Учащенное дыхание жизни
пульсирует в строчках.
Рифмы моих стихов ускользающи.
Ритмы — тахикардичны.
Они будоражат дух.
Раздражают блаженность.
Разрушают привычки.
Но это —
не болезненная одышка.
Просто —
я не вписываюсь в статичность.**

Ночь трагедией пропитана,
Как дождем земля.
Никуда — увы! — не вписываюсь.
Не вписываюсь я.

**Может быть, я — мишень,
Но во мне — Паганини
со вспоротым нервом,
Оглушенный Бетховен,
петля на цветаевском горле,
разъятые мифы Дали.
Я не вписываюсь в торгашей,
в поучителей, снобов, придворных,
Но прописана в каждом,
в ком празднество Духа царит.**

Доскажу свои истории
И шутя уйду
По дороге непроторенной
На свою звезду...

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ

(Шуточная реальность)

Забыты:

Еда.

Служболепие.

Личная жизнь.

И за стенкой

Пустой холодильник —

свидетельство полного быта.

Сейчас

на орбиту

запущен

Андрей Вознесенский,

И мы
под него
подгоняем
все наши орбиты.

Летим:
обнимая соседей
и сумки,
как сельди,
Которых
слегка
недо-
пере-
мариновали.

Один

Среди нас
гениально рассеян,
Плащом
укрывает
уснувший
Лонг-Айленд.

Уносит:
на вилке
крещендо,
запоем
тянущего в форте,

Сквозь
чёрную магию «О»
и газетных анонсов.

По горло

Загонит
в себя
неуёмная скорость,

Как будто
прорвало
аорту
у нашего Форда.
Как парусно
нам не хватает
«Юноны» с «Авосью»!

Авто-
графы —
градом,
украденным с неба, —
на полки.

Чернеют
ряды графоманов,
оставшие ныть и злосло-
вить.

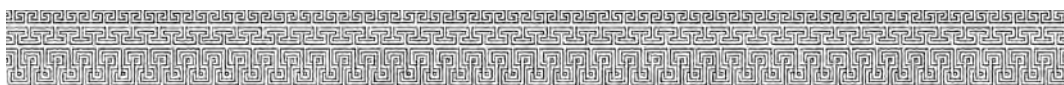
Потом

Развернётся
в другом
измеренье
эпоха
и вспомнит

О том,
кто себя —
как хирург —
перекраивал
в Хилтонском лобби.

Зовут:
репор-
тёры,
регламенты,
прочих случайностей
сотни.

От лиц
и звонков
не предвидится
вскоре спасенья.

Главу
Обрываем.
Безудержно
цедим
томатные соки...

А память —
свечою —
разбудит
своих поселенцев:
Пустой холодильник.
«Юнона».
Андрей Вознесенский.

София ЮЗЕФПОЛЬСКАЯ-ЦИЛОСАНИ — доктор философии, поэт, переводчик, литературовед. Член СПб ГО Союза писателей России и ОРЛИТА (Объединение русских литераторов Америки.)

Родилась в Самаре, жила в Ленинграде, училась на филологическом факультете в Институте им. Герцена. В 1989 г. эмигрировала. С 1990 г. жила в Сиэтле, США, где растила четырех детей, училась в аспирантуре и преподавала в Вашингтонском университете. В 2005 г. защитила диссертацию об Арсении Тарковском. С 2013 г. живет в Нью-Йорке, США.

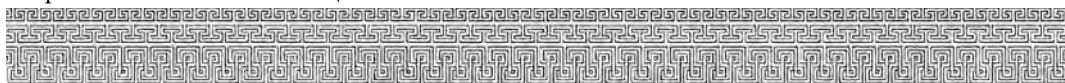
Автор сборников стихов «Странствия» и «Голубой огонь» и книги об Арсении Тарковском «The Pulse of Time: Immortality and the Word in the Poetry of Arsenii Tarkovski».

Финалист международных конкурсов поэзии «Эмигрантская Лира» — 2014 (звание «Лучший поэт глазами финалистов») и «Пушкин в Британии» — 2015, Лауреат Международного интернет-конкурса поэзии «Эмигрантская Лира», трижды Лауреат Международного конкурса имени де Ришелье. Автор коллективных поэтических сборников «Dictionary of Literary Biography», «Поэзия женщин мира», «Перекрестки», «Образ», альманахов «Эмигрантская лира», «Под Небом единым», «Пушкин в Британии», «На Холмах Грузии», журналов «Slavic and Eastern European Journal», «Интерпоэзия» и др. международных периодических изданий.

РЕЧЬ

Я говорю на чужом языке, не вашем.
Знаю, люди меня не понимают вовсе.
Мне отвечают капли в микстуре, и в душе ржавом
краны скрипят, привечая воду. Меня так мостик,
что над болотом завис, поучает: утоп, мол, в травках,
острый чужой язык сжигает меня, как время.
В каждой вмятине добрую дряблую краску
расколупала — на звук, просчитала свой рост на двери.

Каждая выбоина на дороге поет контраalto:
это копыто, лошадь, я грусть ее слышу громом.
Так говорит с микроскопом бактерия, память,
и ни один из звуков, что спела б в хоре.

Ангелов? Не было, нет — и не будет здесь откровений.
Греет ногу в прихожей бродячий аист.
Кто-то еще лепечет родной мне речью —
над колыбелью явленья,
на грани — счастья.

СЕНТЯБРЬСКОЕ

1.

Сезону ранней осени присуще
отдохновение — чернильная страда,
сладчайшая; своею мягкой лапкой
погладит вечер; снизойдет на нас вода
из туч и из листвы. Дожди семь долгих суток
нас будут поливать, и тихо-тихо звон
листвы и туч в усталости утонет...
Нам станет хорошо, как в самый первый сон.

2.

Сезону ранней осени подвластно
меж сном и явью промежутки обнажать,
все помня, ничего не предавать огласке,
страстям грядущим — в глубину, до дна — дышать
из сумерек и знать, что всё — текуче,
всё дивно, всё пронзительно, всё — так.
Но и прозрений чудный редкий случай
размыт и стерт: он — как затасканный пиджак
сюжета осени; сочатся с неба тени,
но никому еще безумье не грозит,
пока сюжет забыл, что он болит,
пока не нас ведут на всесожженье.

* * *

Из лета ухожу, иду по краю.
 Каре осенних войск стоит во тьме
 И стережет меня — она опять нагая,
 Война, что тьму свою сожжет во мне.
 Одета лишь в засаду. Невеличкой
 Вся жизнь моя, весь шум и пересвист
 Пред ней летит; стигмат на лапке птички.
 Сигналил лету, что каре в засаде спит.

И вот войска возникнут в жаре сосен
 И втиснутся в мою печаль, как в дверь.
 Вот я вернулась к непогоде, скажет осень,
 Налей мне горького чего-нибудь, налей.
 Покрой ожоги, в шаль укутай мои плечи,
 Клеймом своим тебя я не спугну.
 Да ты сама, сама — в кленовом теле
 Дрожишь, как пламя в моем розовом углу.

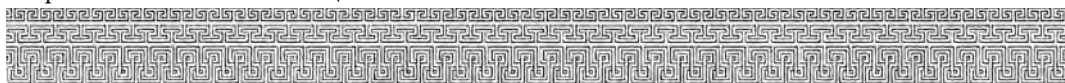
Да ты сама не знаешь края ливням
 И мусор снов выносишь на ветра...
 Ты — рвань на жердочке, от птички пелеринка,
 Хозяйка желтого от сырости листа...

Войди, скажу, приветствую отряды
 Твои, но на постой не разместить,
 Оставь за дверью их, сама останься, бога ради,
 Не уходи, не уходи других любить.

* * *

Под мостовой, под каждым камешком — нагой
 лежал ребенок. И смотрел — наискосок.
 Нет, не туда, где города и годы:
 со здания, по краю, водосток
 пускал свой дождик; призраки свободы

качались, словно корабли; по мостовой
земля и жизнь спешили в путь, по кругу.
Вот птичка села на оторванный листок
календаря. Малыш лежит, собой напуган —
отсутствием своим в течении вещей.
Век гроыхает где-то рядом.
Кто помнит лица маленький детей,
монаду лика, кто обнял свою цикаду
и стрекозу моста — под мостовой?
.....
А фонари стоят, как постовые.
И в перспективу толпы топают, их выи —
в годах, как в камне города слепые.
И маленький под камушком — порой...

ЖЕНЩИНА В МАСКЕ. ТРИПТИХ ЛИЯ

Лет двадцать я в пустыне прослужила
колодцем — черни,
на цепи — для жаждущих — бадья.
Услышь меня, мой верный судия:
твой старый Яков все слюбил с меня,
своей неизбранной и по-собачьи верной Лии.

Детей произвела, вела бюджет
семейный и народный, в год — по сыну,
но от химер пустынных, от теснины
шатровой, маеты преклонных лет

меня спасал всегда сестрицын голосок
из леденца под язычком, так жгуч и тонок:
колодец, обратившийся в потоп
из звездных, теплых незабвенных первых слов:

— Рахиль, Рахиль моя, совсем еще ребенок.

2. ГЕРЦОГИНЯ АЛЬБА. ГОЙЯ

Ты, женщина, — вовеки еретичка!
Тебе неведом стыд в невидимой войне!
Ты — герцогиня Альба, дым и спичка,
пылающая в гордом позвонке.
И на подмостках тысяч инквизиций,
что с лиц черту стирают за чертой,
ты, герцогиня, — МАСКА. Гойе снится
твоя — последняя, за ней грядет покой
с возлюбленной... Что холст — простолюдину!
Что хлыст для Махи в юбке с бубенцом!
Неуловимым, золотым — палимы
все лики женщин в тени веера, лицо...
Ее?
Последнее?
(Когда она любима...)
Как пепел в поле...

3. МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Иногда от лжи спасает плоскость,
дня сухого серая холстина.
Заглянула в комнату Марина
и сказала: знаю все про мира косность.

Здесь ни музыки, ни слов, ни роз.
Здесь все это умирает, чтобы снова
ты услышала, как безутешно прост
плач ребенка, брошенного Богом.

Здесь поскребыши всего, что пело «Свят»,
вспоминают, как любить без фальши.
Знаю все. А на Марине платье
черное, до самых звездных пят.

ЧАРЛИ

Он был в первый раз на земле,
в котелке,
в век погромов — какой-то Пыжик.
Ему выжить хотелось, как в страшном сне,
Чарли очень хотелось выжить.

А из куц бровей — многозвездный звон
глаз вращал
из небесной сферы...
Понарошкины дети к Чарли в кино
забрывают и слышат — летит стекло,
и лохмотья летят, и сквозь горло — ком
слез,
немой — немой,
и свой домик, свой...
всех крылатых родинок...

— Где он?

* * *

За столом сидит Пруст, он надкусывает печенье,
тают стены в тумане, и начинается эра
вкусового зренья — и детства весенняя глупая вера
в куст жасмина и в город в тельняшке морской и пене.

Время гонит барашек по морю, но подсознание
прикололо булавками ревности пену к подолу.
Этот Пруст,
он о Времени многое помнит:
всё — о прозе шипа
с этой розовой пеной под юбкой французской дуры.

В той же комнате Гете стоит у окна —
созерцает простую верность.

Рядом с Гете — девчонка
 (была им до смерти любима).
 Ни Мефисто, ни Фауста нет,
 да и девочку Гете с собой не потащит в вечность,
 только старое дерево в окне важно старому Гете и мило;

это мудрость искусства стоит, обретает стойкость,
 золотая настойка живого бессмертья — писал Кундера.

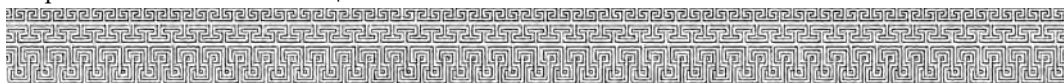
Я оставила море, на кухне в Тбилиси сижу,
 на тарелке моей — картофель,
 и на стенке — картина Ван Гога, измазана сажей.
 Что же там у меня происходит в пещерах зазвездных? Только
 Кот, антенну уха настроив, один и пристроился со мной рядом,
 рад подпитке из космоса: миска эта
 и по вкусу ему, и по силам, и по размеру даже.

* * *

Наполнившись тяжелой кровью быта,
 ароматическим цветеньем и гниеньем,
 я не вскричу: «Карету мне, карету!» —
 я изучу названия для сбыта
 текучей тени жизненной, впадение
 в существование я выучу, пожалуй,
 и препарирующий тело ножик
 я научусь в событья вкладывать. Приметой
 пусть для стола тебе тут будет сеть из редких крошек.

Хотя, кум Тыква, жаль — карета потекла...
 Как ни крахмаль судьбу, но, видно, Чиполлиний
 наш праздник: сам Господь, не давший нам угла,
 нас посетил блаженством снежных линий...
 Блажен и тот, кто в дом вошел, а там угар,
 и тыква льет золу, как золото, и кормят
 хрустальных чиполлин сквозь окна, и пернат,
 как календарь, весь мир, как неба подоконник.

И чуждый мир — летуч. И я с тобой живу —
лохматым птенчиком, жаднящим, черным, вещим,
желающим сюжет изъять из печи
протекшей тыквы на сиреновом снегу.

ЯНВАРСКИЕ СУМЕРКИ

Тихо-тихо-фиолетово
в сумерках, как в странном сне.
Обозначил кто-то веткою,
словно меткой на стене,
небо — мило — полустертое,
ветхо, словно простыня.
Мир стеной огнеупорною
охранял всех от огня.

Но горело и стремилось все
заглянуть за самый край
облака с жар-птицей дивною...
Пахнет каждый год январь
новой комнатной побелкою —
очень старая игра.
На стене осталась меткою
уцелевшая строфа:

«Я один и ростом с веточку.
Вижу только синеву,
склянку снов с тончайшей сеточкой;
в мир дорогу не найду...»

ДОРОЖНЫЕ ЗАМЕТКИ

1.

Если писать об Израиле,
то, как и в любой стране, сначала надо — о небе:
это зеркало правит даже пустынями, ставшими странами.

А в пустыне, что ни посадишь,
вырастает кудрявым, сухим, маленьким,
хрупко-колюче-нежным.
Чуть заносчивым. Не по годам — отважным.

Вот и стоит над страной, его вольницей
по-младенчески и по-старчески слепо — небо.
В облаках, звездных косичках, кудряшках, локонах, солнечных
ломтиках
над искусственными полями, их ваноговским с проседью
желтым мазком грубым. Огромным ребячьим телом
прикрывает холмы.
Или вон побрело от Цфата до Мертвого Моря
голубое-преголубое
в глубину-ширину — Покоя

2.

А внизу — видишь? — к трубочкам водоснабжения
клонятся пращурные
оливковые деревца, и цветы с ограды шоссе свисают гирляндами.
Дети с глазами матери их, газели,
в местных автобусах ездят с огромными автоматами.

Где-то свистит сирена. Гибнут. Но небу спокойно.
Ему — как и мне — не страшно.
Иерушалим разукрашен коричневыми голубями. И их пометом.

Все здесь уже свершилось. Разрушен.
Когда? — Когда-то.

Но время видимо — небом идет обратно
над пустыней своей, сделанной чудом сознания — садом,
кладбищем, бойней, пашней, небесной любовью.

ЗНАК РАВЕНСТВА

Он был крупненький даун с картофельными глазами.
Мы учили с ним арифметику, и перед каждым
знаком равенства он меня долго и влажно
чмокал в плечо, обнимал висюльками рук;
васильками
разукрашена была его из бумазеи рубашка.

Он был ежик-подросток — и все неприличье
от безденежного моего ассистентского приработка,
проиграв ему в несложившиеся два и два, не таилось, а таяло
и становилось птичкой,
вкусный сок выклеывающей из глазика сердца его и из рук —
лукошком.

Он был важен, этот белесый отросток, соплив и щедр,
он был мыслью, зависимой от глубины объятий,
миской света, выставленной на порог арифметик, и чмоком
нас — тех,
кому мизер сердца достался от раздела господней великой
части.

Синий цветик последыша — божия милость, баланс
мировой недостачи в объятых. Тепла и уюта.
И дневного света лампочка выла в нас,
освещающая класс,
словно адова пуля стального литья и гуда.

* * *

домой, домой — в набухшее ядро
поэзии во двор в сарай в ведро
заледенелое под окнами лицо
я втискиваю в сумерки свинцом
под ложечкой посасывает время
раздрызганный звонок стучится в темя

пора пора из слюдяных морей
в прогорклость жизни в праведность вещей
в календаре обыденных забот
я одиночество запикиваю в рот
и мякотью давясь давясь железом
себя благословляю темным лесом
и серединой и концом пути
одно прошу — ту нотку донести
в луче звезды что указали мне волхвы
до темной осени до горестной листвы

ВТОРОЙ

Когда второй мне нужен стал — тебя,
тебя я выбрала (зачем тебя — не бога?),
не бабочек, не нежных лебедят,
тебя, тебя, глупца и недотрогу.

А птицы все заснули, спят в груди,
как чуткий мрамор спит —
весь в веточках астральных.
К младенцу на поклон моя стезя
через дорогу перешла, достала ключ пасхальный,

а там берлога, а не дом, — все спят,
все спят, все спят, все спят — во сне бормочут...
Мне кажется, что им дожди стучат
органом труб и пишут письма с меткой «срочно»:

проснись, воскресни, разбуди всех — закричи!
Иль не кричи — уснули все шарманки,
но звёзды, звёзды — эти шарлатанки
всё по небу летят, всё по морю, как чайки.
Ключами лязгают их золота лучи.

ЭМИГРАЦИЯ

Какая маленькая жизнь!
Зато в каких больших кавычках!
Пространств громады — море спичек,
ирония судьбы, зажгись!

Цитатный гном, текст-балалайка!
Головка кружится слегка...
Взял государства за бока
птенец безгнездной певчей шайки.

Летели, пропадали в снах.
Круги спасали, поезда ли?
Пейзажами родными стали
поля и жизни — на попа
поставленные.

Гном породы!
Люби без-родно! Князь-шофер
валетом шел по всем природам
и продолжал свой давний спор

о том, как с гувернером в Летнем
саду гулял, а здесь, пардон,
вульгарна nappu, в Сене, Темзе —
грязища, мусорка — Гудзон,

и всех Аркадий мир — палата
шестая, Блока Балаган,
что и за клюкву есть расплата...

Вот только Девочка-Адам,
Гольш — на ребрышках водички
прописана. И текст — как тень
морей-лесов, синичек-спичек,

а на нее глядят странички
в кавычках сгинувших Рассей.

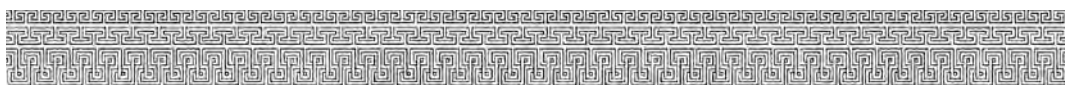
И шепчут: как ты не устала,
такой малюсенький куплет
в пустотах мира — под накалом
шпал, семафоров, в паре — с паром?
Что — несказанен — белый свет...

ПАМЯТЬ

Льюису Кэрроллу

И я у ангела стояла на плечах,
хранима бездной.
И я кричала палачам — кочан,
не голова моя, кочан капусты королевской...
Все головы... И я венчалась там,
где холод мрамора и расцветают только жилы
у рудоносцев слов, — но всем вещам
назначен срок хранимым быть могилой:
и ангелу, и лаве, палачу,
и плахе, и кольцу, фантазии и платью...
Который век, который снег сосет пылью
цветочка аленького в серных недрах. Это — память.

Галина БОГАПЕКО (Колосенко) — коренная москвичка, поэт (член МГО Союза писателей России, член Академии Российской литературы), давно и профессионально работает на ниве русской поэзии. Автор пятнадцати стихотворных сборников. Книги Галины Богапекко неоднократно выставлялись на международных книжных ярмарках, в том числе на non fiction. Публиковалась в газетах: «Поэтоград», «Московский литератор», «Литературные известия» и др.; в журналах: «Смена», «Дети Ра», «Журнал Поэтов», «Новая Немига», «Зинзивер», «Кольцо А», «Великороссь» и др.; в альманахах: «Муза», «Золотое руно», «Российский колокол», «Эолова арфа», «Новый енисейский литератор», «Подольский альманах». Стихи Галины Богапекко переводились на болгарский язык. Награждена: медалью С.Я Маршака, медалью международной премии «Литературный Олимп», Орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Орденом «Светить всегда» В.В. Маяковского.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я жаждала прозрачности воздушной, прозрачности морей и океанов,
И маленькой речушки без названья.
Во всей прозрачности есть чудные предметы —
создания живые, много света.
Но шлейф дорожный с промедленьем потянет за собой во мрак
Все иллюзорные хотенья, рождённые в больных мозгах...
А что в реальности? — Вселенной пробужденье —
Небесный свод на солнечных кострах.

ЖИТЬ ПРИВЫЧНО НЕПРИЛИЧНО

Я ощущаю себя гномом — по Анапе под зонтиком.
Вокруг огромные дома-тома и площади тронные,
В архитектуре — не достаёт готики.
Я передвигаюсь воображением в просветах — между и — сквозь,
Летаю как Карлсон с пропеллером. В движении! —

Так бы мне и жилось!
 Хочется шkodничать, хулиганить,
 выходить за пределы правил приличия, вредных правил,
 Как в детстве: «Пострел везде успел» — споткнулся, упал, не хнычет.
 И объявить судьбе импичмент, и жить привычно — неприлично.
 А кто бы этого не хотел?
 Чтобы плевать на понятие «имидж», плевать на всякие постулаты,
 Нырнуть в океан и пингвином вынырнуть, и встать на ласты,
 Осмотреться, понять, что не так, докопаться до истины,
 Что всё естественное — факт — лучше таинственной мистики...

БАБУЛЯ

В метро — поднялись — вышли, вошли — сели.
 Вот и бабушка из прошлого — в шляпе с пером,
 сесть поудобнее метит,
 Присела, вдвинулась аккуратно, — в колыбели!
 Достала айПад — дорогой когда-то. Включила! В сети!
 На этом свете...
 А ей, бабуле, лет девяносто, а может и более!
 Она в вагоне, но вне вагона, скорее в космосе!
 И зовут её, может быть, Глория,
 А может быть — Фрося?

НИ ПРИ КОМ, НИ ПРИ ЧЁМ

Здесь сошлись в равновесии ветер, солнце и влажное море,
 И душевная старая плесень растворилась в природной фаворе.
 Распласталась я, словно рептилия, на горячем песочке солнечном —
 Полусонно, ничком, днём безоблачным, от тоски, от жары,
 от бессилия.
 Закрываю глаза — искры, степь и реальное море — мираж! —
 Ни при ком, ни при чём, ни о ком, ни о чём, только конь, —
 на надлобье плюмаж.
 Конь — гнедой, молодой, где-то бродит его делибаш¹...

¹ Делибаш — удалой воин, лихой наездник.

Искры, степь и гигантская лилия! —
Стрекозой к лепестку, в лепесток, и качаюсь на длинном стебле я.
Вот такой незатейливый в мыслях мирок возродился и мигом
потерян.
Открываю глаза, надо мною оса, прожужжала и вверх улетела.
Шелестела листва, тихо, словно фанза¹, и как жемчуг блестела омела.
Здесь сошлись в равновесии ветер, солнце и влажное море,
И душевная старая плесень растворилась в природной фаворе...

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЗОНТ

Крыло — как кисть, две кисти у птицы,
А небо — лист, и птицы рисуют кистями биссектрисы,
А треугольники превращаются в листья
И слетают на землю причудой мыслью об Арктике,
О триединстве, о святости, о космосе, о галактике;
С горизонта за горизонт — дождь! Я открываю зонт.
Спицы-биссектрисы, куда уплывают мысли? Дождь! —
Крылья у птиц отяжелели, птицы — осели;
перпендикуляры пунктирами сплошь — мысли — сквозь дождь...
Московский канал — вступаю на акведук.
Я под зонтом прячусь от негатива,
прячусь от мира вокруг, шагая сквозь...
И в какой-то миг зеркальные вижу треугольники и отражаюсь в них!
Как хорошо, когда меня много!!! А одиночество мокрой дорогой,
в прозрачной майке, по мокрому асфальту,
спешит пообщаться по скайпу, забыв, что оно сурдологое.*
Зеркальный зонт — это моя планета!
В ней меня много — счастливой и светлой!
Дождь вокруг, вне планеты зеркальной!
Мир мой единственный, мир мой — астральный...
Зонт мой — зеркальный!
Дождь...

¹ Фанза — шелковая ткань.

Дмитрий ГАРАНИН родился и вырос в Москве. Окончил МФТИ, защитил диссертацию по теоретической физике. Работал в Физическом институте им. Лебедева АН СССР. В 1992 г. эмигрировал в Германию, работал по специальности. С 2005 г. — профессор на физическом факультете Lehigh College CUNY в Нью-Йорке. Автор около 130 научных статей. Писал стихи в 1978-88 и в 1988-89 гг., но не публиковал. После многолетнего перерыва активно увлекся поэзией в 2012 г. В настоящее время автор шестнадцати книг стихов, изданных под собственной маркой Arcus NY. Публикации в журналах: «Крещатик», «Слово/Word», «45 параллель», «Зарубежные задворки», Asian Signature (Индия, на английском). Постоянно живет в США (Нью-Йорк) и Германии (Баден-Баден).

АС-DC

В постоянном напряжении,
В беспрерывном дожимании,
В ожидании решения,
В концентрации внимания —

Переменные желания
И спонтанные хотения,
Необузданная мания,
Бесконтрольное стремление.

АРЛЕЗИАНСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Арлезинский Колизей
Каменным колесом
В открытый вкатывается объем
Неба темно-лиловых мастей.

Ажурных прорезей глубина —
В темный эфир окно

В колесе, падающем в астральный фонтан,
Как монета на дно.

* * *

К твоей груди припасть и там пастись
На нежных склонах агнец молодой
Чтоб мне лишь глаз твоих светила высь
Чтобы парить меж небом и мечтой

Приговорен надмирным я судом
К испитью чаши наслаждений дня
С тобой тропую узкою влеком
Чтоб на дворцы я вряд бы променял

Туда где мира поредел эскиз
На той недостижимой стороне
Где наш над морем воздуха карниз
И только настоящее в цене

* * *

Налетели прозрачные горы
И закрыли собой горизонт.
Не зевай и движением спорым
Рассекай их дробящийся фронт.

Блики солнца колышутся сетью
На песке под поверхностью вод.
Наблюдают приезжие дети
Пеликанов тяжелый полет

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Природа погружается в осенний сон
Не приходя в сознание умрет
Деревья облысевшие загнут поклон

Состарившийся хор сирот
Под ветром летаргически застыв
Нет солнца что лучами истекло
И волн кататонический мотив
Сейчас скует холодное стекло

Поэт усталый оглянись вокруг
В цепочке дней не года осень то
Тут время жизни замыкает круг
В падении из бытия в ничто
Как листья павшие бумаги собери
Все что тебе закончить суждено
И не таи от космоса внутри
Твоей души созревшее зерно

* * *

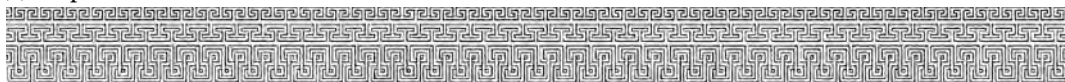
Когда миллионноколесный тяжелый состав
С цистернами нефти под гору свой бег ускоряет
И спят машинисты от нервной работы устав
О тормозов состоянье не подозревая

В такие часы над землей просыпается Бог
И грешников вкупе с невинными попеременно
Неслышной трубой призывает ступить за порог
И в баре вокзальном молиться у входа в геенну.

* * *

Принцип неопределенности
Вертит траекторию жизни
Закон осознанной вольности
Во все стороны тебя несет
По сеткам координатным
Где натяженье провисло
Листами пространства комплексного
Мембранами между пустот

А время блуждания этого
Не длинное и не короткое
Прямое бесповоротное
Одно для тебя и для них
Глубинное или высотное
Тоскливое или вольготное
В сравнении с чем-то вечность
В сравнении с чем-то миг

Михаил ЖИНЖЕРОВ родился в 1947 году в Чернигове (Украина). Окончил Киевский институт народного хозяйства, работал экономистом, читал лекции по линии общества «Знание». С 1994 года живет в США. Стихи писал всю жизнь, но публиковаться начал недавно. Автор книг «Рифмой по за-тылку» и «Пегас в бане» (аудиокнига). Член Российского союза писателей, Пушкинского общества США и Литературного клуба Нью-Йорка. Печатался в литературных альманахах «Поэт года», «Автограф», «Российский колокол» и др.

ЁЛОЧКА

Росла зелёная ёлка не в лесу, не в чаше густой.
Не зайца, лису и волка пленяла своей красотой.
Стегал её ветер хлётский, неслись облака к реке,
Стояла на перекрестке в маленьком городке.
Высокая, стройная, пышная. Как будто из детских снов.
Она не казалась лишней среди машин и домов.
Носились белки вприпрыжку среди зелёных ветвей.
Красивые, сочные шишки радовали детей.
И раз в году на рассвете, в ожидании волшебства,
Её наряжали дети к празднику Рождества.
Высокие и низкорослые, уставшие от трудов,
Ей улыбались взрослые, вспомнив родительский дом.

Но раз набежали тучи, и с яростью хищного зверя
Прошёл ураган могучий, ломая дома и деревья.
Вырвал он ёлку с корнями, легко, как будто смеясь.
И пала она ветвями в жидкую, липкую грязь.
И осветила зарница бури жестокой последствия.
Маленькую частицу всеобщего злого бедствия.

Люди спешат на работу. В школу бегут подростки...
Но не хватает чего-то на маленьком перекрёстке.

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Ледовый дворец сияет.
Алмазный сверкает лёд.
Оркестр так чудесно играет,
Что сердце в груди поёт.
Уносятся чувства в туманную даль.
Ласкают наш слух музыкальные волны.
Уходят из сердца тоска и печаль
И радость свободную душу наполнит.

А фигуристы стройные,
Ловкие и умелые,
Страстные и спокойные,
Быстрые и смелые.
И пары на льду не танцуют, живут,
Страдают и любят, о чём-то мечтают.
Как рыбки по синему морю плывут.
Как птицы по чистому небу летают.

К жюри обращаются взоры.
Судить — непростая работа.
Не все попадут в призёры
И на пьедестал почёта.
Но, танец закончив, на зал посмотри.
Не все вы призёры, не все победители.
Но разве оценки вам ставит жюри?
Оценки вам ставят влюблённые зрители.

А музыка с танцем сливаются
В какой то невиданной страсти,
И мир вокруг улыбается,
И жаждешь любви и счастья.

ПЕСНЯ ЛЫЖНИКА

Зима, лес стоит в неглиже
И всё живое тоскует.
Но праздник в моей душе,
Во мне всё поёт и ликует.
А снег как ковёр лежит,
И каждый шорох мне слышен.
От холода кто-то дрожит,
А я становлюсь на лыжи.

Покрыт я снежною пылью,
Но до чего же славно.
А палки сзади как крылья.
А бег мой лёгкий и плавный.
Медведь спит в своей берлоге.
Сосульки свисают с крыши.
Не разбирая дороги,
Несут меня верные лыжи.

О скорости страстно мечтаешь,
И смелость тобою движет.
Ты полный восторг испытываешь,
Если встанешь на лыжи.
Не сладят болезни и горе
С тем, кто со скоростью дружит.
А песня летит на просторе,
Заполнив радостью душу.

* * *

Зима. Воздух чистый и свежий. Лес голый в молчании строгом.
Снег белый, пушистый и нежный покрывает дома и дороги.
Весёлая молодость канула в лету. Сменилась на старость чинную
У телевизора и Интернета. И вместо лыж мы летим на машине.
Пусть сохранились и ум и сила, жизнь летит по накатанной схеме,
А впереди маячит могила и снег не радость уже, а проблема.

ВОЛК

Даже на отдыхе взгляд насторожен. Врагами жестокими он окружён.
Только свобода волку дороже. Волк ни к кому не придёт на поклон.
Он опасается каждого звука. Голоден часто бывает, зато
Подобострастно не лижет он руки и ни кому не виляет хвостом.
Волку никто никогда не поможет. Еды не подкинет голодной порой.
Волк одинок, ненавидим, так что же? Злобный, жестокий, но гордый
герой.

ЮНАЯ ПРЕЛЕСТНИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Как сладко в юности прелестной вдруг в красоту свою влюбиться
И как нарцисс в любви чудесной вдруг без остатка раствориться.
И хоть краса не бесконечна, увянет и пойдут морщины,
Она останется навечно в глазах влюблённого мужчины.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Бушует, мечется планета, стреляют, рубят, душат.
Царит насилие на свете, тела терзают, души.
Но жизнь у каждого одна, в ней есть любовь и нежность.
И всё равно придёт весна и расцветёт подснежник.

Ольга НАЦАРЕНУС — член Союза писателей России (МГО), член Интернационального союза писателей, международного союза творческих сил «Озарение». Неоднократно публиковала свои произведения в альманахах «Российский колокол», «Сборник прозы», «Литературное достояние России», «Золотое руно», в сборниках «Союзники», «Как судьбы людские, читаю я осень», «Дышать любовью», «ЛитОгранка», «Золотые купола России», «По ту сторону реальности», в журнале «Союз писателей», в литературной газете «Лик», в сборнике номинантов литературной премии «Лучшие поэты и писатели России». Автор книг «Сны моего сердца» (2013), «Иная вечность» (2015). Участник проектов «Писатель года» (проект сайта Проза.

ру), лауреат международного поэтического фестиваля в Македонии (заочное участие), победитель Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике» (2013), вошла в лонг-лист победителей конкурса-фестиваля «Бумажный ранет» («Московская правда»).

ОСЕНЬ

...Вот опять с полусонными ливнями
По домам ползут холода.
Ночи снова становятся длинными
И кончаются не всегда.

Дрожью мается зеркало старое
Обнимающих листья луж,
Солнце жмётся щеками впалыми
К тусклым лампочкам спящих душ.

Дни проходят не так, как хочется,
Ангел твой то кричит, то молчит.
Грусть закончится, и боль закончится,
Если кто-то в дверь постучит.

Маргарита ВИШНЯКОВА родилась и выросла в Москве. Стихи пишет с детства, долго не пыталась их публиковать. Окончила театральный институт им. М.С.Щепкина, курс профессора В.И.Коршунова. 37 лет служит в театре «Шалом». Заслуженная артистка РФ. Публиковалась в альманахе «Золотое руно».

СТИХИ К ДРУГУ

Ю.К.

1.

Друг мой милый,
Друг мой нежный,
Нам свиданье предстоит
Не с прекрасною надеждой,
Что навек соединит...

Нам назначено свиданье
Пред кончиной вековой,
Лишь последнее лабзанье,
Не омытое слезой...

По каким найдем приметам
Мы друг друга в той дали?
Караваны тьмы и света
Между нами пролегли...

Почитать ли тебе письма,
Что хранила сорок лет?

Доискаться ли до смысла
Тех вещей, в чем смысла нет...

Друг мой милый,
Друг сердечный,
Поскорее выйдем в сад —
Там созвездия как свечи
В тихих сумерках горят...

Там повсюду бродят тени
Всех, кто нас с тобой любил, —
Им играет на сверели
Легкокрылый Серафим...

2.

Совершенно неожиданно. Вдруг
Занемог жизни целой друг...
И сознание кувырком,
И никак не глотается ком.

Третий день позвонить боюсь.
Водку пью. На домашних злюсь.
И, пытаюсь удар принять,
Я не в силах ни жить, ни спать.

А погода так хороша!
А погода совсем, как та,
Отсчитать если сорок лет:
Дождик тот же, и тот же свет...

Уже флоксы всюю цветут.
Помнишь, клумбы и там, и тут?
Как повсюду разлит дурман —
Чуть вдохнешь и как будто пьян!

Совершенно неожиданно. Вдруг
Разомкнулся надежды круг,
И не слышен беспечный смех
Тех, кто к детству был ближе всех...

Я тебе ни жена, ни мать —
В путь последний не собирать.
Только где-то на дне души
Образ твой до конца нести.

3.

Выключи воду. Свет потуши.
И ни о чем не думай.
Надо просто скорей идти
Туда, где гуляют люди.

Где раздается счастливый смех,
Где распивают пиво —
Лето дается одно на всех!
Я прилечу, друг милый.

Я обниму тебя крепче сил.
Так, что разнять не сможешь!
Чтобы еще на земле пожил,
Чтобы смеялся тоже!

Друг мой! Так страшно...
Здесь модлодежь
Вечер справляет шумгый.
Выйди из дома! Закат хорош —
И ни о чем не думай!

Есть только этот неожиданный миг
Нашей чудесной встречи.
Слышишь, в душе нарастает крик,
Который тебя излечит?

Господи! План твой непостижим!
Неужто же нам по силам?!
Всюду мне видится Серафим —
Тихий и легкокрылый...

Август 2016 г.

* * *

Наверно, нелепо
И надо стыдиться,
Но я побороть не могу.
Видения детства
Все ближе. И лица
Уже различаю в кругу.

Из света и воздуха,
Ветра и тени,
Из бликов на темных стволах
Они возникают —
Из детства виденья,
Преображаясь в слова.

Слегка приоткрыты
Гардины на окнах —
За ними небесный простор
И воздух морской —
Из чего же он соткан?
Приводят меня
В старый двор...

Там все они есть! —
Слезы бьются о стекла
Теперь непременных очков —
От них убегала
И пряталась столько
В теснинах чужих городов...

Но свет покрывает
Нелепость ошибок,
Бессмысленность
Горьких разлук —
И вечно спасает
Тепло их улыбок
И нежность протянутых рук...

Наверно, нелепо
И надо стыдиться,
Что детской мечтою живу,
Но я непременно
Увижу их лица
И всех навсегда обниму!

16.08.16.

ДЕНЬ ПАМЯТИ М.Ц.

При жизни нам не будет встречи —
Мне не добраться в те места,
Где ты сложила крылья-плечи
У земляничного куста...

И где же было догадаться,
Чем Август так меня пленил?
Да просто любим расставаться!
А он — с тобой разлукой был...

Как ты могла тогда решиться?
Иль сверху было решено
Позволить страшному свершиться,
Чему названья не дано...

Но будем связаны навеки!
Твой кончился, а мне чуть-чуть,
Когда-нибудь к исходу лета
Я соберусь в последний путь...

Пусть так же светит солнце жарко!
Пусть воздух весело звенит!
Меня прощая, в старом парке
Куст земляничный пусть дрожит..
1.09.16.

МАРФО-МАРИИНСКАЯ ОБИТЕЛЬ

1.

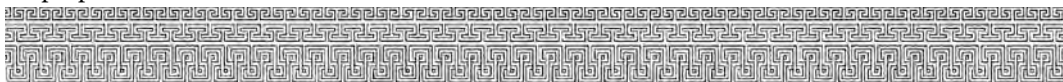
Немного посижу в твоей Обители
В надежде, что любимые родители,
Прекрасной жизни всей как будто зрители,
На время выйдут из Небытия.
Их теплое дыхание почувствую —
Глядят всегда с участием и грустью,
Напоминая добрые напутствия
На все — без них — текущие года...

И здесь, в Обители, соединимся снова мы
Под голубыми, тонкими покровами,
Скрепленные любовью — не оковами
На нескончаемую жизнь души.
Вечерним солнцем освещенный ясен
Дрожит под ветром — лист и желт и красен —
И смысл встречи так прозрачно ясен,
Что оживают детские мечты...

Еще не зажжены повсюду свечи,
Еще не слышно утешенья речи,
Но приближенье ощущаю встречи
С любимыми, которые придут!
Погаснет свет в преддверии Заутреней,
И на иконах стекла станут мутными,
А сердце вопиет: Родные, тут ли вы?
И мама с папой улыбнутся: Тут...

1-2.10.16.

2.

Все мечтала о Саде —
Получила во всей полноте...
Вот теперь он в осенней своей красоте
Так сродни моему настроению,
Словно давние письма
О нашей судьбе
На увядшие клумбы
Роняет в смятении
Золоченые солнцем холодным листья...
Знак ушедшего лета —
Наступление скорой зимы.

Еще можно представить:
Будто пишет Господь на старинной бумаге
Сочиненья свои — все поэмы да саги,
Так красиво на слух,
Что невольно и дух перехватит,
И услышишь мелодий
Еще не озвученный строй —
Он ведь тоже мечтал,
Предаваясь безмерной отваге,
О бессмертье для нас,
О всегда расцветающем Саде...

5.10.2016

Виталий ГРИГОРОВ — поэт, прозаик, критик, литературовед. Родился в 1975 г. В 2000 г. окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Автор четырёх книг стихов: «У кольцевой» (1997), «Пятиречие» (1998), «Оторванная голова» (2011) и «Ветер восточного юга» (2017); сборника статей «Благородная ярость» (2000); ряда статей о литературе и многих поэтических публикаций в периодике. Член Союза писателей России, МГО СП (с 2000 г.), Союза писателей Республики Крым (с 2015 г.). Награждён дипломом и медалью «За верное служение отечественной литературе» (2009), дипломом и медалью им. М.Ю.Лермонтова «Недаром помнит вся Россия» (2013). Живёт в Москве.

ИЗ КРЫМСКОЙ ТРИЛОГИИ «ВЕТЕР ВОСТОЧНОГО ЮГА» (2012–2014)

КРЕВЕТКА

Случайно, как конфетку,
Я проглотил креветку
Живую.

Теперь она в желудке
Страдает очень жутко,
Я чую.

Хоть взрослая, хоть детка,
Прости меня, креветка.
Случайно.

Открылся рот некстати,
Всосал тебя, но хватает:
Печально.

Я отрыгнул водою
Солёною морскою,
Но тщетно.

Не вышла ты, креветка,
Несчастнейшая детка.
Я — бледный!

ОСЛИК

В продуктивном: водочки и сала.
На скамейку: выпил — закусил.
Если вдруг покажется, что мало,
Этот фокус быстро повторил.

Солнце слева, слева море тоже.
Ослик прямо: на меня глядит.
Если б с осликом мы были чуть похожи —
Он бы справа выпил бы, бандит!

ГИПЕРАКТИВНОСТЬ

Хотя он русский, словно бы китаец:
Всё бегаёт, и рвёт, и плачет, и пищит,
Вдруг заорёт — порезал, было, палец,
А вдруг без умолку так целый день трещит, —
Что разболится голова и лопнут нервы!..

О! Дайте мне защиту и от стервы —
От матери его от сумасшедшей:
Всё ходит и болезни всем находит —
Бежит через минуту гость пришедший
И во всё лето больше не приходит!

Нашёл же брат себе жену, однако!
Ушли на море: тишина, покой.
Какая ласковая у меня собака...
— Ну что, всё выпито. Пошли домой?
— Пошли, но не домой, а за другой!..

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Все мы, нынешние люди,
Все мы — будущие трупы.
Девки, оголяйте груди,
Подставляйте крупы!

Петь, и пить, и веселиться,
Мяться, дёргаться, любиться.
Знай, подружка, под землёй
Жизни — ни-ка-кой!

Знай, подружка, там, где будем,
Нету глазок, нету грудей.
И лежишь, как пирожок,
А желал бы на бочок!

Всё исчезнет безвозвратно,
Девка, делай же приятно.
А покамест рыбки труп
С пивом — тут!

ШАМАНСКОЕ

С утра встаёшь и вроде бы шаманишь:
Посуду моешь, поправляешь, гладишь,
Раскладываешь рюмки, ложки, вилки,
На завтрак жарить курицы гомилки
С ворчаньем на жену и на детей,
На деда — человека нет круглей,
На новости России и Украины, —
Как ни крути, а наши здесь окраины! —
На белый свет, на чёрта и луну,
На залежалую травы копну,
А главное — на то, что нет на дне
Ни капли «для здоровья!» выпить мне...

АВТОБУС «МОСКВА-КЕРЧЬ»

А теперь у касс кричи иль не кричи,
Мы с тобою едем только до Керчи.
Через Харьков нам уже не проскочить —
Могут запросто в сортире замочить.
Пусть Бандера, пусть Шухевич, пусть нацизм,
Православье — вон, ура — католицизм.
Но какой бы ни был на Майдане марш:
Крымский полуостров всё же наш!

ПУЛИ

Сшиблись в воздухе две пули —
Русская-хохлацкая.
— Точно, дуры, ну, загнули,
Как-то не по-братски!

И упали в поле чистом,
Рядышком, дурёхи,
В поле нашем, в поле мглистом,
Словно хлеба крохи...

Марина ШАМСУТДИНОВА — поэт, прозаик, критик. Родилась в 1975 г. в Иркутске. В 2003 г. окончила Литературный институт им. А.М.Горького (мастерская Станислава Куняева). Автор пяти книг стихов: «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи» (2011), «Русская сказка» (2015), «Правда» (2016). Печаталась в журналах «Наш современник», «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Первоцвет», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Викинг», «Литературная Вена» и др. Лауреат поэтической премии им. Юрия Кузнецова (журнал «Наш современник») за 2010 г. Победитель фестиваля «Славянские традиции» — 2011, 2013, 2014

гг. Победитель конкурса СП России им. Н.А.Некрасова. Член МГО Союза писателей России, Союза писателей Республики Крым, Академии поэзии. Живёт в Москве.

МУКИ СМЕРТНЫЕ

Муки крестные — не безделица,
Распинают не на словах.
На кресте умирает девица
В сорок третьем году, в сапогах...

Её били четыре карателя
И насиловали впотьмах,
На разведчицу пулю не тратили,
Изощрения в головах...

Гвозди были кривыми, кровельными,
Крест по быстрому сбили, ржа...
По ногам её обескровленным
Кровь стекала. Стенала душа...

Партизаны отбили девицу,

Чуть живую сняли с креста.
Муки смертные — не безделица,
Но Спаситель не опоздал.

Зашивали московские медики,
Замуж вышла, растила детей.
На Параде — медали медные,
На ладонях — следы от гвоздей...

Снова землю топчут каратели,
Всё Распятому видно окрест.
Дела гнусные горе-старателей,
Бог — Он выдаст, свинья — она съест.

Остов ваш, подельником брошенный,
Обглодают собаки в кустах:
Знак «СС», да шеврон перекошенный,
Да предсмертный языческий страх.

6 октября 2015

РОДИТЕЛЬ РАЗ, РОДИТЕЛЬ НОМЕР ДВА

Он дал ей жизнь, он стал ей мамой-папой,
Родитель раз, родитель номер два.
Жизнь не виновна — люди виноваты.
От крови в парке рыжая трава.

Не гомосек, что любит секс с пелёнок,
Лелеющий содомские права.
Услышал писк, разрыл — а там ребёнок.
Родитель раз, родитель номер два.

8 июня 2015

Юрий ЖАРКОЙ — поэт, регулярно публикуется в детских журналах. Один из победителей Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова.

ДЕТСТВО

Ушедшей эпохой, как ветром,
Повеет от желтых страниц.
Тогда мы считали портреты
Живей настоящих лиц.

Тогда шепеляво славили
По формуле, всем известной:
«Шпашибо великому Шталину
За наше шишливое детштво» —

Оборванные, сопливые
Трущобные пацаны.
Но детство всегда счастливое
На Родине, без войны.

Как в поле бурьян росли вы,
«Заботой» окружены.
Но детство всегда счастливое
На Родине, без войны.

Не этой эпохе лживой,
Мы детству навеки верны.

Ведь детство всегда счастливое
На Родине без войны.

Ах, бросьте: «Пропало наследство»,
Не врите про корм не в коня.
Спасибо, великое детство,
Что было ты у меня.

* * *

Городок небольшой подмосковный.
Наш российский родной колорит.
Память здесь пробуждается словно
И так сладостно душу щемит.

Не спеша, долгим взглядом окину
Неширокий гостиничный двор
И пойду, разомкнув бирючину,
Посмотреть на приокский простор.

Капли с листьев роняют липы.
Кроны кленов воздушно легки.
И доносятся такие всхлипы
Задушевной подруги Оки.

А потом обращаюсь смущенно:
«Вы позволите рядом присесть?»
И в ответ мне кивнет благосклонно
Та, которая не как все.

Все наполнено благодатью.
Мы из чеховских давних времен.
И уронит листок ей на платье
Озорник бесшабашный клен.

И беседа у нас не разбудит

Пылкой страсти — зови не зови.
Пусть любви между нами не будет,
Но пусть будет тоска по любви.

И запомнится нам навечно
Наш неспешный простой разговор,
Наша краткая милая встреча
И Оки безмятежный простор.

ПИВНАЯ

Что может быть приятнее общения в пивной,
Под кружек стук и гомон полупьяный,
Пока еще не пьяный, но хмельной,
И споришь с собутыльниками рьяно!

Что может быть отрадней той поры,
Когда, устав от долгого блужданья,
В пивные погружаешься пары,
Царит где дух любви и пониманья!

В пивной любой — философ и поэт,
В пивной любой — политик и ученый.
И на земле другого места нет,
Где спорят так легко и увлеченно.

В пивной плевать на званья и чины,
Ведь здесь в почете ипостась иная.
В пивной, как перед Богом, все равны.
Да здравствует московская пивная!

ЦАРЬ

Сквозят лучи зари морозной
Через лес, заиндевелый сплошь.
Всесильный царь, прозваньем Грозный,
В руках унять не может дрожь.

В руках не держатся поводья.
Он скачет лесом, не спеша,
Громить боярские угожья.
Так что же руки так дрожат?

За ним — опричная орава
Проворных рыцарей ножа.
Кровавый пир для них — забава.
Так что же руки так дрожат?

Как сладко душу будоражит
Глухой удар ножом под дых,
Опричных клич в безумном раже
И вой боярынь молодых!

Он рвался к власти беспредельной,
Все на пути своем круша.
И он достиг заветной цели.
Так что же руки так дрожат?

Царь резко натянул поводья
И отвернул с дороги прочь.
«Заместо пира мы сегодня
Молиться будем день и ночь».

ПРАГА

Старинный город, молодая Прага —
Седым векам связующая нить,
И вечно неразгаданное благо —
Небесное с земным соединить.

И на каком бы ни был расстоянье
От Праги, будет душу беречь
Ничем не заменимое желанье
По пражской по брусчатке побродить.

На Староместски намести соборы
В душе запечатлелись навсегда,
И малостранских улочек узоры,
Гратчанских закоулков череда,

И Карлов мост, и Вацлавская площадь,
Над берегом крутым Летенский сад,
И тысяча пивниц, а может, больше,
И вознесен над Влтавой
Пражский Град.

Я Прагу вспоминаю с грустью нежной,
Как женщину, в которую влюблен.
Влюбиться в Прагу, был в ней, неизбежно,
И это, как неписанный закон.

Все чувства не изложишь на бумаге.
Перефразирую я классика слова:
«Хотел бы жить и умереть я в Праге,
Когда бы не было такой земли — Москва».

* * *

И вновь несется птица-тройка,
Закусывая удила.
Копыта пыль взбивают бойко.
Летит, как в цель летит стрела.

Куда летим, опять не знаем.
Не даст ответ и тройка нам.
И ветер вновь вздох глотаем
С дорожной грязью пополам.

И все же пусть несется тройка.
Господь да не оставит нас.
Летим, ах выдержал бы только
Раздрызганный наш тарантас!

Татьяна ЛЕТНЕВА — литературное имя Татьяны Александровны Абрамовой. И ее девичья фамилия.

Поэт, член МГО Союза Писателей России, член Клуба писателей ЦДЛ, литературного клуба СП Москвы (поэзия), литературного клуба «Некрасовка», «Подвал №1», поэтического содружества «Слиток-уЛИТОк», международного сообщества «Арт-салон Фелисион». Не-

однократный победитель межрегиональных и международных литературных конкурсов и участник литературных проектов, активный участник сетевой литературы. Награждена дипломами О.Мандельштама, М.Цветаевой, Ф.Тютчева в конкурсах «Галерея избранного стихотворения», печаталась в многочисленных литературных альманахах, награждена дипломами с вручением медалей А.С.Грибоедова, С.А.Есенина, А.П.Чехова.

Автор книг «Прикосновение к сказке», «Такое трудное понятие Любовь...», «Я птица, песня, звезда и вечность...», «Куликовы были», «Многообразием любви...», «Метаморфозы нежности», «Перекресток душ и тел».

За книгу «Многообразием любви...» автору присвоено звание лауреата конкурса «Лучшая книга 2011-2013» с вручением медали А.П.Чехова. За книгу «Метаморфозы нежности» автор награжден нагрудным знаком «Серебряный крест». За дополнительный тираж книги «Прикосновение к сказке...» (2016), где все пять сказок были объединены прекрасной общей жесткой обложкой, изданный МГО СП России в НП «Литературная республика», автору присвоено почетное звание «Заслуженный писатель».

ЛЕТАЛ НАД ВИТЕБСКОМ ШАГАЛ

Летал над Витебском Шагал,
Влюбленных души собирал.
Переносил затем на полотно,
Кого коснулось Ангела крыло.

Крыло любви, полётности крыло,
 Где Синий Ангел сыпал серебро,
 А синим воздухом — тепло,
 Чтоб различать добро и зло.
 И краски собирал Вселенной,
 И отражал, что истинно, что тленно,
 Мир украшал душой ребенка,
 И танцевал палитрой звонкой.
 Мечта, как многослойности пирог.
 Страстью — исток, порог, урок и срок.
 И ожерелье серебрястых строк,
 И Вечной скрипки плачущий смычок.
 Летать над повседневностью вдвоем,
 С душой Шагала — вот подъём!
 Наивностью и нежностью, огнем.
 Цветами бытия — текущий водоём.
 Как различить, где жизнь, где сон?
 Ведь Дух Любви так невесом.
 И прячется гармонии закон,
 Фантазией, сливаясь в унисон.

9–21 октября 2016, Витебск-Москва

ЛЮБВИ ДОЛЖНО БЫТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЧУТЬ-ЧУТЬ

Мне снятся сны, сюжетные, как фильмы,
 Я в них летаю, путешествую, брожу.
 По городам, которых я пока не знаю,
 Но, главное, с предощущением — ЛЮБЛЮ!

Любви должно быть больше, чем чуть-чуть...
 И не спугнуть пером жар-птицы счастье,
 На край обрыва с ней неожиданностью шагнуть,
 Бежать от неоправданных разлук, ненастья.

Из встреч, не найденных, зачеркнутых судьбой,
 Молчанием, затишьем, данным властью,

И ожиданием... твори... не только в бой,
Неоспоримостью дыхания, как страстью.

Из кладовой всё ж не растрочены дары,
В тех улочках, что многозвучием забыты,
Где в сумраке ночей блистают фонари,
Бесцветны чувствами, хоть окна приоткрыты.

Любви должно быть больше, чем чуть-чуть...
Поскольку с ней к бессмертию движеньем,
И даже, умирая телом, мыслью — в путь,
Огнем души, Любовью, как прозреньем!

ВОСТОРГОМ ПО ЛЕТУ... ПЛАЧ ПО ЛЮБВИ

Восторгом по лету... плач по любви...
Дождями осенними бьётся внутри.
Бессмысленно мучить и глухо страдать,
Поскольку по жизни — всегда умирать.

Восторгом по лету... плач по любви...
Ты миг уходящий лишь взглядом зови.
Как жизнь быстротечна и мысли хрупки,
И чувства летучи — души маяки.

Восторгом по лету... плач по любви...
Всё тленно и вечно, мольбой усмотри,
Как память по фото стекает дождем,
А счастье, как квота, видится сном.

Тяжелая глина — гончарным Творцом,
Оставила холмик печальным концом.
Горят две свечи, их дождь не залил.
И молодость смотрит взором твоим.

Восторгом по лету... плач по любви...
И жил, словно не жил, хотя и творил.
Последний полёт на Земле под землей,
О, Господи, душу Небес успокой!

ЯНТАРНЫЙ ЦВЕТ РЫЖЕЙ СУДЬБЫ

Эмоций лёд и сладких чувств сверхгоречь
Вписал прохладный август густо в повесть,
ЗанОзит янтарный цвет рыжей судьбы.
Реальность втекает и шепчет... всё ТЫ!

Заката день, неразговорчивый рассвет,
И тайных помыслов души нетленный свет.
Со мною ты такой, как будто бы и нет...
Фантазий всполох, тенью избранный сюжет.

И пряно-жгучее дыхание Земли
Пылает и тоской, и ожиданьем любви.
Примяты ливнями, дождями все цветы,
Волнением и запахом желтеющей листвы.

Касаюсь рукой кружевных георгин,
Изнеженность сборок — упругость пружин,
Вбираю покой влажных лохм хризантем,
Растрепанных девственниц сада «Гарем».

Взъерошенность их — сомненье во мне,
Но видимость-жесткость опять в стороне,
Терпением хрупкость и нежность мечтой,
Желаньем остаться с тобой, не одной.

Цветок ли иль птица, жара иль туман,
Секрет — для себя, для себя же — обман,
Покой и ненастье лишь в нашей груди,
К себе и к другим — Любовью сойди!

Не просто с дистанции миг приближать,
Но мысль проникает в тело опять,
Беззвучно пронзает невстречей в ночи,
И множится эхом: молчи... подожди.

А рыжая Осень огнём янтарей
Кидает отчаянье листьев-кудрей,
Обменом последней надежды тепла,
Всем тем, что обещано, что не дала.

ЗанОзит янтарный цвет рыжей судьбы.
Реальность втекает и шепчет... всё ТЫ!

ОЗЕРОМ МИНДАЛЬНЫХ ГЛАЗ

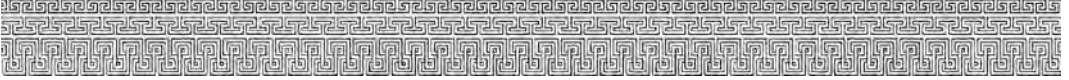
Перламутрово-белковым
Озером миндальных глаз,
Недосказанным, как новым,
Волновать... в который раз!

И зениц, маслинных, томных,
Их иссиние-чёрным блеском,
Отдалением невольным,
Взглядом отстраненья, всплеском.

И дыханием без фраз,
В их бездонность, как в глубины,
Вплыл предчувствием экстаз,
Сердца занял половину.

Тишь... сомнением игра,
ВИденье — шептанье ветра,
Дрожь осинного листа
На безденежье ответа.

В золоте закатном солнца
Жмутся бессердечно думы,
Ноты, как небес оконца —
Руки, будто звуки-струны.

Знаком близости — отказ,
В равнодушии — расписка,
Без оков притянут час...
Ты опять так близко, близко...

Марина РОМАНДИНА — коренная москвичка. Проба пера состоялась в юности, в последние годы, после долгого перерыва, снова стала писать стихи. Участник конкурса «Поэт года — 2011». Издала более двадцати сборников стихов в соавторстве, публиковалась в 12-ти альманахах МГО СП России. Финалист конкурсов МГО СП России: «Лучшие поэты и писатели России» (2014), «Литературное достояние России» (2015), «Бриллиантовый микрофон» (2016; Центр Духовного развития, г. Москва). Окончила литературные курсы СП. Награждена пятью дипломами МГО СП России. Член Российского союза писателей.

ХВАЛА МОЦАРТУ

Величье Моцарта постигнуть я желаю!
Звучанию на струнах сердца волю дам!
На них о музыкальном гении сыграю,
Душой восполнив неподвластное словам.

Возвышенных гармоний в музыке создатель,
Им в красоте и глубине — подобных нет;
Кто гением своим божественным украсил
Искусства древо, породив его расцвет!

Изобразитель тонкий ангельского мира,
Как будто житель потаённый райских кущ.
И нет блаженней фейерверков Вашей лиры:
Звук той, лаская, согревает, словно луч!

Вы окрыляли звуки неземных мелодий,
Из сердца глубины направив их полёт.
Их чистота вибраций с лёгкостью приводит
В тот первозданный мир, где Истина живёт!

Носили имя Вы «возлюбленного Богом»¹.
 А статус — гения от Бога — так высок!
 Эпохальным стали навсегда пророком,
 Задачи Промысла в Ваш гений Бог облёк!

В сиянье музыки, как — ангел светлоликий,
 Кто силой благодати противоречит мгле.
 И Кьеркегор сказал, что самый Вы великий
 Из всех людей, когда-то живших на Земле!

А Гёте называл Вас «недоступным чудом».
 Не только он редчайший гений не познал.
 Неподражаемым, непостижимым звуком
 Людей «божественный ребёнок» чаровал!

Вас современники сравнили с Рафаэлем
 В запечатлении талантом бытия.
 Мы удивляемся подобным параллелям,
 Они значенье мессиианства объяснят.

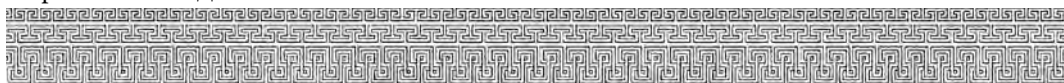
Отображая в творчестве Вселенной звуки,
 Что слышать было Вам дано других ясней, —
 Творили музыку, не вызывая скуки,
 Но к Свету обратив движение страстей.

И Вы, не знавший ни терзаний, ни сомнений,
 Кто неизменно проповедовал добро,
 Нас исцеляете дыханием Вселенной,
 Из сердца скорбь земную прогоняя прочь.

Искусством передали мастерство столетий, —
 Великий Мастер Вы и Вечный Ученик.
 И моцартовский звук плеядою созвездий
 Из музыки всех выразительней звучит!

¹ Состоит из двух имён «Теофил-Амадей», данных при крещении

Свет гениальности подводит к Абсолюту,
Раскрыв в себе иную сущность бытия.
Плодами радостными он приближен к Духу
И дарит чистоту душе, её храня!

Величье Моцарта — творца и человека,
Что вознесло талант его так высоко
На ярких крыльях триумфального успеха,
Нас возвышает удивительно легко!

Анна Александровна ФУНИКОВА — поэт, переводчик, эссеист, член правления и высшего творческого совета Московской областной организации Союза писателей России. До 1994 года жила в Грузии. Урожденная кахетинская княжна Джандиери.

Автор шести поэтических книг, редактор-составитель документальной «Книги памяти жертв политических репрессий жителей города Электросталь».

Кавалер Золотой Есенинской медали, лауреат премии «Золотое перо Московии», Чеховской премии, премий имени Ярослава Смелякова и Евгения Зубова Союза писателей России, награждена Золотым дипломом Бориса Пастернака Лиги писателей Евразии и Знаком отличия «За заслуги перед городом Электросталь».

Удостоена главной литературной премии Подмосковья — премии Губернатора Московской области имени Роберта Рождественского.

ИЗ ДОРОЖНОЙ ТЕТРАДИ

ТАНЦУЮЩИЙ ФЛАМЕНКО

Ну что с того, что рублище убого?
Глоток вина на ужин с коркой хлеба.
Танцующий фламенко спорит с Богом,
Танцующий фламенко спорит с небом.

Полёт над тёмным залом, как над бездной,
Где исподлобья улыбнётся странно,
Прикинувшись чужой и бестелесной,
Та женщина, которая желанна.

О, знал бы кто, как вам вдвоём непросто,
Козырный туз и дама той же масти...

Чеканна дробь шагов, пружинна поступь
Противоборства мужества и страсти.

ТАНЦУЮЩАЯ ФЛАМЕНКО

Как божественны в танцах испанцы!
Вызов смерти и вызов судьбе,
Бьют по струнам натянутым пальцы,
Пой, танцуй — и забудь о себе!

В каждом жесте твоём — безрассудство,
В каждом взгляде — звериная страсть.
Дай душе погрузиться в безумство,
В летаргию отчаянья впасть.

Все движенья короткие чётки,
Этот танец красив, но суров.
Здесь гремит под ногами чечётка
И презрительно хмурится бровь!

Брошен веер, разорвано платье.
Жизнь моя — крик вдогонку тебе.
Под гитару звучит, как проклятье,
Хриплый вызов ничтожной судьбе.

ОДИНОЧЕСТВО В ВЕНЕЦИИ

Одиночество в шумной Венеции —
Маска грусти, усмешка судьбы,
Что мелькнут в карнавальной процессии
На виду разномастной толпы.

Одиночество — шаг до безумия...
Тают отблески звёздных свечей,
И мешается нега лазурная
С негой солнечной меди лучей.

Голубей поднимаются таборы
С площадей в поднебесную синь,
И лукавы улыбки из мрамора
Безмятежных, как вечность, богинь.

В ВЕНУ!

Пора издёрганную душу
Лечить бессмертной красотой.
Я снова Штрауса услышу,
Увижу город золотой.

Мне, Вена, большего не надо,
Чем затеряться в полусне
Дворцов блистательного града,
Где вечность помнит обо мне.

Звонят скрипичные напевы,
Средь камня, зелени, огня
Взирают мраморные девы,
Спустя столетья, на меня.

Не знают небеса ненастья,
Дыханья роз в ночи свежи,
И вальсы обещают счастье
Снам очарованной души.

В ТРОЕ

Земля великой Трои под ногами,
Светлеют в долгих высях небеса.
Свистит стрела, взмывая над веками,
Молчат седые камни и леса.

Тысячелетья войн, века раздоров,
Баталий за монеты и любовь.
Свидетели всему — Гомер и горы,
Песок, веками впитывавший кровь.

Здесь беспристрастны солнечные дали,
И злато кратких дней считает Бог,
Грядут, как сны, столетия печали,
Гомером предугаданных тревог.

НОЧНОЙ СТАМБУЛ

Лунное яблоко в небе ночном...
Вечный Стамбул забывается сном.

Скрипка поёт из приморского бара
Небу, объятому звёздным пожаром.

Копья остры у вершин минаретов,
Вечность дыханием бриза согрета.

Льнёт тёплым боком к огням побережья
Сонный Босфор, темнокудрый и нежный.

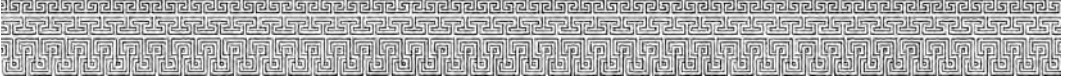
КАРАВАН СУДЬБЫ

Тебя на этом свете нет,
Ты мною выдуман однажды.
Мой караван, томимый жаждой,
Бредёт в ночи на звёздный свет.

Пусть в жизни всё наоборот,
Зато с пути теперь не сбиться.
Звезда над миром разгорится,
И посветлеет небосвод.

Идёт навстречу звёздным снам,
Зыбучим далям и барханам,
Последним миражам туманным
Судьбы отважный караван.

Во мгле спадает жар пустынь,
Песок в лицо швыряет ветер.
Мой караван идёт, а ты..
Ты всё же есть на белом свете.

Татьяна ХАТИНА — член МГО СП России, стихи пишет с 20 лет. Автор четырех поэтических сборников: «Снегопады любви», «Святые родники», «Солнечные качели», «Поле памяти». Участник альманахов «Муза», «Витражи», «Литературная республика», «Славянские встречи», ЛИТО Дома ученых РАН, «Родники России», «Атланты», журнала «Северо-Муйские огни». Лауреат и дипломат ряда фестивалей и конкурсов.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Сентябрь раскрыл свои объятия
В круженье рыжих фонарей.
Ещё деревья не сменили платья,
А ночи уже стали холодней.
Москвы живой зелёный ветер
Вдруг струнами листвы зашелестит.
Опустится на плечи синий вечер,
И где-то тихо музыка грустит.

Пронесется в седую даль машины,
Как будто грусть мою хотят умчать
В далёкий край, где море и дельфины,
И яхта на плаву устала ждать.
Приду домой, мой чай, вновь телевизор
И томик Грина под моей рукой,
А под ногами старый кот-подлиза
Качает изумлённо головой...

2008 г.

КАПИТАНЫ МОРЕЙ

Капитаны морей, золотые погоны,
Вы своих кораблей часто слышите стоны...
И матроски к груди приросли, просолились,
Капитаны в моря, как мальчишки, влюбились.

Капитаны морей, вы бродяги и франты,
Белый снег кителей, красота аксельбантов.
Силы странствий и ветра вам навек покорились,
Капитаны в моря, как мальчишки, влюбились.

Пусть из жизни уходят корабли и причалы,
Только в памяти бродят волны, страсти и фалы...
Капитаны морей, золотые погоны,
Снятся вам корабли, море, чайки и стоны...

У МОРЯ

В зыбке моря купаются звёзды,
Свет свой дарят нам издалека.
А под бризом ночным травы росны,
Но тропинка до них далека.
Купол сумерек мягко растаял,
Влажным стал потемневший песок.
Море тихо страницы листает
Сонных волн, да поёт ветерок.

Запах соли морского прибоя,
Из-под камня сбегающий краб.
Босиком по воде только двое,
Ноги в гальке холодной скользят.
Фонари робко пляж освещают,
Словно дарят влюблённым тепло.
Взявшись за руки, двое мечтают,
Чтобы всё это не утекло.

В горько-сладком слились поцелуе
Море, небо и влажный песок,
И слова: «Без тебя не смогу я...»,
И солёного ветра глоток.
А наутро с пустынного пляжа
Море ласково слижет следы
Этой ночи, морского пейзажа,
Крики чаек и шёпот воды...

2008 г.

ОСЕННИЙ ПОЦЕЛУЙ

Московский поцелуй оранжевого ветра,
Московский поцелуй, и кружится планета.
Из уличных дорог и площадей летящих,
Из вороха листвы на переулках спящих.

Осень в листве купается,
Чудо лишь начинается,
И в сентябре теряются
Летние миражи...
Ветер листву кленовую,
Словно картину новую,
Вновь нам бросает под ноги
Музыкой для души...

Осенний поцелуй — чуть горькая примета,
Осенний поцелуй, как сон бывшего лета.
Под вечер на скамье с оранжевой листвою
В сентябрьской тишине мы встретимся с тобою...

2008 г.

МОРСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Волны светятся аквамарином,
В гребнях солнца блик аметистов,

А вдали танец двух дельфинов
Так прекрасен, чист и неистов...

Золотые лучи рассвета
Обнимают, лаская, скалы,
И, нащёптывая секреты,
В них прибой ударяет валы.

На песке разноцветной гальки
Кружевная канва мозаик.
И играют на волнах чайки —
Белокрылое чудо стаек...

В небе синь от морских просторов,
Паруса облаков игривы.
Звуков моря щемящий нор, —
Ветер треплет каштанов гривы...

Волны светятся аквамашином,
В гребнях солнца блик аметистов.
А вдали танец двух дельфинов
Так прекрасен, чист и неистов...

2015 г.

Я РИСУЮ

Я рисую небо, облака и звёзды.
Я рисую солнце утренней зари.
И раскаты грома в летний вечер поздний,
Радугу цветную с неба до земли.
Я рисую ветра ласковую нежность,
Полюшко с глазами синих васильков.
И смешных ромашек белую небрежность,
Песенку лесную в лентах берегов.
Я рисую...

Марина ЗАВЬЯЛОВА живет в Москве, инженер-экономист. Член Союза писателей России и Российского союза писателей. Автор нескольких книг. Публиковалась в журналах «Юность» и «Кольцо А», в ряде альманахов, в том числе в альманахе «Золотое руно» с момента его основания. Дипломант литературного конкурса МГО СП России «Золотая осень» за книгу «Предчувствие» (2012), конкурса «Здравствуй, осень» (2013), литературно-общественной премии МГО СПР «Серебряный крест» (2014), литературно-общественной премии МГО СП России «Лучшая книга 2013–2015» за книгу «Навстречу солнцу».

ВЛАДИМИРСКОЕ КНЯЖЕСТВО ПО МАРШРУТУ СУЗДАЛЬ-БОГОЛЮБОВО-ВЛАДИМИР

Раззвонилась печалью строгою
Колокольная кутерьма.
Белой снежною недотрогою
Позвала, занесла зима.

Слишком холодно в граде Суздале,
В монастырском дворе покой.
Всё, что создали, да без устали,
Так никчёмно, хоть волком вой.

Перемелют дороги мельницы.
Красный угол — не знаешь, где.
Все мы иноки, все отшельницы,
От веселья бредём к беде.

Избы тёмные да околицы
Средь метели из века в век.
Нет роднее усталой звонницы,
Нет привычней замёрзших рек.

Хоть немного тепла, хоть капельку.
Медовухи спасёт глоток.
Сядешь с Господом на завалинку,
Что-то братец озяб, примолк...

Богом любово, гладью вышито,
И не саван вокруг — Покров.
Не кричит петушок на крыше-то,
Нет у песни раздольной слов.

Зиму белую, пору лютую
Пережить бы и перевозмочь.
Ясным солнышком март укутает,
Всё пройдёт — и печаль, и ночь...

ФЕВРАЛЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Стараемся всё успевать и взахлёб дышать.
Молчать, принимать неудачи, идти вперёд.
Мы любим на Невском, задумавшись, постоять,
Всё сделав не так, как должно быть, — наоборот...

Летим сквозь преграды, и Бог нам всегда судья.
Планировать глупо на годы, на век — смешно.
Не лёд раскололся — плывёт по Неве ладья,
В ней наши мечты, и не всё ещё решено.

Растает когда-нибудь город, всплакнёт апрель.
Под взглядом Петра снова строиться будет мир.
Мы выйдем в прихожую, солнцу откроем дверь
И выметем сор из уставших к весне квартир.

Елена НИГРИ — член СП России с 1998 г., живет в Москве. Стихи пишет со школьной скамьи, для взрослых и детей. Занималась в семинаре Ю.Сотника и Я.Акима, была участницей семинара в Софрино и 7-й Всероссийской конференции молодых писателей 1979 г. под руководством А.Барто. На протяжении многих лет работала редактором в разных издательствах. Автор нескольких книг стихов: «Окно выходит в сад», «Тишина», «Возвращение», «Дверь» (издательство «Золотое руно»), стихов для детей «Дом без крыши» и «Времена года», научно-популярной книги «Человек: загадки сознания», более пятнадцати книг из серии «Твое святое имя» (РОСМЭН), книги об иконописцах «Художники света». Печаталась в журналах «Кукумбер», «Решение», в межрелигиозном журнале «Дельфис», на сайте храма Св.Космы и Дамиана в Шубине и др. Удостоена премии Артиады России за лучший пересказ былин для детей.

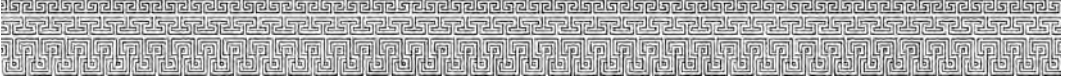
ИЗ КАКОГО СОРА...

«я знаю, из какого сора», — он ответил,
и в тот же миг взметнулся сор столетий,
и замелькали люди и предместья,
события — обрывки — междометья,
забытые могилы, обещанья,
и запахи, и долгие прощанья,
Масличная гора, вода из соли,
что въелась в кожу до сердечной боли,
сосновый лес, что нами был исхожен,
и поцелуй, который невозможен, —
все в памяти хранится, как в сосуде,
что помнит все и никого не судит...

ЛОДКА

когда ты ходишь по лесу кругами,
когда трава как бархат под ногами,

а сучья больно хлещут по лицу,
ты понимаешь: то, что будет с нами,
начертано бессмертными богами,
нас бережно ведущими к концу.
глядят безмолвно ели и березы,
роняют сосны смоляные слезы,
дрожат осинки, глядя в никуда,
они-то знают: скоро будут грозы,
наступят дни молчания и прозы,
и ты его не встретишь никогда.
но если вдруг спасительная лодка
мелькнет, как позабытая сиротка,
и тихо подойдет к твоим ногам,
поверь: то не случайная находка,
а послана тебе Гермесом ходким,
перевезти к блаженным берегам!

И СНОВА ЛОДКА...

когда тыходишь в лес воспоминаний,
то время исчезает для тебя.
и видишь ты себя еще ребенком,
и любящих тебя, давно ушедших,
и понимаешь: снова будет встреча,
и краткая минута узнаванья,
ведь все они, как прежде, живы —
и в Вечности, и в памяти твоей...
и снова эта лодка у березы,
я в ней лежу, и надо мною звезды,
и я плыву в реке воспоминаний,
и мне Харон прокладывает путь.
и рядом чья-то девочка смеется,
и чей-то мальчик окликает «мама»,
и вдруг тебя охватывает пламень,
и ты горишь в огне воспоминаний,
не в силах ни мгновенья позабыть...

НОВЫЙ ГОД

И прошлое выходит из забвенья,
Нежданно, как ночная электричка,
Как ночью ярко вспыхнувшая спичка,
Как боль давно забытая твоя.
И видишь ты невидимое всеми
Окно, и крест окна, и привиденье,
И тянется как ниточка мгновенье,
Вытягивая время из тебя.
И вот он, Новый год, без опоздания,
И елка с этим запахом домашним,
И мишура — наряд ее всегдашний,
И кто придет, не знаешь никогда.
Я помню аромат и свет фонарный,
Шуршанье пачки, запах нафталина,
И пятна на полу от парафина,
Что няня соскребала по утрам.
А мы ложились, что-то сочиняя,
Мы — две сестры, соперницы на время,
Делили маму — будущее бремя,
Стараясь все делить напополам.
Мы Рождества тогда не отмечали,
Нам свет в окне — лишь бабушка да няня,
Мы жили, дни и ночи обгоняя,
И все мечтали вырасти скорей.
Так прошлое выходит из забвенья,
Мелькнет, и нет его, как не бывало,
Все белое покрыло покрывало,
И только ветер дует из щелей...

СЕРЫЙ ДЕНЬ

И небо серое,
и серенький денек,
и под ногами серая дорога.
за что люблю я этот серый цвет,

за то, что в нем смирение от Бога,
а значит, есть надежда и любовь,
лишь скрытые от нас за облаками,
и я иду, сдирая ноги в кровь,
тебя обнять несмелыми руками...

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

и что мне этот пух, летящий в облака?
и что шиповника колючая рука?
жасмина белый цвет и улицы река,
когда чуть близкая и снова далека,
как та пушинка, и жасмин, шиповник —
не сбывшийся, но снившийся любовник,
тропа и лес, и дача у дороги —
все в памяти моей, все пребывает в Боге,
и все живет, покуда я жива
и в сердце зреют новые слова...

* * *

и колыхался воздух от свечей,
и двигались святые как живые,
монахини неслышные бродили,
и в сердце раздавались голоса:
«кто разлучит?..»
никто не разлучит,
пока молитва Божия звучит,
горит свеча,
сияют небеса,
никто
меня
с Тобой —
ни люди, ни тюрьма,
вот только если я сама,
сама...

МУЗЫКА

Представь,
что Гендель больше не звучит,
и Бах молчит,
и Малер вдруг затих...
Нет ни мелодии, ни звука —
только стих... —
слова, что падают как галька на песок,
за слогом слог...
И нету даже эха!
Представь!
Мне, право, не до смеха,
нет ничего — ни фуги, ни фугато,
ни сонатины, рондо, ни сонаты,
ни сарабанды, ни концерто гротто,
молчание, беззвучье просто...
Я думаю, Вселенная б сама
все звуки как скрипачка извлекла
из шелеста травинок и цветов,
движения по небу облаков,
из громовых раскатов, камнепадов,
журчания ручья и водопадов,
из свиста ветра, тлеющего стога,
а дирижером сделала бы Бога...

НЕТ ГЛАСНЫХ

нет гласных в иврите.
все гласные пятой графы —
в душе,
все тайное спрятано.
все, что поётся и тянется,
как ты и песнь о тебе,
и твоё ноющее
еврейское детство,
непроизносимое вслух

в силу извечного
молчаливого страха,
что узнают и не примут играть...
вот и остались одни согласные,
перекатывающиеся во рту,
словно камушки
вместо зубов,
что выбили на допросе
в той ещё жизни,
когда мы только дорастали
до своей избранной
Богом
нации...

РОСТКИ

видели, как чернеет земля под снегом?
как ползут из-под земли первые тугие росточки?
крепкие, как молодые грибки,
нежные, как первая крапива,
не ведающие еще
ни жаркого солнца,
ни железной лопаты,
ни солдатского сапога...

НЕ ЗРЯ

а ведомо птицам,
что ныне — война?
считают убитых
песок и волна?
а слышат ли взрывы
трава и кустарник,
что здесь, в перелеске,
стоит как алтарник?
наверное, знают
и чувствуют даже,

вот оттого и стоят,
точно стражи,
спасая в минуты
падений, тревог, —

не зря же творил их
заботливый Бог?

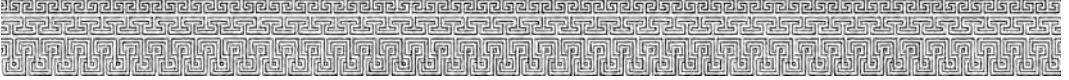
ОСЕНЬ

И если даже лист дрожит,
держась за ветку,
что говорить про нас,
оторванных от дерева, от корней,
и брошенных, как листья, на дорогу?
Нас могут жечь огнем, мочить дождем,
мести метлой, пока не обречем своей опоры
и не протянем нить к источнику Любви, началу всех начал...
Ты знаешь ведь, о ком я говорю?
О Лике, явленном давно на Плащанице,
что в сердце нашем погребен как в склепе,
пока Его в себе не оживим и не дадим расти, подобно Розе,
не станем листьями, привитыми к Нему,
нас будет по свету мотать туда-сюда,
мы будем все равно что колоски, забытые на поле...
Так я про листья... если лист дрожит, держась за ветку,
то значит Осень, Осень на пороге,
и листья полетят, совсем как люди, что брошены сейчас в котел войны,
и в нем горят и выхода не видят, и даже дети больше не играют,
а прячутся в подвалы, как котят, которых мать не в силах защитить...

ПСКОВСКИЕ ДЕСАНТНИКИ

Расстреляли в упор,
закопали под номером,
матери не знают, где их сыновья,
а того, кто рассказал, избили во Пскове.

Они лежат теперь на кладбище,
в Богом забытых Выбутах,
а сытые генералы получают награды,
богатеют землями...
Бедные матери смотрят на фотографии,
плачут и вспоминают своих сыновей,
молятся на икону Божьей Матери —
Та ведь тоже Своего потеряла,
значит, поймет!
Господи, услышь эти слезы,
утешь, поддержи, не дай духом упасть
в эти минуты страшные!
Солдатские матери считают убитых,
а в Выбутах крадут венки и таблички,
чтобы травой заросло
быльем поросло,
будто нет ничего и не было...

ВОЙНА

Война людей косою косит,
они ложатся как трава,
а ангел души их уносит,
и их последние слова...
Войне плевать на наши слезы,
на боль, что водкой не унять,
вновь на кресты пошли березы,
и над могилой воеет мать.
А где-то рядом куст рябины,
сосна и крошечная ель
глядят, как созревают мины,
готовя смертную постель...

ДЕНЬ

День не торопится уйти,
хоть ничего не обещает
и до того бездарно тает —

прости мне, Господи, прости:
пытаюсь вынырнуть на свет,
как рыба, что на дно нырнула,
но снова не туда свернула,
и впереди просвета нет.
А ночь все ближе, как убийца,
что вмиг зарежет, без ножа,
и не успею помолиться,
тебя весь вечер сторожа...

ЧИТАТЕЛЬ

ты, читающий эти строки,
в каких мирах мы встречались?
в каких сетях?
переулках?..
что подтолкнуло тебя
открыть именно эту страницу:
слепая судьба?
промысел Божий
или кармический узел,
который мы никак не можем с тобой развязать?
тайна...
эта большая птица,
которая коснулась сегодня
меня и тебя...
тайна, летающая над миром
и накрывающая своим крылом
случайных людей,
связывая их навеки
простым словом —
тем, что читается между строк,
проникает в сердце
и бьется там, как птенец в скорлупке,
ждущий своего проявления...

Ольга ЧЕЛЮКАНОВА родилась в Приморском крае, в семье военнослужащего. Часто переезжая, повидала весь Союз от Владивостока до Калининграда. Долгое время жила в Латвии. Окончила дневное отделение Литературного института им. А.М.Горького, семинар поэзии. В 1998 году принята в Союз писателей России (МГО). Член Клуба писателей ЦДЛ.

Пишет стихи и прозу. Переводила с латышского, болгарского, украинского. Живёт в Москве. Публикуется с 1979 года. Автор нескольких книг. Среди них «Стихи о России» (2003 г.), «Электронная скрипка» (2013 г.). Стихи публиковались в газетах, журналах, альманахах и коллективных сборниках. Песни на стихи Ольги Челюкановой можно послушать на сайте chelukanova.ru.

БОСС

Дымя гаванскою сигарой,
Начальник мой проговорил,
Чтоб не терял я время даром
И на работе не курил.

Что за вопрос?
Конечно, босс!
Растроган я до слез...

И, расточая запах виски,
Начальник мой сказал: старик,
Чтоб не было какого риска,
Не заливай за воротник.

Что за вопрос?
Конечно, босс!
Растроган я до слез...

Жуя биг-мак, начальник выдал:
Чтоб не случилось разных бед,
Работать будешь, чтоб не выгнал,
Без перерыва на обед.

Что за вопрос?
Конечно, босс!
Растроган я до слез...

«ИСХОД»

Эх, омочу бибрян рукав
Я в Гудзон-реке...

Может, скажешь, ерундовину гоню?
Наши Нюшки
За понюшку
Стали — «ню».
Есть проруха на старушку —
Раззвоню —
Наши Нюшки, как из пушки,
Стали — «ню».
То-то, нюни распустили мужики:
«Эх, пропали наши светлые деньки...»
Уплывают наши крали за кордон!
За доллАры,
За товары,
За капрон —
Наши Нюшки-хохотушки стали «ню».
Эх, генофонд пораспродали на корню...»
А чем ругаться, возмущаться, трепетать, —
Повнимательней Радищева читать...

А ни словечка больше тут не припишу...
...А в стороночке платочком помашу!

КОЛЕСО

То море — не море.
Ни хмари его — ни лазури.
Душевная смута
И мука растут, не ветшают.
Меня оглушают
Мои одинокие бури —
Чугунные, чуждые бездны
Меня искушают.

Меня иссушают
Огни городов неизвестных.
Горячечно-гордые
Башни они украшают.
Меня вопрошают
Мои одинокие бездны —
И новые тайные беды
Меня возвышают.

Меня разрешают
От бремени честной победы,
Судьбу разрушая,
Мечте мельтешеньем мешая.

Меня утешают
Мои одинокие беды —
И верные, прежние бури
Меня воскрешают...

ЛИСТЬЯ

Никаких — ни прямых, ни косвенных
приказаний перо не слушалось.

Что-то мне не пишется осенью,
когда кроны строгие рушатся.

А на каждом листе — иероглифы...
А на нём не прожилки — тайнопись...
Но вы падаете, как проклятые!
Прогляжу — следа не останется...

Светит солнце лучами разреженно.
Травы тонкие ниже никнут.
Вы — бросаетесь, как отверженные,
с небоскрёба. Нет. Не привыкну.

Ваши тайны стирает тление.
Ваше золото — цепенеет.
А другие листья — весенние —
не узнают вас, не оценят.

Будут долго дрожать деревья,
всем ветрам по-китайски кланяться,
но от вас они — и на время,
не избавятся, не избавятся!

МОЁ

Пустое забытьё.
Ни звука. Ни огня.
Найди меня, моё.
Вселись, моё, в меня.

Вернись. Не обессудь:
На что мне тлен и прах?
Отдай мне плоть и суть.
Не оставляй впотьмах.

Включи мне шум и свет.
И боль верни назад,
И тысячи примет,
Подряд и наугад!

Почти в руках покой
Предсказанный — точь в точь!
Но вечный сон — на кой?
Оставь мне день и ночь.

К чему мне вниз иль ввысь?
Зачем мне ад иль рай?
Моё — в меня вернись.
И мне — меня отдай!

Не надо — «на помин».
Хотя бы на «пока»
Мне губы крась в кармин,
Витийствуй у виска!

Пускай сначала — пульс.
Да будет жизнь — сейчас.
А завтра... Разберусь
В себе. В который раз!

ОКЕАН

В океане, огромном, где провалы-глубины,
И который постичь никому не дано,
Изогнув свои пёстрые и полосатые спины,
Обречённо и медленно оседают на тёмное дно...

Далеко от затейливой дамы Европы,
Далеко от морских кораблей,
Там, в воде их лучистые, светлые, струнные стропы
Всё белей, всё белей.

И не надо рыданий, и не надо сентенций,
Ведь они б не расслышали их
Среди синих и давних

Флюоресценций
Многокольчатых гадов морских.

Их паденье бесшумно, анонимно и тускло
Среди скользких и гибельных глыб,
Среди чванных и толстых гигантских моллюсков,
И в лучах электрических рыб.

Эх, была-небыла! Колыхаясь,
Горят купола, купола, купола
Парашютов, безвольных, как на суше медузы,
И теперь им осталось одно:
Чтоб без груза, без груза, без груза, без груза —
Погрузиться на самое дно.

Это чьи-то надежды. Это чье-то спасенье
Поменяло стихию. И попало в тиски.
Их хоронят базальты. Их колеблют теченья.
Их прессуют давленья.
Их заносят
Слепые
Пески.

СНЕГ

Последним снегом сей зимы
Была подёрнута природа.
Сюрпризами такого рода
Теперь забалованы мы.

...А снег не шёл, он возникал
Из невесомой протоплазмы.
Алмазом — грязи устилая
Средь переделкинского лая,
Он превращал округу в праздник
И тихо чудо предвещал.

Снег собеседника искал
В мерцальном предзакатном блеске.
Переливались перелески
Хрустальной снегописью.
Стал
Его полёт или паренье
Иным, коль ты его прочёл —
Белокипенное роенье
Небесных милосердных пчёл.
Беды и боли утоленья.

Бинты, врачующие души,
Свисали мягко до земли
И слёзы становились суше,
Рыданья становились глуше
И реже... и уже прошли.

Его прощальное круженье
И утомление его.

Предивный храм Преображенья
Плыл в обрамлении его..
31 марта, Переделкино

СОЗЕРЦАНИЕ

Я бреду по небесной гряде.
Я люблю утончённо и свято,
Когда сладкое золото заката
Растворяется в тёплой воде.

Этих рек круговые извивы,
Эти башни на склонах крутых
Слишком призрачны, слишком красивы,
Чтобы жизнь не разрушила их.

Только тянутся нити оттуда.
Вековечно. И ныне — и впредь.
И в зелёное золото пруда
Упадает небесная твердь.

И уже понимание близко:
Что всего-то на свете и есть —
Огневая, прекрасная искра,
Что способна вознесть и низвесть.

Из разверстого края заката
Станет кровь раскалённая бить.
Ведь нельзя утончённо и свято
В этом гибельном мире — любить.

ТРОЕ

Возлежат по углам рюкзаки,
У печурки торчат сапоги...
Снова трое за общим столом.
На троих — только крыша «на слом»
И транзистор. Молчат мужики.
Приубавить им звук не с руки:
Женский голос заморский вдали
О «пленительных кущах любви»
Им поёт. И не «люли-люли»
В головах: «се ля ви, се ля ви».

Где-то в мире блуждают такси.
Где-то есть, ну а здесь — не спроси.
Где-то в полную фазу огни,
Ну а эти — и трое — одни.
Барабанит по стёклам вода.
И бегут поезда — не сюда...
Рыбой пахнет сырой Беломор,
Самый воздух застыл и продрог.

С давних пор до неведомых пор
Ни своих, ни чужих — на порог.

Нападает волна на мостки.
Дебаркадер встаёт на дыбки.
Отчуждённая, мокрая темь, —
Разговорам не сыщется тем.
Наклонённые профили их
У зарёванных окон ночных...

ВЕТКА

Поздней зимой костёр развели.
И ветку тонкую бросили.

Старые палки горели без слёз.
Жалко. Жарко.
И все — одинаково.
А эту била мелкая дрожь.
Эта — корчилась, извивалась.
Пела. Плакала.

Не слышал огонь жалоб.
Огонь не жалел — жалил!

Устала увёртываться. Скулила.
Наружу просилась весенняя сила...
И снова забилась
В пламени лисьем!..
И лопнули почки.
И вылезли листья.
Маленькие. Зелёные.
Живые. Не опалённые.
Успели понять лишь это:
«Как рано настало лето!..»
Чёрные, скорчились.

Лето кончилось...
Белесый лес упёрся в высь.
А первые листья в огне
Родились.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Я вернулась сюда. Я иные угоды знавала.
На медлительный срок от Тебя отлучили меня.
Я в себе не вольна: я б хотела родиться сначала,
Чтоб прощенья просить, чтобы рухнуть в Твои зелена.

Мне б глазами врати в роковое Твоё поднебесье,
К преломлённым корням и душой, и судьбой прикипеть,
Чтобы в дальнем пути отворялись подворья и песни,
Чтобы, чувств не тая, лишь с тобою и плакать, и петь.

Хоть не лист человек — его носит по белому свету,
Да спасает подчас нестерпимая, ясная боль.
Не пускай — воскреси, научи, образумь, посоветуй...
В Твоих градах и всеях навек затеряться позволь!..

Не могу без Тебя. Всё святое Твоё и простое
Я узнаю и сердцем, и духом, и сном, и нутром.
На зелёный закат птица сронит перо золотое,
Розоватый рассвет пересыплет пурпурным пером.

ХОРОШО

Как хорошо! Иду-бреду...
Под сапогом снега хрустят...
И все опять меня простят.
И я найду свою звезду.
Иду по призрачной тропе,
В сиянии снегов спектральном...
Я больше не хочу спектаклей
И одиночества — в толпе.

Святое мужество лесов.
Сосновый запах, столько воли.
Здесь не наступят на мозоли.
Закрою душу на засов.
И в этот тёмный, старый дом
Никто на свете не ворвётся.
Горит звезда на дне колодца.
Сияет полночь над прудом.
Шаги вблизи слышу... Ладно!
Срываюсь с веток стая сов,
Лети по следу свора псов,
Чтоб больше было неповадно.
Я поселю огонь в очаг.
С корявых нар я пыль смахну,
И буду слушать тишину,
И накормлю волчат.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

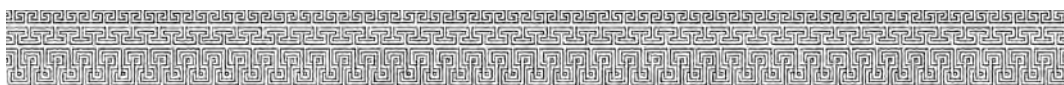
Ты пожалей меня, железная дорога,
Огни желанные, заманные зажги,
Да увези меня туда, где дела много,
Убереги от суеты, остереги!

Я стану звякать подстаканником в плацкартном
И при дежурном слабом свете с потолка
С соседом пасмурным перетасуем карты
И в распростецкого сыграем «дурака».

Да будут вёрсты, перегоны и платформы
С подслеповатым, наслезённым фонарём...
И разговор в «демократичном дискомфорте»
О том, что живо и за что не зря погрём.

Свет семафоров маневровых васильковый
Своею синью взбудоражил, напитал,

Так, что не знаешь: добровольно ли, силком ли —
Жива надежда — баснословный капитал!

Я воцарюсь на достославной верхней полке,
Ей не чета викторианская кровать,
Все передряги с расстановкою и с толком
До сна по полочкам пытаюсь рассовать...

Ах, на рассвете, на рассвете сладко спится...
Но перед станцией, где не было обид,
Сама судьба рукой бессонной проводницы
Меня легонько за плечо потерябит...

Екатерина ИНОЗЕМЦЕВА родилась 4 февраля 1982 г. в городе Оренбурге. Окончила философский факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Стихи публиковались в сборниках «Москва поэтическая», «Вперёд, славяне!», «Антология современной русской литературы на болгарском языке» (2012, Россия-Болгария).

МИР ГРЁЗ

Там под звуки нежной флейты
Ароматами шалфея
Одурманивает мысли
Грёза — ласкова фея.

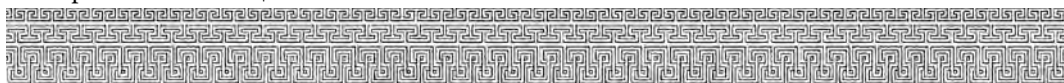
Там возможно быть с Норд-Вестом
Закадычными друзьями
Или стать ему невестой
И летать над облаками,

Справить свадьбу утром рано
В окруженье свиты эльфов
И поля укрыть туманом —
Невесомым белым шлейфом.

* * *

Белой голубкой иль ласточкой шустрою
Мне б обернуться, да слово заветное
Будто забыто, и на сердце пусто,
Будничных дней тишина безответная.

Марионеткой глухою и скучною
Днями бездумными шляюсь, послушная,
Мне бы прислушаться, просто послушать,
Как шепчутся ангелы, прячась за тучами.

Хватит топтаться всё вокруг, захолюстьями
Дум безотрадных, песками зыбучими,
Едкими страхами губить цветущие
Нежной души колокольчики звучные...

Добрыми сказками ивы плакучие
Сердце утешат, тоску убаюкают,
Ласковым шелестом, птичьими звуками
Шепчутся ангелы, прячась за тучами...

Татьяна ЧЕГЛОВА родилась в Москве, окончила Политехнический институт, Университет рабочих корреспондентов (Московской организации Союза журналистов), имеет среднее художественное образование. Член Союза писателей России (МГО). Многократный победитель, финалист и дипломант различных конкурсов МГО СП России, в том числе победитель конкурса «Лучшая книга года» (2014). Награждена дипломами и грамотами за проведение литературных вечеров в школах Москвы и Подмосковья. Лауреат Международной литературной ассамблеи «Слово и дело» (Болгария, Варна, 2016), член со-

дружества писателей Варны в номинациях «поэзия» и «перевод», награждена рядом дипломов за переводы с болгарского и непальского языков. Принимала участие в выставках Центрального дома художников (отмечена благодарностями правления Советского фонда культуры и Международного Сергиевского конгресса).

Имеет более тридцати публикаций в различных сборниках, газетах, журналах. Стихи Татьяны Чегловой переведены на английский, французский, болгарский, непальский языки. Автор книг стихов «Подари мне любовь», «Дарите свет любви», «Я соткала свой мир из грез». Награждена медалями «55 лет МГО СПР» и «60 лет МГО СПР»; медалью им. М.Ю.Лермонтова, нагрудным знаком СП России «Серебряный крест», медалью «Ветеран труда».

ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО

Стоит на Поклонной горе тишина,
 Не снится сегодня мальчишкам война,
 Тревожит мальчишек другой интерес,
 Уродует души «любовный прогресс».
 Девчонка, пришедшая с парнем вдвоём,
 Не плачет сегодня над Вечным огнём.
 К подножью солдата цветы не несут.
 Какой же рассудит их праведный суд?
 Поникла России седая глава,

И вместо пшеницы на поле трава.
Чей шире карман, тот везде преуспел,
Звериная похоть, сплошной беспредел.
Срубили берёзку, остался пенёк,
Как он от берёзки кудрявой далёк.
И совесть убита, и правда в петле,
А что же осталось ещё на земле?
За что воевали и гибли в войну?
Ужели за это? Никак не пойму!
Дай Бог убедиться, что я неправа,
А правда и совесть в России жива.
РОССИЯ, ты гордая Родина-мать!
Я верю, не дашь ты себя растоптать!!!

СВОБОДА

(перевод с непальского стихов Бахадура Сингха)

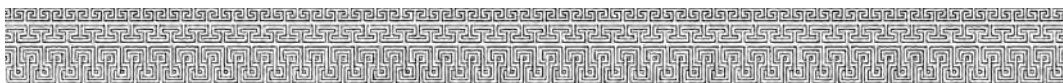
Что горы рвутся ввысь, известно,
Стремится море глубже стать.
Моей земле меж ними тесно,
Свободно хочется летать.
Расправив, словно птица, крылья,
Лечу я с нею до небес.
Там нет преград, и нет насилья,
И крыши не гнетёт навес.
Хочу взлететь в простор пуховый,
Где нету никаких границ,
Парить душой в мечте лиловой,
В природном очаге зарниц.
Хочу я плыть в открытом море,
Не полагаясь на мольбу,
Быть у штурвала на просторе
И строить сам свою судьбу.
Так **Я** моё в согласье с миром
Уйти пытается в себя,
К нерукотворному эфиру,

Где первоизданна суть моя.
Так дайте ж мне подняться выше
Иль опуститься в недр тайник,
Найти ту праведную нишу —
Свободы истинной родник!

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Свирель в руках мальчишки-пастушонка
Звала, мой взгляд к себе приворожив.
Лилась мелодия с холста так звонко —
В ней русской песни слышался мотив.
Картина на стене окном казалась
В Россию ту, где я родился, рос,
И с каждым взглядом болью отзывалась,
Комком у горла и туманом слёз!
Свирель в руке, она — тоска земная,
Вечерней зорьки слёзы на траве,
И в ней раздумий песня непростая —
Другой России нету на земле.
Печаль души, что с колокольным звоном
Нахлынет, как жестокая волна,
Быть может, есть другая, по-другому,
Такая как по Родине — одна!
Ей на чужой земле весьма раздольно,
Она корнями в сердце проросла
И так ведёт себя порой привольно
Что слёз и горечи ни счесть числа.
Звала свирель с картины, через время,
К себе тянули пряные стога,
Ведь на чужой земле — чужое семя,
Пусть даже там КИСЕЛЬНЫ берега!

МОНОЛОГ СКУЛЬПТОРА

(Перевод с болгарского стихов Станки Боневой)

Ваяю время. Создаю светила.
Но где же жизнь, чем светятся глаза?
В них темень одиночества застыла,
Бездонны, словно космос, образа.
Ведь знаю точно: есть душа у глины,
У дерева и бронзы тоже есть.
Стряхну с ладоней пыльные седины —
Бессилья миг и нетерпенья смесь.
И ветер страха прогоню из сердца,
Разрушу неприступный камня лес,
Чтобы во взгляде заиграло скерцо,
И взор запел гармонией чудес.
Вложу в тебя, моё ваянье, — душу,
Ты подожди, смогу тебе помочь.
Бескрайние просторы в ноги брошу,
Вдвоём с тобой всё сможем превозмочь!
Ты подожди, мне скоро станет легче,
Сойдёт с души студеная зима...

Христиана РОСС родилась и живет в Москве. По образованию художник-дизайнер. Член МГО СП России. Стихи печатались в ряде альманахов и сборников поэзии МГО СП России, в альманахах «Академия поэзии», «Золотое руно», «Антология современной лирики», в книге «Новые лица современной литературы», в «Большой книге лауреатов» (2014, 2015), в книге «Год литературы» (2015), в издании «Литературное достояние России» (2015) и др. Победитель международных литературных конкурсов «Россия-Италия», «Россия-Франция», медиа-конкурса «Дуэт», номинант Интернет-премии «На благо мира» (2012). Награждена дипломом конкурса «Современный очерк» (2010, МГО СПР), медалью МГО СПР «За вклад в отечественную литературу» (2015), лауреат премии им. А.С.Грибоедова (2010).

ТВОИ СТИХИ

твои стихи —
 звенящее одиночество...
 обрывками по площади
 гонимые, полощутся,
 заглядывают в лица,
 юродствуют, корчатся,
 прилипая к пыльным стёклам витрин,
 афишам,
 велосипедным спицам...
 ...искомости причин...
 под проливным дождём невстреченности...
 к дыханию вечности
 приникая устало,
 как мудрость безмолвием — к строкам Басё...
 минус перед единицей? — это немало.
 минус — это почти всё...
 чем ты был, но без тебя самого...
 подобно отражению вне реальности —

жизнь — не ритуал человеческой сакральности,
всё есть причина всего...
и нет человека без веры...
только каждый верит в своё,
обладая своей мерой.
осознаёт
себя, либо частицей Божьей,
либо летит... в пустоту, обтянутую кожей
иммунитета к истине
и нежелания изменяться!
падать всегда легче, чем подниматься...
в такой жизни нет места богозванности...
но любовью вера вымолит во тьме света глоток.
что такой вере молоток в гроб?!
этой малости...
мысль, постигнув, давно не страшится
не так уж плохо мириадами звёзд раскрошиться
в Промысле Божественной самодостаточности.
земной порядок не равен порядочности...
и хотя ещё отличают прелесть от прелестей,
уже не понимают всей опасности ересей.
и точка личной замкнутости обязательно должна лучить,
расширяясь в вечность!
иначе станет бузить, вскармливая нечеловечность,
шипеть пузырями газированной гордыни.
зачем бесконечность без любви и святости?..
Поэзия — во всём: в звёздных картах, в цветах,
в посланиях наскальных...
служение Слову — почти исповедь... о грехах...
или аромат слов пасхальный.
но, взяв свечу, не бойся! и не держи незажжённой!
верь!.. возложи желанья на алтарь духа.
неготовый?.. молчи удивлённо...
в безмолвии — дар слуха...

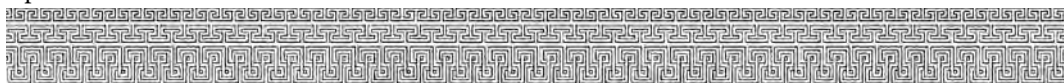
БОЛЬШОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Сокращая пространства, и мысль осязая,
 И срывая с сердец ледяные коронки,
 Взгляды встретятся так, будто рвутся потёмки!
 Прорастая в слова! А слова — та земля,
 Из которой рождаются века и потомки.
 За какую звездой ты, доверяясь, пошёл
 Каменистой тропой над обрывами, узкой?
 Что земное? Лишь пыль...Временной порошок,
 На беспечность людскую намазанный густо.
 Разум знает: возврата избравшему нет.
 И рассвет, и привал на скалистом подъёме.
 В одну сторону купленный жизни билет
 К берегам, коих жаждал, но был недостойн...

ОЖИДАНИЕ ВЛИЛОСЬ В НЕДВИЖЬЕ НОЧИ

Ожидание влилось в недвижье ночи,
 Тая в иероглифах ветвей.
 Их необъяснимый резкий почерк,
 Каждый раз меняясь, всё темней
 Распадался кракелюром трещин,
 Словно боль, до глубины причин.
 ...Молчаливость украшает женщин.
 Верность слову есть достоинство мужчин.
 Жаль, но двое ничего не понимают
 В этой философии вещей...
 Напылив, свой сор не убирают,
 А выносят вместе с истиной. Ничей
 Смысл ночным непарным вечным оком
 Высветил седеющий висок.
 Так ирония смягчает взгляд и опыт,
 Вдруг поймут, услышат ненароком:
 Без любви здесь всякий одинок...

БЛИКИ СОЛНЦА СКАЧУТ ПО СТУПЕНЯМ

Блики солнца скачут по ступеням,
Размышлений движут колыбель.
Ты, что Бог внимающим доверил,
Как дитя своё. И высветилась цель.
Приходящему — расцвеченный порог,
Трепет нежности и красоты неясной
Даровал, чтоб видеть зыбку мог:
В ней младенец, словно свет прекрасный!
Не клади же в колыбель сознанья
Ничего, что повредит Ему!
Благодарность — лучшее признание.
Слово воздвигает мирозданье,
Им же злоба призывает тьму...

Тамара ПОТЁМКИНА, кандидат исторических наук, доцент, родилась в Иркутской области. Проживает в Москве. Автор сборников стихов «Многогранность судьбы» (2006), «Многоликость любви» (2011), «Сезоны любви» (2015), музыкально-поэтического альбома «На перекрёстке чувств» (2014).

Победитель конкурсов МГО Союза писателей России: «Русь православная» (2 место) с награждением знаком «Серебряный крест» (2014 г.), конкурса имени С.Есенина «Золотая осень» (3 место) с награждением одноимённым орденом (2015 г.), конкурса «Россия-Франция» (2 место, 2015 г.). Финалист международной литературной премии «Наследие» (2014 г.). Лауреат 2-го Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» в номинации «песня» (2016 г.). Участница Международной литературной Ассамблеи «Слово и дело» в Болгарии (2016 г.). Член Российского союза писателей и Союза писателей России.

ПРОСТИ, РОССИЯ

Россия, милая Россия,
Ты — многогранна и проста,
Тебе б стать родиной Мессии
И жить «за пазухой Христа».

Но мы, твои родные дети,
Тебе покоя не даём,
Своим безбожным поведением
Отчизну часто предаём.

Прости все наши прегрешенья.
Что мы, не чувствуя вины
И поддаваясь искушеньям,
Заветы предков не храним.

Прости, что храмы разрушали,
Твоих святынь не берегли,
И потому свои печали
Преодолеть мы не смогли.

Прости, что позволяем бесам
Пустить в глаза соблазнов дым,
Не служим высшим интересам —
Тельцом пленились золотым.

Прости, что мы не ценим рая,
Любовь твою не бережём —
Лишь разрушая и теряя,
Осознаём и слёзы льём.

От наших действий днём и ночью
Ты раскалялась докрасна.
Такой пожар опасно очень
Держать за «пазухой Христа».

Как в детстве из костре картошку
Пытались быстро остудить,
Тебя с ладошки на ладошку
Кидает Бог — чтоб сохранить.

КРЫМ. ПРЕДЧУВСТВИЕ ВСТРЕЧИ

Здравствуй, Крым! Ты воочию мне незнаком,
Не вдыхала твой сладостный воздух свободы,
Не бродила по пляжам твоим босиком,
Услаждая свой взор красотой природы.

Наяву не встречались, но наш виртуальный роман
Длится долго, наверное, целую вечность.
С тех времён, как фамилию нашу узнал,
А граница уходит его в бесконечность.

Я как будто бы помню, как скудную почву
 Превращали заботливо предки в сады,
 Как геройски сражались они днём и ночью,
 Крым спасая от зла, от врагов, от беды.

Представляю дворцы твои и колоннады,
 В твоё море влюбляюсь, в небесную синь,
 И не ведаю, как описать мою радость,
 Что ты — дома опять, что ты с нами — в России.

Жизнь стекает песчинкой в песочных часах.
 Всё сильней ощущается лет быстротечность,
 Только я не грущу, и неведом мне страх,
 И не очень стремлюсь я в грядущую вечность.

Мне тебя ещё надо узнать наяву,
 В твоих нежных объятьях забыться под вечер.
 Назначай мне, мой милый, скорей randevu,
 Я надеюсь на нашу счастливую встречу!

ПОЛЁТЫ АНГЕЛОВ

Незримо Ангелы парят над нами,
 И в суете, не замечая их,
 Мы думали, что жизнь наладим сами,
 Не зная о Хранителях своих.
 В молитве и посте мы не радели,
 В потоке дней не ведая о том,
 Что крылья ангелов ломались и горели,
 Когда они от зла спасали дом.
 Мечтали о богатстве мы и славе,
 Стремясь в душе заполнить пустоту.
 Как трудно ангелам бывает с нами —
 И защитить, и отвести беду!
 Но, видя бесконечные ошибки,
 Спасают вечно нас от тяжких бед

И ангельской волшебною улыбкой
В сердцах незримый оставляют след.
Не требуют ни жертвы, ни награды.
Христос дарует силы и любовь,
Им только видеть наше счастье надо.
Храни их, Господи... и защити нас вновь!

ПАРИЖАНКИ

Я пью кофе у «Анжелины»¹,
А вокруг, словно птичьи стайки,
Утончённые, как балерины,
Завтракают парижанки.

Вот девчонка с осиной талией
Круассан доедает неспешно.
Интересно, о чём ей мечтается?
О любви неземной, конечно.

Рядом — дама, похожа на скрипку,
Нервно ест. (Спешит на работу?)
Вдруг лицо освещает улыбка,
И отходят куда-то заботы.

Не даёт ей сосредоточиться
На делах, словно гостя нездешняя,
Мысль о бурной вчерашней ночи,
О любви неземной, конечно.

Очень медленно и с достоинством
Шоколад пьёт мадам-старушка.
Маникюр, причёска пристойная
Рядом с ней — Болонка-подружка.

¹ Кафе в Париже

Чуть слезятся глаза от старости.
Жизнь её не была безгрешной.
Были в ней ошибки и шалости,
И любовь неземная, конечно.

Те сюжеты меня покорили.
Стали мне парижанки ближе.
Вы как будто без слов открыли
Мне великую тайну Парижа.

За окном моросит — ненастье.
Но оно не продлится вечно.
Я желаю вам мира и счастья,
И любви неземной, конечно.

ТОСКА ПО ПАРИЖУ

Моё сердце рвётся в Париж,
Зря твердят, будто время лечит,
Ведь душой, замирая, паришь,
Предвкушая добрую встречу.

Прилетели. Как всё знакомо:
Нагр-Дам, Монмартр, и Лидо,
Елисейских полей истома,
Только чувствую — что-то не то.

Мир вдруг стал тревожным и хрупким,
Загрустил даже старый каштан —
Где девчонки в коротких юбках,
Героини романов Саган?

Всюду вижу чуждые лица,
Даже женщин встречаю в чадрах.
Чья теперь ты, Париж, столица?
Кто твой Бог — Христос ли, Аллах?

Город весь — как взведённая мина,
Шаг неверный — она рванёт,
А в любимом кафе «Анжелина»
Шоколад мне араб подаёт.

Что осталось? Причудливость крыш
И уют старых улочек узких.
Моё сердце рвётся в Париж,
В тот, далёкий, ещё французский.

МЕЖ ЛЮБОВЬЮ И РАЗЛУКОЙ

От станции Любовь до станции Разлука
У каждого — свой путь по имени Судьба.
Кому-то сладок он, а для кого-то — мука,
Бывает, это — просто дорога в Никуда.

И мы однажды вместе в тот странный поезд сели,
Наивно полагая, что вечен счастья плен,
Что будет Жизнь беспечно, как в детской карусели,
Вокруг Любви кружиться без ссор, обид, измен.

А оказалось, поезд не бегаёт по кругу —
Идёт по расписанью в тупик сердечных ран.
Но лучше уж разбиться, чем потерять друг друга.
И против всяких правил срываем мы «стоп-кран».

МОСТЫ

Наши судьбы, словно в Питере мосты:
Жизнь то сводит, то опять разводит.
Стынут души от кромешной пустоты,
Встреча — и как будто солнце всходит.
Жаль, не долговечна эта связь,
Наших рук и губ соединенье.
Как бы нам хотелось удержать
Близости пьянящее мгновенье.

Питер, я твоим завидую мостам:
Ночью половинки их — в разлуке,
Но, назло метелям, ветру и дождям,
Утром снова вместе будут «руки».

ЗАКАТ

Прощальный отблеск солнца
В пустых глазах небоскрёбов.
Испита любовь до донца:
Осталось совсем немного.

Мигнут огонёчки «Хамера»,
Тебя мне не удержать.
Покажется пыточной камерой
Супружеская кровать.

Слезами разъедены веки.
А сердце разодрано в клочья.
Казалось, любовь — навеки,
Теперь уже не помочь ей.

Как счастье вдруг стало горем,
И кто из нас виноват,
Что променяли мы зори
На этот кровавый закат?

Дмитрий НЕМЕЛЬШТЕЙН — член Союза писателей России (МГО) и международной гильдии писателей. Автор сборников: «Да не престанет русский род» (2008), «Нечаянные Строчки» (2011, сонеты), «Святитель Филипп Московский» (2012, драма и пять поэм), «Три имени — одна Россия» (пьесы), «Я знаю отчего...» (сонеты). Сообществом поэтов и писателей, поименным голосованием членов СПР, признан одним из лучших поэтов России по итогам 2012 года. Лауреат (первое место) международного конкурса «По Чехову», проводившегося Международной гильдией писателей в рамках фестиваля «Культурное лето в

Хорватии» в 2013 г., в номинации «Драматургия». Автор исследовательских работ «Становление украинской государственности (2015) и «Чечня на пике пассионарности» (2016).

ЗАМКНУЛСЯ КРУГ

СУГУБО ТРАГИНАУЧНАЯ КОМЕДИЯ

Замкнулся круг. Коллайдера кольцо
Нас обручило с гибельною бездной.
Был ум людской дотошным огольцом
И бездну ту считал не бесполезной.

Он тыкался в неё, чудак, как мог,
Он уделял ей страстное вниманье...
Но был допущен только на порог,
При кой-каком взаимном пониманье;

В апартаменты дальние — ни-ни.
Он с ней вступал в ненужные дебаты...
Она в ответ: «Дружище, извини...
За вход беру особенную плату.

Какую?.. Догадайся, умник, сам,

В какую цену обойдётся вечность,
Дерзай! Не верь пугливым голосам...
Прозрений жажда — это ли беспечность?»

Шёл дождь, шёл снег, дул ветер без конца...
Но не везде — светило солнце где-то.
И, милостивой волею Творца,
Один ловил на удочку гольца,
Другой — в кольцо коллайдера — планету.

Эксперимент удался, господа:
Тот самый змий, по мановенью жезла,
Слизнул мирок наш славный... Ни следа...
И бездна вместе с тем мирком исчезла.

Явив свой гений, заплатив сполна
Открытием немислимых энергий,
Исчез глупец... Ни Ноева челна,
Ни звёздных войн, ни сказок, ни элегий?

(А вот жрецы инопланетных стран
Отметили явление сверхновой
Кто приходящем в местный ресторан,
Кто возлиянием в храмовой столовой).

А ведь совсем недавно как трясли
Приматы нашу славную планету...
И верили, что в вечность проросли...
И вот те на: трясли, трясли и... нету...

Ни вечности, ни бездны... Ничего...
Наш гений был примат первостатейный —
Он издревле мудрил над очагом
В старинном заведении питейном

И угощал нас зелием своим...
Нет, не вином... Напитком озаренья —
Любой был счастьем вечности дарим
На некое волшебное мгновенье.

Не помышляя о вселенском зле,
О благе соплеменников радея,
Он в маленьком мыслительном котле
Вываривал блестящие идеи.

Он первым тот бульжник подобрал,
И тем в глазах своих себя возвысил.
Не ведал бедный гений, что терял,
У вечности лоскут изрядный скрысив...

А дальше всё поехало, пошло —
Сук узловатый стал большой дубиной...
Приятнейшее это ремесло —
Дубинами крушить собратьев спины.

И вечность расступалась перед ним,
И бездна становилась всё бездонней...
Он колдовал, он был молвой раним,
Он нарекался белою вороной...

Но что ему?.. Копьё в его руках
Заткнуться вражий наговор призвало...
Казалось, он витает в облаках,
А он искал у вечности начало.

Лук, стрелы, порох, пушка и ядро —
Крепчала мысль за чередой промашек;
Желая всем добра, творя добро,
Он в небо запускал железных пташек,

Рубил леса для всяких разных нужд,
Кромсал планету, недра разрывая...
Был, впрочем, понимания не чужд,
Что посягает на остатки рая.

И, наконец, он атом оседлал —
Для общего добра, не для забавы.
Эйнштейн, Ньютон, да Винчи и Дедал —
Одно лицо, и никакой подставы.

Конечно же, он был не одинок —
В подземных склепах, в светлых кабинетах
Его ученики сбивались с ног,
В замысловатых путаясь сюжетах.

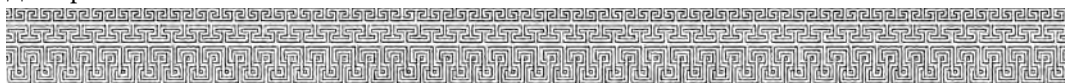
Струю пытаюсь водную поджечь,
Он в деле сём почти достиг успеха
(А вот на Марсе в практику облечь
Смогли тот опыт; вот была потеха,

Когда горели марсовы моря).
Сегодня Марс опять ему стал нужен —
Приятно в тайны дальних звёзд нырять
В слепой надежде вынырнуть наружу.

Чего он только в жизнь не претворил
Единственно для общего для блага;
Вот так он в бездну двери приоткрыл,
А вот закрыть, увы, не смог, бедняга.

Но, не теряя своего лица,
Не уходя, подобно интровертам,
В себя, он рылся в замыслах Творца,
Чтоб не прослыть безмозглым и инертным.

От предвкушенья бездны — замирал,
От ожиданья вечности — томился.
О том не ведал, что почти пропал,
Того не знал, что в монстра превратился.

Шёл дождь, шёл снег, дул ветер без конца...
Но не везде — светило солнце где-то.
И милостивой волею Творца
Один ловил на удочку гольца,
Другой — в кольцо коллайдера — планету.

Жалеть ли нам о том? Чего жалеть?
Был этот путь не нами предначертан...
Прекрасен мир! И лучше умереть
Не с ним, а в нём... На зависть интровертам.

Лариса АДАМОВА — кандидат психологических наук, имеет два высших образования: филологическое и психологическое. Работала преподавателем в ВУЗе, в настоящее время — директор по персоналу в сфере информационных технологий. Автор одного романа, рассказов, стихов. Печаталась в альманахе «Муза».

СЧАСТЬЕ

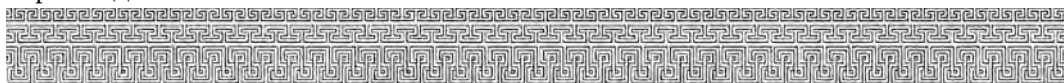
Счастье пахнет скошенной травой,
Свежею малинкою на полдник,
Листьями в саду над головой,
И вареньем: вишня и крыжовник.

Счастье пахнет розой под окном,
Мамочкой посаженной когда-то...
Помню, что сажала под дождём...
Только вот не помню эту дату.

Счастье пахнет ливнем и грозой,
Летней, разразившейся внезапно.
Ножкой дочки — грязной и босой...
Дочки, что студенткой станет завтра.

Счастье пахнет плюшками с корицей,
Долгим школьным летом без забот.
«Пусть же это счастье повторится!»
— Загадаю я под Новый Год!

ОСЕНЬ

Осень сочная,
Небо низкое.
Чувства прочные,
Счастье близкое.

Листья падают,
Темень ранняя.
Мысли радуют,
При параде я.

Землю инеем
Подморозило.
Чувства мнимые
Мы забросили.

ВЕСНА

Землю стылую
Ткут подснежники.
Мы, простывшие,
Пышем нежностью.

Зелень робкая,
Ветер трепетный.
Стоя в пробках, мы
В счастье верили.

Ливни тёплые,
Гром обманчивый.
Мы за стёклами —
Ах, романтика.

ОДИНОКАЯ

Одинокая и ненужная,
Засыпает теперь одна.
Муж ушёл с её подружкой —
Горькой выдалась весна.

Нет, увы, другого берега,
Запасного нет пути.
Как рыбёшке после нереста,
В глубину бы ей уйти.

С головою в тину спрятаться
Уши наглухо закрыть.
Чтоб не чувствовать проклятия,
От обиды не завывать.

Не даёт ей гордость пятиться,
Разрыдаться не даёт.
С понедельника по пятницу
Превращает чувства в лёд —

В выходные вырываются
Из-под корки ледяной.
Сердце раненое мается —
Больно, горестно одной.

ПРИВЫЧКИ

Я привыкла болеть без мамы —
Ну, поною порой немножко.
Кто из насморка делает драму?
Заболел — в работе окошко.

Я привыкла решать проблемы
В одиночку — почти справляюсь.
Да какие сложные схемы?
Ну, схитрила порою — каюсь.

Я привыкла быть очень сильной.
Слабой просто не получилось...
Жизнерадостной и мобильной.
Хвостик кверху — что б ни случилось.

Я привыкла носить забрало —
Вдруг удар — я к отпору готова.
Больно, боязно — всё пропало...
Отряхнусь и начну по-новой!

* * *

Ночи холодные в августе,
Звёзд под луною не счесть.
Как бы набраться мне наглости —
Здесь на сентябрь осесть?
Розы осенние пестовать,
Южное солнце ловить.
Снова душою не бедствовать —
Что называется — Жить!

* * *

Местами подратый, местами зашитый,
Потрёпанный серый рюкзак.
Девчонка с глазами собаки побитой
Идёт ночевать на чердак.
Ни больше ни меньше — прогнали из дома:
Мамаша и брат-наркоман.
На теле — побои, на сердце — разломы.
Счастливое детство — обман.
Сумеет ли выжить? Найдутся ли люди?
Спасут, пожалеют, поймут?
За мелкие кражи её не осудят?
Быть может... пока она тут...

Ирина АНТОНОВА — коренная москвичка, выпускница филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (отделение русского языка и литературы). С 1975 г. печаталась в журналах «Новый мир», «Юность», «Студенческий меридиан», альманахах «Поэзия», «День Поэзии», «Муза», «Истоки», во многих коллективных сборниках. Автор четырех поэтических книг: «Ветер риска», «Братец-клён», «Розовые тени» — книга в альманахе «Истоки», «Древесная книга» (2013 г. Российский писатель). В настоящее время — ответственный секретарь альманаха «Истоки».

ГРАЖДАНИН МИРА

Не так велик, поверь мне, шар земной,
И ты его к груди прижмёшь однажды.
Почудится страны далёкой зной,
И дальних странствий одолеет жажда.

Меняются эпохи и века,
Наш самолёт летит под облаками:
И вот он Ганг — священная река,
А можно очутиться на Майями.

Так хочется во всех земных морях
Омыть ступни и окунуться в воду.
Коралловый рассвет встречать в горах
И океана ощущать свободу.

Скажи скорей, куда мы полетим?
Как музыка звучат иные страны...
Железный занавес сменился золотым —
Я не у дел. Не сыпь мне соль на раны.

Но неимущим тоже выбор дан,
И он чужих не требует подачек.

Воображенья светится экран,
И шар земной вращается как мячик.

КОКТЕБЕЛЬ

М.Волошину

В белом продуваемом хитоне —
Небожитель протянул ладони...

В розовой дымке акварели
Облака над морем полетели...

За горою с профилем поэта —
Бухта, бирюзовая от света...

С нежностью почти благоговейной
Прикоснусь к воде благословенной.

И меня, как в древней колыбели,
Укачают волны Коктебеля.

Чайки прокричат над головою,
Всем предупрежденье штормовое:

Наглые, безмозглые, глухие —
Разве вы не слышите стихию?!

Посвист ветра, гиканье погони —
Ржут и скачут вздыбленные кони.

В берег бьют, вытягивают морды —
Это бури первые аккорды.

И всю ночь неистовый маэстро
Будет дирижировать оркестром!

СЕРДОЛИК

Прозрачен и прохладен,
К руке моей приник
Цепочкой виноградин
В браслете сердолик.

Рождён стихией водной
И вынянчен волной,
В таинственных разводах
Он дышит под луной

Мелодией преданий,
Опугывает слух,
И от его касаний
Захватывает дух.

С судьбой печальной споря,
Мы вместе столько лет!
И терпкий запах моря
Хранит мой амулет.

Туманится и манит
Камней бессмертный лик.
Когда меня не станет,
Люби мой сердолик!

ОДА ВЫБРОШЕННЫМ КНИГАМ

В плаванье свободное пустили,
Вынесли небрежно за порог.
Как скитальцы, смуглые от пыли —
Фет и Тютчев, Лермонтов и Блок.

Как бомжей вас гонят из подъезда.
Чей же вы нарушили уют?
Никому не нужное наследство
Азиаты-дворники сожгут.

Спрячу я украдкой под одеждой
Книжку, как продрогшего щенка,
Чтоб опять и верой, и надеждой
Прозвенела каждая строка.

В ОКНЕ

Горит в окне осенний сад.
Звучит мучительная нота.
И лист приковывает взгляд
Неповторимостью полёта.

Трепещет на ветру тетрадь,
И память зыбкая готова
Все листья павшие собрать
И обратить однажды в слово.

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

В писательском доме разборки,
Все карты смешала война.
«Возьмите меня в судомойки», —
Напрасно просила она.

Скоро всех вас покину,
Высвобождая путь,
В тягость не буду сыну —
«Милый. Не обессудь...»

Мечется, рвётся слово
В бездне небытия —
Мальчика золотого,
Боже, храни, как я!

ПРОЗА

Леонид ПОДОЛЬСКИЙ родился в 1947 году. Кандидат медицинских наук. Автор книг «Потоп» (1991), «Эксперимент» (2012) и «Идентичность» (2017). Готовит к изданию эпические романы «Распад» и «Инвестком» (частично публиковались в виде отрывков), книгу повестей и рассказов «Судьба». Печатался в журналах «Огонёк», «Москва», «Юность», «Москва», «Дети Ра», «Зинзивер», «Российский колокол», «Кольцо А», «Зарубежные записки», «Заметки по еврейской истории», «Новый ренессанс», в «Литературной газете», в «Независимой газете», в альманахах «Московский Парнас», «Золотое Руно», «Муза», «Созвучье муз», на электронном портале «Золотое Руно», в ряде других альманахов и сборников. Лауреат премий «Лучшая книга года» и «Герой нашего времени» за книгу «Эксперимент» (2012). Главный редактор альманаха «Золотое руно» и одноименного электронного портала.

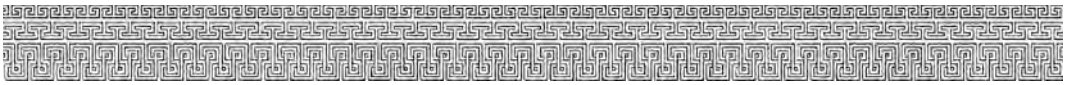
ДУРОЧКА И СИЗИФ

(рассказ-эссе)

Бес литературный, как Сергей Арзамасцев любил пошутить, проклянулся в нём лет тридцать назад. Хотя, и в юности тоже, но юность не в счёт, на заре жизни многих посещает бес сочинительства. Юность на то она и юность, половодье чувств, разлив желаний, огонь страстей, пора мечтаний, игра гормонов — Сергей Адамович вот уже скоро полвека трепетал от воспоминаний первой любви. Наташа... Наташенька... Натали... он встретил её лет через тридцать, на один только миг, в другой жизни, но — снова вспыхнуло, словно короткое замыкание обожгло. Увы, по разным широтам разнесла их к тому времени жизнь. Оба были несвободны. Пришлось всё снова — не забыть, нет, но в копилку памяти отложить... Теперь навечно...

Да, стихи писал, глупые, яростные, безнадежные порой, много раз начинал и бросал — в юности, — но всё не то, в стихах и сотой доли не было тех чувств, что бились в нём, как птица бьётся в клетке. Слова выходили бессильные, бледные. Тени. Бывало, ночью шёл, душа пела, стихи сочинялись сами, он декламировал их луне, звёздам, а приходил домой, садился за стол, брал ручку и — исчезали слова, гасли звуки, беспомощно сидел часами над чистым листом бумаги.

Да, не поэт, не судьба ему нанизывать рифмы на бегущие строчки слов. Недаром сказали как-то: версификатор. Печатали в городской газете, но городок был маленький, на краю страны, настоящих поэтов там не видели отродясь. Разве что портреты среди полупустых полок в Центральной библиотеке. Редактор был немолодой человек с интеллигентской, старорежимной бородкой, говорили — из России, добрый. Вот он-то и печатал за неимением лучших.

К восемнадцати годам Сергей и сам понял: не его стезя. В Москве в журнале стихи Арзамасцева раскритиковали. Что-то в нём оборвалось, чернила иссохли. А может, глупо расстались с Наташей...

Он собирался было переключиться на прозу. Но о чём писать? Про комсомол? Про завод? Комсомол Серёжа не любил. Состоял, да, все состояли, это была огромная ложь про коммунизм, до тошноты, конвейер, где души подвергали гипнозу, а со временем всё больше делали вид, на заводе же он никогда не работал, только на практику водили в школе. Хрущёв-недоумок придумал отнять год, но Арзамасцев так и не научился ничему. Писать, в сущности, было не о чем. Мечтал поступить в Литинститут, но в последний момент передумал и никогда потом не жалел.

Выходит, в юности баловство, проба пера; лишь достигнув возраста Христа, он кое-что стал понимать в жизни — в той убогой, застойной, советской, с очередями и блатом, совсем не такой, как хотелось, но вместе и полной надежд: ведь молодость, семья, дети, диссертация; в той жизни, где правда и ложь сиаемскими близнецами переплелись, срослись. Да, кое-что он начинал понимать, вот тогда его снова потянуло к перу. И чем дальше, тем больше. Арзамасцев после тридцати уже учился читать в душах. Это, как трясины. Затягивало. Он тогда кардиологом работал, сидел в поликлинике и беседовал по душам с людьми. Доктор Арзамасцев в белом халате. Сергей Адамович оказался любопытным. Узнавал разные истории, судьбы, сюжеты. Созревал. Его собственный опыт был скуден — застойное время, пустое, совковое. Он учился по книгам, у людей.

Прозрел Арзамасцев к началу восьмидесятых. Он не мог знать, что Советский Союз распадётся, но почувствовал: идея умирает. А может, умерла. Окончательно. Очереди, колбасные электрички, анекдоты, бессмысленные старцы в Политбюро, Афганистан — тянуло смрадом. Он догадался: распад. Он не знал, что будет после. Но начал писать свой роман. Он знал, что в стол, что ни одно издательство его не напечатает. Что — цензура.

Роман был антисоветский, роман — откровение, прежде всего для него самого. Арзамасцев и писал для себя. Этот роман был его университетом. Роман был сложный. Сергея захватила сверхидея. Он хотел показать, как возникает лжетеория, захватывает людей, и как она рушится. Не может не рушиться. Закон природы. Он писал про НИИ, но имел в виду совсем другое. Перебрасывал мостики. Учился быть Эзопом, играть в кошки-мышки с цензурой.

Это не была пустая работа. Напротив, работа на будущее, которое только вызревало. Он и время: они двигались навстречу друг другу. История собиралась совершить крутой поворот.

Он начал писать потому, что испытывал в этом потребность. И — он чувствовал — талант его рос. Он — раскрепощался, писал всё лучше, всё легче. Он становился мудрым, пронизательным. Художником. Прогрессировал на глазах. Вторая часть романа была намного сильнее, чем первая, но особенно — третья. До времени роман оставался тайной. Это было его, личное, святая святых, куда никому не было дороги. Его сокровище, его исповедь.

Между тем наступила перестройка. Он отнёс первую часть романа в журнал: стало можно. Там сказали: талантливо и обещали напечатать, но потом замытарили. Многое тогда хлынуло из тайных хранилищ, многое тайное стало явным, а у него не было громкого имени.

Сергей Арзамасцев так и не закончил в то время роман: не хватило сил, и времени тоже — сломалась эпоха. Настала другая, как весна после долгой зимы, а с ней — новые мысли и чувства. В гонке со временем он проиграл. Ещё недавно он казался себе пророком, открывателем, ниспровергателем, но новое время его обошло. Появились другие пророки: громкоголосые. Но и они — ненадолго, потому что скоро закончилось время литературы. Место писателей заняли политики. Потом обанкротились и они. И настала пустота...

Вместо ораторов очень скоро расплодились декламаторы... Жополизы... Вместо демократов дерьмократы...

Роман, почти законченный Арзамасцевым, остался в прежней жизни, в семидесятых-восемидесятых, сам же Арзамасцев яростно кинулся в новую. Он не станет депутатом, не станет большим предпринимателем, не судьба, но — не утонул, выжил, хотя его не раз могли убить. Восемнадцать лет он ничего не писал. Думал, что муза покинула его навсегда, не до того стало, но оказалось — на время. Он допишет свой роман уже в двухтысячные. Мастерство

его к тому времени возросло, расцвело, он легко описывал то, что раньше ему не давалось. Но — он вышел из темы. Он дописывал холодной рукой. Это был он, прежний Арзамасцев, но и совсем другой человек. Его роман пролежал слишком долго. Впрочем, в двухтысячные время повернуло назад. Покатилось в брежневщину, в застой. Прошлое снова стало актуальным. Всё возвращалось на круги своя...

... Он всё-таки кое-что успел в восьмидесятые. Несколько повестей и рассказов, издал книгу. Но книга затерялась, сохранилось лишь несколько экземпляров, всё осталось в прежней жизни. Рассказы, публикации в «Литературной газете», передачи на радио — всё ушло. Так уходит вода в песок. Он так и остался чужаком.

В двухтысячные Арзамасцеву придётся начинать всё сначала. Даже мысли его повторятся. Среди прочих, — о славе. Да, Сергей Арзамасцев хотел славы. А потому нередко думал о читателях. Где они, кто они, его читатели? Похожи ли на него? Ведь когда-то и он был читателем. Хотя и сейчас. Но обычно он представлял себя пятнадцатилетним. Давно-давно это было...

... В каждом из нас сохранилась частичка детства. Вот и он, Серёжа. Он приходил в библиотеку — библиотека стояла на отшибе, на пустыре, в библиотеке всегда было чисто и пусто, только Елена Викторовна, молодая, красивая, в накинутом на плечи оренбургском платке; она фанатично любила книги и писала стихи, интеллигентка, из дворян, на дикой окраине огромной империи — но это сейчас, сейчас, тогда он не думал об империи, не мог догадаться, — случайно узнал только, что родители её были из ссыльных. Он рылся в книгах, иногда его привлекали корешки, но чаще — фамилии. О, кого он только ни открывал! Мемуары де Голля, Черчилля, романы Фолкнера, Хемингуэя, Амаду. От Елены Викторовны Серёжа, кажется, впервые услышал о Достоевском. Похоже, Большой Брат так никогда и не добрался до тихой, окраинной библиотеки. Там были Пильняк, Бабель, даже Мандельштам. Лишь много лет спустя Сергей Адамович догадался, что Мандельштам и Пастернак были не библиотечные... Что Елена Викторовна тайно просвещала его... Штампов не было на семнадцатой странице...

Он выбирал книги по фамилиям авторов. Читал тех, кто был на слуху, или кого подсказывала Елена Викторовна: Симонова, Эренбурга, Шолохова, Виктора Некрасова, Есенина, Блока, Ахматову. Тогда же на время всех затмил

Солженицын. Были и другие писатели: Платонов¹, Синявский с Даниэлем, Тарсис² — о них Серёжа слушал по голосам.

Как читатель Арзамасцев не принадлежал к племени открывателей. Он был потребителем. Так же, как тысячи и миллионы других. Да, в то время были ещё миллионы. Оттепель. Страна оживала. За книги дрались в очередях. Книги читали, не только ставили на полки.

... Семидесятые, восьмидесятые. Застой. И снова замелькали декорации. Горбачёв, Ельцин, лихие девяностые. Театр абсурда. Только почему лихие? Почему театр? Говоря объективно, для Сергея Адамовича девяностые вовсе не были лихими. Его не убили, не ограбили больше, чем других, не посадили, его не тронули бандиты, он прожил без крыши и даже завёл свое дело. Дело было маленькое — торговля недвижимостью, — медицину пришлось оставить. Он выстраивал свою фирму долго, словно дом на песке, но всё же чудом дотянул до середины двухтысячных, закрыл свою фирму в две тысячи шестом, за два года до нового кризиса. Всё вышло точно по Марксу: концентрация капитала. Маленькая фирмочка не выдержала конкуренцию. Но и ещё: произошло то, чего не предусмотрел классик, — фирму разворовали пролетарии. Они уводили сделки. В конце концов, Арзамасцев стал смотреть на это философски. На их месте он делал бы то же самое. К тому времени он устал тащить воз — в двухтысячные мелкому бизнесу совсем перекрыли кислород. Арзамасцев предпочёл жизнь не слишком богатого рантье. Он впервые был свободен. Потому что свобода — это не выборы, даже — не честные выборы; свобода начинается с себя. Свобода — когда ты ни от кого не зависишь.

Так вот и случилось, что Сергей Арзамасцев вернулся в литературу. Может быть, оттого, что некуда больше стало идти. Теперь он знал, о чём писать: сама история стояла у него перед глазами.

¹ Андрей Платонов — один из наиболее ярких писателей советского времени. Неоднократно подвергался шельмованию. Умер в возрасте 52 лет от туберкулёза. В советское время практически не известен, за исключением узкого круга специалистов, книги его не издавались и в библиотеках отсутствовали, то есть практически был «исключен» из литературы.

² Валерий Тарсис (1906–1983) — советский писатель и переводчик, диссидент, литературовед, автор ряда произведений, которые были признаны антисоветскими и печатались в самиздате. Среди них: «Сказание о синей мухе» и «Палата № 7» (автобиографическая повесть о принудительном психиатрическом лечении). Подвергался репрессиям, в том числе принудительному психиатрическому лечению, в 1966 году был выслан из СССР и лишен советского гражданства.

Писателю Арзамасцеву, можно сказать, повезло. Он видел социализм — сталинский, брежневский, тупой — и ненавидел социализм с его несвободой. Он видел капитализм и ненавидел капитализм с его олигархами и бесправием. Это был не тот капитализм, и не та демократия, которых он ждал. Капитализм, в сущности, был такой же, как социализм: та же власть, те же люди наверху, похожие лозунги, только хитрее, такие же чиновники, только ещё более вороватые. Он видел Россию, которая теперь называлась демократической и новой, рассматривал её под микроскопом. Это был всё тот же портрет, нелицеприятный, уродливый, что писали Салтыков-Щедрин, Гоголь, Достоевский. Внешне многое поменялось, стало иным, и — всё то же. Русская система¹. Словно история — не река, а затхлый, илистый пруд, по которому время от времени бегут круги.

Сергею Арзамасцеву было теперь о чём писать. Он втянулся очень быстро — он любил сидеть за столом наедине со своими мыслями; он обожал одиночество. Он достал свой незаконченный роман, стал вспоминать...

Между тем за то время, что Сергей Арзамасцев выживал, зарабатывал на жизнь и изучал её сблизу, — то был невольный, нечаянный курс: в девяносто первом он стоял у Белого дома, а в девяносто третьем — у мэрии, — все переменялось в литературе. Стало не лучше и не хуже, по-другому. Если раньше это было огромное Министерство литературы — Министерство правды, с секретарями, издательствами, цензорами, главредами, с дядями Митями из идеологического отдела, куда допускали только своих, проверенных, партийных, и только изредка — талантливых чужаков, то теперь... Арзамасцев с некоторым удивлением узнал, что все толстые журналы пережили Советский Союз и даже лихие девяностые, но теперь их почти никто не читает. Тиражи стали мизерными, а сами журналы — скучными. Впрочем, скучными они были и раньше, но раньше стоило только намекнуть... А сейчас, кому интересна буря в стакане воды? Ещё он узнал, что писателей стало много, тысячи, но — почти нет ярких имён. Что издательства бедствуют, и, чтобы выжить,

¹ Русская система — этот термин введен учёными, преимущественно политологами, для характеристики особенностей и отличий политической системы России на протяжении столетий её истории от политической системы Запада. Для русской системы характерны монособъектность власти, её отчуждение от населения, крайняя централизация и доминирование над иными институтами, отсутствие действительной системы разделения властей. Считается, что подобная политическая система сложилась под влиянием Орды.

раскручивают книжки про килеров и бандитов. Что литература теперь — бизнес, но бизнес убыточный. Что книжные магазины закрываются. Что появилось много новых журналов — энтузиасты пока не перевелись, — но и эти журналы мало кто читает. Что книги, даже хорошие, теперь издают за свой счёт, а по телевидению и по радио за деньги рекламируют графоманов. Зато появились «Проза.ру» и «Стихи.ру», и в стране теперь целых полмиллиона поэтов. И что писатели и поэты пишут на этих «ру» друг другу рецензии, взаимно, нечто вроде самообслуживания, и что эти рецензии заменяют читателей.

— Как же найти настоящих писателей в этом море? — заинтересовался Арзамасцев. — Это всё равно, что искать иголку в стоге сена.

— Вы сами ответили на свой вопрос, — сказали ему. И засмеялись:

— Теперь у нас равенство. Как при коммунизме.

На этом откровения не закончились. Оказалось, что существует огромное количество премий и что у каждого поэта и писателя, даже самого бездарного, есть премии и награды и часто, чем бездарней, тем больше наград. И что многие писатели — члены разных академий, нередко весьма экзотических. И что многие премии, награды и ордена продаются за деньги. А ещё: проводится огромное количество фестивалей, появился даже термин такой: «литературный туризм» — на этих фестивалях поэты пьют водку и читают друг другу стихи. Словом, огромная индустрия, со своими дельцами и энтузиастами, где покупатели и продавцы — одни и те же люди.

Арзамасцев был человек со стороны, и от этого поначалу, пока не привык, всё это показалось ему странным. Он представил обувную фабрику с огромным конвейером, на котором тысячи людей шьют туфли, которые никто не покупает. Смешно? Такого просто не может быть. Такую фабрику тотчас же закроют.

Впрочем, нет, воображение подсказало Арзамасцеву, что такие фабрики существовали — при развитом социализме. Но там — план. Оттого социализм и вылетел в трубу. Хотя: при социализме сметали всё, даже брак.

Выходило, что поэты блаженные люди, занятые перепроизводством. «Пусть так, — возразили Арзамасцеву, — пусть лучше стихи пишут, чем водку пьют».

С Арзамасцевым всё происходило по-иному. До времени он сторонился суеты. Он только работал. Закончив свой первый роман, он не стал его никуда относить — роман был слишком толстый для журналов, — положил в стол и принялся за новый.

— Всяк сходит с ума по-своему, — сказала жена.

— Чем бы дитя ни тешилось, — отвечал он.

Писатели, в самом деле, дети. Честолюбивые дети. Но, с другой стороны, разве не честолюбие и любознательность толкают на открытия учёных, путешественников, мореплавателей, изобретателей, авантюристов, заставляют творить актёров и режиссёров? Да, честолюбие, и ещё — творческий порыв, жажда самовыражения. Арзамасцева же захватила История, та, что с большой буквы. Он её видел, трогал руками, участвовал, он не был рядовым — теперь он хотел описать, понять, когда всё улеглось. Когда смирилось течение жизни. Когда История на время замерла. Он писал исторический роман, на основании личного опыта, от восемьдесят девятого года (или восемьдесят восьмого?), когда он впервые вошёл в тесную квартирку, где собирались члены ДемСоюза — прямо с корабля на бал, там телевизионщики снимали фильм и брали интервью; оппозиция — это было модно — и до девяносто шестого, до президентских выборов и залоговых аукционов, когда ясно стало, что их, его, использовали втёмную. Что революция окончательно выдохлась. Что революцию делали одни, а все выгоды получили другие. Что Россия снова в тупике.

О, это был великий роман, «Война и мир» двадцатого века. Так, по крайней мере, казалось Арзамасцеву.

О, он не был скромен. Напротив, он был дерзок. Он в очередной раз, как в политике или в бизнесе, бросал вызов судьбе. В сущности, он должен был ответить лишь на один вопрос: почему всё произошло именно так? И — могло ли быть иначе? Отчего история России так фатальна?

По мере того, как Арзамасцев писал, вопрос раздваивался, делился на множество других, всё новым вопросам не было конца. Могли ли победить демократы? И — были ли настоящие демократы? Или — только большевики? Что мы (они?) хотели построить? Был ли какой-то план? Почему сразу забыли о конвергенции? Где, когда совершены были роковые ошибки? Вопросов было множество. Арзамасцев всё больше ощущал себя не просто писателем — не столько писателем, — но и историком, и философом. Или это и есть настоящий писатель?

Через год или два он почувствовал усталость. Временами Сергей впадал в депрессию. По ночам груз казался неподъёмным. Роман всё больше разрастался и этому не видно было конца. Он чувствовал себя Сизифом, обречённым. Но — подавлял свою депрессию; чем сильнее испытывал приступы усталости

и тоски, тем больше заставлял себя работать. Он бросил вызов судьбе, он должен был победить. Должен! Так продолжалось несколько месяцев.

Со временем, однако, Арзамасцева стали одолевать новые мысли. Что станет делать он, когда закончит свою эпопею? Положит в стол? Понесёт в издательство? Но в каком издательстве станут читать его труд, быть может, многотомный, если у него нет громкого имени? В издательствах, говорили, на чтение большого романа ридеру положено всего несколько минут. Издать за свой счёт? Но кто станет читать его роман? Это в советское время дрались из-за книг.

Имя — вот что нужно ему! Имя! И он решил на время оставить свой роман, эту глыбу неподъёмную, и отправиться за именем. Он знал, что шансов у него мало, что перед ним стена, иные писатели десятилетиями поднимались со ступени на ступень, обзаводились знакомствами, но выбора у него не было.

Потребовалось всего несколько месяцев, и новый роман был готов. Слегка легкомысленный, слегка сатирический, милый и умный роман, так казалось Арзамасцеву. Он отнёс его в журнал. Роман был либеральный, как и сам Арзамасцев, и журнал считался либеральным, но роман не взяли. Стена. Несколько месяцев Арзамасцев штурмовал либеральную стену, переносил свой роман из одного толстого журнала в другой. Разница была только в том, что в одном месте роман прочли быстро и тотчас вернули, в другом — держали очень долго, так долго, что Арзамасцеву надоело ждать, и он отнёс своё детище в патриотический.

И — завертелось. Нет, он не проснулся знаменитым — не те тиражи и не то время — всё снова, как вода в песок, это он уже проходил. Разве что в интернете обнаружил несколько благожелательных рецензий. Потом ещё. Газеты писали, но кто же сейчас читает газеты? А он не прибывал к асфальту мошонку, не оскорблял чувства верующих, как бесшабашные пуськи, не приковывал себя к зданию «Нью-Йорк таймс», как знаменитый Эдичка Лимонов.

И всё же... Спокойная жизнь закончилась. Ему бы ещё несколько лет упорно трудиться изо дня в день, — но это он потом, задним умом, — а он вступил в Союз. Дачи там теперь не давали, из-за дач шли суды и даже завели уголовное дело, судились не простые писатели, генералы, поливали друг друга, дом творчества остался только один, и поликлинику увели, зато...

... Зато в Союзе было интересно. Колоритные люди, имена, портреты. Славное прошлое. Сталинские вельможи на стенах. Литературные маршалы. Тени, привидения. Расстрелянные, сосланные, доносители, легенды. Дядя Степа за

углом. Знаменитый ресторан на Поварской. Тот самый, где убили деда Хасана¹. Виртуальные таблички: «Здесь хулиганил Смирнов-Осташвили»². «А здесь избивали Домбровского»³. Буфет, где во время оно КГБ прослушивал выпивающих писателей. Это сейчас они никому не нужны, а ещё недавно... Писательский дом, перманентно требующий ремонта, на который нет денег. И другой, через улицу — Ростовых, — превращенный в Воронью слободку. Интриги, хозяйственные споры, бизнес. Либералы, охранители. Газета русских писателей.

Арзамасцев был человек новый, неопытный, слегка идеалист, а оттого чуть ли не сразу оказался в положении Бобчинского и Добчинского, принявших Хлестакова за ревизора. Только он, Арзамасцев, принял Сашу Гордиенко за одного из главных боссов. Да ещё и за знаменитого литератора. Ошибиться было легко. Саша награждал премиями, вручал ордена, носившие имена классиков, а если и не вручал сам, то обещал похлопотать, на столе у него лежали незаполненные грамоты от префекта и письма из мэрии, куда только нужно было вписать фамилию и имя и даже ордена от Госдумы. Говорили, что Саша всё может, даже похлопотать о звании почётного деятеля искусств. Что всё имеет свою цену, так это далеко не сразу узнал Арзамасцев. А вот что в первый день: вывеска с золотым тиснением на двери. Из вывески следова-

¹ Дед Хасан, настоящее имя Аслан Усоян, криминальный авторитет, лидер «кавказских» преступных группировок, распространивший своё влияние на криминальный мир всего постсоветского пространства и ряда стран Запада. Убит в 2013 году во дворе ресторана «Старый фаэтон» — во дворе Центрального дома литераторов.

² Константин Смирнов-Осташвили — известный русский националист и антисемит, Председатель Союза за национально-пропорциональное представительство «Память», основатель и руководитель Клуба друзей журнала «Наш современник», «прославился» дебошем в Центральном доме литераторов 18 января 1990 года во время собрания писателей, членов общества «Апрель». Был осужден на два года лишения свободы, в тюрьме повесился.

³ Юрий Осипович Домбровский (1909–1978) — прозаик, поэт и литературный критик советского периода, автор романов «Факультет ненужных вещей», «Хранитель древностей» и других, был четырежды репрессирован. В 1978 году после опубликования на Западе романа «Факультет ненужных вещей», был избит в фойе Центрального дома литераторов группой неизвестных, предположительно агентов КГБ и через несколько недель, не выходя из больницы, скончался от сильного внутреннего кровотечения.

ло, что Александр Гордиенко, как минимум, секретарь, председатель Высшего экономического совета, да ещё и лауреат. Премия значилась весьма авторитетная. Впрочем, в то время Арзамасцев разбирался слабо. Он пока всё принимал всерьёз.

Сергей Адамович посчитал: выходило, что третий человек в Московской организации. Столп. Молодой, подающий надежды литератор, ответственный секретарь солидного журнала. Это потом оказалось, что журнала вроде и не существует. То есть, с одной стороны, журнал был, в нем печатали людей с именами, и прочих — за средства авторов, но, с другой стороны, обнаружить этот журнал с профилями Огарёва и Герцена ни в одной библиотеке Арзамасцев так и не смог. Но это всё потом, потом; тогда же идеалист Арзамасцев верил, что пришёл в сакральное место, в храм, и вовсе не ожидал подвоха.

О, Саша Гордиенко был jovialный тип: одухотворённое, даже красивое лицо, волосы до плеч, настоящий Ленский, любимец женщин, краснойбай, глаза с поволокой, обожатель муз, преимущественно белокурых, как раз в то время у Саши бурно развивался роман с очередной Офелией; мирское в Саше выдавало лишь сытое брюшко поклонника французских коньяков и итальянской граппы. Словом, синьор из высшего общества. Впрочем, и про Офелию, и про коньяки Сергей Адамович узнал позже; в момент знакомства ригорист Арзамасцев наивно не подозревал о существовании виноградной водки.

Вопреки внешности, Саша Гордиенко не был поэтом. Только прозаиком. Бруталистом, как он сам себя характеризовал. Действительно, проза Гордиенко была брутальна, как топор, с матерком, и писал он всё больше о хулиганах, бандитах, наркоманах и килерах. От учёбы в Литинституте у Гордиенко имелось определённое мастерство, он умел блеснуть, умел заговорить, но человек он был исключительно беспринципный, гоголевский тип, смесь Хлестакова и Чичикова. Но это — потом, далеко не сразу разобрался Арзамасцев. А уж как хвалил Саша только опубликованный роман Сергея Адамовича — так, будто в самом деле его прочитал.

Вот он, краснойбай Гордиенко, и убедил Арзамасцева, что нужно ехать в Неаполь на Школу романистов. В Неаполь, где бывали Гоголь и Горький — проездом на Капри! «В Неаполе вы сможете блеснуть своей эрудицией перед итальянцами и перед нашими, конечно. Там будут одни корифеи».

Вообще-то адресов было множество: Варшава, Берлин, Париж, Лондон, Мадрид, Нью-Йорк. Везде были выставки, фестивали, конференции, презентации, мастер-классы — литература Гоголя, Толстого и нашего современника

Проханова мановением Сашиной руки покоряла изумлённый мир. Покоряла, правда, несколько своеобразно. Разместившись в четырёхзвёздочном отеле, российские писатели выступали обычно друг перед другом. Но откуда было знать об этом новобранцу Арзамасцеву?

Нужно признаться, Арзамасцев был впечатлён размахом писателей России. Неясно, правда, было, на какие шиши? И почему Лондон и Париж, а не Пенза, Вологда и Саратов?

— Увы, — вздохнул Саша, — за свой счёт. Да вы не беспокойтесь. Скоро вы сами станете миллионером. Мы издадим ваш роман в Париже.

Арзамасцев не поверил, чем очень потом гордился. Но всё равно приятно. В Париже! О, Саша Гордиенко умел найти подход. Умел сказать то, что хотели от него слышать. Умел польстить, пустить в ход своё беспредельное обаяние. В тот день он без особого труда сумел убедить Арзамасцева ехать в Италию, в страну Петрарки и Данте. В Неаполе, в этом городе рыбаков и моряков, фиесты и каморры, святого Януария и театра Сан-Карло, некогда самого большого в мире, в городе, хранящем память королевства Сицилии и римских легионов, знаменитом видами на Везувий — в этом городе будет давать мастер-классы сам Мэтр.

Поначалу Арзамасцев слушал скептически. Чему можно научиться за несколько дней? Пожалуй, много больше подействовал на него доклад: «Новая русская революция». Тут его хлебом не корми...

О, да, он хотел рассказать итальянцам о том, как революцию украли. О том, как демократию опорочили, а имя демократов присвоили другие. О том, кто виноват, что слово «либерал» стало ругательным. О том, почему вышло именно так и почему по-другому быть не могло. Что за семьдесят лет страна была слишком изувечена. И — не те были вожди. Но других не было. И что народ устал, разочаровался. И что никакой новой революции нет. Болотная площадь — только эпизод, стихийное возмущение, не больше. Усталый народ снова должен копить силы, и что нынешнему поколению ничего не светит. В сущности, это было продолжение его романа.

Впрочем, не только доклад: Саша Гордиенко обещал издать роман Арзамасцева на итальянском.

Странно показалось другое: «Новая русская революция» — в «патриотическом» Союзе. Но Саша был человек широких взглядов. Его интересовали деньги, а не «патриотизм». Года три спустя он организовал сразу две конференции: «Наш Крым и Донбасс» и «Вильна, незалежна Украина». Разница

была лишь в цене. За выступление на «Крымнаше» взнос составлял пятнадцать тысяч рублей, а за «Вильну, незалежну» — ровно вдвое больше. Но это — потом; к тому времени много чего интересного открылось Арзамасцеву.

Не только на Хлестакова похож был Саша Гордиенко. А чем, например, не Ходжа Насреддин? Не Остап? Весёлый человек, плут, он обещал раскрутить графоманов в больших писателей. «Дайте мне миллион долларов, — любил повторять Саша, — и я раскручу даже обезьяну».

Да, Мюнхаузен отдыхает. Тот, по крайней мере, врал вполне бескорыстно. Саша же возил своих доверителей и клиентов — в Нью-Йорк и Лондон, и по прочим европейским столицам, заглядывал даже в Пекин. В Нью-Йорке вручал Всеамериканскую литературную премию, учреждённую собственным, то есть его, Саши, Союзом писателей, в Лондоне — Всеанглийскую, специально для российских писателей-лохов. Премий было множество, всех не перечесать. Саша Гордиенко был великий пиарщик, умел обращать человеческие слабости в звонкий металл.

Лишь изредка случались казусы: Сашу били. Об этом он сам с возмущением, но и с нескрываемой гордостью рассказывал в интернете. По утверждению Саши, били его бездари и завистники, те самые обезьяны. Но это — через несколько лет после Неаполя. К тому времени Сергей Арзамасцев наблюдал за Сашей Гордиенко исключительно на расстоянии. Издалека он даже любил Сашу. Сергей Адамович собирался когда-нибудь написать сатирический роман о литературной тусовке, и плут Саша был его любимый герой. Или прототип.

Но это всё опять-таки — потом. А тогда, перед Неаполем, Мэтр. Это была козырная карта. Туз.

О, Мэтр — почти классик, телезвезда, слегка диссидент, фрондёр, участник «Метрополя», Кавалер Почётного легиона, масон, филолог, доктор наук, специалист по эротике в литературе. У Мэтра была неоднозначная репутация, но это нисколько не мешало тому, что его обожали в Европе. Во всех магазинах русской книги — от самого кончика итальянского сапога до незамерзающих северных морей — лежали его книги, особенно знаменитая «Пять жён Лазаря». В Европе Мэтр числился самым сексуальным русским писателем, оставив далеко позади самого Баркова. Правда, незадолго до Неаполя с Мэтром случился странный казус. Выступая, кажется, в Берлине, он положил взгляд на журналистку-еврейку и произнёс во всеулышание в микрофон: «О, Роза, какие у вас груди! Какие красивые еврейские груди, да ещё без

лифчика», после чего все немецкие газеты дружно обозвали его антисемитом. Оправдываясь, Мэтр заявлял, что он вовсе не антисемит, а просто очень неравнодушный мужчина. Это было похоже на правду. Впрочем, история эта скоро стала забываться.

Как бы там ни было, пообщаться с Мэтром казалось интересно и даже престижно. Но тот скоро невзлюбил Арзамасцева. К сожалению, Арзамасцев виноват был сам...

... Мэтр вещал о том, что литература для него — общение с Богом. Сидит у себя на даче на потёртом древнем диване и слушает. Словно старое радио трещит, так вот, сквозь шум и треск сам Господь диктует ему. А он, Мэтр, только записывает. Впадает в транс, закрывает глаза, сквозь тело проходит особая волна... Сродни сексу...

— «Что-то пошловат ваш Бог, — с иронией думал Арзамасцев, — да ещё и озабочен. Всеми мыслями вертится вокруг пещеры блаженства. И Лазарь ваш каждый день умирает и оживает у этой чудодейственной пещеры».

Взял и ляпнул:

— Точно так же я слушал когда-то «Голос Америки» и «Би-Би-Си». Такой же треск, да ещё глушилка.

Мэтр, словно очнувшись, зло сверкнул глазами. Он выглядел, как неожиданно разбуженная сомнамбула...

Вероятно, он простил бы Арзамасцева, забыл бы, но...

Но Сергей Арзамасцев был аккуратнейший человек. Собираясь в Неаполь, он — единственный, кажется, — купил и прочёл знаменитый роман Мэтра: «Пять жён Лазаря». Прочёл и... Роман был, несомненно, написан талантливой рукой, даже более того. Арзамасцев сказал бы: гениальной, но он не считал себя вправе присваивать подобный эпитет никому, кроме разве что самого себя, — да, рука была матёрого мастера, нечто булгаковское, марковское, роман был блестящ и остроумен, спору нет, но и пошл, и кощунствен одновременно. Лазаря, по Мэтру, — а по некоторым признакам это был тот самый, из Вифании, будущий епископ Китиона¹, четырёхдневный — вовсе не воскрешал Христос, он сам много раз умирал и воскресал от телесной любви

¹ Китион — древнее название города Ларнака на Кипре. Согласно догматам православия, Лазарь, оживлённый Иисусом, после воскресения последнего вынужден был бежать из Палестины на Кипр, где вскоре апостолы Павел и Варнава в 45 году поставили его первым епископом Китиона. Католическая церковь считает его первым епископом Марсея.

с каждой из своих жён. Так что, если, конечно, Арзамасцев не заблуждался и всё правильно понял, это был парафраз Евангелия, но — странный, апокрифический, языческий... Евангелие от нечистого, что ли? Впрочем, тут ещё сложнее: действие романа как бы происходило вне времени, вернее, в разных временах, роман выглядел фрагментарным, на грани заумия, бреда. Пять жён Лазаря — русская, полька, француженка, немка, китаянка — напоминали собственных жён Мэтра, лишь порядок был нарушен. Лазарь — или Мэтр? — жён своих не просто любил, обожал, изыскивал особые средства для поддержания мужской силы, но в конце концов отчего-то оставлял — был ли то рок, или вечный, неуёмный поиск совершенства, беспредельного удовольствия? Как бы там ни было, в конечном итоге евангельский герой успокоился с женщиной. Тот был почти, а может и совсем идиот, но они были счастливы.

Словом, роман был на грани. Или за гранью. Многое Арзамасцев так и не понял до конца, не расшифровал, как когда-то пелевинского «Чапаева», не дочитал несколько последних страниц. Не смог... Он испытывал лёгкую тошноту. Его отвращало это чувство. Он не знал, что это было: реализм? Натурализм? Мистический реализм? Фантастика? Эклектика? Нет, пожалуй, какой-то особый рецепт.

Кто сказал, что гений и злодейство — вещи несовместные? Пушкин? Ошибался наше всё. А талант, обширнейшая образованность, и пошлость? Мэтр писал сочно, любовно, словно в экстазе, со знанием мельчайших деталей, очень порнографично писал Мэтр, порой будто врач-гинеколог, а не писатель. Так писать мог лишь изысканный, но и сильно подвинутый, болезненный эстет.

На Арзамасцева «Жёны Лазаря» впечатление произвели неизгладимое. Он ведь учился — у Гоголя, Толстого, Маркеса, Фолкнера, Амаду; эстетствующая порнография Мэтра казалась ему недоступна, и всё же... он проникся некоторым легкомыслием, некоторой насмешливой ироничностью — они его и подвели.

Дело в том, что с Мэтром приключилась довольно обыденная история, о которой как раз накануне поездки в Неаполь сообщили СМИ. Мэтра ограбили среди бела дня на Дорогомиловском рынке. Забрали не только деньги, но и документы. Оформить новые у Мэтра времени уже не было. Между тем милиция была бессильна. Пришлось обратиться к известному московскому авторитету. И, о чудо, всего пару часов спустя документы Мэтра обнаружила дворничиха-узбечка в аккуратном пакете рядом с его подъездом. Впрочем, действительно нашла или ей велели отнести, об этом можно было только гадать, но поезд-

ка в Неаполь была спасена. Мэтр, однако, никак не мог придти в себя. Мало того, в эти дни или часы переменялись все его убеждения. Если раньше, как и положено завязтому либералу и западнику, он решительно выступал против ксенофобии, защищал права мигрантов и симпатизировал кавказцам — в своё время он решительно протестовал против Чеченской войны, правда, особенно громко на Западе, — то теперь он резко изменил позицию и требовал загнать Кавказ в резервацию, а вместе с ним и узбеков с таджиками.

— Они, два кавказца, два азербайджанца, или дагестанца, или чеченца, они все на одно лицо, все чёрные, один высокий, другой маленький, держали нож у бедренной артерии, — с пафосом рассказывал Мэтр, стараясь выглядеть героем. — Ещё несколько миллиметров и всё... Я уже прощался с жизнью. Первый, высокий, держал нож, а другой, поменьше, велел, прямо как в кино: «Жизнь или кошелёк». Вот до чего дошло. Слетелись, как мухи на мёд. Сарты¹.

Мэтр ожидал сочувствия, охов и вздохов. Что публика оценит тонкую его наблюдательность и героизм: «На грани жизни и смерти, а смешно стало: «Жизнь, или кошелёк». Они и по-русски-то не умеют. С акцентом. Дикари».

Но вместо сочувствия Арзамасцев сказал:

— Хотели бы убить, убили бы. Только им зачем? Можно было не отдавать документы. Грабителям нужны только деньги, — в девяностые Арзамасцеву не раз приходилось лицом к лицу встречаться с бандитами, и он, нужно признать, позавидовал чужой незаслуженной славе.

Мэтр промолчал, но на этот раз сильно обиделся. Отмечал других, а про Арзамасцева ни слова, словно его не существовало. А ведь Арзамасцев подарил ему свою книгу. Мог бы взглянуть. Догадаться, кто перед ним. Но самолюблённый Мэтр не открыл. Он вообще никого не читал. Он, Мэтр, смотрел на всех свысока...

Ну да Бог с ним, с Мэтром. Бог ему судья.

Пусть простит автора терпеливый читатель. Про Сашу Гордиенко и про Мэтра, это так, зарисовки из писательской жизни, которая всё больше превращалась в бизнес. То есть бизнес для кого-то другого, а он, Арзамасцев — доимое. Он, однако, был слишком высокого мнения о себе, он знал себе цену,

¹ Сарты — так именовали оседлое население Центральной Азии в XV–XIX веках, преимущественно узбеков и равнинных таджиков, центрально-азиатские кочевники (казахи, киргизы). Русские колонисты в XIX веке придавали этому выражению уничижительный оттенок: «туземцы».

чтобы позволить долго себя доить. Чуть ли не каждую неделю Сергею Адамовичу присылали письма, где писали о его гениальности и предлагали издать его произведения... за его же деньги. Арзамасцеву было смешно. Издать книгу за собственные средства он мог и сам.

После Неаполя Сергей понял: ему не у кого и негде учиться. Не то, чтобы он всё знал. Отнюдь. Знания лишними не бывают. Но ему не академические знания нужны. Писатель — мыслитель. Но этому никто не научит.

Когда-то он мог учиться в Литинституте. Но — поздно. Время... Да и раньше, в молодости. В то время тоталитаризм приспособливал литературу под себя. Выстраивал иерархию. Раздавал сребреники. Назначал литературных генералов. Другие — крутились. Выживали, терпели, приспособливались, бежали на Запад. Хотя и верноподданные были. Много. Но он никогда не был командным игроком. Никогда не хотел быть литературным работником. Он — не мог стать с о в е т с к и м писателем. Писатель — это личность. Не прислуга. Только сейчас, когда какая-никакая свобода. Быть может, оттого свобода, что перестали читать. Зато появилось, что сказать...

Арзамасцев собирался засесть за свой великий, эпический. Он не раз повторял: «Война и мир». В этом ряду имен было немного: Толстой, Достоевский, «Тихий Дон», пожалуй, Симонов, Гроссман, Хемингуэй, Фолкнер, Маркес. Арзамасцев не был филологом, иных писателей — великих — он знал только по именам.

Он хотел засесть за свой роман, но всё время что-то отвлекало. Он стал общественником поневоле, собственным неудачливым агентом. Других не было. Агенты там, где деньги, где жизнь бьёт ключом, литература же задыхалась от безденежья. Народ? Народ перестал читать. То ли поглупел, то ли, наоборот, перерос своих горе-писателей. Писатели перестали быть пророками. Власть? Нынешней власти не нужна литература. Власти нужна власть. Увы, и сам — он никак не мог забраться в башню из слоновой кости.

Так получилось, что Арзамасцев принялся за другой роман. Не тот. Он начал писать свою эпопею с конца. Просто потому, что никак не мог вырваться из прошлого. Чем ближе, тем сильнее прошлое притягивало его к себе, напоминало сновидениями, цепляло осколками прежних дел, воспоминания ещё были ярки. Их следовало запечатлеть на бумаге. А девяносто третий год — отгорел, выветрился из памяти вместе с пожарами Белого дома. Крематории погасли, и люди стали забывать. И он тоже...

По большей части воспоминания у Арзамасцева были свои, личные. Но и они начинали меркнуть от времени; он всё помнил, но краски постепенно выцветали.

Он написал роман, потом ещё один. Он собирался писать повесть, но — понесло. Он не был невольником литературы, как Бальзак или Достоевский, у него не было контракта с издательством, он писал для себя, выплёскивал себя, не жалея. Литература — это исповедь, саморазоблачение. Не больше и не меньше. Арзамасцев и исповедовался каждый день.

Но вот и новый роман бы готов. И он сказал себе: назад! Хватит! Пора возвращаться к главной теме. Он дал обет молчания самому себе: ничего иного не писать, не отвлекаться, не заниматься ничем другим, пока этот, главный его роман не дописан. Увы. Он вышел из темы. Очень многое из того, что было написано несколько лет назад, теперь казалось ему слабо. А многое просто выпадало. Материал был огромный, всё трудно мысленно было охватить. Он очень тяжело входил в тему. И — всё время что-то отвлекало. А главное — мысль, что нет славы, что он по-прежнему чужак. Гость на чужом хмельном пиру. Слава нужна была не ему; слава нужна была его роману. Великому, ненаписанному. Его «Войне и миру», чтобы ответить на единственный вопрос: отчего Россия так несчастна? Отчего год надежды, девяносто третий, стал годом её поражения? И ещё: могло ли быть иначе?

... В девяносто первом он стоял у Белого дома. Он защищал революцию, он был демократом, он ненавидел те, других, прежних сталинских людей. И в девяносто третьем тоже. В решающий день, вернее, ночь, по призыву Гайдара он пришёл к мэрии. Арзамасцев не думал тогда о литературе. Он полагал: с литературой покончено навсегда. Он мечтал о России. Или о свободе? Сейчас он не мог вспомнить. Он просто жалел. Жалел, что пришёл, что доверился — те, кого он защищал, предали его. И Россию, и свободу. Впрочем, нет, на самом деле всё было сложнее. Он не заметил, как у власти оказались те, кто защищали Белый дом. Хотя нет, часть из них. Другая часть ушла в оппозицию. И из тех, кто побеждал — и в девяносто первом, и в девяносто третьем, тоже — часть была у власти, а часть — в оппозиции. Жизнь тасовала людей, играла судьбами, а всплывало, как всегда, говно. Словом, наступили трудные времена. Выборы без выбора, народ снова превратился в статиста. Впрочем, в России всегда трудные времена. Он сам, Арзамасцев, многого не понимал. Но очень хотел разобраться.

Замысел был эпический, замах — гигантский, он исписал несколько толстых тетрадей, много месяцев просидел в библиотеках — и всё повторилось. Прежняя мысль. Его почти не знают. И — время... Безразличное, унылое время. Время бездарей и денег. Время телекартинки. Депрессия. Застой. Единое литературное пространство распалось...

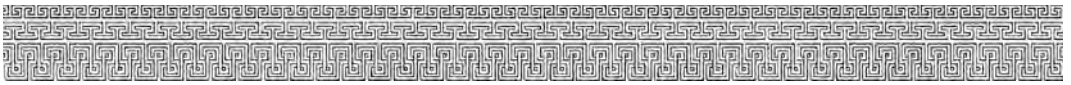
Это Шолохов принёс «Тихий Дон» с улицы. Он ли написал? Но Шолохову повезло. Могли расстрелять. Однако Сталин кое-что понимал в литературе. Читал! Главный цензор, главный палач, но и — читатель. Шолохова возвеличили. И Островского. За Островского писали другие. И м нужны были герои. Павлики Морозовы, Зои Космодемьянские. Маяковского назначили главпоэтом. Как же: «Я себя под Лениным чищу», пел о пробках в Моссельпроме. «Плевал я на Терека с высокого берега». «Неважная честь, чтоб из эдаких роз / Мои изваяния высились / По скверам, где харкает туберкулёз, / Где блядь с хулиганом, да сифилис». Маяковский — отдался, даже не продан, сам. Загубил талант. Вот его и назначили, посмертно: «Они любить умеют только мёртвых». Его — не Есенина, не Пастернака, не Мандельштама — ко всему и фамилии не те, — не Ахматову. Горького — писатель-то средненький — назначили главным пролетарским писателем мира. Ну, пусть. Литература всё вытерпит. Пролетарский — не значит лучший. И где он теперь, этот пролетариат? Без боя всё отдал толстосумам.

Да, их назначили. Раздули. Но его, Арзамасцева, никто не станет возносить. Кому нужна его правда? Вообще, правда? И м ? И м — опиум для электората! Правые, левые, все замешаны! Все! И м — всякая мысль чудится оранжевой, и м — побольше зрелищ для плебса. Никому он, Арзамасцев, не нужен. Издателям? Издателям — Тополь с Марининой. Нет, ничего личного. Не он один, Арзамасцев. Время массовой культуры. Всё ввали большевики, всё, а ведь вот — правда.

Оставалась последняя возможность: интернет. Социальные сети. Там — пока — свобода. Образованщина теперь — в интернете. Великая всероссийская, всемирная сплетница. Арзамасцев понаслышке знал писателей, отнюдь не лучших, «сделавших» себя в интернете. Скандал. Вот лучшее оружие — скандал. Чтобы о тебе говорили. Хорошо, плохо — всё равно. Главное, вызвать любопытство. Критики настоящей больше нет. В стране неограниченной коррупции коррумпирована и литература. Да, критиков нет, есть пиар-агенты, Саши Гордиенки. Оставалось найти агента...

Итак, Арзамасцеву требовался агент. Он сам плохо знал интернет. У него не было ни времени, — время требовалось для работы, роман поглощал его

без остатка — ни желания пропадать в социальных сетях. К тому же ему казалось, что социальные сети — для сплетников. Он — отстал.

Но где найти такого агента? Агент должен быть умный, читающий, агент должен верить в него... Понимать...

...На ловца и зверь бежит. Не успел Арзамасцев бросить клич, как скоро ему позвонил знакомый писатель. То есть писатель никакой, но человек добрый и член Союза.

— Я, кажется, нашёл, — сообщил он. — Ульяна Морозова. Берёт недорого. Поэтесса. Королева в социальных сетях. У неё чуть ли не двести семьдесят тысяч подписчиков. Пишет про Новороссию. Здорово распиарила мою «Братановскую республику». Читатели валом валят.

«А ведь дерьмо», — не без зависти подумал Арзамасцев. .

— Так вы попробуйте, — настаивал искуситель.

— Только этого не хватает, про Новороссию, — с неудовольствием согласился Арзамасцев, однако записал телефон. Прежде, чем позвонить, он взглянул на «Стихи.ру».

«Я за Россию. Я за Путина», — писала на своей странице Морозова.

Довольно симпатичная мордашка, Георгиевская ленточка на груди. Арзамасцев взглянул на стихи.

Костёр из огня идёт на меня!

Как красиво звучит!

С фашизмом война по окопам горит!

Какая судьба нас настигла с тобой!

На Гражданской войне принимаем мы бой!

За родимый Донбасс!

За Донецк и Луганск!

Мы готовы стоять!

Жизнь готовы отдать!

Мы умрём за мечту,

это наша судьба!

Мы пройдем по огню

в самое пекло костра!

Дебальцево мы ни за что не сдадим!

Не отступим назад! Лучше в пекле сгорим!

Будем с фашистами биться мы до конца!
Ждите смерти от нас,
будет много свинца!

Стихи были дурные, корявые, детские, с множеством ошибок, однако посетителей на странице Ульяны Морозовой набралось почти шестьдесят тысяч. И множество рецензий и откликов.

«Бей фашистов! Так их!» — писал один из читателей.

«Я на этой войне остался без руки. Инвалид теперь. Но мне не жалко. Кто-то должен. Почему не я? — писал другой. — За Россию! За Родину, за Сталина!»

«Молодец Ульянка, — писал третий, бывший ополченец по имени Виктор. — Ульяна Громова тоже из Донбасса была. И Павка Корчагин оттуда».

«Однако, — удивился Арзамасцев. — Психоз какой-то». — Он набрал номер. Не то, чтобы Сергей Адамович очень рассчитывал на неё. Скорее нет. Интеллектом не пахло. Но любопытно. Другой мир, другие люди. Номо soveticus.

Ульяна отозвалась сразу.

— Пиар вам нужен? Ради Бога. А мне как раз нужны деньги.

Встретились у станции метро Баррикадная. По дороге в кафе, чтобы не молчать, Арзамасцев принялся расспрашивать Морозову.

— Вы, говорят, про Новороссию пишете?

— Да, а что? — насторожилась она. — Я — патриотка. Со Стрелковым и с Бородаем дружу.

— Виртуально?

— Нет, зачем же, по жизни, — она, кажется, собиралась обидеться, но передумала. — Я много чего делала. Людей помогала отправлять. Прокламации писала. Сама ездила. На митинги хожу, на собрания. И здесь я тоже активистка. Борюсь против точечной застройки. Сам префект приезжал, со мной разговаривал. Думал договориться. Только я неподкупная.

— Значит, там вы в Донбассе за Россию? А здесь воюете с властью? — удивился Арзамасцев.

— А что? — не поняла она. — Я за Путина. А чиновников я не люблю. Они воруют все. Сами знаете. А там мы против фашистов.

— Да вы хоть знаете, что такое фашизм? Определение читали? — не выдержал Арзамасцев.

— Знаю, — сказала она. — Вот Гитлер фашист. И эти, на Украине, бандеровцы. Всякие Порошенки.

— Гитлер — не фашист, — возразил Арзамасцев. — Гитлер — нацист. А к Сталину вы как относитесь?

— К Сталину — хорошо. Сталин победил фашизм.

— Сталин сам фашист, — поучительно сказал Арзамасцев. — Вы что-нибудь слышали про репрессии? Про полигон «Коммунарка», например. Или Катынь?

— Что-то слышала, — сказала она.

Они вошли в кафе.

— Будете пирожное? — спросил Арзамасцев.

— Нет, по полной, — оживилась Морозова. — Я голодная. Я креветки люблю.

— Хорошо. Креветки, — согласился Арзамасцев. — Стихи давно пишете?

— С детства. Я в школе любила выступать. Я очень здорово пишу. Знаете, какие мне письма?

— Какие?

— Трогательные. Мне ребята пишут, которые в Донбассе воевали. Разные. Знаете, пишет, например, парень из Челябинска, что остался без ноги. Бедствует. Читает мои стихи, плачет. «Душевно», — пишет. Много таких ребят. Хорошие ребята. Многие за деньги: чеченцы, осетины. Но есть такие, что за идею. Таких тоже немало.

— И в чём идея?

— Как в чём? — удивилась она. — Присоединиться к России. Как Крым.

— А зачем?

— Как зачем? — Она начала раздражаться. — Россия — это Россия. Знаете, я укропов не люблю.

— А сами вы: воевали?

— Ездила. Стреляла по укропам. Может, и убила кого. Я не боюсь умереть. Наше дело правое, как говорится. Я только боялась, что искалечат. Как тогда жить?

— Не знаю, — отвечал Арзамасцев. — Да зачем это вам? Что вы там забыли? Зачем убивать?

— А вы бы не поехали? — с разочарованием, показалось Арзамасцеву, спросила Ульяна. — Ребята вот поехали.

— Зачем? — не выдержал, почти закричал Арзамасцев. — Что они забыли в Донбассе? Это чужая земля. Другое государство.

— Защищать русских.

— Да там русских никто пальцем не тронул. Там все давно перемешались: русские, украинцы. Вы мне ещё про распятых мальчиков расскажите¹.

— Вы вот стихи давно пишете, — перевёл тему Арзамасцев. — Хотели учиться? Знаете хоть одного критика? Журналы читаете?

— Зачем? — удивилась Ульяна. — Я от природы. Я ямбов от хореев не отличаю. И критиков не знаю. И поэтов других. Я имею в виду известных. Маяковского в школе проходили. Я — сердцем. Из себя пишу. Я всегда знала, что буду поэтом. Специально институт закончила.

— Какой? — заинтересовался Арзамасцев.

— По рекламе. Специально. Интернет изучала и русский язык. Чтобы себя пиарить.

«Так у вас же полно ошибок», — хотел сказать Арзамасцев, но промолчал. — Вы обещали меня пиарить, — напомнил вместо этого.

— Только бесплатно я не буду, — сказала Ульяна. — За тысячу долларов. Деньги вперёд, а то вы потом не отдадите.

— А вы? Может быть, вам почитать сначала? Подойдёт, не подойдёт? Я ведь пишу не то, что вы думаете. У меня должна быть другая публика. Интеллигентная. Не ваши ребята.

— Нет, я читать не буду, — заупрямилась Морозова. — Я вообще не читаю. Только деньги вперёд. Я разбросаю по интернету. В «Фейсбуке», «В контакте», в «Живом журнале».

— Что вы разбросаете?

— Ну, вашу прозу. Рекламу разную. Вы видели, наверное, в одних «Стихах.ру» у меня почти шестьдесят тысяч читателей.

— Скажите, Ульяна, почему к вам читатели летят, будто мухи на мёд? — собственно, ради ответа на этот вопрос Арзамасцев и встретился с ней. — Это ваш пиар действует, или что-то ещё?

— Не знаю, — она ненадолго задумалась, — я просто пишу. Я за Россию, я за Путина, может, потому и читают.

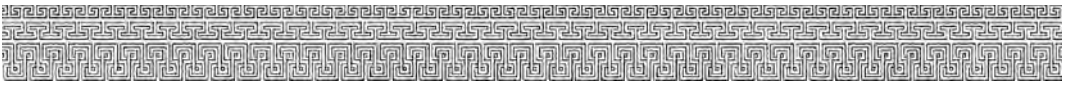
— Ну при чём тут Путин? — едва скрывая раздражение, спросил Арзамасцев. — При чём тут Путин? Опять Отец народов? Поэзия — совсем другое. Я не представляю, чтобы немцы писали в соцсетях про любовь к Меркель или американцы — к Обаме.

---

¹ Сюжет о распятом мальчике в Славинске — фальшивка Центрального телевидения (ОРТ).

— Обама — обезьяна, — засмеялась она.

— Да бросьте вы, — не выдержал Арзамасцев, — вполне культурный, цивилизованный человек. Это вы расистка. — Он хотел добавить: «и дура», но сдержался.

И тут его осенило.

— Ульяночка, — спросил он как можно любезней, — скажите, а «Войну и мир» вы читали?

— Это про Наташу Ростову? Читала в школе, только не всю. До конца не дочитала.

— Ну, вот видите, — улыбнулся Сергей Адамович, — вы не можете меня пиарить. Ни за тысячу долларов, ни вообще. Я ведь пишу похоже на Толстого.

Она сразу стала ему неинтересна. «Дурочка, — подумал он. — Дурочка. Мифологическое сознание. Внушаемая. Примитив.

Хотя, все мы «дурочка». Все — внушаемые. От смуты до смуты, и снова... А мним себя лучше и умнее всех. Великие. Оттого так и живём. Сверху до низу «дурочка».

Арзамасцев задал ей последний вопрос:

— Вы замужем?

— Нет, — сказала она. — Была. У меня полно мужиков на баррикадах.

— Это как? — не понял он. — Виртуально? Или?

— На баррикадах, — повторила она.

Арзамасцев простился с ней сразу, даже не стал провожать до метро.

«Дурочка, — повторял он про себя. — Дурочка».

Нужно было возвращаться домой, ворочать свои глыбы — так, кажется, писал Войнович о Солженицыне — тащить свои камни, катить в гору, пытаться найти истину, которая никому не нужна. Разве что очень узкому кругу людей. Страна развалилась, но никто не хочет знать: почему? Всё снова идёт по кругу, по тому же самому кругу. Мифы, одни лишь мифы. Правда, как зеркало, в которое страшно посмотреть.

«Сизиф, — думал Арзамасцев. — Сизиф. Вот я кто, Сизиф. Россия — Сизифова страна».

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

В кои-то веки Владимир Брайнин собрался слетать с женой на отдых в Египет, даже с боем прошёл регистрацию, таможенный контроль и сдал вещи — хотел

уже расслабиться и свободно вздохнуть, как вдруг оказалось, что вылет задерживается минимум часа на четыре. Самолёт, по слухам, застрял то ли в Турции, то ли в Арабских эмиратах. Да если бы один только этот чартер, так нет, сразу рейсов пять или шесть. В зале ожидания набилась масса возбуждённого народа, стало душно и потно, негде притулиться, зато почти сразу объявились энтузиасты, начавшие собирать подписи, чтобы по возвращении обратиться в суд.

Кое-как на кончике стула пристроив жену с ручной кладью, Брайнин попытался отыскать представителей авиакомпании, чтобы узнать точно, что происходит и каковы перспективы, — он во всём любил точность и порядок, — но тех не было и в помине. Перед Duty free начинался митинг. Брайнин не любил пустую говорильню, но деваться было совершенно некуда. Он подошёл. В середине разъярённой толпы, размахивая руками, стоял в белоснежной блузе и в шортах старый знакомый Брайнина Алексей Свиблов, Лёша, с которым Брайнин уже лет пятнадцать не виделся. Рядом с Лёшей находилась пышнотелая, седовласая, с усиками, женщина, по виду прилично его старше. Впрочем, и сам Лёша, хотя и оставался худощав, изрядно был помят и сморщен жизнью, совсем не красавчик-соблазнитель из хирургического отделения, каким когда-то его знал Брайнин. Лёша тоже заметил Брайнина, приветственно махнул рукой и, на полуслове прервав речь, первый кинулся навстречу. Судя по экспрессии, с которой он бросился к Брайнину, Лёша был слегка подшофе.

— Какими судьбами, старик, в Таиланд? — громко радовался Лёша, удивляясь и обнимая Брайнина.

— В Египет, — слегка отстранился Брайнин, — на Таиланд не тяну. При том море — везде море. Пирамиды ещё ни разу не видел.

— Да, пирамиды великая вещь, — согласился Свиблов. — По случаю нашей встречи надо бы выпить. Я заметил хороший французский коньяк неподалёку. Да ещё такая отличная компания, — Свиблов был просто в восторге. — Нам ведь надо часа четыре продержаться. Парадокс, кафе есть, коньяк, пожалуйста, а туалет по ту сторону государственной границы. Мы ведь с тобой уже не в России. Хоть умри, назад не пустят.

Свиблов подошёл к жене, что-то шепнул ей на ухо, та кивнула в ответ. Лёша представил её Брайнину:

— Мой бывший коллега, эскулап высшей категории.

— Отпускаю Лёшу ненадолго под вашу ответственность, — шутливо, но вместе и слишком настойчиво сказала жена Свиблова. Брайнин отметил про себя её плохо скрытое недовольство, но тут же и забыл о нём.

В кафе Лёша оперативно принёс бутылку коньяка, разлил по небольшим рюмкам.

— Ну, как живёшь, — весело спросил он. — Мы с тобой, если память не изменяет, последний раз виделись лет пятнадцать назад, даже уже больше, на баррикадах.

— Да, — подтвердил Брайнин, — в ГКЧП. Ты тогда куда-то исчез.

Лёша хитро улыбнулся.

— Видишь ли, — он снова поднял свою рюмку, и они выпили, — бывшая жена отпустила на баррикады, а я покрутился немного и сбежал к любовнице. Жаль, что там всё так быстро закончилось. А ты торчал до конца? Свергал железного Феликса?

— Двое суток, — сказал Брайнин серьёзно, не принимая игривый тон Свиблова. — Мы, может быть, были идеалистами в то время, но нам было за что сражаться. Дико устали от тоталитаризма и, как второго пришествия, ждали демократии, — Брайнин умел говорить красиво, но обычно стеснялся. Сейчас же коньяк снял скованность, и он почувствовал себя в ударе. Много лет Брайнин молчал, а тут захотелось поговорить.

— Вот как, — снова усмехнулся Свиблов, — я не знал, что ты такой идеалист. Вроде бы всегда был себе на уме. А в девяносто третьем? — Лёша снова наполнил рюмки.

— В девяносто третьем я стал другим, — задумчиво вспоминал Брайнин, — совсем другим. Я как раз затеял своё дело, и на меня тут же наехали бандиты. Обратился было в милицию, так там с меня запросили немалые деньги. Словом, дело пришлось бросить. Это и был мой момент истины. Я понял, что демократия — это не только выборы и слова на трибуне, а — люди. Они там спорили из-за власти, из-за собственности, из-за схемы приватизации, из-за амбиций, может быть, ещё из-за чего-то, а до меня и моей семьи им не было никакого дела. Ни тем, ни другим. Политики всегда говорят о народе, о принципах, а мы — не народ, мы — просто люди, что-то более мелкое. Я к тому времени начал понимать: надо думать о семье. Убьют — никто не поможет. Разумный эгоизм — основа процветания общества. Мы для них массовка, а я массовой быть не хочу.

Они снова подняли рюмки.

— Эк тебя, однако, перекрутило, — ёрнически, как показалось Брайнину, ухмыльнулся Свиблов, — помнится, ты в своё время схлестнулся с главврачом из чистого принципа. Мы, знаешь, удивлялись. А тут такой поворот. Обидели человека.

«Да он дерьмо, циник, — с обидой подумал Брайнин. — Безразличное дерьмо».

— Будто меня одного перекрутило, — недовольно возразил Брайнин. Всю страну перекрутило. Люди устали от политики... и ещё больше от политиков... Все устали. Всем и так всё ясно. При большевиках страна копила силы, интеллигенция ждала часа, — и что? Пар вышел в свисток. Спасибо Борису Николаевичу. Всё вернулось на круги своя. Реставрация.

Странно. Брайнин никогда не говорил так и даже не думал так чётко, пока был трезвый, а сейчас, пьяный, стал высказывать очевидные и даже мудрые мысли, наверняка бывшие у него в подсознании.

— Медицину ты забросил, эскулап? — перевёл тему Свиблов.

— Работаю в медицинской компании, торгуем оборудованием. Это не медицина, конечно. Но хоть приличный доход. Жить можно. В девяностые, ты помнишь, что стало с медициной.

— И я тоже, — подхватил Свиблов, опрокинув очередную рюмку, — я с медициной тоже завязал. К счастью и к большому сожалению. Жена у меня... вот эта, с усиками, нотариус.

— Давно?

— Не то, чтобы очень. Примерно с того времени. С девяносто третьего года, — Лёшины глаза увлажнились, Брайнину даже показалось, что Свиблов хочет заплакать. — Ну а я вокруг неё создал фирму.

— Значит, ты теперь риэлтор? — уточнил Брайнин. — Не жалко профессию?

— Тогда нет. Тогда — деньги. Молодой был. А сейчас немного жалко. Ты слышал про рассёлы? — неожиданно спросил Свиблов.

— Что за рассёлы? — не понял Брайнин.

— Ну, расселения иначе, — уточнил Свиблов. — В те годы это было жутко выгодно. Народ был ещё непуганый, совдеповский, лохи. Коммуналок пруд пруди. Наследие развитого социализма. На этом многие делали состояния.

— И ты?

— И я. На квартире от десяти до пятидесяти тысяч долларов. А бывало и больше, — Свиблов снова выпил. — Только этот бизнес закончился. Капитализм сделал своё дело. Коммуналок больше нет. Разве что самые глухие.

— Но ты ведь не бедствуешь, — глупо улыбнулся Брайнин. Он чувствовал, что лицо его расплывается в пьяноватой улыбке, но ничего не мог с собой поделать, мышцы его не слушались. — Вот, ездешь в Таиланд.

— Четвёртый раз едем в Юго-Восточную Азию, — признался Свиблов. Язык у него, как и у Брайнина, чуть-чуть заплетался, а лицо пошло красными пятнами. — Только я за этот Таиланд продал дьяволу душу. Выкупаю квартиры у цыган.

— Что? — опять не понял Брайнин.

— Ну, они пьяниц разных вывозят из Москвы. Иногда и не пьяниц. Всяких. Стариков. Одиноких. Не только цыгане. Конвейер. В Вязники, в Петушки, в лучшем случае в Орехово-Зуево. А там местные риэлторы — дальше, там тоже конвейер. Все хотят жить, — Свиблов вдруг замолчал, в упор глядя на Брайнина, будто что-то пытался вспомнить. — Слышишь, Володя, — наконец вспомнил как зовут Брайнина, а может быть, что-то другое, давнее, — а я ведь ещё при Советах, когда мы работали в больнице, хотел поехать в Юго-Восточную Азию, в Камбоджу.

— Такое неодолимое влечение, — запоздало съёрничал Брайнин. Но Свиблов не обратил на усмешку Брайнина никакого внимания.

— Понимаешь, хотелось заработать. Не забыл ещё, какая зарплата была у врача? А из заграницы привозили «Волги». Как раз был вариант вскоре после свержения Пол Пота. Там своих докторов не осталось. В министерстве приятель — не за просто так, конечно, — держал для меня место. Я же был врач высшей категории, хирург, асс. То, что надо. Только нужно было принести характеристику из парткома. Казалось, мелочь, а разверзлась целая бездна. Я ещё не поехал, а уже дикая зависть. «Как, он поедет, будет там зарабатывать в твёрдой валюте в этом заграничном раю, привезёт «Волгу», а мы тут будем корячиться за копейки», — так и говорили в открытую. А я как раз развёлся с первой женой. Вот из-за этого развода — это формальная причина, конечно, — чего мне только не выговорили: и аморальный тип, и чуть ли не предатель, и рвач, про советский патриотизм вспомнили, даже сняли с доски почёта. Как раз перед самой перестройкой. Так и сорвалась Камбоджа... Такой народ... А, с другой стороны... Помнишь, в больнице был такой врач, Изосимов...

— Был, и что? — смутно припомнил Брайнин.

— Ну, вот он и поехал вместо меня. Через пару-тройку лет вернулся с зобом, там оказался эндемический район. Всё было разрушено. Никакой профилактики. Плюс привёз эхинококка и каких-то ещё паразитов. Умер в начале девяностых. Так что меня, можно сказать, спасла зависть коллег.

— Да, — согласился Брайнин. Он ведь тоже в те же самые годы собирался за границу. Брайнину тоже надоело сидеть в Союзе на тощей зарплате, он

тоже хотел купить «Волгу» и расширить квартиру. В то время у Брайнина была пациентка, очень деловая дама. Через знакомую в МИДе за хорошие деньги она устроилась буфетчицей в посольство, сначала в Венгрии, потом в Югославии. На Запад не пробилась, но всё равно была очень довольна. Брайнин, было, попросил её о протекции.

— А вы знаете, это очень дорого будет стоить, — сказала так, будто он, врач, стоял перед ней нищий.

— Ничего, я найду деньги, — пообещал Брайнин. Он даже не стал раньше времени спрашивать о цене.

Но дама исчезла, так и не оказав протекцию. Тогда Брайнин стал искать ходы сам. Через одного картёжника-пациента он вышел на чиновника из Минздрава. Тот тоже любил играть в карты. К загранице не имел ни малейшего отношения, но всё же спросил:

— Как у тебя с пятым пунктом? Фамилия, вроде бы, слегка подозрительная.

— Наполовину, — сознался Брайнин, — отец был еврей. Умер.

— М-да, — сказал тот, сочувственно глядя на Брайнина, — а тоже, хочешь за границу. У меня есть приятель, тёзка, Олег, значит, он тебе может помочь. Не за просто так, конечно. Плюс за пункт.

Олег второй подозрительно быстро откликнулся на просьбу Брайнина. Через пару дней он уже знал, что есть вакансии в Уганду, Гвинею-Бисау и ещё, — сообщил он со специфическим юмором, — в Верхнюю Вольту, настоящую, без ракет.

— Что дальше? — спросил его Брайнин.

— А дальше всё очень просто, — объяснил Олег, — ты даёшь мне деньги на ресторан, я иду гулять с дамочками из министерства. Будем договариваться, — и он назвал сумму раз в десять больше, чем требовалось по расчётам Брайнина.

— Я могу пойти с вами? — поинтересовался Брайнин.

Олег поморщился, словно Брайнин говорил очень неприличные вещи.

— Мы пойдём вдвоём с приятелем. Он их близко знает. Они же не пойдут с любимым. Это же чиновницы, а не шалая-валяй.

— Но я хочу лично убедиться, — настаивал Брайнин, — я ведь вижу тебя в первый раз.

— Как хочешь, — пожал плечами Олег, — ради Гвинеи-Бисау я бы и не то сделал. — И он милостиво назвал адрес ресторана.

В назначенное время Владимир Брайнин вошёл в ресторан. В полутьме за столиком у окна на самом деле сидел Олег с каким-то парнем и с ними две полубоножённыи накрашенныи девицы, мало похожие на деловитых чиновниц. Олег, спотыкаясь, подошёл к Брайнину.

— Всё о'кей, — сообщил он, — позвони завтра утром. Будет тебе Гвинея-Бисау, а может, даже и Верхняя Вольта. — На сей раз он забыл про ракеты.

Утром на звонок Брайнина Олег очень долго не отвечал. Наконец, когда Брайнин собирался положить трубку, он услышал больной, охрипший, плаксивый голос Олега:

— Алло, а, это ты? Слушай, Володя, такое дело... Вчера, спяну, я смотрю, просто королева. Хоть под венец... А утром стало тошно, ну, смотрю, чистая блядь... И ещё что-то от меня хочет...

— А Африка?

— Какая Африка?.. Ах, да... Совсем забыл. Давай встретимся дня через два. Понимаешь, неудобно было как-то в ресторане... — И Олег положил трубку.

Через два дня Брайнин, как и договорились, встретился с Олегом на троллейбусной остановке. Олег показался Брайнину маленьким, пожелтевшим и сильно помятым, отчего-то он прятал глаза.

— Понимаешь, — сказал Олег, глядя в сторону, — с твоим пунктом никак нельзя в Гвинею-Бисау. Там, — очень многозначительно сказал он, кивнув куда-то вверх, — всё проверяют.

— А в Верхнюю Вольту? — поинтересовался Брайнин.

— Нельзя, — рассердился Олег, — только в Монголию. Если хочешь, приноси документы.

Олег помолчал, ожидая реакции Брайнина, но тот сделал встречную паузу.

— В Монголию чисто по-человечески не советую, — стал убеждать Олег. — Климат резко континентальный, зимой за пятьдесят градусов, бураны, как конец света, летом — пыльные бури, не лучше. Тот же социализм, только ещё более феодальный. Магазины пустые, как в Союзе. Даже ещё пустее. Наши люди в Монголии мрут как мухи. И зарплата социалистическая.

Со слов Олега получалось, что Гвинея-Бисау и Верхняя Вольта — земной рай по сравнению с Монголией. Там нет ни палящего солнца, ни мухи це-це, зато всюду полнейшее изобилие.

Скорее всего, два Олега, пользуясь случаем, мелко разводили Брайнина и вообще не имели отношения к заграникомандировкам. Эдакие два доморощенных самозванца.

— Да, — сказал Брайнин, словно очнувшись, — я так и не поехал в Монголию.

— Куда? — удивился Свиблов.

— Я говорю: в Монголию, — повторил Брайнин. — Это такая страна. И ещё глупая советская разводилка. Кто недостойн был в Африку, мог поехать в Монголию.

— А, в Монголию, — ничуть не удивился Свиблов, вытаскивая из сумки новую бутылку французского коньяка, — слушай, Володя, ты же, кажется, еврей наполовину. Чего ты здесь сидишь?

— Жена, дети кое-как устроены, скоро внуки, русский язык, — стал перечислять Брайнин.

— Да, жена, дети, — перебил Свиблов, разливая коньяк по рюмкам. — Вот мы, сидя на диване, переехали в другую страну. И при этом остались в прежней, — стал философствовать Свиблов, — понимаешь, полное раздвоение. Так не бывает, чтобы без нас, без усилий... По щучьему велению... Мы оказались ленивы и не готовы — ни к демократии, ни к свободе, ни к бизнесу... Мы не умели, не знали с детства, нас не научили. Толкнули в воду и сказали: «Плывите». Наше поколение принесли в жертву. На самом деле, мало кто выплыл. Только самые умные и самые сволочи. А следующее поколение — у него не будет таких возможностей. Всё опять схвачено, везде чиновники, все лучшие места заняли свои. Как там говорят, все вертикальные лифты закрылись... — Брайнин понял, что это не сегодняшние пьяные мысли высказывал Свиблов, а давние, много раз повторенные, сокровенные... — В Таиланде хорошо, — продолжал между тем Лёша Свиблов, — не потому хорошо, что солнце, море, пальмы, а просто... Там можно расслабиться... Не думать... Я, знаешь, раньше был доволен, мне на всё было наплевать. Главное, деньги. А сейчас — постарел, стали сдавать нервы... Бизнес скоро развалится...

— Ты, выходит, недоволен жизнью. Ездишь в Таиланд и недоволен, — глупо удивился Брайнин. Он сам тут же понял, что сказал глупость, при чём тут Таиланд, однако слово уже вылетело. К тому же мысли в голове путались с непривычки от коньяка.

Однако Лёша Свиблов ничуть не обиделся.

— И дом на Кипре, — с полупьяной улыбкой, то ли чему-то радуясь, то ли, наоборот, отчего-то злясь, сказал он.

— Да, и дом на Кипре, — уже не удивляясь, повторил за ним Брайнин. — Мне бы дом на Кипре.

— Жена, — вдруг сказал Свиблов, — ты видел мою жену. Нотариус с усиками. Хожу как по лезвию бритвы. Русский бизнес — это как русская рулетка. Клади патрон и верти барабан.

— Ты просто выпил лишнего, Лёша, — попытался успокоить его Брайнин.

— Нет, Володя, я не пьян. Когда я пью, у меня наступает прозрение.

— Мальчики кровавые в глазах? — невпопад спросил Брайнин. Во второй раз он в тот же миг понял, что сказал что-то не то, совсем не то, что нужно было сказать, но было уже поздно, да ему, собственно, и не очень важно было, что он сказал.

— Всё мальчики. Царевич Дмитрий, — подтвердил Свиблов. — Нет, Володя, раньше мы жили лучше. Тоже гадко, если вспомнить... а лучше... Люди стали хуже. Борьба за существование... в голом виде. Дарвин или Маркс — не помню. Раньше было зло и были мы, да, мы и они, а сейчас — никакой границы... Такой вот русский парадокс. Хотели как лучше.

— Нет, Лёша, я с тобой не согласен, — пытаюсь мыслить трезво, возразил Брайнин. — Мы теперь, как все. Ездим за границу. Ну, может быть, чуть хуже. Родимые пятна... Переходный период.

— Да, переходный период, — неожиданно согласился Свиблов. — Когда-нибудь будет лучше. Только нас не будет. Никого. Вообще, надо признать, жизнь действительно меняется к лучшему. Только — по спирали. А люди — нет. Совсем, как в сказке про Моисея. Помнишь, исход из Египта.

В этот момент подошла жена Свиблова, нотариус с усиками.

— Что же вы, ребята, — недовольно спросила она, — коньяк пьёте и не закусываете? Разве не слышали, что объявили посадку на Паттайю?

Свиблов поднялся и, забыв попрощаться, нетвёрдой походкой побрёл за своей нотариусом. Брайнин тяжело встал, посмотрел на бутылки — одна была пустая, другая выпита на треть — это ж надо, такая история, случайная встреча, исповедальный разговор, а спрашивается — с чего, зачем, он ведь тысячу лет не пил ни коньяк, ни водку, теперь перед женой будет стыдно. Но не это главное. А главное сейчас было то, что с ним, и со всеми, и с Лёшей Свибловым, что-то не то происходит. Не то... Вот в девяностом, когда он, Владимир Брайнин, нёс на демонстрации перечёркнутую шестёрку¹ — тогда было то. В конце восьмидесятых любили повторять слова Чехова, мода была

¹ Перечёркнутая шестёрка — требование отмены 6 статьи Конституции СССР, устанавливавшей руководящую и направляющую роль КПСС.

такая, что надо по каплям выдавливать из себя раба. И он, Брайнин, выдавливал — страх. Или в девяносто первом, у Белого дома, тоже всё было правильно. А потом что-то случилось... В девяносто третьем, когда из-за бандитов Брайнину пришлось бросить своё дело, или при штурме парламента, а может, в девяносто шестом, когда Россия — не Москва, а Россия, — хотела проголосовать за коммунистов, или, может быть, олигархи, или дефолт... Что-то случилось... Поехали не в ту сторону. Украли победу... А может, победы не было? Так, иллюзии, мираж...

Промыкавшись несколько лет в середине девяностых, Брайнин устроился в свою компанию и почти перестал думать о политике. Получалось так, что никому нельзя верить. А он всё ещё хотел верить... В девяносто третьем Брайнин был за Ельцина, но с годами всё больше сомневался... Очень обидно: Брайнин был в душе за реформаторов, но они-то не были за него... Вот и Лёша Свиблов, ездит в Таиланд, а запутался... Мучается... Мы все запутались, потеряли самое главное... Самое главное... А что это — самое главное?

...Над головой что-то зашипело, сквозь треск прорвался голос диктора. Рейс на Хургаду снова задерживался. Надо было искать жену. Брайнин подумал, что вот, опять происходит что-то не то, отпуск начинается слишком оригинально.

Роман СЕНЧИН родился в 1971 году в городе Кызыле. Служил в пограничных войсках, в 2001 году окончил Литературный институт имени Горького (семинар Александра Рекемчука).

Первые рассказы были опубликованы в 1995 году в газетах и журналах Кызыла, Минусинска и Абакана. Дебютировал в центральной российской печати весной 1997 года (еженедельник «Литературная Россия», журнал «Знамя»). С тех пор печатаюсь в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник», «Дружба народов»,

«Сибирские огни», «День и ночь», «Урал», «Абакан литературный» и других изданиях.

В 2001 — 2003 годах вел творческий семинар в Литературном институте, в 2004 — 2008 годах — на Форуме молодых писателей в Липках.

В 2003 — 2014 годах работал в еженедельнике «Литературная Россия» (заведующий отделом критики, заместитель главного редактора).

Автор нескольких книг прозы и публицистики, в том числе «Афинские ночи», (2000), «Минус» (2002), «Нубук» (2003), «Вперёд и вверх на севших батарейках» (2008), «Московские тени» (2009), «Елтышевы» (2009), «Иджим» (2010), «На чёрной лестнице» (2011), «Тува» (2012), «Чего вы хотите?» (2013), «Зона затопления» (2015).

Проза переведена на немецкий, английский, шведский, финский, арабский, испанский, французский, сербский, венгерский, польский, китайский языки.

Лауреат премий еженедельника «Литературная Россия» (1997), журналов «Кольцо А» (2000), «Знамя» (2001), «Урал» (2010), премий «Эврика» (2002), «Венец» (2006), Горьковская (2011), Правительства Российской Федерации (2012), «Ясная Поляна» (2014), «Большая книга» (2015).

ДЕДУШКА

17 августа 1934 года на проспекте 25 Октября подобрали лежавшего в глубоком обмороке старика. Его доставили в ближайшую больницу — «Памяти жертв революции».

— Вот так жертвочка, — присвистнул, морщась, молодой парень с перебинтованной головой, когда старика укладывали на соседнюю койку. — Ещё вшей от его наберёшься.

Лекпом, пожилой богатырь в тесном белом халате, наблюдавший за работой санитаров, ответил:

— Он из обмывочной. Чистый. Но видок, конечно... — Не досказал, покачал головой с презрительным сочувствием.

Старик тощий, измождённый, но кость широкая — при хорошем питании и здоровом образе жизни наверняка был бы крепышом. А так... Лекпом всё чаще слышал новое, необычное, но очень точное слово — доходяга. Этот старик как раз являлся форменным доходягой. И седые длинные волосы, растущие на висках и затылке, две глубокие залысины, то ли курчавая, то ли давно нечёсаная борода усиливали тягостное впечатление... Старик напоминал льва, потерявшего клыки и когти, изгнанного из стаи, издыхающего...

Подобных личностей в Ленинграде становилось меньше и меньше. Город светлел, молодец, звенел радостью жизни. Но нет-нет, да и выползали из нор и чердаков тени прошлого и падали на панелях.

— А костыли куда его? — спросил леккома санитар Горшков; старика подобрали с костылями.

— Приставь к стене пока. Как отойдёт, инвентаризируем. А может, родня отыщется.

Лекпом хотел добавить, что подобранный не из простых — одет был в изношенный, но дорогой когда-то сюртук из настоящего шалона, во внутреннем кармане находились вырванные из книг листочки с надписями поэтов Блока, Есенина, Сологуба, а также удостоверение, что старик этот отбыл срок заключения по статье 58-10, освобождён и «имеет право проживать на всей территории Союза ССР». Это было странно — в город Ленина подобный общественно-вредный элемент с недавних пор не особо пускали. Но, может, он каким подвигом купил...

И вовсе он не старик — этому заросшему седыми волосами, с серой истончившейся кожей человеку сорок семь лет. Иван Максимович Поддубный в

пятьдесят пять всех борцов Северо-Американских Соединённых Штатов победил, а он, лекпом, в свои пятьдесят два каждое утро на турнике вертится...

Да, не стоило рассказывать о новом больном всем подряд. Мало ли... И лекпом, почему-то рассердившись, вместо того, чтоб уйти вслед за санитарам, строго спросил парня с перевязанной головой:

— Как, Дегтярников, мозг встаёт на место?

— Потихоньку.

— М, сотряс по пьянке в момент, а теперь пятый день матрас уминаешь. А работа стоит.

— Да трезвый я был. Поскользнулся.

— Трезвый, — проворчал лекпом. — Несло, как из винного погреба.

— Не бывал в таких погребах, не знаю.

Они бы наверняка ещё долго вот так вяло перебрехивались, но тут в палату влетел невысокий кривоплечий гражданин со звероватым лицом. Клетчатый пиджак расстёгнут, в кулаке зажата кепчонка.

— Александр Иванович здесь?

— Таких не знаем, — прогудел старший по палате, страдающий избыточным давлением металлист Губин.

— Погоди, Степан Яковлевич, — насторожился лекпом. — А вы оттуда, товарищ?

— Откуда?

— Н-ну, из гэ... — Он осёкся и поправился:

— Из энкэвэдэ?

— Я? — Вошедший вздрогнул. — Я — нет. Я из другого... другой организации... Так вот же! — Клетчатый увидел седого человека и бросился к нему. — Александр Иванович!..

— Не будоражьте, не надо. Отходит, кажись, ваш Александр Иванович. Вкололи ему камфары, вроде очнулся, помог раздеть себя, помыть, а потом опять... Доктор сказал — полное истощение жизненных сил.

Клетчатый присел на край кровати, с тоской смотрел на лежащего... Лекпом переводил взгляд с одного на другого. Определил — не родня. Спросил:

— Так вы кто будете, гражданин? Посторонним не положено.

— Я литератор, — с усилием ответил клетчатый и вынул из нагрудного кармана пиджака трубку.

— Курить тут нельзя... Стихи сочиняете?

— Да. И стихи тоже.

— Любопытно... А почитайте, — попросил один из больных, на вид интеллигентный, в очках. — Искусство, я слышал, помогает излечению.

— И то, — поддержали другие. — От безделья киснем натуральным образом. И репродуктор сломался...

Лекпом, желая проверить правдивость посетителя, добавил:

— К литераторам у нас уважение — они почти как врачи. А если с улицы, то покиньте.

Клетчатый как-то затравленно поозирался, явно — все заметили — покопался в памяти, выбрал нечто подходящее и начал нервной скороговоркой:

Хлеб сдай,
лён сдай,
хлопок сдай
в срок!
Знай, знай, знай, —
это будет впрок.
Нам заводы помогают,
нам заводы высылают
ситец, косы и косилки,
трактора и молотилки,
обувь крепкую из кожи.
Ты заводу вышли тоже,
только быстро,
только дружно,
ровно к сроку
всё, что нужно.

Стих кончился, но слушатели ещё некоторое время ждали продолжения. Не дождавшись, заговорили:

— Бойкое.

— Как ребёнок придумал. Эту, речёвку пионерскую.

Лекпом кивнул на седого:

— И он тоже стихи сочиняет?

— Тоже.

— Хм, — покривил рот перевязанный Дегтярников, — такие же?

— Разные. Есть очень... очень сильные. — И клетчатый поёжился.

— А можно послушать? — произнёс интеллигентный. — Вдруг окажется, что с гением рядом лежим.

— Вам не понравится.

— Отчего ж? Нельзя заранее судить. Вы озвучьте, а мы решим.

— Только не производственное, — добавил кто-то с дальней койки. — Душевное что-нибудь.

— Душевное... Извольте. — Клетчатый покосился на сухое, опутанное космами лицо Александра Ивановича. — «Моление о пище» называется.

— Здорово! — взбил подушку Дегтярников. — Я люблю про харч.

Пищи сладкой, пищи вкусной
Даруй мне, судьба моя, —
И любой поступок гнусный
Совершу за пищу я.

Я свернусь бараньим рогом
И на брюхе поползу,
Насмеюсь, как хам, над богом,
Оскверню свою слезу.

В сердце чистое нагажу,
Крылья мыслям остригу,
Совершу грабеж и кражу,
Пятки вылижу врагу.

За кусок конины с хлебом
Иль за фунт гнилой трески
Я, — порвав все связи с небом, —
В ад полезу, в батраки...

— Пакость какая! Блевотина! — прервал лекпом. — У нас тут больница, а не сортир, гражданин литератор.

— Вы же сами просили...

— Ну, не могли мы представить, что такую мерзость на русском языке сочинить возможно.

— Да, отвратительное стихотворение, — поддержал интеллигентный, но как-то раздумчиво.

И клетчатый, видимо, уловив эту раздумчивость, ободрился:

— Но ведь сильно? Сильное? А стихи надо писать так, что если бросить стихотворением в окно, то стекло разобьётся!

— Хорошо, — раздалось с кровати натужное, нутряное, будто из зарытой могилы. — Хорошо сказал, Данюшка.

— Оп-па, воскрес! — изумился Дегтярников. — С возвращеньцем.

— Даня, где я?

— В больнице, Александр Иванович. В Жертв революции.

— Это которая Мариинская?..

— Да-да, она.

— Мариинская... Кто здесь из знаменитых умер, не знаешь?.. А, не важно...

— У нас редко теперь помирают, — сказал лекпом. — Лечим.

— Давно я здесь?

— Часа три как привезли. На улице вас подобрали...

— А бумаги?.. Автографы где?

— Всё в гардеробной. Сюда нельзя — нечистые у вас, гражданин, вещички.

— Вещички?! — хотел было возмутиться седой, но сил не хватило; зашептал:

— Данюшка, забери... отнеси автографы в Пушкинский Дом. Они и деньги мне заплатили, а я не несу... Отнеси.

— Да, Александр Иванович.

— И к жене потом... Марии Николаевне... скажи, что вот так... я здесь...

— Да, конечно.

— Пусть не приходит. У неё же ноги... туберкулёз костей... Успокой её... Адрес помнишь? Здесь, за углом — Жуковского, дом три, седьмая квартира.

— Помню, Александр Иванович, — кивал клетчатый Даня; лицо его совсем утеряло звероватость, было жалким и детским. — А я вас ждал, ждал на нашем месте, потом торговка одна говорит: да забрала вашего медицинская помощь, думали пьяный, а его удар, кажись, хватанул. И я — сюда. Как чувствовал...

— Спасибо, Данюшка, — седой обнял его руку своими сухими, костлявыми пальцами. — Только ты побегии, ради Христа, отдай автографы, не хочу для них подлецом оставаться...

— Пойдемте, — сказал лекпом, — я выдам. А костыли пускай остаются — может, и пригодятся ещё... И прикреплю вас к кухне, — подмигнул лежащему. — Наверно, и ужин ещё захватите...

Лекпом и Даня, несколько раз успевший оглянуться по пути от кровати до двери на седого, вышли.

Больные, заинтересованные новым соседом, а больше томившиеся отсутствием дел, молчащей радиотарелкой, некоторое время не решались заговорить с ним. Александр Иванович лежал на спине, хорошо виден был его крупный, но какой-то сморщенный, как полежавшая в тепле картошка, нос, высокий лоб; глаза были прикрыты...

Но стоило ему шевельнуться, и интеллигентный сразу спросил:

— А вы действительно такие стихи сочиняете?

Седой ответил не сразу; соплатникам показалось, что он не услышал, спит и пошевелился во сне. Но вот заговорил:

— Разные я писал. И у Бодлера учился, и у Брюсова, Валерия Яковлевича, у Бунина, Ивана Алексеевича... Такое вот у меня есть, из первой книги:

О, сколько кротости и прелести
В вечерних красках и тенях,
И в затаённом робком шелесте,
И в затуманенных очах.

Мы словно в повести Тургенева:
Стыдливо льнём плечо к плечу,
И свежей веточкой сиреневой
Твоё лицо я щекочу.

Седой помолчал и спросил слегка заискивающе:

— Как?

— Мило, — ответил интеллигентный.

— Вот именно — мило. В одно ухо влетело, из другого упорхнуло. А то, какое вам Даня читал, оно у вас всех в голове застрянет, как гвоздь сапожный.

— Не дай бог, — бормотнул старший по палате и сделал движение правой рукой, будто крестится.

— И много у вас книг напечатано?

— Три книги поэзии и три статей. Ещё семь книг подготовлены...

— Книги, видать, при старом режиме брали, — хмыкнул Дегтярников, — а теперь перестали.

— Ошибаетесь... При старом режиме один сборник стихов был издан, остальное — после Октября. Я для революции сделал поболее... поболее многих.

— А как фамилие ваше?

— Фамилия... Тиняков, Александр Иванович.

На фамилию больные никак не отреагировали — не покивали, не ахнули удивлённо-восторженно, — и седой добавил:

— Но я много под псевдонимами выступал: Одинокый, Герасим Чудаков, Чернохлёбов, Немакаров...

Больные и на этот раз остались равнодушны. Александр Иванович прикрыл глаза, но тут же его толкнул новый вопрос:

— А вы из бывших?

— В каком это смысле?

— Дворянского происхождения?

— Нет, совсем другого... Из крестьян. Потомственно... Но Тиняковы никогда крепостными не были! Государственные крестьяне Орловской губернии... Поколение за поколением трудились, богатели своим стараньем... до кровавого пота трудились... Дедушка, Максим Иванович, имение купил, триста десятин земли. — С каждой фразой голос этого почти трупа становился живей. — Он замечательный был человек, дедушка. Камень, а не человек... Его силами и деньгами новый Покровский храм в Становом Колодезе построили. Возле Орла. Такому храму и сама Москва позавидует... Много Максим Иванович на благие дела жертвовал, но строг был!.. Всех в кулаке держал. Уже и сыновья взрослые, и дочери замужние, а всё равно... Чужие люди его благодарят, а родные — слёзы льют. И то — тайком. Боялись показать, что недовольны чем... Помню, как он настоял, чтоб старшая внучка его, Анна, кузина моя, вышла за хорошего человека, но нелюбимого. Деду он нравился, а Ане... И такого горя, какое у неё и родных её перед свадьбой было, я и на похоронах не видел. И я плакал — она первой моей любовью была, хотя мне шёл тогда седьмой год всего... Аня мне свою карточку подарила, до сих пор храню, во всех скитаниях со мной она...

Александр Иванович передохнул, отдышался и продолжил:

— Моему отцу дедушка после свадьбы имение купил в селе Богородицком Мценского уезда. Шестьсот десятин земли! Барин бы какой от такого изобилия вздулся, ожирел и лопнул, а наши все — трудились. За плугом сами ходили. Нанимали, ясно, работников, но и Тиняковы рук не жалели... Детство моё прекрасное было — природа вокруг, простор, красота. Дали

русские... О городе ведать не ведал — незамутнённый я был совершенно до десяти лет, до самой гимназии... Дедушка часто к нам наезжал, смотрел, как справляемся. Книг никаких не терпел, кроме святого писания, церковных... Пушкина и Тургенева от него прятали... Однажды Державина увидел, полистал — и в печь. Мать моя: «Батюшка, за что?!». А он: «Поганцы!». И повторяет то, что выхватил глазами из книги: «Не лобзай меня так страстно». Но я тогда и запомнил, что Державин — запрещен. И потянуло запретное читать... И мне от Максима Ивановича доставалось. Раз сидим вдвоём на веранде. Лето, благодать. И я говорю: «Дедушка, гляди, две мухи слиплись и летают». А он как взвился: «Ты на что это внимание обращаешь, поганец?! Пшёл в чулан — без обеда остаёшься». А я совсем ещё душой младенец был. Чистенький, волосы светлые, кудри ангелочкины... После этого стал узнавать, зачем это мухи слипаются, петух на кур прыгает, козы, собаки друг на дружку лезут...

Голос Александра Ивановича, до того натужный, деревянный какой-то, сделался мягче и в то же время погрузнел.

— Перегибал дедушка, но прав он был в своей строгости. Это я потом осознал, потом... когда исправить ничего стало нельзя. А тогда наперекор поступать хотелось. Нельзя — а я буду!.. И постепенно дедушка сделался для меня врагом. В лицо боялся перечить, больше тайком... Отец тоже крут был, но не так уже — уже червоточина появилась. Моя мать её занесла, сбילה отца с пути... Она городская, из семьи состоятельной, на вид почтенной, но тронутая вырождением. Старший брат матери отравился из-за любовного вздора, она сама, Мария Лукинична, тоже была психически нездоровой. Ей бы в монастырь уйти, там мечтать и молиться, а она замуж вышла за земного, грубого человека, который только работал и ел, чтобы работать, — за отца моего, Ивана Максимовича... Она очень меня любила. Глубоко любила, мучительно, беззаветно. Великим человеком меня видела, с измальства мне это внушала... Зачем? — Александр Иванович тяжело вздохнул-простонал. — Другую отцу надо было жену — из своего круга. Как бабушка — крестьянка из одного с дедом села. Нарожала здоровых ребят, до старости хлопотала, следила за каждой тряпкой и щепкой, каждым куриным яйцом... Родился бы я от крестьянки, не стал бы таким... не стал бы литератором... литератором-неудачником, не подыхал бы от голода и унижений, а заведовал бы каким-нибудь откомхозом и была бы у меня смачная, мясистая баба, крепыши-ребята, надёжный дом, достаток...

Седой замолчал и долго отдышал, громко дыша. Будто пробежал в гору. Потом попытался подняться, но сразу уронил тело на простынь.

— Попить бы... не смогу сам.

Дегтярников осторожно, стараясь не трясти головой, встал, прошёл к баку с водой, зачерпнул кружку. Отнёс седому.

— И что же, — спросил интеллигентный, — с вами приключилось такое, что вы так теперь сокрушаетесь?

— Много... много всего. Нет сил обо всём рассказывать, да и надо ли... Рождённый неудачником и в гроб должен сойти неудачником, не поведая о себе ничего и никакого следа в жизни не оставив.

— Ну уж вы слишком, — сказал слезливо тот человек, что просил клетчатого почитать «душевное». — Аж плакать захотелось.

— Впрочем, след я оставил, — словно не услышав этих слов, заспорил Александр Иванович с самим собой. — Только не такого следа хотел... Показали мне, что обо мне пишут эти... сбежавшие с родины. Жорж Иванов, лощёный сноб, ничтожество, эпигоныш, так изгадил... Все сплетни вспомнил, все мои пьяные бредни записал... Ходасевич, хорёк глистатый... «Тиняков писал посредственные стихи». А ты?! Тебя белогвардейцы на руках носят, ты и рад. И гонорар в валюте получаешь... Ничего-о, посчитаемся... Я хоть живые души из пожаров спасал, а они что... Барышни томные в брюках... Фуф... Да и здесь имеются такие, кто на Тинякове зарабатывать вздумал... Зощенко... Только меня на Соловки отправили — сразу повестушку строчить принялся. Думал, видать, что я там навек сгину, а я — вернулся. Прочитал стряпню эту. Отвратительно, беспомощно, примитивно... Встретились, говорю: «Вы, Михаил Михайлович, вероятно, думали, что я умер. Нет ещё». Он смутился, поспешил якобы по делам... Потом пришлось мне к нему обратиться — одеться не во что стало, жена заболела туберкулёзом костей. Написал я ему письмо. Не письмо — мольбу! Денег немножко просил, брючонки никуда не годные... Не отозвался Михаил Михалыч. Что ж, большим деятелем стал, на канал с Горьким скатался, полюбовался, как там народ русский... Теперь на писательский съезд... ещё и с пламенной речью выступит...

— И как там на Соловках? — спросил старший по палате.

— Хорошо... Хорошо мне жилось в лагере. Много там людей культурных, думающих, дисциплина, кормёжка хоть не роскошная, но по распорядку. Работать на общих основаниях я по здоровью не мог, в тепле держался... А потом, к сожалению, перевели меня в ссылку в Саратов. На положении почти

свободного гражданина я там находился — голодал и бедствовал невероятно. Освободился, вернулся сюда. Жена больная, безработная — а она уроками английского языка кормилась... и меня кормила. Папиросами для меня, бывало, плату брала... Милостыню снова просить после возвращения я побоюсь — могли снова выслать. Распродаю библиотеку, автографы знаменитых писателей. Мне многие подписи ставили, книг много разных было... Всё развезлось...

— Значит, у Зоценко Мишель Сипягин с вас списан, — не спросил, а вслух подумал интеллигентный больной; Александр Иванович дёрнулся, как от удара.

— Нисколько!.. То есть, черты внешнего сходства имеются, а сути — нисколько... Особенно парусиновый портфель не прощу Зоценке. Его Мишель портфель этот для виду носил, чтоб, когда милостыню просит, люди видели, что он человек не пропащий, поневоле опустившийся. Чтоб разжалобить... А я в том портфеле свои книги носил. Продавать пытался... Почти не брали, глупцы. А третья книга — «Аз есмь сущий» — одно из самых замечательных явлений в области нашей новейшей поэзии. Я доказал в ней, что честность выше притворства не только в жизни, но и в словесности.

— Экая заслуга! — раздалось ироническое с одной кровати. — Чему тут хвалиться?

— Есть чему, — строго и глухо сказал Александр Иванович. — Вот скажите, вы кого больше всех на свете любите? Только честно... Честно.

— Ну, жену... детей.

— Родину! — как-то двусмысленно бросил Дегтярников.

— Ребят родных больше всего...

— А, не врите, — остановил перечисление Александр Иванович. — Себя самих мы больше всех любим. Себя! Худого, жирного, лысого, вшивого, с ногами грязными, ногами вонючими. Обожаем, бережём, поклоняемся... И я это воспел!

— Ну-ка, как вы это сделали, любопытно, — сказал интеллигентный.

И Александр Иванович с готовностью стал почти нараспев, торжественно декламировать:

Я судьбу свою горькую, мрачную
 Ни на что не желаю менять:
 Начал жизнь я мою неудачную, —
 Я же буду её и кончать!

Больше бога, Героя и Гения
Обожаю себя самого,
И святей моего поклонения
Нет на нашей земле ничего.

Неудачи мои и пороки
И немытый, в расчёсах, живот,
И бездарных стихов моих строки,
И одежды заношенной пот —
Я люблю бесконечно, безмерно,
Больше всяких чудес бытия...

— Ясно, ясно, — перебил старший по палате. — Воинствующий индивидуализм. За это, гражданин, можно обратно на Соловки отправиться. И нас ещё с вами зацепят.

После этого на несколько минут установилось молчание. Обитатели палаты занялись поиском каких-нибудь дел. Кто-то зашуршал сто раз прочитанной газетой, кто-то заводил часы, копался в тумбочке. Дегтярников подошёл к репродуктору и, ворча, стал вертеть ручку громкости.

— Я должен был ещё в тридцатом году умереть, — своим глухим, деревянным голосом, от которого снова все вздрогнули, объявил Александр Иванович. — Ещё до Соловков, до Саратова.

— С чего это? — оторвавшись от репродуктора, с усмешкой спросил Дегтярников. — Кто вам указал, когда умирать?

— Ну как же, — поддержал его тон интеллигентный, — слышал же в стихе — сам начал жить, сам и будет её кончать... И что вам помешало?

— Ничего не помешало. Если вы о самоубийстве, то я никогда о нём не думал. Это отвратительно — жить нужно до последней возможности... Дело в том, что в тридцатом году сумма трёх цифр равнялась тринадцати. Один плюс девять плюс три равняется тринадцать.

— И что?

— Я пережил до того три таких года. И в каждом из них случились роковые для меня события. В девятьсот третьем — тоже в сумме тринадцать — начали печатать мои произведения, я познакомился с Валерием Яковлевичем Брюсовым, Леонидом Николаевичем Андреевым, окончательно бросил гимназию, имел первое сношение с женщиной. В этом же году умер дедушка

Максим Александрович... В девятьсот двенадцатом — опять же тринадцать в сумме — была издана первая книга, я переехал в Петербург... В двадцать первом — и здесь тринадцать — второй переезд сюда, я узнал о смерти отца, похоронил Блока, Александра Александровича, который один из немногих по-человечески ко мне относился... Тридцатый был последним на моём веку год, дающий в сумме тринадцать, и я ожидал смерти. Я всё испытал, под конец и тепло семейного очага. Но вместо смерти был арестован. Впрочем, это тоже знак тринадцати.

— Дешёвая мистика, мракобесие, — отозвался Дегтярников. — Да тут большинство все эти четыре года пережили. И что?

— Вам, может быть, и ничего. А мне это важно. Я вообще люблю размышлять. Не люблю, вернее, а имею потребность... Некоторые и календаря не знают, в часах, — Александр Иванович указал взглядом на металлическую лепёшечку в руке старшего по палате, — не разумеют. А я знаю, разумею и могу анализировать. И когда я пережил тридцатый год, я был очень раздосадован. Судьба меня обманула.

— Досадовать, что не умер, — покривился интеллигентный, — декадентство какое-то... М-да, любопытный вы человек — с Блоком были знакомы, Андреевым. Зощенко вас описал, белые вас вспоминают, побирались, если не ошибаюсь, на Соловках побывали... И как — довольны судьбой? Вы уже говорили, что неудачник и так далее, но всё же, начистоту...

Александр Иванович похрипел в глубине горла, подбирая слова для ответа, не решаясь заговорить. Может, пробежал сейчас мысленно свои сорок семь прожитых лет.

— Судьба, — наконец решился, — судьба богатая получилась. Такие были приключения, такие скандалы, женщины... Я саму Ахматову, Анну Андреевну, щупал, а она только попискивала и жаловаться не бежала. Потом, когда на панели стоял, подошла однажды. «Можно, — говорит, — я вам двадцать копеек положу?». «Можно», — говорю. Она положила и пошла этак медленно, ждала, видимо, что окликну, а я не окликнул. Не нужна уже она мне была. А муженька её ненавидел — всё гения корчил, над Брюсовым, Блоком смеялся... Да меня, — Александр Иванович неожиданно возвысил голос почти до крика, — два раза к виселице присуждали! У меня сам академик Тураев, Борис Александрович, великий наш учёный по Древнему Египту, советов спрашивал!.. Профессор Фриче, Владимир Максимович, от Главлита меня защищал... Я вам здесь и сотой доли о себе не поведал. Жаль, всё это со мной

вместе в могилу уйдёт... Но я жалею... Жалею, что по такому пути пошёл. Прав дедушка Максим Александрович был, когда запрещал меня в гимназию отдавать. «Развертится он там! — говорил. — Погибнет». Мать меня в образование тащила, а отец не в силах был сопротивляться... Сколько ссор было, слёз, крику. Два мира схлестнулись: здоровых крестьян и города, гнилью заражённого... Отец сдался, отдал меня в гимназию, и я покатился... Уверен был — возношусь в небеса культуры, а на самом-то деле — падал. Не нужно крестьянину ни Цезаря, ни Овидия, ни геометрии. Ни русской литературы! У крестьянина поля есть, рощи, птиц пение, молитвы...

В златые саваны деревья облеклись,
И скупо льётся свет на землю с поднебесья...
Бледна и холодна и безучастна высь
Печальною порой, порою златолесья, —

вот как я начинал. От этих строк моих у Бунина, Ивана Алексеевича, глаза влажнели!.. И чем кончил:

Скоро, конечно, и я тоже сделаюсь
Падалью, полной червей,
Но пока жив, — я ликую над трупами
Раньше умерших людей.

Были и позже стихи, но их при обыске забрали... сожгли, наверно... В девятьсот втором мне гимназии стало мало, и бросился я в Москву, в пучину. Решился порвать с семьёй, с крестьянскими своими корнями... А дедушку к тому времени я уже ненавидел: отсталый, деспот, самодур... Нашёл одного Тинякова — Аристарха, каторжника, девять человек топором зарубившего, и всем рассказывал, что это и есть мой дед. Стыдно теперь, стыдно... Несколько месяцев в Москве как пёстрый сон пролетели; я запутался и прибежал в Ясную Поляну, к Толстому, Льву Николаевичу.

— Вишь, и до Толстого дело дошло, — насмешливо, но негромко, не перебивая, сказал Дегтярников старшему по палате Губину.

— Толстой болел тогда, мы с ним посредством записок общались. Через дочку... Он мне написал: «Возвращайтесь домой, помириться с родителями, дедушкой. И, пожалуйста, не становитесь современным поэтом. Современ-

ные поэты — люди ненормальные. Вы крестьянин, а крестьян в свете не любят. И в литературном кругу тоже. Будете на побегушках у дворянских фуражек, смеяться над вами будут, и погубят». Так и вышло. Поклонялся я Бунину, Брюсову, псу-сифилитику Садовскому, а они на меня плевали... Вернулся я после Ясной Поляны домой, покаялся, в гимназии продолжил учёбу. Но стихи не бросил. И стал современным поэтом... Поэтом стал, а в круг небожителей принят не был. За папиросами для них бегал, Канта цитировал... Я же таким учёным был — от клинописи до гипнотизма всё знал. И всё сам, самоучкой!.. Они пили, морфий кололи, кокаин в ноздри сыпали, блудили так, что стон стоял, Никольскому на всякий случай пятки лизали, а мной прикрывались: «Тиняков — свинья, Тиняков — развратник. Тиняков — «Чёрная сотня». И получилось, что ничем я для будущего не останусь, как только грязью... Боюсь там, — Александр Иванович шевельнул сухими пальцами, — с дедушкой встретиться. Боюсь, как он поглядит на меня. Сожжёт глазами. Сожжёт-от...

— Чего у вас опять с репродуктором? — вошёл в палату монтёр.

— А? С репродуктором? Да не бухтит, — всполошился Губин. — Погляди, с тоски без радивы подышаем.

Монтёр, ворча, стал копаться в чёрной тарелке. Больные следили за его движениями, на глухой, слабый голос седого уже никто внимания не обращал.

— ...Не подлец я, дедушка, а если бога хулил, то от отчаяния. Не помог мне бог, никто не помог... А я настоящим хотел...

— Опять проводок оборвали! — досадливо объявил монтёр. — Ироды. Аккуратно надо крутить, а не дергать. Привыкли...

— Да мы аккуратно вроде.

— Почините, пожалуйста, товарищ. Хоть знать, что в стране происходит...

— ...Я написал настоящее, дедушка. Никто не заметил только. Все грязь ждали... А у меня есть... Послушайте, дедушка. Послушаете, да?

Былинкой гибкою под ветром я качаюсь,
Я Сириусом лью лучи мои в эфир,
И я же трупом пса в канаве разлагаюсь,
И юной девушкой, любя, вступаю в мир.

Если бы обитатели палаты отвлеклись от обсуждения сломанного репродуктора, то наверняка очень бы удивились, каким чистым стал голос седого. Чистым, свежим, трепещущим.

И все очам людским доступные картины,
Все тени, образы и лики бытия
Во глубине своей божественно-едины,
И все они во мне, и все они — лишь я.

Христос израненный и к древу пригвождённый,
И пьяный сутенёр в притоне воровском —
Четою дружною, навеки примирённой,
Не споря меж собой, живут во мне одном.

Во всём, что вымерло, в деревьях, гадах, птицах,
Во всём, что есть теперь в пучине бытия,
Во всех грядущих в мир и нерождённых лицах —
Во всём Единый Дух, во всём Единый Я.

Больных оглушил последний аккорд бравурной мелодии из воскресшего репродуктора. И тут же восторженный девичий голос произнёс:

— Вы прослушали песню «Мы любили его» из картины «Три песни о Ленине». А теперь о новостях дня. В столице нашей советской родины городе Москве сегодня начал работу Всесоюзный съезд советских писателей. Более полутысячи мастеров слова собрались в Колонном зале Дома Союзов, чтобы создать великую литературу социализма.

— Эй, поэт, — обернулся к кровати седого Дегтярников, — а ты чего не там?

Александр Иванович не слышал: он погружался в последний свой сон — сон смерти.

Марина КАРИО — Живёт в Москве. Родилась в семье дипломата. В детстве проживала в странах Юго-Восточной Азии. Поэт, прозаик, эссеист. Член МГО Союза Писателей России. Член Клуба современных писателей «Золотое Руно». Окончила Государственный политехнический Университет, Школу гидов-переводчиков при Московском Лингвистическом Университете. Работала в СМИ, шеф-редактором периодических изданий в холдинге «Деловой Мир». Печатается с 1997 г. в международных альманахах «Литературная Вена», «Золотая строфа», является избранным автором русскоязычного журнала «Обзор» (США), в сборниках проекта «Библиотека Современной Поэзии» регионального общественного фонда содействия

современной поэзии «Светоч» «Посвящение Анне Ахматовой», «Посвящение поэта Серебряного века», «Краски жизни», «Страницы России», в альманахах и проектах МГО Союза Писателей России, авторских сборниках, литературных альманахах «Золотое Руно». Номинирована на премии «Золотая Строфа», «Поэт Года (2015)». Финалист литературных конкурсов «Modern Russian Literature» (Современная русская литература на английском языке) — в номинации «Проза», международного конкурса «Россия — Испания» в номинации «Поэзия», международной литературной Ассамблеи «Россия — Болгария» в номинации «Проза».

ПОКИДАЯ ВОСТОК

(Автобиографическое колесничество)

Посвящается моей матери.

*«Всё поменялось местами, — мольберт голубой
стал серым забором, скрипач, который стал
извозчиком, Земля и небо, Верх и низ...
Время толкнулось от нас и улетело.
На лице своём вижу знак таинственный —
Знак рождения... Если одна половинка лица
улетит, что будет со мной?!»*

(Из японской прозы)

Кто-нибудь знает, как чувствует себя другой?! Каждый человек — главный герой своей жизни. У каждого своя история. Кулачное буйство с самим со-

бой... Моя история началась то ли с рыка, то ли со слоновьего шёпота, с познания естества боли и сущности смерти, прекрасной гармонии человека и Мира, и сквозных, ледяных остервенелых скитаний...

Март. Весна. Я рождаюсь со всем Миром. Моя первая, знойная, пьянящая весна цветущего невозмутимого Востока. Она живёт во мне всю мою жизнь... Её запахи преследуют меня. С каждой весной я рождаюсь вновь, — юной весной, хрупкой и чувственной, примеряя улыбку и не отдавая себе отчёта. В марте. На вечерней Заре. Я вновь рождаюсь со всем Миром... Безупречный турнир, таинственный мир детства. Я ещё не умею говорить, ходить, любить, протестовать. Но я умею чувствовать. Я могу видеть. Моё дыхание пронизано этим, полным древневарварских сокровищ, Миром.

Буддийский монах — мой первый нянь — улыбчивый человек, понимающий суть вещей. Его бритая бычья голова, как мыслящий цветок, всегда покрыта солнечными каплями пота. На толстом животе шелестит длинный шёлковый халат. Я помню его запах. Я всю жизнь буду помнить его запах... Кисло-сладкий запах тибетского дворика с обручем благоухающих цветов. Он кормит меня сладким картофелем, пьёт чай из мандариновых листьев... и скоро уединится в храме для недолгой молитвы, с лёгкой виноватцей в добрых глазах.

Сказочные цветы, горы в сгустье прохладного тумана, невысокие храмы... и яркое, яркое солнце, и синее, нестерпимо синее бездонное небо, которое выпивает в себя твой взгляд. Скоро, очень скоро я всего этого уже не увижу. Но всегда буду помнить, как это пахнет... Запах — это память. Этот мир, бездвижен, справедлив и строг, — не сходи с моих уст, не сходи с моих строк!.. И есть во всей этой красоте такая боль!..

Здесь я умерла восьмью месяцами от роду, — кома, клиническая смерть, больница, беспомощность отца и его звериный рёв сквозь нутро: «Дочка, не уходи!». И я вернулась, вдоль по вечной реке, обречённая собой. Маленькой ладошкой в тёплой руке отца.

Здесь Бог дал мне жизнь дважды. Здесь я познала силу любви. Отец... — мой король червей, родной, узнаваемый по биению сердца, по всегда кипельно-белой рубашке и голосу покоя. Скоро, очень скоро я потеряю отца, чтобы искать всю жизнь... Девочка, потерявшая отца, и так и не нашедшая его. Эта фраза, кажется, звучала в фильме Тонино Гуэро...

Мне дали имя — Марина. Маме шепнуло солнце. В этом имени так много для меня. Набегающая волна, яркий упругий луч, упирающийся в море,

золотые блики на изумрудной воде... Удивительно — изумрудное... И ещё... морские жемчужины на дне, и бездна. Бездна...

Мне пять лет. Мама, коренная москвичка, умница и русская красавица с ранней сединой в волосах от пережитой в детстве войны, полюбившая раскосые карие глаза отца, его стать и ум до мурашек, ставшая его женой и любимой женщиной, блиставшая с ним на дипломатических приёмах, оформляет втайне от отца туристическую визу в Советский Союз и бежит со мной на руках в Россию, на родину, в Москву, по которой так скучает до кома в горле, до слёз, — бежит от отца, бежит от любви... и, как окажется, в никуда. Вот что не поддаётся объяснению. Вот так поступок одного человека меняет судьбу другого.

Мне пять лет. СССР. Москва. Пионеры, барабанные палочки... Кто-нибудь знает, как чувствует себя другой? Я слушала своих сверстников и понимала, что старше них на целую жизнь... Мне пять лет, и у меня уже есть своя тайна. Тайна, тяжёлым сгустком в сердце, изменяющая биение пульса и, посмеивающаяся пламенем в детской груди, пытающимся выжечь прошлое... Нечто, принадлежащее только мне. Нечто, что никто не должен был видеть. Слова опасны. «Не бей понапрасну языком о зубы!» — говорил мой тибетский нянь. Я стояла на краю обрыва и смотрела вниз... Мне казалось, я живу тысячу лет, как песок на дне моря, в глубоком сне.

Теперь я видела нечто другое, чем знала прежде... Я узнала своих родных и поняла рано, что во мне мечется, как огонёк в печи, любовь моих славянских предков к России. И я несу эту любовь, — нелепую, несуразную, усталую — и поныне, бесповоротно сквозь всю мою жизнь...

Зимняя морозная Москва. Мама лишена советского гражданства за выезд из России. У неё нет паспорта, прописки, нет работы. Мы живём вдвоём, тайно на недостроенной даче моей бабушки, где пронизывающий ветер рвётся в хиленькие окна дома без удобств, света, отопления, воды и газа, где всегда сквозняк и иней на стенах, днём слышится гнусавая речь Брежнева из радио, а по ночам выползают крысы с глазами удава.

Здесь я засыпала каждый вечер, на приставленных друг к другу табуретах, с чувством хронического голода, рассматривая ледяные узоры на цементных стенах, что — то шепча на языке отчаянья, иногда смотрела в окно, выходящее в застывший яблоневый бабушкин сад.

По ночам, в своих снах я видела отца, его огромную библиотеку, так много книг на разных языках, тома «Тысячи и одной ночи», которые отец перевёл

с персидского на русский, бережный шелест которых жил во мне, мою любимую «Книгу перемен» со старинными пастельными гравюрами, которые так часто рассматривала, сидя крошечкой-девочкой на полу... Что я понимала тогда?.. Но образы, поразительные откровенные образы, которые впечатляли, манили за собой в сокровенные тайны Мира... Они так рано открылись мне. Как сила, что колется между рёбер, которая меня спасла. Я уже знала, что такое сила молчания, и теперь она так была нужна мне.

Во сне отец говорил со мной, а я всегда протягивала ему свою ладошку с печеньем. Почему я хотела накормить его? Наверное, потому, что познала, что такое настоящий голод. Он улыбался мне своей белозубой улыбкой, мой красивый мудрый отец, король червей, брал печенье и кушал его... День, месяц, год, — и я не увижу его много, много лет...

Меня переполнял мир, неведомый моим московским сверстникам. О многом было лучше молчать. Слова опасны. В доме на подоконнике лежали две бабушкины потрёпанные книжки — «Валери» Лермонтова и «Горе от ума» Грибоедова. С них и началось моё познание великого языка и литературы. С ними мне не было одиноко. К шести годам я читала довольно свободно. Мне никогда не было скучно с собой.

Я полюбила всё, что таит образы. Я полюбила танцевать, рисовать, я полюбила одиночество, музыку и Лермонтова, постигшего и примирившего в себе добро и зло.

А ныне ветер дует неумело,
И облака, сверкая белизной,
Не уплывают вдаль...
И горная вода, сверкая белой пеной,
Мчась с крутизны, не ударяет оземь,
А шепчет мне Вселенскую печаль.
Покоя не могу найти во сне,
С тревожной думой не могу расстаться,
Но это ж нынче снится мне,
Что начали цветы повсюду осыпаться,
Но это ж нынче снится мне...¹

¹ Стихи автора, Марины Карิโอ

Мне девять лет. Позади годы голода, скитаний, вереницы прошений, которым не было числа, и изматывающих хождений с мамой по посольствам, юрконсульствам, в прокуренных коридорах которых было так много людей, ищущих правды, — где, часами ожидая приёма, в изнеможении, я засыпала у мамы на коленях.

По воле случая, или Бога, нашим делом занялся опытный пожилой юрист, работавший в публицистическом отделе «Московского комсомольца». Его статья о маминой судьбе, нашей непростой истории жизни, оказалась бомбой и каким-то чудом повлияла на чиновников. Маме вернули советское гражданство, московскую прописку, восстановили в КБ.

Однажды, в те годы неизвестности перед будущим маме передали письмо от отца, будто мистическое послание из трепещущего эфира, в котором он писал, что ему часто снится дочь, которая всё время кормит его печеньем... Этот единственный полувыцветший и почти истлевший отцовский клочок бумаги хранится у меня и поныне, связывая нас какой-то незримою нитью, как желобок на лезвии, как сверлецо...

Балет. Моя первая настоящая страсть на всю жизнь... Глубокая, бесповоротная, неиссякаемая... Что может испытать исстрадавшаяся душа, поднимаясь над землёй в волшебных волнах классической музыки, небесных объятьях высочайшего искусства?! Выдохнуть разом глухоту, тошноту и мглу!.. Если музыка — язык ангелов, то балет — танец ангелов... Какая суть? Какая божья благодать?.. Отболела душа. Болела память.

Мне девять лет. Я стою на сцене в белой накрахмаленной балетной пачке. Лодыжки обвиты шёлковыми лентами розовых атласных пуантов. Тёмные волосы схвачены на затылке и украшены диадемой из белых лепестков. Я чувствую, я почти знаю, что прекрасна. Звучит музыка. Моя сольная партия. Отрываюсь от дощатого пола сцены, кружусь в фуэте...

Я вижу слёзы мамы и много людей. Их глаза!!! Глаза! Бог мой! Какую власть я имею над ними сейчас, в эти мгновения танца! Только бы не остановиться... Парить на этой высоте и чувствовать, как тебя целует Бог. Время — рухнувший храм. И молиться больше так не суметь. Всё то, что было мраком, спешило слиться с тяжёлым сгустком плывущей позади темноты...

Я впервые счастлива. В моей истории будет ещё так много... То, чего можно было бы избежать... Ни когда-нибудь. И то, что стало уже неизбежным.

Просыпаясь, чувствую наощупь тишину. У неё новый штрих-код. И улыбка со вкусом горького миндаля.

Лидия РЫБАКОВА — поэт, прозаик, член Союза писателей России, Союза журналистов России, Союза писателей-переводчиков, Международного общества им. А.П. Чехова, Международной гильдии писателей, член правления Московского отделения Интернационального Союза Писателей. Автор книг поэзии и прозы, участник альманахов и коллективных сборников, также публикуется в бумажных и электронных СМИ. Лауреат литературных премий имени А.П. Чехова и имени А.С. Грибоедова, обладатель Гран-При Международного поэтического конкур-

са им. С. Есенина, лауреат конкурса МГО СП России «Лучшая книга года» в двух номинациях (2011), дважды лауреат международного многоуровневого конкурса им. Дюка де Ришелье (в номинациях «Авторская книга»). Награждена ведомственными медалями Министерства культуры РФ «100-летие А.Т. Твардовского» и «200-летие М.Ю. Лермонтова», международной медалью имени Адама Мицкевича, учреждённой Фестивалем славянской поэзии в Варшаве при поддержке Организации Объединенных Наций ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), орденом имени Сергея Есенина, медалью «За доблестный труд» и др. Стихи переведены на болгарский, немецкий, китайский и венгерский языки.

ВЕРОЧКА... ВЕРА!

В двадцать лет Верочка не могла похвастаться ни особой яркостью, ни бросающимися в глаза талантами. Звёзд с неба не хватало. Чуть сутулящаяся, невысокая, худенькая, длинные мягкие каштановые волосы собраны в хвост, довольно милое кукольное личико, серо-голубые вечно чуть удивлённые глаза и слабая улыбка. Говорила неуверенно, тихим высоким голоском. Это звучало — именно звучало — так наивно и робко, что её правота оставалась, как правило, незамеченной, а идеи и предложения даже не обсуждались. Все пять лет института она скромно просидела в уголке, одна, без подружек и ухажёров. На танцы не ходила, в общепитии не появлялась, все работы, даже по политологии, сдавала вовремя и делала их сама. Старательно. Прилежно. Всегда.

На неё настолько не обращали внимания, что, когда именно её фамилию — Малышева — на получении дипломов назвали первой, это произвело на аудиторию странный эффект. Все умолкли и, как в прострации, уставились на девушку в сером, не слишком ловко сидящем платье, которая, опустив голову и покраснев, как пион, шла по сцене за своим новеньким красным дипломом.

Потом уже бывшие студенты отправились в ресторан. Был заказан шикарный ужин. От института шли пешком, благо, было недалеко. Смеялись, поздравляли друг друга. Зал оказался — загляденье, а ужин! Розовые креветки и янтарные кубики ананаса, бутерброды с икрой и маринованные баклажаны, алые помидоры и нежно-кремовый копчёный палтус! Фаршированные цыплята и баранина с черносливом! Взбитые сливки с ежевикой и клубникой! Рай желудка, именины вкуса. Не говоря о напитках. А студенческий желудок, как известно, всегда готов...

По какой пили — сказать трудно. Прошло никак не меньше полутора часов, когда заметили, что Верочки нет. Странно, что её не хватились раньше: места заказали на всех, и пустовало только одно. Чистая тарелка, крахмаль-ная салфетка просто сияли своей девственной нетронутостью. Никто не заметил, когда сокурсница исчезла — в этом, впрочем, как раз не было ничего удивительного: людям, которым не уделяют внимания, легко стать невидимками. Необычно другое: все почему-то вдруг очень заинтересовались, куда она пропала. Прежде такого не случалось, видимо, дело было в этом. Она всегда была тут, молчала в уголке. И вот — на тебе. Не пришла. Оторвалась от коллектива. Да это же немыслимо. Настоящий вызов. Почему?

Обсуждение этого вопроса, впрочем, не затянулось. Потому что дверь в зал неожиданно открылась. Все увидели Верочку в белом платье и незнакомого парня. Высокого, широкоплечего, в отличном костюме, зеленоглазого тёмноволосого красавца. Девчонки так и ахнули. Ребята переглянулись.

— Познакомьтесь, это мой муж, Кирилл, — тихонько сказала Верочка. На этот раз её услышали все.

Иногда она спрашивала:

— Родной, почему ты меня заметил? Никто никогда до тебя не замечал.

А он отвечал ей:

— Да так. На самом деле я заметил тебя сразу, как вошёл: ты сидела у стены и улыбалась. И была такая... безобидная и мирная... у меня на душе потеплело. Это подойти решился не сразу. Ты моё Солнышко.

Десять лет, Господи, десять лет! Всего десять лет, а как изменилась жизнь.

Нет, она по-прежнему заикается и краснеет. И голос прежний, тонкий, с детскими интонациями. Даже причёска всё та же. Но много ли сейчас людей в городе, которые ни разу не слышали о ней. В сущности, ничего особенного — художница, несколько выставок, несколько публикаций, музей. Правда, начинала даже не с нуля. Скорее, с отрицательной величины. Помещение ужасное, состояние фондов — нет, лучше не вспоминать. И не совсем ей по специальности... Так вышло — нет, тоже лучше не вспоминать... Нет! Хотя — разве забудешь?

Тогда, в палате, их было семеро. Семь женщин, семь сердец, семь судеб. Разный возраст, разная внешность, один диагноз. Нелепый, как несчастный случай. Да он у всех был, у кого подтверждённый, у кого нет, — там не одна палата была. А сколько, кстати? Странно: Верочка не помнила. Помнила фаянсовую раковину и кран, из которого всё время звонко капала вода. Кап... Кап... Словно метроном, отсчитывающий время. Помнила, как соседка по кровати плакала по ночам, прикусив край одеяла, чтобы было не громко. И крупного, бодрого, шумного профессора с кудрявой чёрной шевелюрой и яркими карими глазами. Ещё ей запомнился большой шприц с толстенной иглой для люмбальных пункций и весёлый голос медсестры: «Не бойся, тебе теперь совершенно нечего бояться!»

Верочка улыбнулась. Десять лет — а приговор всё ещё откладывается. Она идёт по ночной улице, по ещё влажному после дождя асфальту, и чувствует, как тёплый летний ветер гладит волосы. И трость в руке — как стек франта, для красоты. Жаль, никого нет, она слишком задержалась на работе, но что же делать, выставка на носу, надо много успевать. Она справится, как обычно. Она молода, всего-то чуть за тридцать! Она красивее, чем была в двадцать! Нет, наверно, не красивее, но сейчас её замечают, приглашают, спрашивают, даже ухаживают. Да что такое элегантная трость в руке, это же пустяк. Кому какое дело, зачем по утрам в её квартиру приходит девушка с чемоданчиком, и почему, когда уважаемого директора музея вызывают в министерство, она всегда приезжает на такси. Может, просто не любит метро и автобусы. Она не берёт больничных. Есть отпуска, и где их проводить — на турецком пляже, или же в одной и той же палате — это её личное дело, мало ли. Окружающим не обязательно знать, как она в первый раз неумело закурила сигарету в больничном дворе. Было воскресенье. Ждала Кирилла. Ко всем женщинам из её палаты их мужчины в тот день уже приезжали.

Она спрашивала, потому что хотела понять.

— Милый, почему ты не ушёл? В нашей палате все мужья ушли, как только узнали.

Он отвечал всегда одинаково:

— Глупышка, куда же мне идти. Ты мне нужна, я люблю тебя. Неужели ты не понимаешь?

Она — нет, не понимала. Хотела понять — и не могла. Почему, ведь все остальные ушли. Неужели никто больше не любил?

Верочке неожиданно стало зябко. Непрочно. Вот в чём проблема: всё не прочно и временно. Как ни убеждай себя, что так у всех и всегда, но на самом деле конский волос у её дамклова меча тоньше, чем у других. Меч не падает. Пока.

Она держала сигарету и никак не могла прикурить. Пламя плясало и не попадало по назначению. Раз щелчок, два, три. Газ, что ли, заканчивается... ну, наконец-то! Дымок поплыл в свете фонаря. Голова закружилась. Приятно. Хоть и вредно. Может, в том и удовольствие?

Кирилл просил позвонить, хотел встретить. Но зачем беспокоить, пусть выспится. Ему так рано вставать. Надо идти, а сил что-то нет. Перетрудились, что ли? Осталось-то всего пара кварталов. Надо было опять вызвать такси — как это глупо, забыть дома кошелёк. Предательская пустота под коленками.

Когда-то это должно было случиться. Неужели сейчас? Страшно не было, только хотелось докурить. И ещё сильнее — увидеть мужа. Фонари раскачивались в странном неритмичном танце, их свет казался мерцающим. И было очевидно: идти невозможно. А если она упадёт, — уже не встанет.

— Всё, — поняла Верочка, — моё время вышло. Она ждала, что сейчас, вот сейчас станет страшно. Но ужас не приходил, зато неожиданно, впервые в жизни, пришла злость.

— Почему, Господи! — кричало всё внутри, — это несправедливо! Я должна увидеть Кирилла, я должна... Я же за десять лет так и не сказала ему самого главного... только задавала вопросы. Нет, шалишь, теперь — скажу. Пусть я серая мышь, которая занимает чужое место, пусть я не великий талант и не сделала ничего особенного. Пусть я недостаточно хороша для него — какая разница, молчать не следовало! Давно надо было... Нет, я дойду!

По краю тротуара стояли машины, одна возле другой. Тяжело навалившись на трость, не чувствуя ног, она шагнула к ближайшей. Легла на не обсохший капот животом — хорошо, вокруг пусто, объясняться не было сил — и расслабилась, отдыхая. Платье сразу намокло, но Вере было всё равно. Минут

через десять стало полегче. Она подобралась и с напряжением выпрямилась. С подола капала грязная вода. Несколько неуверенных, трудно давшихся шагов, и вот уже рядом следующая машина... И следующая... И ещё... И ещё... Никого не было на улице. В этом было счастье.

В лифте Вера говорила вслух — или, может быть, пела, только не помнила, что. Эхо, ну кто бы мог подумать, что в этом полированном пенале бывает эхо?! Последним, что она уловила ускользящим сознанием, был щелчок дверного замка. Дальше — тишина.

Сквозь ресницы било солнце. Вера открыла глаза: она лежала в постели, в собственной спальне. Было слышно, как на кухне включили воду, потом что-то звякнуло...

— Родной! — позвала она громко-прегромко. Получилось почти шёпотом. Не услышит? Но он уже бежал, прямо с чашкой в руке, поставил её на стул, протянул было руку, помочь жене подняться...

Наклонился и ласково потрепал по щеке:

— Как ты, малышка?

— Хорошо, — ответила она уверенно, удивляясь сама себе, потому что это была чистая правда. — Отлично!

И села на кровати.

— Послушай, вчера я решила сказать тебе одну вещь. Нет, даже две! Во-первых, я поняла, всё поняла, и — знаешь — я тоже. Очень. Тебя люблю. Прости, что только теперь говорю — это так с первой секунды, как ты вошёл и посмотрел на меня. Но главное не это, главное — во-вторых... Мне всё равно, что скажет профессор. Да хоть вся медицина! Я точно знаю: всё — ерунда. Мы не станем никого слушать. Я хочу родить тебе сына. И ты этого хочешь! Но молчал — правильно, я понимаю... Мы не должны бояться. Никогда. Мы всё сможем! Поверь мне, я теперь это точно знаю.

Кирилл смотрел на жену и не верил себе. На него смотрела уверенная, радостная, раскрасневшаяся, с блестящими синими глазами прекрасная женщина.

Его женщина!

Вера.

Галина ИЦКОВИЧ работает психотерапевтом. Преподаёт и пишет на русском и английском языках. Публиковалась в интернет-журнале Poetica, на литературных порталах «Белый мамонт» и «45 параллель», в журналах «Эмигрантская лира», «Чай ка», «Интернет-фокус», в альманахах «Эмигрантская лира» (2012, 2014), «Окна» (2013), «Провинция у моря» (2015), Contemporary Jewish Writing, Summer 2015 («Современные еврейские писатели, лето 2015»), «Золотое руно». Финалист нескольких литературных конкурсов. Заняла первое место в номинации «Зрительские симпатии» на Открытом чемпионате Германии по русской словесности (2013), обладатель дипломов и призов конкурсов «Лужарская полночь» (2013), «Эмигрантская лира» (2014), «Провинция у моря» (Одесса, 2015). Автор нескольких книг стихов и переводов с английского. Постоянный автор электронного портала «Золотое руно». Член редколлегии интернет-журнала «Окна» и портала «Золотое руно», член экспертной коллегии премии «Народный поэт-2015». Живёт в Нью-Йорке.

ИСПРАВЛЕНИЕ КАРМЫ

I

Именно собакам Рита была обязана всеми потерями в своей молодой ещё жизни. В годы учебы в университете её бойфренд, как раз переходивший в то время в статус жениха, погиб, пытаясь объехать внезапно выскочившую на дорогу тётку с собакой. А в прошлом году лучшая подруга вывела собаку на вечернюю прогулку, и на них свалилось старое огромное дерево. Насмерть. На месте. Скажете, это Рита виновата? Это её касание приносит смерть? — и эта тема не нова, до посинения обсуждали такое когнитивное искажение в терапии. Но в первую годовщину подругиной смерти Ритин новый бойфренд Дэйв придумал, наконец, как преодолеть тоску и сосущую пустоту в сердце. Нужно спасти собаку. Взять из приюта и сделать своей любимицей.

— Надо исправить карму, — сказал Дэйв.

При всём своём идиотизме он очень хорошо сёк именно в таких вещах. За что многое ему прощалось. Очень многое.

Дэйв приглядел на сайте подходящую собаку. Большую. С грустной историей. Такую, чьё спасение из приюта зачлось бы по-настоящему. Подруга бы одобрила. Она любила больших собак. Она вообще всех любила, без неё в мире стало меньше любви. Надо, чтоб любви было больше.

— Хочешь, она будет считаться моей собакой? Я с ней буду возиться, а ты — покупать корм и исправлять свою карму.

— Берём, — согласилась Рита и пошла на работу.

Невзирая на запланированные добро и любовь, день не задался с самого утра. Не успела Рита втолкнуться в набитый вагон надземки, как телефон её зазвонил:

— Да, кстати: я взял у отца машину на день.

— Как? — ахнула Рита. — И не повёз меня на работу?

На машине добираться в Гарлем — тридцать минут, а на метро и автобусе — от полутора часов до бесконечности.

— Извини, забыл, — сказал неработающий и посему никуда не добирающийся по утрам Дэйв. — Но вообще-то я машину взял, чтобы забрать собаку. С ней в транспорт не пустят.

Настроение было испорчено мелким предательством Дэйва. В обед Рита решила исправить его, выскочив на экспресс-маникюр. В неряшливом сонном салоне, где маникюрши не поднимали глаз от игр в своих телефонах, её усадили к пожилому корейцу. Рита закрыла глаза. Ом-м-м... Открыв их, чтобы полюбоваться подсыхающими ногтями, она увидела жирную синюю полосу на ногте безымянного пальца. Под лаком. Кисточкой грязной... бр-р.

— Что это, по-вашему? — разъярённо спросила она у корейца, трясая кистью руки перед самым его лицом.

— Ваши ногти, — невозмутимо ответил он.

— Серьёзно? Ха. Я посинела. Я ещё не умерла, кажется! Я отказываюсь платить за этот ужас!

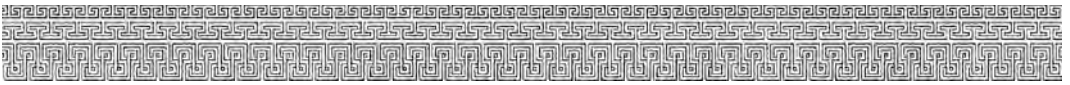
Она, конечно же, расплатилась и вернулась бегом на работу, не смыв дурацкий ноготь. Хотя бы остальные девять выглядели прилично.

Когда она вернулась домой и увидела у двери собачью переносную клетку, размером ей по грудь, в животе что-то противно клоцнуло. Рите хотелось верить, что от голода, а не от дурных предчувствий.

В комнате, занимая большую её часть, сидело лохматое чудовище. Помесь волкодава с Бернским зенненхундом. Или с другим каким хундом.

— Правда, окрас морды, совсем как у Джесси?

Так звали добродушного родезийского дога, любимца покойной подруги.

— Ничего общего. Кто же сдал такую громадину в приют?!

Дэйв риторический вопрос проигнорировал и удовлетворённым, усталым голосом сказал:

— Вот, выпустил из клетки. Сволочи, совсем не обучили собаку. Так издеваться над животным...

— Как... как — не обучили?! — ахнула Марина. — Ты же говорил, что...

— Тебе-то что? Ты поспишь быстренько, и обратно на работу, а нам тут выкручиваться. Да, малыш? — это он повернулся к собаке, с живым интересом следившей за всеми передвижениями Риты.

— Ага. Малыш. Прекрасное имя для скаковой лошади. Я завела лошадь, — подытожила горестно Рита.

Животина оказалась сукой с чётко выраженными территориальными претензиями. В частности, Дэйва она считала сугубо своей территорией, а потому Рите была объявлена война. Уже на второй вечер выпущенная «погулять» по комнате «лошадь» подошла к дивану, на котором уютно устроились хозяева, и попыталась спихнуть Риту на пол. Собака была заведомо тяжелее её, а тут ещё Дэйв поддержал:

— Ну что б тебе пустить животное. Бедняжка, она не знала ласки.

— А я?! — взвыла Рита, — я — знала?! Она, значит, малыш и бедняжка, а я — машинка для печатанья денег? На вот это всё?! — рука её описала драматический полукруг.

Пока они препирались, собака навалила кучу у Ритиных ног и с удовлетворённым видом сама пошла в клетку.

Так и пошла жизнь. Карма, может, и улучшалась, но Рите было это никак не ощутить. Собака упорно не желала приучаться не гадить в доме и не жевать всё, что плохо лежит. Дэйв утверждал, что теперь-то он точно не может выйти на работу. Недели через три он заявил в спину уходящей на работу Рите, что хочет поучаствовать в марше мира, а потому уедет на пару дней.

— А собака?

— Я поговорю с отцом, — сказал Дэйв.

Рита долго потом поражалась своей легковёрности и неумению читать мужские намерения. Вечером того же дня, когда она пришла домой, её встретила только подросшая за последние недели животина, умудрившаяся подтащить клетку, с собой внутри, к дивану и с вожделием на него взиравшая. В

последующие после отбытия Дэйва дни она научилась отпирать клетку изнутри и совершать разрушительные набеги на диван и забытую на столе с утра еду, а также изжёвывать в лохмотья всё, что попадало в мощные её жевалки-зубищи. Отец Дэйва не спешил протянуть руку помощи и, как, впрочем, и сам Дэйв, в конце концов, перестал реагировать на истерические вечерние звонки Риты.

На третий вечер, лёжа в постели и перебирая варианты спасения, Рита наконец-то сообразила, что Дэйв просто сбежал. Неважно, от собаки ли, к женщине ли — переживать всё это было некогда, иначе на работу завтра не встать. Думая о собственном слабоумии, Рита заснула. Проснувшись она от того, что освободившаяся от уз животина вломилась в спальню. Собака навалилась на Риту, и Рита подумала, что, в принципе, развязка может оказаться неожиданно лёгкой.

— Уйди. Уйди, сволочь, поняла? — просипела она, вперившись в пусто светившиеся, с молочным отливом, ненавистные собачьи глаза. Животина, казалось, что-то поняла и сползла на пол. Торжество, испытанное Ритой, было нарушено буквально через несколько секунд, когда что-то горячее стало заливать ее спину и ягодицы, поднимаясь к затылку и пропитывая волосы. Она вскочила. С ночной рубашки капало. Тварь унизила-таки её, захватила её дом и даже пометила постель. Закончив стирку, Рита попеременно курила и плакала до самого утра, но на работу всё-таки поплелась. Отпускных дней больше не было, да если бы и были...

Интересно было то, что Рита, сама себе удивляясь, отстраненно думала об этом, что вернуть собаку в приют не казалось решением проблемы. Собака была стопроцентным кандидатом на усыпление. Мараться не хотелось, вот что было главным в её решении — в отсутствии решения, то есть. Или ещё что, трудно разобраться. Забавным также казался тот факт, что на улице собака преображалась — добродушной зверя трудно было сыскать. Просто любимица публики. Война происходила дома, и враждовала собака именно с Ритой.

Добил её окончательно тот день, когда, придя с работы, Рита поднялась в спальню и обнаружила следы очередного погрома. На кровати лежала хитроумная тварь, интеллекта которой не хватало на то, чтобы понять разницу между собачьим кормом и мебелью и научиться опорожняться во время прогулок, но зато она безупречно открывала двери и мастерски проникала именно туда, где её не ждали. Так вот, она в очередной раз лежала на Ритиной по-

стели, догрызая мордочку плюшевого медвежонка, который, стыдно сказать, сопровождал Риту с детства и был её бесменным другом и утешителем. В её постели менялись мужчины, но не медвежонок. Вид безглазого, обезображенного друга был невыносим, и с животным каким-то воем Рита ринулась на зверя. Она била собаку по чему придётся, не реагируя на укусы и визг, и остановилась только тогда, когда животное, впервые за последние дни, ретировалась в клетку.

Когда всё закончилось, Рита разжала кулаки и поглядела с удивлением на свои дрожащие, липкие пальцы в клочьях шерсти. Руки её были покрыты мелкими ссадинками и укусами в разных стадиях заживления. Тот самый, неудачный, маникюр окончательно сошёл. Новые ногти были обломаны или обкусаны. Она была в тумане, голова кружилась. Рита дала твари корм, который та накануне всё-таки соизволила распробовать, и прямо в уличной одежде рухнула на свою обезображенную постель.

На другой день сотрудники отмечали чей-то день рождения. Рита не стала отказываться от приглашения выпить и просидела с ними в баре несколько часов. Спешить всё равно было некуда. Вернувшись домой, она не нашла ни одной кучи. Животина радостно выскочила на улицу и долго опорочнялась. Кажется, она начинала что-то понимать...

В течение следующего месяца Рита искала и, наконец, нашла семью, в которой дети давно мечтали о такой собаке. Большая собака должна жить в большой семье, и предпочтительно в большом доме с задним двором. Так что у собаки всё совпало, как надо.

II.

Конечно, было обидно думать, что Дэйва изгнала из дома собака, а не сама Рита, порядком уставшая морально и физически от его истерик, оскорблений и попыток унижить её, перемежающихся с бурными объяснениями, в том числе и в любви, и суетливым каким-то, лихорадочным сексом в самые неожиданные моменты и в странных местах. Рита вообще начинала подумывать, что Дэйв — эксгибиционист, настолько неожиданными были эти припадки страсти на публике. К концу их отношений она лично не испытывала ничего, кроме раздражения. Он, видимо, тоже был не совсем счастлив, если решил так трусливо, без каких-либо объяснений, внезапно слинять. И всё-таки с отъездом собаки ощущение свободы, как физраствор, закапало в её кровь.

В ближайший выходной Рита поехала в Гринвич Виллидж и наколола на спине татуировку «Больше никогда». Проинспектировав надпись с помощью двух зеркал, она вполне удовлетворилась. Наколка почти ощутимо, как струйка пота, стекала по позвоночнику. Она попросила добавить жирную точку в конце. Точка приходилась на острый позвонок у основания затылка, и Рита завела привычку дотрагиваться время от времени до неё под волосами, напоминая себе о том, что она освободилась от всего, что угнетало её и контролировало. Что она будет жить иначе.

Правда, в самом начале новой свободной жизни она чувствовала себя не просто одинокой, а окружённой врагами, оставленными ей в наследство легкомысленным любимым, угрожающими кредиторами в том числе, и в результате похудела за месяц настолько, что позвонок с точкой выпирал, как крохотный горбик. Рита, дотрагиваясь до него, казалась себе верблюдом, тянущим по пустыне груз прошлого. Но всё же она понемногу освобождалась от этого прошлого, начинала менять жизнь. Избавившись от собаки, Рита поняла, что жить одна в пустой квартире не хочет, но что было делать? Тогда ей пришла в голову мысль поменять всё и найти работу где-нибудь на краю света. Или хотя бы съездить на край света. Она нашла объявление о наборе команды на круизное судно и прошла весь, довольно-таки сложный и длительный, процесс. И тут в самом конце уже, при подписании контракта, оказалось, что ближайший отпуск в несколько дней ожидается через девять месяцев.

Тоска взяла, как представила она себе эти девять месяцев улыбок пассажиров, сплетен, интриг, которые неизбежно возникают в замкнутом пространстве. Нет, слишком долго! — и она отказалась. Правда, в ходе круизной эпопеи она приобрела приятельницу, такую же, как и она нынче, искательницу приключений и приличной оплаты. Теперь они искали работу параллельно, обмениваясь полезной информацией и периодически обмывая мелкие удачи. Новая подружка оказалась лучше старых двух, общаться с ней можно было точно, без напряжения и обид. Рита как-то отогревалась, отходила от стресса в её неназойливой компании. Именно она, Джулия, подружка новая, первой увидела объявление по набору стюардесс. Они обе записались и через несколько дней были вызваны на групповое интервью. Деньги были совсем небольшие, а первый месяц, пока стюардесс муштровали в специальном лагере где-то в Неваде, не оплачивался вообще, но зато давали много выходных и бесплатный пролёт куда угодно несколько раз в год. Рита решила, что ей,

пока она одна, всё это вполне подходит. Она ни за кого не отвечала, и её никто не ждал дома. Рита прошла все этапы отбора вместе с Джулией. Здорово было бы летать вместе. Жизнь как-то прояснялась и налаживалась, совсем, как погода этого, наконец наступившего, удивительно дождливого лета.

Их обеих зачислили-таки в экипаж. Рита уволилась с работы без выходного пособия и поехала, ни о чем не жалея, в лагерь на месячную муштру. Гоняли их там, не жалея, обучая терминологии и технике безопасности, как делать искусственное дыхание и как варить кофе, и всякой другой всячине. Что только ни требуется от стюардесс в такое короткое время полёта! Просто поразительно. Рите нравилось. Впервые за много месяцев ей что-то нравилось и радовало даже то, как сильно она уставала. Некоторые, между прочим, не выдерживали, а кое-кого даже дисквалифицировали и отправили домой.

Но выносливых и старательных — Риту, Джулию, ещё нескольких новых подружек — ожидал полёт, симуляция настоящего. Обучение входило в завершающую фазу. И вот тогда-то, когда Рита наконец одела форму и затянула волосы, как положено стюардессам, в немодный, но торжественный высокий пучок, и оказалось, что татуировка на спине виднеется из-под глубоко вырезанного ворота. Виднелась, собственно, только жирная точка, но это нарушало правило авиалинии, запрещающее татуировки на видных местах. Рита ещё немного поспорила, но опять-таки с помощью двух зеркал, ей показали жирную синюю точку у основания затылка, прямо над белым воротничком. И списали.

Рита никак не могла прийти в себя. Неудачливость её превзошла самой себя. Так она ещё не влипала никогда: теперь у неё не было ни работы (после того, как она сообщила, что увольняется, обрубая всё — резко и с некоторым высокомерием, — обратно её не взяли бы, даже если бы место было ещё свободно), ни права на пособие по безработице. Хорошо, хоть квартиру она оставила за собой и заплатила хозяину за два месяца вперёд. Теперь у неё оставался месяц на раздумья. Мыслями она была ещё там, с девчонками. Джулия позвонила через день и сообщила, что её назначили в первый полёт. Если бы только мы летели сейчас вместе, в одной команде, добавила она. Ты не грусти, Рита, я вернусь и что-нибудь придумаем и для тебя.

Только вот такая вышла штука: Джулия никогда не вернулась из того полёта, потому что самолёт взорвался по неизвестной причине перед самой посадкой, и вот теперь я не знаю, как же закончить этот рассказ, чтобы вышло оптимистично.

Нателла ЛАЛАБЕКЯН родилась в Ереване. Училась в Москве. В 1980 году эмигрировала в США. Окончила UCLA и USC, Ведущие университеты Лос-Анджелеса, а в 2008 году — заочное отделение Литературного института имени Горького в Москве. Доцент музея LACMA, Член Союза писателей Москвы и Армении. Обладатель приза Союза Армян России за своеобразное представление национального образа в Литературе XXI века.

Живёт в Лос-Анджелесе. Автор книг стихов «Я создала твой образ», (изд-во «Альманах», 1997). «От образа к облику» (изд-во «Альманах», 2002). «Многоготовие» (изд-во писателей Армении. Также автор книг стихов и прозы «Путь к себе» (изд-во «Гаспринт», 2010). «Неслучайные встречи» (изд-во «Аполлон», 2013), «Две жизни» (изд-во «Художественная литература», 2014).

ЗАНГЕЗУРСКАЯ БАБУШКА

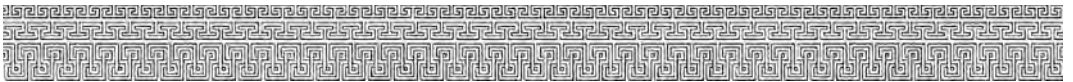
Мою бабушку звали Коли¹, но все её ласково называли Ази, что на зангезурском наречии означает «бабушка». История этой зангезурской женщины необыкновенна, а маленький альбом с её фотографиями, в отличие от всех других семейных альбомов, хранится в отдельном ящике, рядом с моей кроватью. Когда я листаю его страницы и всматриваюсь в её строгое лицо, в мудрые и ласковые глаза, я ощущаю прилив вдохновения и любви, которыми даже с фотографии дышит моя бабушка.

Её судьба уникальна, как и она сама. Рождённая в трудное время, на стыке девятнадцатого и двадцатого столетий, она была воплощением мужества, красоты и терпения, столь свойственным жителям этого края, который не смог покорить ни один завоеватель.

К сожалению, мы с ней не так много общались, потому что жили в разных городах, за исключением моего раннего детства в Ереване, до переезда в Москву, куда она категорически отказалась перебираться, чтобы не покидать Армению. Её образ, хранимый во мне, — это, скорее, коллаж, составленный

¹ Коли — раскрывшийся кокон хлопка: имя, данное ей из-за белоснежного оттенка кожи, *арм.*

из моих воспоминаний и впечатлений, дополненный рассказами родителей и вкраплениями её собственных воспоминаний. Возможно, от этого он становится ярче и притягательнее, приобретая завораживающее ощущение полугадаки; впрочем, такой эффект она производила на всех окружающих...

До последних дней жизни, до конца 70-х годов двадцатого века, она носила национальную зангезурскую одежду, которую дополнял головной убор с серебряными монистами. Кроме того, она выделялась из толпы необыкновенным ростом и особой горделивой осанкой, воплощением достоинства, которое сохранила до девяноста лет.

Когда, будучи ещё совсем ребенком, я шла рядом с бабушкой по улице, то почти подсознательно замечала, как люди расступаются перед ней, выделяя особое пространство, которое требовало её присутствие и которое в эту минуту она разделяла со мной. Не помню, в каком возрасте я полноценно оценила физическую красоту этой женщины, столь отличающую её от ереванских красавиц. Настоящая дочь Зангезура: стройная, рыжеволосая, голубоглазая, с высокими скулами и тонкими благородными чертами лица. Она была воплощением магических тайн этих гор, порой произносимых её устами на известном только ей языке заклинания-молитвы. Одно из моих воспоминаний о ней, всплывающее из глубины детства, — это склонённое лицо над моей кроватью (я лежала тогда с высокой температурой), нашёптывание непонятных слов народного заговора и пахучий травяной чай, которым она меня отпаивала, после чего я быстро пошла на поправку...

Впрочем, этот период моей жизни, скорее, запечатлел её как мою добрую бабушку, ласково вззирающую на меня с высоты своего роста, и то и дело угощающую каким-либо лакомством в виде петушка из жжёного сахара или шоколадки, которые она доставала из таинственного кармана, скрытого в складках её широченной юбки.

Когда мы уехали из Еревана, на какое-то время я потеряла бабушку из вида, но не связь с ней. Мы жили в Москве, к нам приезжало много родственников, в том числе папины и мамины сёстры, мои двоюродные братья и сёстры, с которыми я проводила каникулы на даче. Иногда у нас гостила мамина мама из Шулавера — полная противоположность папиной: малюсенькая и превесёлая, заполнявшая дом смехом и песнями под аккомпанемент дробы, искусно отбиваемой её ладонями на сиденье любого стула. Её приезды сопровождались грузинскими гостинцами собственного приготовления — чурчхелами, сухофруктами и джонджоли, наполняющими дом пряными запахами Грузии.

Папина мама никогда не выезжала из Армении. Папа периодически навещал её, говорил с ней по телефону, порой передавая трубку мне, но бабушка была немногословна, она лишь приглашала меня в гости. После таких разговоров у меня появлялось желание узнать о ней как можно больше. И постепенно я собрала её историю, хотя некоторые детали до поры от меня скрывали, и я узнала их гораздо позже.

Бабушка была дочерью земского судьи, женой бека, матерью семерых детей, двое из них умерли от болезней ещё в детстве. Её засватали в тринадцать лет, и до шестнадцати она жила и воспитывалась в доме своего мужа, привыкая к укладу его жизни, пока в шестнадцать лет не сыграли свадьбу. Единственную романтическую историю, которую она поведала мне уже в мои тринадцать лет, — это её полудетское воспоминание того периода. Как-то они с дедушкой, который был старше неё на шесть лет, проболтали всю ночь до утра у потухающего камина, бросая в огонь огрызки съеденных — полмешка! — яблок, за что удостоились наутро ласково-осуждающего взгляда свекрови. Бабушка готова была провалиться сквозь землю от стыда. Дело в том, что она, рослая девочка, иногда стеснялась попросить добавку во время общей трапезы, и потому постоянно хотела есть...

Этот дом с камином был конфискован советской властью и отдан под школу. Дедушка принял участие в национальном движении за независимость Армении под руководством Гарегина Нжде¹, был начальником его арсенала. Но когда началось преследование национальных движений, Нжде предложил ему бежать за границу, в эмиграцию, дед наотрез отказался покинуть Зангезур, за что поплатился своей жизнью: был приговорен к расстрелу, но по просьбе местных жителей, очень любивших деда за справедливость и доброту, расстрел ему заменили избиванием плетьюми, после чего дедушка слёг и через полгода умер. Папе тогда был год.

Бабушка осталась одна, с пятью детьми, без мужа, без дома, жила у сестры. Притчей во языцех бытовала в Тех Гюхе история о том, как она, разгневанная, ворвалась в кабинет рабоче-крестьянского комиссара и потребовала оставить ей хотя бы один маленький продуктовый магазин из всей отобранной семейной собственности, чтобы она могла прокормить детей.

¹ Гарегин Нжде (Тер-Арутюнян, 1886–1955) выдающийся армянский политический и военный деятель, возглавивший борьбу за становление Армении и сохранение её территориальной целостности, в частности, Зангезура и Карабаха, благодаря чему были спасены интеллигенция и воинские силы этих краев.

Потрясённый храбростью и красотой жены врага народа комиссар согласился.

Никогда больше бабушка не выходила замуж, на её красивом посуровевшем лице с тех пор редко появлялась улыбка; никогда больше она не носила праздничных нарядов, сменив их на более сдержанные тона национальной одежды.

Чтобы дать возможность своим детям начать новую жизнь, через несколько лет бабушка уехала из Зангезура, в котором осталась только её старшая дочь, к тому времени вышедшая замуж. Папа был самым младшим в семье ребёнком, ему тогда исполнилось пять лет.

Семья обосновалась неподалеку от Еревана — там дети могли получить хорошее образование. К тому же деревня Двин Арташатского района располагалась в очень живописном месте, с цветущими виноградниками и садами, среди которых бабушка чувствовала себя более комфортно.

Началась новая жизнь. Постепенно семья адаптировалась к новой власти и новому времени. Два сына получили высшее образование, старший — красавец, гордость бабушки, стал директором школы. Вторая дочь вышла замуж, родила троих детей. Папа ходил в школу. Казалось, жизнь стала налаживаться, но грянуло новое горе, теперь уже охватившее не только её семью, но и всю страну — Великая Отечественная Война, которая унесла двоих её старших сыновей и мужа дочери.

Теперь мать и дочь вместе растили оставшихся без отцов четверых детей: папу и троих сирот. Неудивительно то особое трепетное отношение, которое я всегда ощущала со стороны бабушки и тёти — к папе, единственному оставшемуся в семье мужчине, носившему дедушкину древнюю фамилию и, повзрослев, всю жизнь чувствовавшего ответственность за разросшуюся впоследствии семью.

Из отрывочных эпизодов бабушкиной жизни у меня постепенно сложился романтический образ женщины, который манил к себе, притягивал, как магнит. И когда я стала чуть старше, в ответ на одно из её телефонных приглашений я попросила папу взять меня с собой. Следующим летом мы отправились к бабушке вместе, а потом я уже летала к ней сама.

Когда мы приехали к бабушке в Двин, я бросилась к ней на шею, словно мы никогда не расставались. Поразительно, какую власть имеет над нами сила первых детских впечатлений и голос крови! Бабушка ласково обняла меня и окинула одобряющим взглядом. Я выросла и была очень похожа на папу,

её сына, который жил так далеко от неё. Я почувствовала, что её особое отношение к папе распространяется и на меня, мои приезды к ней частично компенсировали папино отсутствие.

В Двинском доме бабушка была центром большой семьи. С ней жили её дочь, дочь её дочери с мужем и четырьмя детьми, а позже и с внуками. Тетин сын жил неподалеку со своей семьей: женой и тоже четырьмя детьми. Я долго не могла разобраться в сложной системе запутанных родственных отношений: из-за разницы в возрасте я какое-то время называла своих двоюродных сестёр и брата тётями и дядей, а своих племянников считала кузенами.

Бабушка, в свои далеко за 80 лет, обладая твёрдостью характера и ясным умом, дирижировала жизнью всего дома. Вставала она раньше всех и спозаранку готовила еду для всей семьи на весь день. Происходило это ни свет ни заря, поэтому никто из младших детей не заставал её за этим занятием. Остальное время дня она молчаливо наблюдала за действиями своих питомцев, и одного её одобрительного или осуждающего взгляда было достаточно для наведения в доме порядка. Иногда моя тётя, будучи сама сильной женщиной, не соглашалась с ней по тому или иному вопросу, но каждый раз всё же уступала матери.

За обедом бабушка сидела во главе стола (я устраивалась сбоку, поближе к ней). Она мало разговаривала, больше слушая других, но зато, когда та или иная тема заинтересовывала её, она умела одной или двумя фразами обобщить застольное разногласие, часто подтверждая свою мысль народными пословицами и поговорками, которые знала в огромном количестве на армянском, русском и азербайджанском языках, которыми свободно владели многие в её время в Сюнике — этот исторический край объединяет и Зангезур, и Карабах. Бабушка говорила на красочном зангезурском диалекте армянского языка, который поначалу я понимала с трудом (дома у нас говорили на классическом армянском, с ереванским произношением), но постепенно я стала понимать его лучше, и до сих пор бабушкин диалект у меня ассоциируется с ней.

Одно из самых ярких двинских воспоминаний, связанных с бабушкой, — это процесс выпечки армянского хлеба, лаваша, который я наблюдала впервые, и в котором участвовали четыре поколения женщин нашей семьи.

Рано утром бабушка замешивала тесто в алюминиевых тазиках, где оно дозревало какое-то время в ожидании дальнейших действий в подсобной комнате, там совершалась первая часть процедуры.

Пол комнаты был застелен чистыми простынями и устлан подушками, на которых сидели женщины во главе с бабушкой. По очереди тесто доставалось из таза в равных пропорциях и скатывалось в огромное количество колобков, покрывающих пол в комнате. В это время тёткина дочь, моя кузина, удалялась в дальний угол двора, где находился тонратун, дословно — «дом тонира»¹.

Внутри тонира разжигался костёр из сухого хвороста (предпочтительно — фруктовых деревьев, для аромата), который, затухая, накалял печь докрасна. Бабушка и тётя из подсобки перемещались к печке, в то время как моя кузина оставалась внутри комнаты, где продолжала раскатывать оставшееся тесто на колобки, которые, в свою очередь, её дочь то и дело подносила к тониру. Рядом с ним лежали другие подносы с полотенцами, куда впоследствии складывался готовый хлеб. Здесь бабушка раскатывала колобки на большие овальные лепешки, а тётя одну за другой ловко подкидывала их в воздухе, превращая в тонюсенькие, почти прозрачные огромные листы, которые она набрасывала на большую деревянную выпуклую формочку, покрытую белой тканью — дап², придающую хлебу-лепешке окончательную форму и размер. С дапа тётя с размаху нашлёпывала лепёшки на раскалённые стены тонира, и вскоре готовый пахучий хлеб снимался металлическим прутом с крюкообразным наконечником со стенок тонира и водворялся на пустые подносы. К середине дня они покрывались горками вкуснейших новоиспечённых лепёшек, на запах которых сбегались полакомиться дети. Я в жизни никогда не ела хлеба, вкуснее этого. Когда лепёшки остывали и высыхали, их заворачивали в белоснежные полотенца и хранили в особом шкафу. В таком виде они могли храниться долго, неделями. Стоило только вытащить сухую лепёшку и побрызгать её водой, как она оживала и готова была к употреблению. Хотя дети чаще любили грызть их сухими и таскали кусочки из заветного шкафа.

Процедура выпечки хлеба была трудоёмкой, поэтому его пекли редко и с запасом. За несколько лет моих летних наездов в Двин мне посчастливилось только пару раз наблюдать этот процесс от начала до конца.

После смерти бабушки и тёти мы переехали в Лос-Анджелес, а ко времени моего возвращения оттуда хлеб в доме уже не пекли.

Последнее лето, проведённое с бабушкой, наверное, было самым насыщенным впечатлениями. Жаль, что я не уделила ей тогда больше времени. Мне

¹ Тонир — печь на открытом воздухе, под навесом, в земляном углублении/

² Дап на оборотной стороне имеет резинку, куда вдеается кисть руки.

исполнилось тринадцать, и я находилась на грани между детством и юностью: то бегала с детьми по двору, то погружалась в свои собственные романтические мысли. Бабушка своим острым взглядом замечала детали этого переходного периода и то подзывала меня посидеть с ней на скамейке, гладила меня по голове, как ребёнка, доставая из кармана шоколадную конфетку, то рассказывала мне какой-нибудь небольшой случай из своей жизни (как тот, о дедушке и яблоках). Возможно, она рассказала мне эту историю, потому что мне исполнилось столько же лет, сколько и ей в том рассказе.

Бабушка была первым человеком, подарившим мне первое взрослое платье. В доме разнёсся слух о сверхмодных импортных кримпленовых сарафанах, поступивших в продажу в сельском универмаге. Мои две двоюродные племянницы были на несколько лет старше меня и считались уже девушками на выданье, поэтому они срочно обзавелись вышеупомянутыми сарафанами. Девушки красовались друг перед другом в обновках, одна в красном сарафане, другая в синем.

Бабушка бросила на меня оценивающий взгляд и объявила, что мы с ней вместе отправимся в магазин покупать сарафан и для меня тоже. Бабушка славилась справедливостью характера, но у меня было достаточно красивых детских платьев, и её поступок, думаю, объяснялся не столько желанием не обидеть ребёнка, сколько мудро поставленным диагнозом моему возрасту. Я была уже не ребёнком, и она это увидела первой.

В последний год своей жизни бабушка, хотя и оставалась в полном здравии, уже редко выходила на улицу. Её шествие по деревне было своеобразным событием и, как всегда, приковывало внимание односельчан. Как в раннем детстве, я шла рядом с ней, а люди уважительно останавливались, здороваясь с ней и уступая дорогу. Сарафан был куплен, несмотря на мои протесты, вызванные нежеланием вводить бабушку в траты, а также тем фактом, что даже самый маленький сарафан из имевшихся в наличии мне был велик. Позже его перешили, и я долго с любовью носила его, подгоняя по фигуре то длину подола, то плечики. В тот день я была счастлива, впервые ощутив себя взрослой.

Вскоре после этого события мне приоткрылась тайна, впусившая меня в мир бабушкиного наряда, который сам по себе мне казался почти живым, загадочным существом — национального костюма Зангезура. Мне казалось, он состоит из бесконечных слоёв ткани, которые, как капустные листья, окружали бабушку. Мой московский чемодан был всегда полон отрезами разноцветного сатина, батиста и атласа, посылавшимися родителями в подарок

бабушке. Из них шилась её таинственная одежда. Поскольку бабушка просыпалась очень рано, я никогда не видела, как она одевается и из чего состоит её наряд, пока один раз мы не заболтались с детьми до рассвета. Только я успела прилечь, как заметила, что бабушка проснулась и начала приводить себя в порядок. Из уважения к её стыдливости, которую она сохранила до этого возраста, я притворилась спящей и впервые увидела необыкновенное действие.

Одевалась она медленно, и вся процедура скорее напомнила мне торжественный ритуал, почти священнодействие, нежели простое совершение утреннего туалета современной женщины. Платье связывало её со всем тем, что было ей близко и дорого в родном краю, с его традициями, шедшими из глубины веков. Даже в Зангезуре к концу 70-х оставалась всего лишь небольшая горсточка женщин, носивших такую одежду.

Поверх светлой батистовой нижней рубашки бабушка надела длинное, до пят, широкое сатиновое платье тёмно-бордового цвета, которое собиралось на талии кушаком, образуя множество тех самых складок, не сковывающих походку, не говоря уже о стильности создаваемого эффекта. Поясом служил длинный кусок красного атласа, который бабушка аккуратно, несколько раз обернула вокруг талии, ловко заправив кончик вовнутрь.

После этого она присела на стул перед зеркалом и приступила к самой торжественной части процедуры — причёсыванию и собиранию головного убора. На это ушло больше времени, нежели на платье. Бабушка медленно расчесала уже лишь слегка отдающие рыжиной поседевшие длинные волосы, заплела их в тугие тонкие косички, которые собрала вместе и закрепила на затылке. Осторожно, почти как короной, закрыла их головным убором, называемым, как я узнала позже, хомбой. Спереди к нему были пришиты в ряд серебряные старинные монисты, украшающие лоб, а по бокам, как серьги, закрывающие уши, висели две цепочки из круглых серебряных узорчатых бусинок. Сверху на хомбу надевался чеканного серебра специальный обод, крепящийся сзади крючками. Он был очень красив, состоял из многоугольных серебряных бляшек с узорчатой гравировкой. Надев хомбу, бабушка свободно обмотала тонкий чёрный коттоновый шарф вокруг шеи (когда-то женщины им стыдливо прикрывали рот во время разговора со старшими, а во время весёлой болтовни с ровесниками шарф опускался, открывая белозубую улыбку).

Следующей деталью бабушкиного костюма был «архлук» — своеобразное стёганое пальто-халат, которое она надела поверх платья. Он был из синего

сатина, а манжеты и три глубоких разреза по бокам и спине оторочены бордовыми кантами. На манжетах тоже были неглубокие разрезы со вшитыми в уголки серебряными бусинками. Этот удивительный верхний наряд, благодаря своей стёганой, проложенной внутри ватой конструкции, носился зимой и летом, одинаково оберегая тело от зноя и холода. Это был обычный костюм. В свои юные годы бабушка носила архлух из бархата и платье из шёлка, перевязывая его серебряным поясом. Эти наряды остались висеть в шкафу в Тех Гюхе много лет назад, о них ещё помнит мой папа. Но тогда в её жизни был праздник, рядом любимый друг, жизнь полна юных надежд, а на щеках играл румянец. Кстати, белоснежную кожу и лёгкий румянец она сохранила до последних дней.

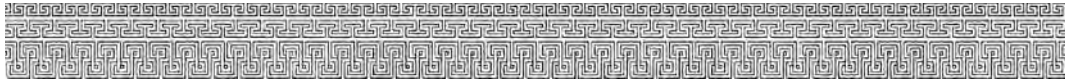
В завершении наряда бабушка аккуратно булавкой прикрепила надо лбом к хомбе тонкую чёрную шерстяную шаль, которая, как фата, по плечам и спине ниспадала вниз. После этого она встала, критически оглядела себя с головы до ног в зеркале, и, оставшись довольной, вышла из комнаты.

Через несколько дней после этой сцены я вернулась в Москву, а осенью бабушки не стало. Время было школьное, на похороны бабушки меня не взяли. К тому же решили не травмировать ребёнка. В последний путь бабушку везли большой группой родственников из Двина в Зангезур. Мой племянник, которого я всегда считала кузеном, был среди провожающих, он мне рассказал о том, как бабушку торжественно одевали в последний путь её подруги, старшие женщины Тех Гюха. Похоронили бабушку в полном облачении, с серебряными монистами и серебряным поясом, который она уже не носила. Когда бабушку положили в гроб, женщины с любовью привели в порядок каждую складочку её платья.

От бабушкиного костюма в семье остался только серебряный обод к хомбе, который она перед смертью в Двине подарила старшей правнучке, той самой, которая вместе с ней пекла хлеб. Годы спустя, когда я приехала из Лос-Анджелеса и собирала по родственникам фотографии для бабушкиного альбома, увидев моё трепетное отношение к памяти бабушки, она вместе с фотографией передала мне этот обод. Объяснила это тем, что у неё три дочери, и она не сможет среди них выбрать, кому передать бабушкину реликвию. «Ты была самой младшей, любимой бабушкиной внучкой, — сказала она, — к тому же у тебя одна дочь, и ты носишь бабушкину фамилию».

В память о бабушке сохранились в семьях наших близких родственников именные ковры, сотканые ею собственноручно давным-давно для каждого

из детей и старших внуков. Ко времени моего рождения она уже не ткала ковров, поэтому процесс их изготовления я не видела, но зато в Москве на даче у нас было одно из этих необычайно красивых творений, украшенное армянским орнаментом, в который по краям ковра буквами армянского алфавита был вплетен текст: «В дар моему сыну Дмитрию Лалабекяну». Этот вид ковров в Армении называют «карпетами», а в Зангезуре — «ямани», он не пушистый, но плотно вытканый из шерстяной пряжи и по фактуре напоминал грубый гобелен. Как я узнала позже из папиных рассказов, пряжу для ковров бабушка красила сама растительными красками.

К сожалению, этот ковёр у нас конфисковали на московской таможне перед эмиграцией, объяснив это тем, что он представляет собой большую художественно-историческую ценность. На наш вопрос, что они собираются с ним делать, таможенники ответили, что отправят его в музей Востока. Надо ли говорить, что в самолёте мы не могли сдерживать слёз, — слишком дорога была нам эта частица памяти о бабушке...

Я простилась с бабушкой гораздо позже, много лет спустя. Когда моему папе исполнилось в Лос-Анджелесе 85 лет, он попросил мою сестру и меня поехать с ним в Зангезур, куда я собиралась уже несколько лет, но каждый раз по той или иной причине поездка откладывалась.

Мы отправились в путешествие большой группой: я, папа, мама, моя сестра с двумя детьми, зятем и внуком сестры. В Ереване к нам присоединились и другие родственники: двоюродные сёстры, их дети (бабушкины правнуки) и родственники из Двина. Все двадцать человек разместились в микроавтобусе, и мы отправились в Зангезур. Дорога оказалась длинной. Ехали шесть часов, пару раз останавливаясь. Атмосфера в автобусе была весёлой и оживлённой. Я, обычно разговорчивая, на сей раз отмалчивалась, прислушиваясь к разговорам родственников и наблюдая виды из окна. Там один за другим сменялись горные армянские пейзажи — то зелёные, цветущие, то суровые и сдержанные. Никогда ещё я не заезжала так далеко вглубь Армении. По мере приближения к Зангезуру пейзажи начали приобретать необыкновенно яркие оттенки зелёного цвета — от ярко-салатового до изумрудного, усыпанного множественными яркими точками полевых цветов: красных маков, сиреневых колокольчиков, белых ромашек. Когда проехали скульптурный монумент, пограничную отметку Зангезурской земли, у меня неожиданно из глаз хлынули слёзы, которых, я надеюсь, никто не заметил. Вскорости миновали живописный Горис, столицу Зангезура, построенный по проекту

немецкого архитектора, и, наконец, доехали до Тех Гюха, точнее, до нового Тех Гюха, где похоронена бабушка, и сразу же отправились на её могилу. Я положила на неё букетик полевых цветов, которые нарвала неподалеку. Все надолго замолчали, каждый думал о своём.

Окружённая волшебной красотой своей земли, здесь покоилась моя бабушка, рядом с дедом, чей гроб перенесли сюда из старой деревни. Теперь они были, наконец, вместе, бабушка и дедушка, которого я никогда не знала. Я ушла оттуда последней. Оставшись одна, подошла к бабушкиному памятнику и прикоснулась к нему губами: «До свидания, бабушка...».

Новый Тех Гюх от старого отделяет ущелье, которое когда-то люди переходили пешком. Казалось, оно разграничивает две деревни во времени, отделяя двадцать первый век от всех предыдущих столетий, со всем тем, что в них осталось. Дом, в котором родился папа, уже заброшенное здание старой школы, ещё стояли на вершине холма напротив, в старом Тех Гюхе. Склон этого холма был изрезан множеством каменных пещер, где, по рассказам папы, некогда жили древние зангезурцы — наши предки...

А потом все родственники собрались в доме одной из дочерей моей тётки, оставшейся в Зангезуре. Во главе стола, за которым собралась всего лишь часть нашей большой семьи; с одной стороны сидел мой папа, с другой — две мои зангезурские сёстры. Пожилые женщины, с высокими скулами и обветренными лицами, отдалённо напоминающими бабушкино и моё собственное лицо. Они сидели рядом, стройные, с гордой осанкой зангезурских женщин, переживших на своём веку много бед и ещё — совсем недавно — Карабахскую войну. Сейчас они смеялись, радуясь тому, что мы собрались все вместе...

Татьяна ПЕТУХОВА, 1959 года рождения, член Союза писателей России, поэт и прозаик, работает учителем в ЦО №354 им. Д.М. Карбышева, педагог в третьем поколении, Почётный работник общего образования. Автор сборника стихов и книги сказок, лауреат конкурсов «Венок Некрасову», «Экология сознания».

КАЛЕЙДОСКОП ДЕТСТВА

(Главы из повести)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В детстве у меня была игрушка с трудно произносимым для ребёнка названием «калейдоскоп». Я помню ощущение неизбывного восторга, когда брала в руки волшебную трубу, подносила к лицу, один глаз прищуривала, а вторым наблюдала настоящее чудо: разноцветные стеклышки складывались в необыкновенные узоры, яркие, похожие то на рисунок ковра-самолёта, на котором в сказках летали волшебные герои, то на солнечную поляну, то на расцвеченный небывалыми цветами летний луг. Наблюдать эти превращения было так здорово, что дух захватывало! Но всё время мучил детский каверзный вопрос: «А что там внутри? Как получается это великолепие?». Пробраться внутрь чудесной игрушки не было никакой возможности, а разбить её ради удовлетворения простого любопытства не поднималась рука.

Так и жил калейдоскоп среди моих любимых кукол, зайчиков и мишек, пока по неосторожности ли, по какой ли другой причине не разбился сам. Горю моему не было предела: во-первых, теперь волшебные ковры-самолёты и сказочные луга превратились просто в горку разноцветных стёклышек, а во-вторых, стёклышки были так малы, что совершенно ни на что не годились, даже для того, чтобы сделать секретки и закопать под них фантик от какой-

нибудь невиданной конфеты, привезённой знакомыми или родственниками из поездки в Москву. Утешали лишь несколько прямоугольных зеркальных полосок чудесным образом уцелевших от утраченного чуда. В них потом долго смотрелись мои куклы, когда я принаряжала их в разноцветные лоскутки, оставшиеся от сшитых мне платьев.

Вот на такой волшебный калейдоскоп и похожи мои воспоминания о детстве. Это, скорее, не воспоминания-мысли, а воспоминания-ощущения цвета, эмоций, запахов. Это мои разноцветные стёклышки, которыми я очень дорожу. Вынимаю одно за другим, прищуриваюсь и... Вот оно, далёкое и близкое Детство. Удастся ли мне снова посмотреть в мой заветный калейдоскоп?

ГЛАВА 4

Дорога в деревню

Самая яркая картинка в моём калейдоскопе складывается, когда я вспоминаю одну из своих немногочисленных поездок в деревню. Разрозненные цветные стёклышки рисуют мне такой безбрежно-беззаботный мир, что поневоле охватывает детский восторг. А память хранит и в самые сложные жизненные моменты подбрасывает ощущение далёкой радости и покоя. Тем и живу. Не все ли мы родом из детства? Чем больше таких кусочков в памяти каждого, тем увереннее человек стоит на ногах, тем сильнее его корни и труднее их вырвать из почвы житейским бурям.

В деревню к бабушке, папиной маме, меня возят нечасто: дальняя дорога, занятость родителей, да и мама почему-то не очень любит там бывать. Но однажды всё-таки родителям пришлось отправить туда городскую внучку. Остальные, совсем дальние, не приезжают совсем. Исключение составляет только Сашка, оставленный бабке с дедкой на воспитание незамужней сестрой моего отца, Руфой. Она пытается устроить свою женскую судьбу, и ребёнок, к тому же инвалид, ей не очень нужен.

Дорогу в деревню я не помню совсем. В памяти осталась только еле видная тропинка, выходящая по дремучему лесу среди огромных елей. Мои сандалии скользят по рыжей прошлогодней хвое, а на лицо наваливается тягучий запах прелой листвы, грибов, мха, растущего островками около трухлявых пней и кое-где покрывающего стволы деревьев.

— Скоро мы придём? — спрашиваю я маму, боясь услышать в ответ, что идти ещё долго.

Мама, к счастью, отвечает, что страшный лес скоро закончится, а там, за лугом, уже речка и бабушкина деревня.

Скоро и правда неожиданно нам в глаза ударяет яркое солнце, как будто ночь неожиданно сменяется полуденным светом и блеском. После вязкой глухоты леса, после ядрёного хвойного духа в лицо ударяет горячий, пропечённый солнцем ветер, настоящий на луговом разнотравье. Тропинка становится заметнее, и идти по ней веселее. Кое-где на пригорках, среди невысокого клевера, попадаются земляничные островки с перезревшей ягодой. Так и хочется сорвать тёмную от перебродившего сока с выпуклыми шероховатостями семечек ягоду, раздавить во рту, почувствовать тёплый вкус лета, но мама торопит:

— Быстрее, мне надо успеть на обратный автобус!

А вот и речка. Речкой этот ручеёк можно назвать с большой натяжкой. Но мостик через него настоящий, сделанный из брёвнышек, с берёзовыми перильцами, покатый к берегам.

Вот и знакомый дом. Он самый большой и крепкий в деревне. Каменный, в два этажа, построенный ещё до революции местным купцом-богатеем. Дедушка купил его, когда женился на моей бабушке Евдокии. Женился без любви, по сговору родителей, потому что оба они с бабушкой были из зажиточных семей. Они разные даже внешне — дородная, высокая, спокойная бабка в широкой юбке, в красивой кофте и невысокий, жилистый, юркий дед, всем одеждам предпочитающий военную гимнастёрку или — по особо праздничным случаям — вышитую косоворотку с жилетом, в карман которого с большой важностью опускает часы-брегет, выставляя напоказ цепочку.

Проходим по деревне — с любопытными лицами в маленьких окошках (каждый новый человек — событие!) к крыльцу.

— Ну, открывай, бабушка с дедушкой, наверное, во дворе.

Становлюсь на выщербленный временем и многочисленными ногами полукруг бывшего жернова, берусь за гладкое холодное кольцо, поворачиваю и оказываюсь в мягких объятиях. Бабушкин фартук, в который упираюсь носом, пахнет молоком, свежим хлебом и чем-то неуловимо домашним.

Проходим в дом, подымаясь по высоким скрипучим ступенькам. Мама раздаёт подарки, наскоро обедает и уходит обратно через дремучий тёмный лес на большую дорогу, на автобус. А я остаюсь у бабушки. Мне немного

страшно. Впервые осталась без мамы. Но скоро новые впечатления вытесняют и страх, и тоску, и первоначальное чувство одиночества.

ГЛАВА 5

У бабушки

Вкус козьего молока на губах, на языке — кажется, я наполнена им до самой макушки. Мы с Сашкой лежим на печке, на старом тулупе и «гоняем пузырь», как говорит бабушка. Наши животы раздулись от полезного продукта, и мы можем только вздыхать и отдуваться. Даже разговаривать лень.

В кухне прохладно. Печка топилась утром, когда бабушка готовила, теперь день. В открытых окнах — ветки дуба, по которому мы с Сашкой можем залезть из палисадника в кухню, что и делаем часто, хотя дед нас очень ругает. Он строгий, и мы его немного побаиваемся. Сейчас дед спит. Готовится идти в ночной караул. Он так и не вступил в колхоз, поэтому из всех общественных работ выполняет только эту: в свою очередь ходит охранять деревню.

На гвоздике у двери уже висит на толстой верёвке доска и рядом — деревяшка-колотушка. Сторож должен всю ночь ходить вдоль по деревенской улице из конца в конец и стучать ею по доске. Под мерный деревянный звук, оказывается, спокойно спится.

Здесьняя ночь больше похожа на городские сумерки, только в городе нет таких запахов и звуков. Там всё другое: напряжённое, резкое, стрессовое.

Здесь — усиливающийся к ночи горьковатый запах полыни, шелест реки, ежевечернее мерное тягучее мычание бредущего по деревенской улице стада, фонтанчики пыли от ленивых ударов пастушьего бича о землю:

— Не балуй! Куда пошла, Зорька?!

И хозяйское:

— Бя-а-аша, бя-а-аша! — так бабушка и другие женщины подзывают своих овец.

Как эти рогатые разбирают, куда идти, бог весть, но не путаются, бредут к своим воротам, наверное, знают дорогу.

Встреча деревенского стада — всегда событие. Из дворов на улицу выходит почти вся деревня. Хозяйки разбирают свою скотину, мужики пользуются случаем передохнуть после трудового дня, перекинуться парой слов друг с

другом и с пастухом, а мы, ребяташки, просто вертимся под ногами, со страхом смотрим на быка с кольцом в носу, на бодливую и непослушную Зорьку, гладим и пытаемся загонять во дворы овец.

Сейчас мы разбежимся по домам, потому что настанет час вечерней дойки. Тёплое молоко упругой струёй будет ударяться о стенку цинкового ведра: «Дзынь! Дзыынь!» — и только кое-где будет слышно, как успокаивают своих питомиц доярки.

У моей бабушки — только коза. Молока мы с Сашкой уже напились. Я по городской привычке спрашиваю:

— Можно пойти погулять?

— Пошла! — отвечает мне бабушка.

Я не совсем понимаю, это значит — можно или нельзя, но смотрю, как, прихрамывая, улепётывает Сашка, и бросаюсь за ним.

Уже прожив в деревне неделю, я поняла, почему так легко соглашалась на наши поздние гулянья бабушка. В деревне нельзя было заблудиться, ни от кого из жителей нельзя было ждать ничего плохого, а от разных глупостей и бесшабашностей мы были надёжно защищены более взрослыми местными ребятами, которые гуляли вместе с нами. К тому же, сейчас стоят белые ночи, поэтому местные ребяташки на улице чуть ли не до рассвета.

Наш разновозрастный отряд собирается в чьём-то сарае. Поздно. Я, дитя городского режима, уже зеваю и думаю, не улизнуть ли потихоньку домой, но тут начинается самое интересное. Старшие мальчишки заводят рассказ о лешаках и ведьмах, которых встречали местные или они сами. Привирают, конечно, но мне становится так страшно, что даже в безобидном стрекоте кузнечиков слышится что-то зловещее. Ни в коем случае не соглашаюсь идти домой одна, даже Сашка не кажется мне надёжной защитой, поэтому провожать меня идут всей командой, для пущего эффекта добавляя страшных подробностей в уже рассказанные истории. Похоже, все присутствующие, кроме меня, их уже не один раз слышали.

— А может, они такие храбрые? — думаю я, когда над нашей головой прочёркивает серое небо чёрная мгновенная тень.

— Ииии!!!!- взвизгивают, приседая, девчонки, — опять кровь у коров пила!

— Кто? — замирая от страха, спрашиваю я.

— Мышь летучая! Ты чё, никогда их не видела, чё ли? — всплёскивает руками соседская Лизка.

— Ну и не видела, — заступается большой Виталька, — где там в городе мыши-то водятся, там и коров-то нет.

Я виновато отпускаю голову и бреду вслед за провожатыми.

Мы почти подходим к дому и тут слышим колотушку сторожа.

— Охра-а-а-ня-я-яй! — дежурно кричит дед и показывается из-за пригорка.

Вдруг меня охватывает такая радость, такое чувство защищённости, что я бегу ему навстречу, утыкаюсь носом в жёсткую ткань гимнастёрки и начинаю всхлипывать.

— Ну, чё ты, чё ты, Танюха? Нагулялась? Давай к бабке, спать, — говорит дед, похлопывая меня по спине, доводит до крыльца, и я, махнув на прощанье ребятам, захожу в прохладные сени. Успеваю подумать, что Виталька, Лизка, Сашка будут ещё носиться и наверняка будет много интересного, но эта мысль не вызывает у меня сожаления. На сегодня впечатлений достаточно. Спать. Спать. Спать.

ГЛАВА 6

Дом

О бабушкином доме стоит рассказать отдельно, потому что он является особенной частью моего деревенского бытия. Он как будто всегда жил своей собственной жизнью: вздыхал во время сильного ветра, в нём что-то потрескивало под палящими солнечными лучами нечастых жарких северных дней.

Это не значит, что он был стар. Хотя возраст дома исчислялся не одним десятилетием, нет, он был загадочен и мудр, этот дом. Каменный, сложенный из красного кирпича пятистенок был так крепок, что, когда дед с бабкой умерли, а далеко живущие дети решили его продать, покупателя в деревне, пришедшей к тому времени в упадок, не нашлось, и какой-то смельчак из соседнего села решил купить его на разбор. Дом устоял! Ломались кирпичи, которые были и нужны покупателю, а вот скрепляющий их раствор не поддавался. Мужик затребовал назад деньги. Тётки, вздохнув, согласились. Моего отца тогда уже не было в живых, история с продажей дома обошла мать и меня стороной, но я помню, как тётки, остановившиеся у нас во время приезда для совершения сделки по продаже, говорили то ли с огорчением, то ли с гордостью:

— А мы-то думали, болтали люди, что яичные желтки в раствор мешали, чтоб сто лет стоял!

Никогда ни до, ни после не попадала я в дома с такой удивительной архитектурой, может быть, просто не очень хорошо знакома с образцами деревенских изб, но бывала и в Рязанской, и в Тверской, и в Ярославской губерниях, и в Татарии, и в Марий Эл — куда только ни заносила судьба, и всё время приходилось убеждаться: нет похожего на дедов дом. Наверное, поэтому всё чаще всплывает он в воспоминаниях — большой, всегда, даже в самую изнурительную жару, дышащий прохладой и запахом трав.

С крыльца под резным козырьком, со старого, протоптанного до вмятин мельничного жернова вступаешь в прохладные сени и сразу попадаешь на узкую высокую лесенку с резными перильцами и балясинками. Она ведёт в основную часть дома, самую большую и самую притягательную для меня. Это — второй этаж. Наверное, под лесенкой, а может, где-то ещё находится вход в людскую, комнату, в которой раньше жили дедовы работники, к сожалению, я там ни разу не была. Будь мальчишкой, наверное, излазила бы каждый уголок, но впечатлительной девочке хватало рассказанных Сашкой страшных историй, чтобы не пытаться даже отыскать заветную дверь в таинственное помещение.

На втором этаже можно пойти по широкой крытой галерее вдоль окон кухни на балкон, а можно, перешагнув порог, вступить в прохладные сени, где в углу у бабушки всегда стоит бак с холодным квасом. Квас сладковатый на вкус, пахнет травами и ржаным хлебом. Мы с Сашкой после беготни и купания в речке часто забегаем в сени и, не заходя в комнаты, хватаем напегонки кружку и пьём, пьём, пьём душистый напиток, в котором смешаны запахи луга, огорода, лета.

Налево — дверь в кухню. Это не та кухня, которую встретишь в каждой деревенской избе. Это большое помещение, в котором обязательная печь занимает всего лишь небольшой угол. Вдоль стен, под окнами, что выходят в галерею, стоят не привычные лавки, а диванчики на изогнутых ножках. Сиденья плотно обтянуты чёрным дерматином, так часто прибитым маленькими гвоздиками с круглыми шляпками, что получается блестящая металлическая окантовка. Помню, сидишь на таком диванчике и пробуешь отковырять ногтем гвоздик — не поддаётся! Сделано на совесть!

В красном углу — иконы. Бабушка с дедушкой всегда молятся, обращаясь к ним, утром и вечером. Дед торопливо крестится и что-то быстро шепчет, переступая с ноги на ногу, шевеля губами. При этом усы у него воинственно топорщатся, и сам он становится похожим на небольшого юркого жука. Ба-

бушка стоит перед иконами прямо, почти неподвижно, просит о чём-то Боженьку — основательно, кланяется с достоинством, каждый раз потом прирагиваясь к концам платка, как будто проверяет, не нарушил ли что в её внешнем облике низкий поклон.

В простенке, над столом, висит старое зеркало в резной раме. Оно потемнело и кое-где потрескалось от времени, поэтому в него никто не смотрится. Просто занимает оно раз и навсегда положенное ему место. Под зеркалом — самое интересное для меня — в потемневшей от времени раме — деревянная летопись семьи. Фотографии бабушки и дедушки — молодожёнов с напряжёнными лицами, погибшего на войне, в боях под Москвой, старшего их сына Жени, маленьких внуков, взрослых детей. Есть даже потрескавшаяся карточка прежних хозяев дома. Оказывается, продав дом и уехав куда-то на Урал, они долго ещё писали письма новым владельцам. Скучали. Дом просто так от себя не отпускал.

Поперёк кухни, под зеркалом и рамкой с фотографиями, стоит большой длинный стол. С одной стороны — стулья с высокими спинками, а вдоль окон — лавка. Стол для большой семьи. Сейчас мы едим за ним вчетвером. Дед садится на стул во главу стола, бабушка хлопочет у печи, потом присаживается на краешек скамьи, мы с Сашкой забираемся на лавку.

На обед — суп из печи, картошка в мундире и холодное молоко. Его бабушка достаёт из погреба. Запотевший бок крынки в теплоте кухни сочится слезой, а внутри — топлёное молоко с коричневыми пенками. Я, категорически отказывавшаяся в садике пить молоко с пенкой, придирчиво смотрю в стакан к Сашке: а вдруг ему перепадёт коричневого, похожего на шоколадную стружку лакомства больше, чем мне? Но бабушка умудряется так разлить по гранёным стаканам густую, с тёмными прожилками жидкость, что никто из внуков не чувствует себя обиженным.

Из большого закопчённого чугунка наливает в металлические тарелки суп. Перед дедом — стопочка, которую он наполнил из графина, взятого в буфете. (Ещё одна примечательность дома — буфет тёмного дерева с красивыми резными дверцами и помутневшими от времени стеклами. В нём хранится у бабушки праздничная посуда). Дед опрокидывает стопку в рот, крикает, вытирает ладонью ус и, взяв ложку, стучит ею по краю тарелки. Можно есть.

Мы с Сашкой, набегавшиеся и изрядно проголодавшиеся, мечем всё подряд, запивая холодным ломозубым молоком. Напихав в себя и суп, и картошку, и молоко, чаще лезем на печку, а если есть силы, убегает на улицу. Иногда

я не составляю Сашке компанию, потому что хочу побыть в одиночестве, и тогда иду в другие, дальние, комнаты.

До сих пор помню трепет и волнение, как тогда, в детстве, когда ступала по прохладным широким доскам пола в сенях, приближаясь к заветной двери светлых комнат. Берусь за железную узкую скобу-ручку. Тяжёлая толстая дверь поддаётся с трудом. Переступаю через внушительных размеров порог. Вот первая комната. Маленькая. В ней — печь-голландка и широкая тёмного дерева с шишечками в изголовье кровать у окна. Но не эта комната — предмет моих устремлений. Как всякая девчонка, я люблю всё интересное, необычное. Таких вещей в следующей комнате полно. Хотя бы взять вазы. Высокие, разноцветного стекла, с узкими горлышками для одного изысканного, не деревенского цветка. В них у бабушки стоят бумажные букеты, но даже я, тогдашняя, понимаю, что вазы эти созданы для другой, не бумажной красоты, и люблюсь ими, люблюсь...

Потом потихоньку открываю шкаф-горку. Тут — настоящее великолепие. И тонкого фарфора соусники. (Кто, когда во время какого званого обеда или ужина передавал соус в нём рядом сидевшей даме? Ну, уж точно не дед и не бабка, всю жизнь евшие из глиняной, в лучшем случае, из металлической посуды!) И супницы с красивыми, в виде цветка, ручками на крышках, тут блюда с воздушно-ажурными краями... И вот я уже воображаю себя на балу, звучит музыка, движутся в чинном менюэте пары, а из кухни плывёт аромат изысканных блюд.

Очень хочется вынуть из шкафа всю фарфоровую изысканность, рассмотреть, потрогать, провести по гладким отполированным временем и руками дворни и хозяев бокам, но я боюсь. Нет, никто и никогда не запрещал мне этого делать, просто содержимое шкафа — для меня священная неприкосновенность, которая окружена тайной и загадками. Тронь — и развеется.

В этих комнатах всегда тихо и прохладно. По крайней мере, именно такие ощущения остались у меня в памяти. Помню, что только один раз священная тишина была нарушена. На Ильин день, праздник деревни, в родовое гнездо съехались многочисленные дети и внуки.

Причём, места хватило всем. Дело в том, что мои дядьки не были однолюбами, каждый был по несколько раз женат, во всех семьях были дети, и надо сказать, выросли все, выучились, умом никого Бог не обидел. А вот внуки уже, раз построив свои семьи, держались в них навсегда, видать, расплатились дядьки за какие-то прежние дедовы с бабкой грехи. А может, грехи эти

и не грехи вовсе, а родительское принуждение жениться без любви, по принципу «богатство к богатству», которое, как известно, счастья не приносит...

В тот вечер все были бесшабашно веселы, потому что выпили за столом за встречу. Дети демонстрировали свои таланты: Наташка из Запорожья — сидела на шпагат и делала мостик, Иринка, её сестра, читала стихи, Серёжка из Нижнего Тагила показывал фокусы. И одинокие сёстры, так и не составившие своего женского счастья, и невестки, уже разведённые с мужьями, моими дядьками, — все сидели вместе и хвалили разошедшихся не на шутку отпрысков. Дед с бабкой были тут же. Довольные и тоже хмельные.

Я сидела на кровати с высокой периной и смотрела вокруг, слушала дом, понимая, что он принимает и общее веселье, и радость. Величественная задумчивость светлых комнат очень гармонично сменилась смехом и шутками, и дом принял эту замену и был солидарен с ней.

Я ещё не рассказала про двери в сенях напротив светлых комнат. Их было несколько, и все они вели сначала в небольшие клетушки, в которых у бабушки висели аккуратные венички — сборы мяты, Melissa, зверобоя, ромашки. (Вот откуда извечный запах трав в доме!) Там же стояла всякая хозяйственная утварь. Из этих небольших помещений можно было по длинной лестнице спуститься прямо на задний двор, в огород, пройти хорошо протоптанной тропинкой к холодному ключу и к бане. Там, в предбаннике, тоже стоял жбан с квасом, висели готовые берёзовые веники, лежали приготовленные для растопки дрова.

Помню маленькое оконце в бане, жаркую верхнюю полку, котёл, обложенный кирпичами, на которые плескали водой, и лавки, тазы, полки — всё наполнялось молочным душистым паром, и, только присев на корточки, можно было дышать.

После бани мы, намытые до скрипа, румяные и разморённые, садились к большому самовару пить чай. Заваривался он на смородиновом и малиновом листе, бабушка выставляла к нему земляничное варенье и жёсткие, зубы можно сломать, баранки. Вкуснее этих твёрдых баранок, душистого земляничного варенья лакомства я не помню. Может, это запах детства? Того забываемого времени, которое, уходя, никогда не уходит безвозвратно? Стоит только повернуть детский калейдоскоп, и сложится картинка. Деревенский дом, бабушка и дед, счастливо улыбающиеся родители, спокойствие и тихая радость.

ГЛАВА 7

Двор

Двор в деревенском доме — это особый притягательный мир, со своим запахом, цветом, звуками, даже со своим собственным климатом. Когда днём основательно и серьёзно, по-северному, землю жжёт немилосердное палящее солнце, в бабушкином дворе прохладно и даже чуть сыро, хотя дождь пролился не меньше недели назад: то ли утки, вечно купающиеся в каждой найденной луже, развезли эту влажность, то ли поросёнок Борька опрокинул в очередной раз корытце с водой.

Поднимешь голову вверх и увидишь лоскут небесной лазури. Хорошо! Только бабушка всё чаще с тревогой бросает взгляд в вышину: повадился с недавнего времени коршун таскать цыплят. Через некоторое время и я замечаю парящую в небе точку. Она, увеличиваясь в размерах, принимает очертания того самого хищника, от которого бабушка спасает маленькие желтые комочки. Птица пронесится мимо, бабушка машет платком:

— Пш-ё-ёл! — и коршун зависает в квадрате неба, раскинув несоразмерно большие по сравнению с маленьким и, на первый взгляд, безобидным тельцем.

Но вот, сделав один, другой круг, плавно покачиваясь на воздушных потоках, коршун спускается ниже, и я уже могу разглядеть острую маленькую головку с чуть загнутым клювом, чёрные блестящие точки внимательных злых глаз.

— Пш-ё-ёл!!- вырывается у меня похожий на бабушкин крик, и я, звонко рассекая воздух, взмахиваю прутом, которым только что гоняла уток.

— Вжжжиик! — шипит вспоротая высота, и хищник, лениво покачиваясь на напряжённых широко расправленных крыльях, снова превращается в едва видимую точку.

— Нет, загнать надо цыпляток от греха подальше, — говорит бабушка и, присев на порожек хлева, зовёт:

— Цыпа-цыпа-цыыыпа!

Вслед за курицей с подкрашенным крылом сбегаются к бабушке пушистые шарики на тоненьких ножках. Бабушка ловко закрывает их в специальную загородку с натянутой сверху сеткой. Теперь мы спокойны. Можно идти за мукой в амбар.

ГЛАВА 8

Амбар

Если хотите попасть с уличной жары и разнообразия звуков в тишину и прохладу, то достаточно просто открыть тяжёлую дверь амбара. К сожалению, это не всегда удаётся: она запирается большим (наверное, не случайно он так и называется) амбарным замком. Ключ от него не спутаешь ни с каким другим. Он тоже увесистый, внушающий уважение, тяжёлый ключ, с огромной бородкой. Он с достоинством поворачивается в замке и открывает дверь в мир благополучия и достатка.

Амбар — это прямоугольное каменное строение, вытянувшееся вдоль всего двора. Внутри тихо и величественно стоят большие деревянные лари. Мне очень хочется заглянуть в каждый из них. Что там скрыто под тяжёлой крышкой с внушительных размеров замком? Наверное, если бы я попросила бабушку, то она обязательно удовлетворила бы моё любопытство, но тогда, постеснявшись, не спросила. А сейчас могу только догадываться и жалеть о своей детской нерешительности.

В тяжёлые времена, когда мой предприимчивый дед, в очередной раз придумал способ зарабатывания денег, был извлечен (не из этого ли амбара?) большой деревянный круг-барабан, запасы воска, и мой предок, вдохновлённый новым проектом, принялся делать свечи для местной церкви. Помню, как приехавший отец был возмущён такой инициативой:

— Папа, узнают, меня из партии погонят, ведь я секретарь парторганизации, — увещевал он, возбуждённо рассказывающего о новом почине и неплохих доходах старика.

Не помню, чем окончилась именно эта дедова инициатива, но деньги у него были всегда. То ли ум у него был таким образом устроен, что бизнес-проекты в его голове рождались сами собой, то ли воплощались они проще, без многочисленных согласований с чиновничьей братией, но всегда или почти всегда его начинания приносили в семью доход.

Как сейчас вижу его, сидящего в кресле в нашей городской квартире. Он такой щуплый, как подросток, что утопает в этом кресле, но старается сидеть прямо, весь, как сжатая, но готовая вот-вот распрямиться пружина, хотя неподвижен, и напряжённую внутреннюю жизнь выдают только руки: сухонькие пальцы, больше похожие на птичьи лапки, выби-

вают по полированной поверхности подлокотников только им понятную музыку.

— Что-то опять задумал, — шепчутся отец с мамой.

А дед, вдруг подскочив с места, хватает саквояж, вталкивает туда заранее приготовленные к его приезду бутылки из-под пива, лимонада и исчезает, громко хлопнув дверью.

Мы не удивляемся, зная эту его странность: он очень любит сдавать бутылки, теперь я думаю, что процесс получения денег за бесполезные, по его мнению, пустые стекляшки, был для него завораживающим, с этого момента начинала биться его предпринимательская идея, в конце концов находившая воплощение в жизни.

Много лет прошло с того времени, когда дед, постукивая пальцами, сидел у нас в кресле, бегал, смешно подпрыгивая, в пункт сдачи стеклотары, когда сидел в этом же кресле понурый и удручённый: похоронил нелюбимую (или всё же через столько-то лет любимую?) жену, никогда не забуду, как он, приехавший от кого-то из родственников, катался по полу со страшными болями в животе, а отец метался в ожидании скорой, как папа вернулся под утро к нам, замершим в тягостном ожидании, посеревший лицом и произнёс только одно слово:

— Всё...

Я, тогда уже взрослая, почему-то в тот момент, как вспоминается сейчас, даже не подумала о деде — меня пронзила жалость к вдруг постаревшему отцу, и только потом, когда гроб с телом покойного выставили во дворе в ожидании автобуса — на кладбище в Кировскую губернию, где уже была похоронена бабка, только потом, когда редкие осенние снежинки, падая на серое заострившееся лицо деда, не таяли, а я всё удивлялась этому, только потом, когда мне очень хотелось укрыть его тёплым одеялом, чтоб не замёрз, я поняла, что дед ушёл навсегда. И тогда расплакалась горько и безутешно. Пожалуй, смерть деда была первой утратой в моей жизни, которая прочно поселила во мне мысль: есть вещи, которые исправить нельзя, даже если очень захотеть.

Любила ли я деда? Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет. Он всегда мне казался таинственным и немного странным. Сила притягательности его личности в загадочности. Он был и остался для меня тайной. И тут бессилен мой детский калейдоскоп: не складывается чёткая симметричная картинка. Портрет деда расплывается, выпячиваясь яркими пятнами его био-

графии. Одно я знаю точно: черты неординарной личности моего предка не потерялись, иногда я вижу их в моих сыновьях.

Когда я захожу в бабушкин амбар, вспоминаю сказку про Колобка: «по сусекам скребла»...

В моём тогдашнем детском представлении «скрести по сусекам» — это значит большим совком (настоящим, каким набирают муку и сахар в магазинах!) сдержанно блестящим из-под многочисленных трудовых царапин, набирать из огромного ларя, куда, наверное, пять таких, как я, спрячутся, поднимающую небольшое мутное облачко муки.

Ларь выше моего роста, и для того, чтобы туда заглянуть, мне нужно просить бабушку взять меня на руки, но она, зная моё всегдашнее любопытство, не только подсаживает, приподняв сильными крестьянскими руками, но и разрешает, перевесившись через тёплый деревянный край, набрать несколько совков муки и положить их в большое металлическое блюдо. Сегодня будут блины. Причём не обычные, а многоэтажные, как их называют здесь, коман-мельна.

Коман-мельна — это блины с начинкой, которая запекается сверху. Она может быть разной: картофельное пюре, каша и т.д. Верх блина лоснится от масла и запекшейся коричневой корочкой сметаны. Мы с Сашкой съедаем по одному большому вкусному кругу, запивая молоком. Смеёмся, показывая пальцами друг на друга, — у каждого густые белые усы — и убегаем на улицу. Впереди ещё целый длинный день. Для Сашки, знающего в деревне каждую тропку и каждый кустик, он, наверное, обыкновенный, а для меня он будет полон новых интересных открытий.

Сергей ЛЕДОВСКИХ родился в Молдавии. Живет в Мельбурне, Австралия. Работает программистом. В свободное время пишет прозу. Рассказы и повести публиковались в альманахе «Австралийская мозаика», в журналах «Стороны света» и «Кольцо А».

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ДРАМАТУРГ С УЛИЦЫ

Повесть

КАРТИНА ПЕРВАЯ

*Сегодня я в тебя влюблен!
А. Блок «Встречной»*

По отсыревшей улице с труднопроизносимым названием, по причудливой топографии её тротуаров, по аэрозольным фрескам на стенах её домов, по нерядливо собранным декорациям вывесок, витрин и павильонов, по взлохмаченным кронам тополей, платанов и лип неистово лупит дождь. Внутренняя линия движения улицы прерывиста и изломанна. Улица хаотично, безвкусно окаймлена нервно-неровными шеренгами автомобилей. Хёндаи, Тойоты и Фольксвагены тянутся своими умильными мордами к вазонам с геранью, словно усталые кони к свежему овсу. Тускло оранжевый Порше, пятнистый от ржаво-бурых мокрых конфетти листопада, облепивших его кузов, изображает притаившегося в засаде леопарда. Вздыбленные зады уснувших Ауди, Ниссанов и Опелей интимно льнут к грубо изваянным, потрескавшимся цоколям зданий. Нижние части фасадов густо укрыты поблёкшими соцветиями объявлений с торчащими лепестками телефонных номеров. Письмена на листках размыты дождём и неразборчивы. Очень холодно. Очень! Так холодно, что мог бы, кстати, и снег нагрянуть: внезапно налететь, матово выбе-

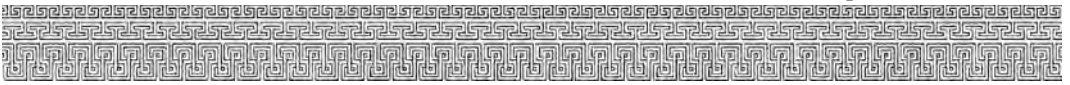
лить задний план, скрыть угловатость деталей; порхающий, танцующий полёт снежинок мог бы развеселить, принести мыслям лёгкость, чистоту и свет. Но идёт дождь, льёт назло, бушует специально, — чтобы было противнее и скучнее. Его сырая, плотная пелена отпугивает своими трагическими метаниями, гонит от себя прочь своим порывистым плачем. Унылое равнодушие струй: безвольное — наискосок, или безнадежное — сверху вниз, то и дело будоражат всенаправленные взрывчики слякоти, летящей из-под колёс стремительно проносящихся автомобилей. От стереотипичности, неоригинальности октябрьского дня хочется с презрительной усмешкой, с убийственным, декларативным сарказмом раскрыть зонтик. Зонтика нет. Есть козырёк бара, но под ним стоять неинтересно.

Я оглядываюсь по сторонам: налево через перекрёсток за небольшим сквером виден остеклённый угол страдающего кубизмом здания театра с полуоткрытым верхним этажом в виде портика. Общее выражение фасада — гримаса безнадежности, холодного отчаяния, внутренней пустоты, — ещё бы! — театр скорее всего закрыт, а если не закрыли пока, то уже отключили отопление и воду за долги. Впрочем, я, кажется, ошибаюсь, всё не так плохо: у самого входа, под крылом навеса стоит зрелая, вполне ещё изящных форм девушка и курит. На лице курящей издали угадываю беспорядок, волнение и плохо скрытые муки творчества. Её плечи время от времени мелко вздрагивают, вероятно, она шмыгает носом — то ли плачет, то ли простудилась. Возникает совершенно естественная в моей ситуации мысль: познакомиться с ней, погреться в вестибюле, может быть даже в фойе — поближе к культуре, к вешалке, к ружью на стене, к искусству перевоплощения. Можно ещё купить в кассе билетик, — я продолжаю фантазировать, — и сходить с девушкой на премьеру. «Филумена Мартурано», «Птицы нашей молодости», «Моя профессия — синьор из общества», — припоминаю афишные названия из юности. Раздумья закончены, я рывком выскакиваю из-под навеса бара и неистово, но аккуратно несусь, скачу сквозь охваченное непогодой пространство к пятачку у театрального входа.

— Здравствуйте, — подбегаю к девушке и немедленно остроумничаю. — У вас открыто?

— Бар вон там, — девушка выпускает носом дым и, не глядя на меня, указывает направление сигаретой, — впрочем, вы, кажется, оттуда и прибежали. А здесь у нас храм искусства, вам это ни к чему.

— Ага, так вы, наверное, жрица?

— Не хамите, молодой человек, — девушка стреляет окурком в дождь, беззлобно взглядывает на меня, хмыкает и подсевшим голосом восклицает:

— Шурик!

— Кто Шурик? — удивляюсь я.

— Ты Шурик! Ну не я же!

— Странно. Впрочем, вы угадали, — соглашаюсь, — меня действительно зовут Александр.

— Шурик, — настаивает она, — я же вижу. Мы с тобой кратковременно сидели за одной партой в четвёртом классе. Неужели не помнишь? Или ты хочешь нахамить мне ещё раз и сообщить, что я ужасно изменилась с тех пор?

— Ни в коем случае, — я настороженно изучаю лицо собеседницы, — Ни в коем...

— Сначала разукрупнили классы, вспомни. Линия была такая: разукрупняли тресты, хозяйства, учебные единицы. Из двух четвёртых сделали три, резали по живому. Я сидела с Худяковым! О! Это была такая любовь! Такая... С моей стороны... И вот, его от меня оторвали. Отняли, как скрипку от Паганини. Подсадили тебя, Шурик. Ты тоже ничего парень был. Мы с тобой просидели чуть ли не целый сезон.

— Учебный год.

— Ну да. Какая разница? А потом... Потом в Боровском достроили школу. И я укатила... Покинула вас... М-да... Ни черта ты не вспомнил... Слышишь? Ответь мне, почему он на меня орёт?

— Кто?

— Панченко.

— Кто это?

— Ты разве не знаешь? Темнота! Кавалерович-Панченко, заслуженный деятель искусств, известный режиссёр, но мы называем его кратко: батька Панченко, точнее — маэстро Панченко. Хам, я тебе скажу, ужасный, однако страшно талантлив.

— Эпитеты какие — ужасный, страшный... Волшебник Гудвин прямо... — Светка! — осеняюсь я.

— Вспомнил всё-таки! — радуется Светка.

— Этот ваш Гудвин, он глубоко копает, что ли?

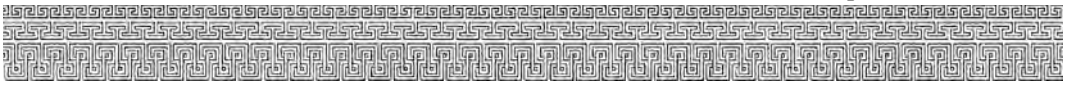
— Очень глубоко. Ямища выходит офигенного размера! И нам всем в этот котлован приходится сигать, как в пустой бассейн... Поди пойми, что ему нужно.

- Может, это он от погоды, от сырости, от ревматизма?
- Возможно, но я помню, он в июне тоже сильно кричал, ставили «Скандинавскую Мечеть». В июне, знаешь, какая была идиллия на улице?
- Представляю.
- Вот. Он и тогда кричал. Он всегда кричал...
- Он кричал при НЭПе, орал при Советах. А как он визжал при либералах!
- Шутишь?..
- Серова! — ещё вспоминаю я.
- Правильно, Серова, — усмехается она, — Светочка Серова. Вспомнил наконец-то, умница наш, отличник... Ты к нам надолго?
- Почему ты решила, что я нездешний?
- Видно сквозь туман за километр... Я кое-что про тебя слышала. Я же женщина, мне всё интересно.
- Нет, ненадолго... Вот, только на тебя посмотрю, побуду с тобой и поеду... Ты у Савченко в главной роли?
- У Панченко... Нет, не в главной.
- Очень странно, я подумал, что именно в главной — выглядишь вылитая Заречная из «Чайки».
- Лъстишь?
- Значит, ты в кордебалете.
- Издеваешься?
- Роль заднего плана.
- Вот-вот, полная задница... Ты сам-то театр любишь?
- Обожаю, особенно, когда в буфете дают бутерброды с ветчиной.
- Ой, не напоминай про ветчину! Пообедать не успела...
- Я переминаюсь с ноги на ногу, оглядываюсь по сторонам: к правому крылу здания примыкает неоштукатуренная пристройка, слегка прикрытая строительными лесами, вернее, их остатками. У подножия лесов валяются обрезки арматуры, самородки битого кирпича, там же, словно впавший в спячку крокодил лежит кусок старой железобетонной балки. Фонтан в центре сквера антично полуразрушен. Уцелевшие гранитные плиты парапета застыли в позах бойцов, осторожно отползающих от эпицентра взрыва.
- Тоска! — сообщает Светлана, наблюдая мой интерес к экстерьеру.
- Опера Пуччини, — говорю.
- Какой Пуччини! — возмущается Светка, — Тоска! Вот здесь! — хлопает себя по лбу, — в балахоне, с косой, явилась и не уходит.

- С косой — это Смерть, — поправляю я.
- А Тоска с чем? — щурится Светка, словно припоминая.
- Тоска со шваброй, я думаю.
- А-а-а, точно! — соглашается она и вздыхает, — слышишь, не уходи сейчас, побудь. А то пойдём к нам на репетицию. Посидишь, согласишься. Потом...
- Нельзя же посторонним.
- Нельзя, это правда... Чёрт... О! Идея! Скажешь, ты автор пьесы, Скороходов. А? А? Пришёл, типа, взглянуть и дать рекомендации. Вот будет цирк!
- С ума сошла. Ваш режиссёр разве с ним не знаком?
- Знаком по мобильной связи. Он этого драматурга в основном кроет и говорит: «молодой человек, скажите спасибо, что я выудил, выкопал вашу пьесу из кучи...». Шурик, ну ты на себя не похож! Такой был заводной в школе, авантюрист, я же помню!
- Когда это было?.. А если драматург вдруг завтра явится?
- Ну и пусть. Тебе-то что? Ты будешь уже далеко... Вряд ли явится. Он всю эту рутину давно послал подальше, занялся шоу-бизнесом. Сказал, чтоб засунули его пьесу... и чтоб дивиденды, если набегут, слали через «Вестерн Юнион».
- Тебе-то зачем всё это?
- Что «всё»? Театр?.. Ах, идея!... Я ж объяснила! Скучно жить. Тебе разве нет?
- И мне... Только нельзя же так впопыхах. Я даже содержания пьесы не знаю.
- Там всё просто. Я расскажу, покажу распечатку... Тебе что, нравится стоять под дождём?
- Нет. Не очень.
- Так пойдём! Что ты, Шурик?! Не узнаю тебя!.. Повеселимся. Внешность у тебя подходящая... Пойдём... Ты к нам откуда?

КАРТИНА ВТОРАЯ

«... сильнее богов — наглость человеческая!»

Г. Горин. «Забить Герострата!»

Сценические декорации представляют собой стильно благоустроенные апартаменты. Сейчас это у них, кажется, называется «евроремонт». Пространство заполнено ладно сбитой, со вкусом расставленной мебелью. В глубине

сцены — лестница в бельэтаж. Зал тёмн. Партер накрыт невероятного размера балахоном цвета застиранной простыни. Крашек балахона у бокового входа в зал гостеприимно откинут и обнажает десятка два кресел. В креслах с поникшим видом расположилась стайка незанятых в картине артистов. Свет от лампы на режиссёрском столике бьёт в мои тёмные очи, тревожит сердце, вынуждает морщиться и строить недовольную мину.

— Автор. Пришёл, — кратко, с искусственной бесстрастностью рекомендует меня Светлана изумлённо раскрывшему очи Панченко.

— Автор! — восклицает режиссёр, правильно интонируя возглас и выдерживая логическую паузу, — Пришёл!

Меня тревожит моё неважное сценическое самочувствие: я испытываю робость, норовлю глупо покраснеть, стусеваться, промолчать, я ощущаю отсутствие нужных видений и хотений, хочется просто и невежливо уйти, скрыться, исчезнуть в дыре портала, перемотать плёнку назад и оказаться в исходной позиции — на улице, под навесом бара, по которому заводно, игриво и радостно стучит такой желанный сейчас дождь. Однако Светлана находится рядом, затаилась, я слышу её осторожное дыхание, она ждёт начала представления. Мне так не хочется разочаровывать её ожиданий! Вспомнив на миг, какие чудеса безрассудства и перевоплощения я вытворял в школьные годы, приободряюсь.

— Явился родитель! — восклицаю я, неуверенно и неверно подражая мастерским интонациям Панченко, — жаждущий взглянуть на своё детище!..

— Преступника тянет на место преступления, — укоризненно объясняет режиссёр, поворотившись к пустому залу и выразительным жестом указывая в мою сторону.

Собираясь с мыслями, я пропускаю его язвительное замечание мимо ушей. В это время Светка, подстёгиваемая требовательно-хозяйским глазом руководителя, удаляется, убегает на сцену, привычным скоком поднимается по ступенькам декораций на второй этаж и скрывается за дверью воображаемой спальни. Проводив внимательным взглядом уходящую Светлану, я приосаниваюсь, привожу себя в необходимое в данной ситуации хамское расположение духа и, наконец, уверенно завожусь в своём традиционном стиле:

— Знаете, случилась потрясающая вещь! Совершенно фантастическая! Я свою пьесу недавно увидел во сне. Практически целиком. Увидел совершенно иначе, другими глазами, что ли, — лучше, ярче, выразительнее... Леноч-

ка Пичугина, роль заднего плана, например, — я указываю глазами на дверь «спальни», за которой притаилась Светка, — эта роль видится мне теперь гораздо объёмнее, насыщеннее...

— Оставим пока детали, — перебивает меня режиссёр, поправляя наброшенный на плечи свитер из верблюжьей шерсти. — Молодой человек, мне помнится, завершая нашу последнюю краткую беседу, вы предложили засунуть вашу пьесу...

— Но вы же её оттуда вытащили! Спасли!

— Если б только спас! Я её облагородил! Я из неё сделал праздник, а у вас там — кукольный театр, кладбище пешеходов.

— В каком смысле?

— Люди ходят по дому, двигаются, скрипят суставами и половицами, но они мертвы. Истлели! У них нет лица, воли, характера.

— Мертвы, истлели. К чему весь этот налёт славянской грусти?

— Ах, вас уже раздражает моя критика?!

— Вы ведь преувеличиваете! Какого чёрта тогда бы вы взяли за пьесу!

— Да, я преувеличиваю. Согласен. Представляю гротеск реальностью в воспитательных целях. В вашем труде есть много прекрасных, ярких моментов, поворотов и тем...

— Ага, вот так.

— Однако вся эта блестящая алмазная россыпь накрыта большой кучей...

— Которую вы собственноручно расчистили, как истинный санитар творческой идеи.

— Санитар. Берите выше! Я хирург! Я лечу внутренности, копаюсь в них, чтобы представить зрителю здоровую наружность, энергичное, свежее тело замысла, жизнерадостный, яркий характер.

— Понимаю. Правильно. И я явился вас поддержать, помочь, подать руку, зажим или скальпель, если понадобятся, покопаться во внутренностях с вами заодно... Вот, например, очень интересная деталь из моего сна: Пичугина, выходя из спальни, не молчит, не плачет, тихо всхлипывая, но, спускаясь вниз по ступенькам, останавливается на полпути и, обращаясь к зрителю, произносит очень чувственный и интересный монолог... Э-э, такой, если мне не изменяет память...

— Странные сны у вас, молодой человек. Легко вам живётся: выпил, лёг, отключился, увидел во сне постановку, причём в деталях. Проснулся, записал.

- Почему выпил?
- Ну, съел чего-нибудь, а потом лёг и увидел ... И бессонница вас не мучает.
- Вас, вероятно, мучает
- Если б только она... Однако, давайте работать...
- Давайте. Я — за. Так вот, Пичугина мне видится...
- Молодой человек, нескромный вопрос: у вас что-нибудь с Серовой? Завязались какие-нибудь симпатии, чувственные взаимоотношения?
- Серова это кто?
- Не надо меня морочить! Она вас сюда привела. До этого вы с ней курили у подъезда и мило беседовали.
- Мы с ней? Я вообще не курю.
- Ничего, узнаете Серову получше, закурите.
- Зачем так жёстко? Зачем обижать молодую, незаурядную натуру? Она ведь незримо находится сейчас здесь, с нами.
- А где же ей ещё находиться? Я её с репетиции пока не отпускал... Серова, вы на месте!? — поставленным голосом восклицает режиссёр.
- На месте, Нестор Парамонович! — тоненько слышится из-за двери на «втором этаже».
- Ну вот, — мягчеет Панченко, — Главный винтик вашей адской машины на месте. Усаживайтесь Виктор Сергеевич, устраивайтесь, станьте невидим и неслышим на некоторое время. Мы, если вы позволите, начнём прогон второй картины. А знаковый, кульминационный, с вашей точки зрения, выход Пичугиной из спальни, оставим пока, как есть. Согласны?.. Отлично!.. Приступаем. Начинаем снимать второй покров с тайнства вашего замысла. Потом вы выскажете нам свои глубокомысленные замечания... Труп, на исходной позиции?!
- Готов! — слышу со сцены.
- Понятловский, — поясняет режиссёр, — дайте мне полный некроз, вы поняли? Дышите потише и не выпячивайте грудь.
- Я и так стараюсь, Нестор Парамонович. Тяжело после бронхита. Холод собачий на сцене...
- Бронхит оставляем дома, ясно?
- Ясно. Но Понятловский ведь жив на самом деле, он в глубоком обмороке...
- А зритель пусть будет уверен, что вы скончались в страшных муках. Я так хочу. Понятно?.. — Панченко снимает с плеч свитер и через голову надевает его в рукава, — Итак, начинаем! Свет!

На сцену падает замысловатый световой аккорд, в нём преобладают си-реневые и зелёные тона. Лишь на дверь спальни аккуратно брошено тусклое янтарно-золотое пятно. Комната погружается в немое ожидание. Ходики на стене многозначительно молчат. Предметы обеденного сервиза зловеще поблёскивают за витриной горки цвета тёмного дуба. Лиловатых оттенков труп остывает у подножия кушетки. Дверь медленно отворяется, выходит Пичугина, она на несколько мгновений останавливается и замирает, по лицу её пробегают холодные волны затаённого горя, обиды, в глазах полыхает смесь раздражения и гнева. Вот, очнувшись от тяжёлых мыслей, Пичугина возвращается к действительности и начинает сходить вниз по ступенькам. Поступь её хоть нервна, осторожна, но размеренна и завораживающе изящна. Каждое её движение дышит скрытой грацией, вдохновенной решимостью...

— Серова, не переигрывайте! Не кривляйтесь! Не выдумывайте того, чего там нет! — поправляет Светлану режиссёр.

Я от досады тихо сплёвываю, но, зачарованный, продолжаю пристально следить за Светкой... Вот, увидев «труп», она невообразимо расширяет глаза, её лицо вспыхивает в прекрасном, обворожительном ужасе. Она так замечательно хороша в этот момент, что я не выдерживаю, негромко выкрикиваю «браво!» и всплёскиваю руками. Режиссёр бросает на меня сердито-усталый взгляд, а я, обращаясь к нему, делаю виноватое лицо, одними губами выговариваю извинение и затем, чувствуя нарастающее облегчение, стремительно выскакиваю из этого зала, как мне кажется, — навсегда.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

«Я встретил вас — и всё...»

Ф. И. Тютчев

Бессмысленно, неуместно торжественно тлеет закат. Закат не виден, я лишь угадываю это тление по малиново-пунцовым верхушкам высоких облаков, густо облепивших голубеющий в прорехах свод. Меня окружают те же уличные вазоны с геранью, всё так же раздражают ухмыляющиеся морды Тойот, беспокоят своей пристальностью изумлённо раскрытые глаза и вытянутая физиономия двухсотого Мерседеса. Я тусуюсь у служебного входа в театр в их холодной и скучной компании. Заднее крыльцо, проходная представляет собой низенькую пристроечку, выкрашенную в

ярко-кирпичный цвет, покато крытую черепицей. Рядом с входной дверью на стене прикреплена табличка, текст её мелок и неразборчив, и лишь в самой середине крупно и внятно сияет слово «Дирекция». Настенное пространство под табличкой заполняет небрежно-размашистая аэрозольная надпись: «Сюдой не ходить», ещё ниже подрисован смайлик, олицетворяющий одновременно смятение, сожаление и печаль. За углом от входа, прилаженный к боковой стене пристроечки, притаился перевёрнутый перископ водосточной трубы. Дверной проём сконструирован без приступка, чтобы новичкам удобней было споткнуться о порог. Потерявший равновесие, элегантность и блеск посетитель на какое-то время должен прийти в состояние замешательства, конфуза; в этих условиях службе безопасности драмтеатра будет гораздо легче вывести незваного гостя на чистую воду.

Я уже в третий раз за сегодняшний вечер решительно игнорирую призыв неведомого спрей-артиста, смело подступаю к двери, отворяю её и, споткнувшись о порог, на ходу надевая очки, прохожу внутрь. Я прячусь за стёклами очков, чтобы обезличить себя на время общения с работниками отдела охраны. Мне хочется оставаться инкогнито, быть неузнанным, непризнанным — слава драматурга Скороходова надоела мне ещё три дня назад, когда я так неловко и скоропостижно покинул репетицию маэстро Панченко. Очки — мои собственные, но предназначены они лишь для чтения, поэтому я вижу всё и всех в лёгкой, таинственно-загадочной дымке. Медленно продвигаясь в этом, внезапно ставшим волшебным для меня, мире сеней я осторожно приближаюсь к самому окошечку КПП. Из окошечка на меня глядят сплошь сурово-деловые лица. По хмурым гримасам, обращённым в мою сторону, становится понятно, что я уже успел тут всем сильно надоесть. Гулко стучают и перекатываются фразы: «Что вам ещё угодно?.. Да, Серова на репетиции... Да, репетиция вероятно уже закончилась... Мы дали вам номер её мобильного, выясняйте сами... Если номер не отвечает, значит она на репетиции... Кто вам сказал, что репетиция закончилась?.. Не грубите, молодой человек!.. Нет, в вечернем спектакле она не участвует... Да, здесь и служебный вход, и служебный выход одновременно... Если вошла, должна выйти... Вот и ждите!». И так далее — снова и опять. Когда беседа угасает, и спросить больше нечего, я глубоко вздыхаю, выдерживаю психологическую паузу, затем поворачиваюсь кругом и выкатываюсь на улицу.

На улице замечательно: очень тепло, уютно, приятно. Пахнет пиццей, варёной кукурузой и чешским пивом. Припоминаю, что раньше в это время во всём городе пахло жареными перцами, айвовым вареньем и разрезанным арбузом. Замечаю напротив через дорогу книжный магазинчик, уютное место, то что мне сейчас нужно. Взор его витрины обращён как раз на здание отдела охраны с покатою крышей — очень удобно для скрытого негласного наблюдения.

Пересекаю улицу и вхожу в магазин. Там, среди нагромождения беллетристики, справочников, атласов и словарей, за крохотным прилавком я обнаруживаю продавщицу с добродушным, милым лицом, рассеянно теребящую волнистый локон, в приталенном, как у стюардессы, пиджачке и с нагрудным знаком «Алёна». Мы с Алёной немедленно принимаемся улетучивать вечернюю скуку, завязывая беседу, вкраплять в её канву лёгкие узоры комплиментов, острить, строить глазки, впрочем, всё без излишнего усердия. Алёна очень любит айвовое варенье, Ахматову и бижутерию с агатами (всё на букву «А»). Алёна также занимается спортом — альпинизмом (как я и предположил), на который уходит масса времени, что не создаёт никаких проблем, потому что Алёна пока не замужем. Алёне очень нравится тип мужчин, напоминающий американского актёра, мм-м, который сыграл драматурга в фильме «Автора! Автора!» ... «Аль Пачино», — угадываю я. Наша беседа несётся дальше. Алёну крайне тревожит моя печаль по поводу отсутствия в продаже переводных романов Набокова, но, если я оставлю ей номер телефона, она известит меня, как только Набоков поступит в продажу. Любит ли Алёна театр? — Алёна очень любит театр. — Нравится ли Алёне творчество актрисы Серовой? — О, Алёна обожает актрису Серову! Это такой талант! Она такая... Стоп! Стоп!.. Заметив мою оторопь, мои удивлённо вздёрнутые брови, Алёна переводит дыхание, смущённо улыбается и честно признаётся, что на самом деле она не знает такую актрису. «Ещё узнаете», — торжественно заверяю я Алёну. Чтобы произвести на Алёну окончательно выгодное впечатление, я выбираю однотомник Макиавелли «Государь» плюс «История Флоренции». Расплачиваясь с Алёной, я с беспокойством обнаруживаю, что очертания улицы за витриной посерели, потускнели, почти растворились в наползающих на город сумерках. Я быстро говорю Алёне «гудбай» и выскакиваю из магазина, пообещав напоследок заглянуть на недельке.

Возвращаюсь на проходную потяжелевший, с томом Макиавелли в руке. Надев маскировочные очки, я демонстрирую им всем расстроенный вид,

звучно хлопаю «Государем» о полочку у окошка. Полочка вскрикивает, ложка в стакане за окошком звякает, окошко раскрывается, в свежавыкрашенной раме проёма возникает дружественное лицо вахтёра. Я возобновляю замкнуто-продолговатую беседу, терпеливо выслушивая те же реплики и заверения... Опера Пуччини!..

Выходящая в сумеречную теплынь Светка застаёт меня у проходной сосредоточенно изучающую следующую цитату из «Истории Флоренции»: «... многие, кому не довелось прославиться каким-либо достойным деянием, старались добиться известности делами бесчестными».

— Ты!? — слышу её возглас, — явился!

— Я, — подтверждаю, вздрагивая и захлопывая книгу, — явился.

— А почему в очках? — интересуется актриса Серова.

— Да вот, понимаешь, зачитался, — объясняю, снимая очки.

— Куда же ты пропал?! Куда?! Я искала тебя, ждала, что ты появишься.

— Вот, я и появился...

— Через три дня?!... Я думала, ты уехал...

— После того, что мы с тобой натворили, я мог бы и уехать... Прости меня, Светка, за моё бегство, за мою бестактность, но у меня на дольше не хватило смелости пререкаться и спорить с вашим М-маэстро. Кроме того, я беззащитен перед воинствующей гениальностью. Клянусь, сделал всё, что было в моих силах.

— Что ты! Что ты! Боже упаси! Я вовсе не из-за этого тебя позвала! Мне не нужно никакой протекции, никаких главных ролей. Я ж тебе объясняла: тоска! Со шваброй... И вот, явился ты и взбаламутил немного этот пруд, это болото...

— Ну, ты скажешь прямо...

— Точно тебе говорю... — продолжает горячо убеждать Светка, берёт меня под руку и таинственно сообщает:

— Знаешь что? Приходи ещё.

— К-куда это? — я пугаюсь и высвобождаю Светкину руку.

— К нам сюда, — изобразив ироничное лицо, актриса Серова возобновляет захват, — приходи запросто. Послезавтра у них прогон «Герострата». Я там не участвую, но тебя проведу как гостя театра.

— Что ты! Неминуемо побьют. И громче и больше всех будет бить П-панченко.

— Ну-ну, — Светка ведёт меня так стремительно, так бурно, будто мы с ней куда-то опаздываем. Ведёт и терпеливо объясняет:

— Во-первых, Панченко там не будет, «Герострата» ставит Бершадский. Во-вторых, маэстро не такой уж и кровожадный, как ты подумал. В-третьих, он тебя очень быстро раскусил, только виду не подал. Сказал, что сразу не выгнал тебя лишь потому, что ему стало ужасно интересно — до каких пределов будет простираться твоя исключительно вдохновенная наглость... Так вот, представь себе, его очень впечатлили эти твои пределы.

— Впечатлительный какой!.. А тебе за наши «пределы» разве ничего не полагается?

— Мне полагается публичная казнь. Обожаю ореол мученичества!

— Вот видишь!

— А судьи кто?! Впрочем, мне уже влетело, но не сильно. После того, как я убедила маэстро, что ты не человек Скороходова и не подослан им для ведения закулисных интриг, он даже обрадовался. «Камень с души», — сказал. Маэстро терпеть не может дрызг, он у нас представитель чистого искусства... Ой, ну что ты на меня так смотришь?! Глаза словно блюдца! Прелесть какая!.. Ты Панченке понравился, понимаешь? Он тебе уже и прозвище выдумал.

— О, боже! Что за прозвище?!

— Совершенно очевидное — Лжедмитрий. Ерунда конечно. И пригласил заходить, если что.

— Если что?!

— Если будет желание... У тебя есть такое желание?

— Желание есть, но оно очень вялое, слабое и чихает.

— Давай, я его подлечу, а? Не будешь же ты отказывать женщине в таком пустяке.

— В пустяке не буду.

— Вот и решено. Приходишь завтра или послезавтра.

— Послезавтра? Д-допустим... Мы с тобой куда-то спешим?

— Нет, не спешим. Мы дышим воздухом. Ты запыхался?.. Мы пойдём по-медленнее...

Свист ветра в моих ушах утихает. Признак того, что мы действительно замедлили шаг.

— Светка, ты свободна?

— Сейчас? Или вообще?

— Вообще и в частности.

— Как тебе сказать?.. И так, и этак. А что?

— Да ничего... Ты очень хорошо перевоплощаешься, мне понравилось.

- Глупости, это я для тебя старалась.
— А я для тебя...
— Ты уезжаешь-то скоро?
— Вот налюбуюсь на твою чёлку, твои ресницы и поеду.
— ... И что? Налюбовался уже?
— Ещё хочу поглядеть.
— Гляди, пожалуйста, мне не жалко.
— Такой вопрос: а вне театра ты вообще существуешь?
— Ой, конечно существую! Только слабо.
— Давай я подлечу твоё существование, раз оно такое слабое... Я тебя сейчас провожаю до дому, да?... А завтра встречаемся в городском парке у фонтана.
— Интересное предложение. Только фонтан не работает — выключили.
— Я же не зову тебя купаться в фонтане.
... Во сколько приходите?
— Даже не знаю. Приходи, как луна взойдёт...
— Ой, а если не взойдёт?.. Это, наверное, очень поздно.
— Ну-ну, пошутил. В пять тридцать вечера.
— В пять тридцать, — отчётливо повторяет Светка.
Она умолкает, словно обдумывая что-то, и мы, больше не утруждая себя связной беседой, неторопливо движемся, шагаем, идём вперёд без цели, лишь изредка, следуя какому-то неведомому порыву, поворачиваем налево или направо...

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

*«— Опять этот дом! Как он мне надоел! —
вскричала Алиса, —
Так и лезет под ноги!*

*...они бежали, крепко взявшись за руки,
и Королева так неслась вперёд, что
Алиса едва за ней попевала,
но Королева всё время только кричала:
— Быстрее! Быстрее!»*

Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»

В этом доме много комнат — просторных и тесных, светлых и сумрачных, неопрятных и прибранных, открытых и запретных. В этом доме великая уй-

мища стульев и кресел, большинство из которых крепко прилажены, присобачены к полу для того, вероятно, чтобы многочисленные гости не двигали их, не таскали из угла в угол, не гремели ими и не пытались унести с собой. При таком количестве стульев потрясает почти полное отсутствие столов, за которые можно было бы присесть, чтобы задуматься, склонить голову или облокотиться. В этом доме не дадут толком ни поесть, ни выпить, ни поговорить, ни помечтать; здесь невозможно по-человечески расслабиться, выспаться, побриться, почитать книгу, посидеть за шахматами или у телевизора. Вас здесь ждут не дождутся, однако у хозяев вечно припасены какие-то недосказанности, полунамёки, вечно существуют какие-то от гостей секреты: «милости просим, какая встреча, сколько лет, мы так вам рады, присядьте, пройдите, взгляните, пригубите, попробуйте; только вот туда вам нельзя, и сюда тоже не ходите... и сюда, а здесь вообще заперто, а там пусто и темно, а во-он там светло, но такой беспорядок, что и туда тоже входа нет, а вот сюда за занавес вы сможете заглянуть, но только тогда, когда мы вам позволим, и глядеть будете лишь издалека, и, ради бога, не принимайте увиденное слишком близко к сердцу»...

Гостиная в этом доме огромна и высока, всё бы ничего, но туда не подают обед, там вечно отключают электричество и совершенно негде потанцевать. Рядом с гостиной, за занавесом, живут и бодрствуют сами хозяева. Они щедро пичкают вас пикантными подробностями своего существования: запутанными драмами и интригами, шумными братаниями и разборками, искромётными базарами и приколами. Из гостиной видно всё очень хорошо, особенно, когда выключают свет. Хозяева то являются вам, то прячутся от вас, они словно заигрывают с вами, они и любят вас, и ненавидят, то искренни, то лукавят, то разгневаны, то счастливы, то добродушны, то раздражены. Весь комизм и трагизм этого загадочного дома одновременно отталкивает и манит, недоступен и открыт, осенён и проклят. К счастью для гостей, всегда, в любые времена среди обитателей этого таинственного дома находится какой-нибудь ренегад или ренегадина, которая в угоду невнятного и неясного мимолётному порыву, увлечению или азарту берёт понравившегося гостя за руку и горячо дыша ему в самое ухо, предлагает:

Ну пойдём же скорее туда, пойдём! Ты в Закулисье никогда ведь ещё не был, ты же хочешь туда, я знаю, я вижу, я чувствую! Давай, не бойся, сегодня можно, я разрешаю....

Вас цепко хватают за локоть и волокут, тащат в какую-то то ли дверь, то ли нору. Проваливаясь в дыру Закулисья, вы успеваете заметить продавленный диван, исполинский гвоздь в стене, на котором висит генеральский мундир с тщательно размазанным пятном кетчупа на обшлагае, пару не старых ещё лакированных туфель с расползающимися в стороны шнурками, стеллажи с нарисованными корешками книг, обширный пень на колёсиках, аккуратно изуродованный под старину фрагмент античной капители.

Падение убыстряется: вооружённый холодно-колющими болванками вас атакует пожарный щит, по-собачьи взрыкивает пугающее слово «Штраф» на стене, охваченный питоньим аппетитом вас пожирает длинный низкий коридор с высокими зеркалами на лунно-синих стенах, и вешалки, вешалки, вешалки толкают и тянут вас, норовя схватить за шиворот своими крючкостыми конечностями. Затем начинается сущий аттракцион — поворот налево, уханье вниз, затем направо и ещё раз направо, вверх, затем, кажется, налево, впрочем, здесь лево и право уже начинают меняться местами, теряют смысл; верх и низ тоже неустойчивы, эфемерны и норовят самоустраниться. Но вот — шарах! — оцепенение, дно, вернее, дверь, обыкновенная, деревянная, крашеная, с не сломанной ручкой и работающей защёлкой, которая открывается с мелодичным и нежным скрипом. За дверью комната с двумя окнами без занавесок, словно оштукатуренная изнутри шкатулка, полная всякой бытовой дребедени — штукатулка. За окнами комнаты, внизу под широкой кроной каштана — беседка, крыша беседки устлана опавшей листвой, из-под крыши вьётся сигаретный дымок, слышен смех и покашливание, — в Закулисье тоже любят отвлечься, отдохнуть, покурить, порассуждать и поиронизировать.

В штукатулке больше всего зеркал, электрических лампочек, чашек и кипятивничков. Лампочки невинно льнут к зеркалам, чашки бесстыдно развратничают с кипятивничками. Лампочки горазды сиять, заливать светом отражённые в зеркалах круглощёкие фасады и обширные затылки, взъерошенные усы и прилизанные височки, вялые носы и энергичные подбородки, роковые родинки и робкие ямочки, громоздкие лбы и компактные ушные раковины, а также прочие впадины, кочки и загогулины лица и его окрестностей. Зеркала грустят и бодрятся, полубезумно расширяют глаза и досадливо морщатся, демонстрируют открытость и напускают на себя подозрительность, излучают добродушие и гневаются, выражают презрение и строят глазки, гуттаперчево гримасничают и статуёно

каменеют. Кипятильники, уткнув свои раскалённые носы в полуштофные чашки, журчат, брызжут и булькают, словно Камчатские гейзеры. Комната щедро овевана дыханием Камчатской свежести — без гейзеров в ней не проживёшь.

— Хотите чаю? — спрашивает нас хозяйка шкатулки, не утруждая себя протокольными реверансами.

Светка молча лезет в тумбочку, вынимает поднос, чашки, другие позвякивающие принадлежности, потом, указывая на меня кипятильником, поясняет:

Вот он хочет и будет, а я сбегаю в одно место на полчаса, туда и обратно. Загнимируй его под кого-нибудь, чтоб он не скучал... Да, познакомьтесь. Это Лена — «худ по гриму». Это...

— Знаю, слышала уже, — просто отвечает Лена, — ну, ты иди, раз надо.

— Ага, пойду, — говорит Светка и убегает.

— Всё сделаем, — обещает ей вслед Лена, — Не торопись там особо...

Она открывает шкафчик, достаёт блюдо с сушками вперемешку с конфетами и конфетными фантиками, начинает заниматься чаем, покашливает, — не то смущена, не то простудилась. Типичная атмосфера парикмахерской. Я усаживаюсь в кресло у зеркала. Лена подходит сзади, суёт мне в руку конфету, включает подсветку, глядит в мои отражённые в зеркале заискрившиеся глаза, рассеянно, но дружелюбно спрашивает:

— Кого делать будем?

Я бросаю взгляд на отражение октябрьской афиши, прилепленной скотчем к стене, читаю: « О N 8 ». Мудрён язык Закулисья.

— Хлестакова, пожалуйста, — я разворачиваю конфету, — Чубчик — вот так и вот эдак. Бачки покультурнее. Глазки понаглее, если возможно. Побольше свинства во взгляде, — кладу конфету в рот, — постройте у меня на лице одухотворённый цинизм.

Худ по гриму с профессиональной неторопливостью запускает творческий процесс, не забывая при этом задавать вопросы. Её рассеянность постепенно улечучивается и совершенно пропадает, когда я сообщаю ей, откуда я прибыл.

— Вы аж оттуда? — удивляется она.

— Оттуда.

— Прямиком оттуда?

«Прямиком оттуда» до вас можно долететь лишь суборбитально. Я добирался с пересадкой.

— Это же так далеко!

— Я знаю... Помню, когда летел туда в первый раз, мы приземлились от того, что дальше лететь было некуда — океан и чайки... Пограничник здесь в аэропорту разглядывал мой паспорт, как морскую раковину...

Дверь звучно ахает, распахнутая решительной и властной рукой. На пороге — Клементина, царица Эфеса. Выражение её лица восклицательное, состояние её причёски возмутительное, бюст её ходит ходуном, она гневается. Минуту назад у царицы в самый разгар страсти перевоплощения, зацепившись за деталь туалета, съехал шиньон. Чувствуя свою неуместность, свою ничтожность, я предупредительно и подобострастно соскальзываю с гримировального кресла в партер. Меня в недоделанном, недохлёстанном виде выпихивают за дверь с чашкой тёплого ещё чая и четырьмя сушками, туго нанизанными на указательный палец.

Коридор мрачен и пуст, зеркала бледны и лунно-необитаемы. Томимый недоделанностью, я оживляю одно из зеркал и строю ему рожи. Чай выпит, все сушки сняты ртом с указательного пальца и съедены. Наконец, ослепля сиянием восстановленной безупречности, расплёскивая телесную ртуть, из «штукатурки» выплывает царица Эфеса. Дабы как-нибудь не потревожить царицу своим присутствием, я ныряю в ближайшее зазеркалье и прячусь там за спину своего растерявшегося отражения. Клементина не замечает моего самоуничтожения, величаво покачивая бёдрами, она удаляется в синеву коридора. Выждав минутку, я восстанавливаю симметрию со своим отражением, возвращаюсь в комнату, сажусь в оставленное Клементиной кресло, ещё тёплое от её всеобугливающего гнева, и жду продолжения творческого процесса вперемешку с допросом.

— Выпрямитесь, подбородок повыше, — командует Лена, — вы Свету давно знаете?.. Давай на «ты».

— Давай. Свету я знаю с детства.

— С детства? Тогда нормально.

— Лена, я тебя знаю двадцать минут и чувствую, что это тоже нормально.

— Нормально, — соглашается Лена и вздыхает.

— Отчего ты вздыхаешь? — спрашиваю.

— Да так. Куда, думала, это вы все подевались? А теперь поняла — в астронавты все подались. В суборбитальный полёт отправились. Ищи вас там... Семья у тебя как? Жена с тобой почему не приехала?

— Предыдущая, та любила приезжать.

— Первая, ты хочешь сказать?

— Нет, предыдущая.

— Ах, первая была до предыдущей?

— Интересный вопрос. Давай разбираться... С Инной мы сидели за одной партой. С Марианной учились на одном курсе. С Ксенией мы нигде вместе не учились, встретились просто так. Вот, Наталья любила приезжать со мной сюда. Рэчел...

Кисточка дёргается, соскальзывает с моего виска и въезжает в правый глаз...

— Лена, ты мне ляпнула в глаз, — говорю я, — и совершенно зря. Я ж пошутил.

— Про жён?

— Нет, пошутил про Марианну и Ксению. Инна, Наталья и Рэчел...

— Рэчел, — повторяет Лена и заключает: — Нет, ляпнула я, всё-таки, не зря. Подожди, сейчас я вытру ваткой, зажмурься.

В комнату тихо входит Клеонт. Увлечённые процессом и беседой, мы его некоторое время игнорируем. Потом оба замечаем, что архонт-басилей Эфеса тоже гневается, впрочем, без надрыва. Гнев его не очень убедителен: «Что вы из меня сделали? Что за рококо на голове? Дамы иронизируют». Нас с Леной этим не испугаешь, мы видывали экземпляры покругче. «Мы сейчас всё переделаем», — отвечаю я за Лену. Худ по гриму подходит к клиенту, то есть, к Клеонту с обыкновенным магазинным гребешком за двадцать советских копеек и делает ему короткий сеанс куафюра — двумя-тремя лёгкими, но уверенными взмахами убирает у него с головы (и из головы) «рококо». С дамами, которые привыкли иронизировать, и которые ничего не понимают в искусстве, она обещает провести воспитательную беседу. Клеонт, благодарно вздохнув, удаляется.

— Как у тебя с алкоголем? — продолжив лепку Хлестакова, интересуется Лена.

— А что есть? — интересуюсь я, чувствуя, что под воздействием Лениных искусных взмахов и ляпов во мне начинает просыпаться Иван Александрович, чиновник из Петербурга.

— Нет, — отрезает Лена, — А что, тянет?

— Иногда, — говорю, — После психотерапии уже почти не тянет. Вот раньше-то я — эх! ...

В комнату на первый путь экспрессом прибывает разгорячённый режиссёр Бершадский и, разгневанный, сообщает Лене, что у Клементины опять съехал шиньон! Опять и снова! Она уже устала бегать в гримёрную, и вообще!.. Лена, не уточняя про «вообще», оперативно исчезает. Бершадский выпускает пары, переводит дух, и мельком, настороженно третий раз за сегодня взглядывает на меня (мы с ним во время прогона уже успели обменяться парой настороженных прищуров).

— Чаю? — успеваю предложить я, ловко поймав его взгляд в зеркале.

Режиссёр отказывается и намеревается уйти, но что-то его останавливает, какие-то раздумья, сомнения, бог знает.

— Вас, я слышал, кажется, зовут Дмитрий? — интересуется он, — а отчество?

— Иоаннович, — иронизирую я, поворачиваюсь в кресле и слегка приподнимаюсь.

— Ефим Борисович, — представляется он, сохраняя дистанцию, — И как вам спектакль?

— В целом — масштабно, — тихо отвечаю я.

— Ну-ну, — морщится он, — А в деталях?

— Возьмём Герострата, — хватая быка за рога, я повышаю голос.

— Возьмём, — лицо Бершадского разглаживается, он подходит ближе.

— Совершенный бандит, уголовник. Разве это дело?

— Вы преувеличиваете, — он присаживается в кресло рядом.

— Да, я преувеличиваю... Для большей выразительности, — я делаю попытку придвинуть своё кресло поближе к режиссёрскому, — Ваш Герострат слишком однозначен — маньяк, злодей, и всё. Всё! Так не пойдёт. Такой хоккей нам не нужен.

— Кому нам? — на всякий случай деловито уточняет режиссёр.

— Зрителю.

— Больно, вот здесь, — Бершадский, улыбнувшись, тычет в область груди, где у него вероятно расположен орган самолюбия, — вы меня раните.

Я пропускаю мимо ушей жалобы режиссёра на здоровье. Во мне уже вовсю бушует Хлестаков.

— Герострат должен быть элегантен, симпатичен, притягателен! Понимаете? У дам в зале любопытство к герою должно вступать в схватку с неприязнью и побеждать. В пьесе, в начале второго периода...

— Действия, — быстро поправляет режиссёр.

— ... у Герострата появляются сочувствующие и даже последователи — кто-то, вдохновлённый его примером, решил сжечь стадион...

— Театр, — метко замечает режиссёр.

— Так вот, не только на сцене, но и в зале у Герострата должны появиться болельщики ...

— Поклонники, — Бершадский неутомим.

— ... Зрительный зал должен разделиться на симпатизирующих Герострату и ненавидящих его.

— Молодой человек, — пугается режиссёр, — вы хотите сказать, что не только на сцене, но и на трибунах...

— В зале, — поправляю я Бершадского.

— Да-да... В зале должны вспыхнуть антагонизм и противоречия?

— Споры, потасовки, почему нет?! — Хлестаковский грим жжёт меня нестерпимо, — Вы хотите новых форм или вы хотите рутины?!

— Я полагаю, они у меня есть! — запальчиво восклицает режиссёр.

— Зачем себя ограничивать? — я немного охлаждаю пыл, — имейте их больше. Накачивайте спектакль новыми формами до состояния внутреннего взрыва, тогда это будет вам новое искусство.

— Вы меня пугаете, молодой человек... — Бершадский переводит дыхание и подымается, — Дмитрий Иоаннович, послезавтра генеральная репетиция. Приглашаются все желающие. Вы будете?

— Обязательно! Я буду. Буду аплодировать, бурно ликовать, свистеть, топтать ногами в соответствующих местах, чтоб вам стало понятнее моё мнение, которое я недостаточно выразил сегодня...

— Ну-ну, милости просим, — лишь замечает Бершадский и уходит.

Тишина. Смешки и бормотание из беседки под окном. Я изучаю октябрьскую афишу, жду Светку и скучаю по ней. Отыскиваю листочек бумаги, карандаш, начинаю рисовать свою скукограмму по Светлане: зубец, плато, провал, зубец, плато, зубец... в эту секунду раскрывается дверь и появляется Светка. По её глазам вижу, что она тоже соскучилась, у неё тоже зубец. Радостный, говорю ей на странном диалекте: «Я страшно измучен текучестью характеров в твоё отсутствие. Ни минуты покоя. Слава богам, что на этот раз передо мной явилась ты». Светкины глаза, как ни странно, выражают полное понимание.

Мы покидаем штукатулку, оживлённо беседаю и жестикулируя. Встречаем в коридоре Лену. Она озабочена, устала, обесточена, просит прощения: «оду-

хотворённый цинизм я ему построить не успела, и так сойдёт». Она напутствует нас словами, словно крестом осеняет: «держите себя в руках и ведите себя прилично». Мы обещаем Лене и держать, и вести себя согласно её указаниям. Мой грим решаем не снимать. Пусть все любят.

— Завтра вы даёте «Ревизора», — говорю Светлане. — Прекрасно! Классика! Без меня теперь — никак, буду обязательно.

— А ты не ходи.

— Почему же не ходить? Тебя там нет?

— Как тебе сказать?.. Я там есть.

— Марья Антоновна что ли?!

— Нет.

— Жена городничего?

— Обижаешь.

— Неужели унтер-офицерша?

— Опять мимо. Не старайся, не догадаешься.

— И не буду догадываться, я просто приду и гляну. И билет возьму в первый ряд.

— Ни в коем случае!.. Так, значит, не идёшь, нет?

— Н-ну, как скажешь.

— Не идёшь?

— Не иду.

— Точно?!

— Тётей клянусь!

Вот и хорошо. Не ходи. Встретимся после спектакля... Я только что видела Бершадского. Ты у нас, оказывается, теперь Дмитрий Иванович? Прямо, Менделеев...

КАРТИНА ПЯТАЯ

«Я люблю из горничных делать королев».

А. Вертинский «Полукровка»

Я сижу в первом ряду партера. Очень удобно, никто не вертит лохматым затылком у самого носа, никто не протискивается в середину ряда, повернувшись задом, можно низко развалиться в кресле и вытянуть ноги. Бизнес-класс. Нужно только не забыть, когда начнётся спектакль, сесть попри-

личнее, выпрямиться, потому что сценическое действие, как бушующий, перекатывающийся через волнорез прибой, норовит выплёскиваться в зал, пенистыми потоками затоплять проходы. Пространство между сценой и первым рядом партера давно уже превратилось в лабораторию новых форм. Сцена покинута, забыта, растеряла свою магию, своё обаяние; она шербата, истоптана, излатана, измордована, она требует чистки, ухода, ремонта, покраски; в это же самое время, недостаточно ещё истоптанные, небрежно пока исследованные закоулки партера, эти «воловы лужи», соединяющие и разделяющие зрителя и действие, всё сильнее вскипают событиями и эмоциями. Там журавлиным шагом ходят секунданты, и ждут исхода залитые бледностью, оскорблённые поэты. Там гусары с нарисованными усами вручают зрительницам с нарисованными бровями букетики гиацинтов. Там маршируют гренадёры и потрясают мечами древнегреческие воины, там объясняются в любви и ссорятся, там происходят чудеса, там Леший бродит. Пьеро грустит и чахнет там, влюблённый в безответность, мучнистое лицо его торжественно и страстно. Там авангард публики легко превращается в массовку, и артист, представляющий самого Вертинского, глядя пристально в глаза избранной жертве из первого ряда, вещает: «Вы любите женщин, так не стесняйтесь этого, любите их всей душой». Затем «Вертинский» выделяет взглядом второго невольника, впивается в него, гипнотизирует: «А вы любите море, — утверждает и настаивает он, — шумное море, дальние странствия, солёные брызги...». Невольник не выдерживает пристальности маэстро и отчётливо произносит, заворожённо глядя ему в глаза: «Я, знаете, больше всё-таки по части женщин». Первого избранника тоже прорывает, он поворачивается к публике и с азартом сообщает: «А я предпочитаю брызги». Зал смеётся. «Вертинский» не теряет и импровизирует: «В следующий раз, молодые люди, поменяйтесь местами...»

Но я увлёкся. Сегодня должно быть скромнее, интимнее, академичнее. Дают «Ревизора». Мы, зрители — народ подлый; придирчивый, переменчивый, прилипчивый и влюбчивый. Нас сейчас больше всего волнует — как будет произнесена первая бессмертная фраза; ведь её музыке, настроению, темпоритму должно подчиниться всё остальное действие. Тщательно разминаем шею, откашливаемся, выдуваем носы, заканчиваем шелестеть конфетными обёртками, кладём в рот карамельки, оправляем сзади пиджаки и кофты, выпрямляем спины, раскрываем пошире глаза, замираем. Тускнеет и гаснет свет, побежал, поехал занавес.

Приглашённые господа, — приглядываемся, пересчитываем: раз-два-три... — все на месте. Городничий что-то задерживается. Осторожно переворачиваем во рту карамельку, ждём Антона Антоновича. Он должен появиться с секунды на секунду... Вот, наконец, вздрагивает кулиса, глухо стучает каблук, раскрываются створки низенькой двери, с кувшином в руках является Светка ... странно. Высоко взбитый чубчик, жеманно брошенная на плечо коса с вплетённой в неё лентой и изящной заколкой у основания, декольтированная блузка, короткий передник поверх широкой плиссированной мини юбки, белоснежные, тонкие кружевные панталончики... Впрочем, я здесь немного забежал вперёд — панталончики пока не видны. Однако предчувствие кружевного безумия уже витает над просторами партера, ибо глаза у Светки хитро-озорные, загадочные, словно говорят: «вот погодите-погодите, ужо сейчас я вам такое преподнесу!» Сверкнув глазами в зал ещё раз, она неторопливо и торжественно принимается двигаться по сцене изящными полуокружностями. Вот, повернувшись к публике спиной, она с очень большим усердием наклоняется к Артемию Филипповичу, дабы наполнить вином его бокал. Наклоняется, и, словно солнце выглядывает из-за туч, такое всюду разливается сияние, такой вспыхивает рассвет, что затмевает всё вокруг; среди этого сверкания уже трудно разглядеть что-либо ещё.

Светка продолжает обходить присутствующих господ. Наполняя каждый очередной бокал, она озорно взглядывает через плечо на зрителя и выделяет попой причудливый крендель; ненадолго выпрямляет стан, поворачивается боком, чтобы пройти немного лёгким, танцующим шагом. Ещё один крендель, ещё один, ещё... Закончив прислуживать, она поворачивается лицом в зал, в изнеможении прикладывает прохладный бок опустевшего сосуда к пылающей щеке, поднимает вверх глаза и произносит певуче-протяжно и загадочно: «Хм-м!», и эта её фраза, её взгляд, гипнотизирующий верхние ряды балкона, приводят нас в замешательство: мы все осторожно краснеем, судорожно разгрызая, разжёвывая и проглатывая карамельки. Светка же, перед тем, как удалиться, проделывает попой ещё один прощальный вензель для господ актёров. Только затем на сцене наконец появляется позабытый всеми Городничий. Он неброско втискивается в сюжет, пытается сообщить какую-то новость, какое-то известие, но как-то несвоевременно, легкомысленно, вымучено, вяло.

Что же дальше? Никакого кривлянья и приступов ужаса, никакой фантасмагории и никакой мистики. Всё без ненужного гротеска и излишнего

лицедейства, — чинно, по-деловому собрались серьёзные, рассудительные люди с устойчивой психикой, хозяева района, то есть уезда, живущие по понятиям, понимающие, что жизнь есть базар, и за базар иногда необходимо ответить. При этом, если коллектив повязан, сплочён и здравомыслящ, а пахан интеллигентен и хладнокровен, то всё будет путём, ибо мафия — бессмертна. Трудно представляется тот Хлестаков, который будет способен ввести в заблуждение этого Антона Антоновича. Милейший человек! Иными словами, трудно вообразить, что этот Антон Антонович способен так пошло купиться на дешёвого фраера пусть бы даже из самого Питера!

Как метко Бершадский нашёл тот момент, когда хладнокровие и расчёт уступают место суете и панике. Ключевая фраза: «Так и ждёшь, что вот отворится дверь и — шашть...» Здесь открывается дверь, и с известием вваливается Бобчинский-Добчинский... Нет, это ещё не страшный суд, но только его предчувствие, прогон. Репетиция ответа на труднейший из вопросов: «Что же ты это, а?!» В этом вопросе невозможно что-либо уточнить, бесполезно тянуть время и юлить. Нужно чётко и точно ответить «что именно» и «почему». Отсюда — нарастающая паника, потеря самообладания, потливость, дрожание конечностей, состояние ужаса. Хлестаков ещё не появился, но теперь легче поверить, что всю эту свору можно разогнать по углам одним ударом хлыста.

Явление Хлестакова. У парня порывистый северо-западный ветер в голове, умеренный до сильного юношеский оптимизм, перемежающийся со слабыми, кратковременными осадками уныния и скуки. При таком нескрываемом, лезущем наружу обаянии становится ясно, что все эти па-де-катры, висты и художественные свисты — явно временное явление; и если б Старый Барин в молодые годы побольше занимался сыном, подняв ему рубашонку, почаще б засыпал куда следует чего следует, то из такого вполне выдающегося Хлестакова давно уже мог бы выйти довольно сносный Чацкий...

На сцене тем временем образуется совершенная куча мала, что-то среднее между игрой в догонялки и послеполуденным отдыхом фавна: будущий Чацкий сначала задирает подол Марье Антоновне, потом треплет причёску Анне Андреевне и, охваченный похотью, валит её на пол... Ну, всё ясно, Светкин темпоритм работает, как часы...

Окончена комедия, пустеет зал. Я не покидаю своего кресла. Слегка провалившись в сиденье, я растопырил руки и делаю движение губами, как будто

желаю присвистнуть. У меня немая сцена. В зале появляется сконфуженная артистка Серова, она мелкими шажками приближается к моему креслу и осторожно садится рядом.

— Отомри... Шокирован? Ошарашен?.. Ой, я ж тебе говорила! Русским языком! Не ходи!.. Насмотрелся?

— Насмотрелся. Я хотел закричать «браво», но неудобно было, спектакль только начался.

— У меня практически не осталось от тебя секретов.

— Творческих секретов почти не осталось. Это правда... Ой, а куда твоя коса подевалась?

— Коса была накладная. Шиньон.

— Жалко. Светик, когда ты с косой, Тоска роняет швабру!

— Роняет, потом игриво наклоняется в талии, чтобы её поднять, и становится ещё веселее.

— Вот именно.

— Разве не пошло было?

— Нормально. Светка, я заинтересованный зритель. Мне важнее ты в искусстве, чем наоборот...

— Ой, а у меня дилемма! И я уже теперь не пойму: нужно любить свою задницу в искусстве или искусство в своей заднице!

— Ты люби обе вещи. Выйдет проще.

— Действительно проще... Я так и знала, что ты явишься!

— Откуда?

— Ты поклялся тётей! И тётя была двоюродная!

— Боже, какая пронизательность!

— Никакой пронизательности. Я бы тоже так поступила. И поклялась бы двоюродной тётей, Марианной Фёдоровной. Терпеть её не могу!

— Мы с тобой одинаково тёмные личности. Наши внутренние темноты одинаково крошечны... Впрочем, нет, твоё поповерчение — это луч света в нашем общем тёмном царстве.

— Ах, всё оптический обман... Луч-то, хоть не широкий? Не инфракрасный?

— Что ты! Никакого обмана! Угол падения равен углу отражения. Луч изящный, пропорционально-правильных размеров — продольного и поперечного. Таких ярких лучей в наше время днём с огнём не сыщешь!

— Очень сладко ты поёшь... Ещё что-нибудь изобрази, чтобы я совсем успокоилась.

— Существует расхожее мнение, будто в комедии «Ревизор» нет положительных героев. Спасибо Бершадскому — он выдумал тебя, и ты для меня теперь первый и единственный положительный герой.

— Героиня.

— Точно!

— В этом месте Героиня обычно разрешает поклоннику себя поцеловать.

— Целую?

— Целуй!

— В губы?

— Ну конечно!

КАРТИНА ШЕСТАЯ (МАСЛОМ)

«Брось её. Всё кончено.

Дрожишь ты, Дон Гуан.»

А. Пушкин «Каменный гость»

Захватывающие дыхание просторы. Звонкая, медленно расширяющаяся высь. Тёплая ещё киноварь угасающего дня прямиком намазана на холодную смальту неба. Хрущёвские пятиэтажки расставлены стройными рядами среди буро-зелёного моря насаждений. Пятиэтажкам очень идут новенькие мансарды, нахлобученные на их плоские смолёные лысины, от такой косметической операции они неожиданно обрели стиль и изящность. Вдали, залитый рыжеющей глазурью лесопарка, возвышается холм. Он торжественно принимает закат, медленно впитывает его роскошные полутона и темнеет по мере насыщения ими. Из вершины холма, словно свеча из именинного торта, нелепо торчит телебашня, унылая от своей ветхости и ненужности... Однако, эта милая картинка — вся какая-то нечёткая, покрыта белёсыми неряшливыми ляпами и полосами...

— Слушай, Светка, почему у тебя окно в разводах?.. Ой, извини, я кажется начинаю вторгаться в твою частную жизнь, в твой процесс мытья окон.

— Вторгайся, не страшно... Кхм... Это муж их мыл, но не домыл... Нормальное явление.

— Муж?

— Вот, видишь, здесь стенка проломлена? Ход из кухни в лоджию. Задумывалось, как усовершенствование, перепланировка... Ломал, но не доломал.

- Муж?..
- А вот там в коридоре — дюбель в стене торчит недоставленный. Он замыслил установить крюк и повесить на него репродукцию картины Врубеля «Демон сидящий». Заходишь в квартиру, в прихожей сидит Демон... Репродукция сейчас в кладовке пылится...
- Муж?..
- Две недели назад он мыл окна и варил варенье... Из айвы...
- Не доварил?
- Доварил. Потом начал закручивать варенье в банки, но не докрутил... Я ждала, что докрутит. Напрасно... Выбросила это варево к чёртовой матери...
- ... Понятно. Придёт он скоро?
- Трудно сказать. Это стихийный процесс... Последний раз он являлся неделю назад.
- И что?
- Брюки переменял... Бачок в туалете начал чинить.
- Починил?
- Догадайся.
- Мне обо всём остальном тоже нужно догадываться, или ты сама расскажешь?
- Ох, всё тебе расскажи! Любопытный какой!.. Он от меня ушёл... к этой... к другой, одним словом. Давно уже. Но, как выяснилось, ушёл не скоропостижно, не безвременно, не безвозвратно, не с концами. Концы он здесь оставил... Сейчас кофе приготовлю.
- Эти просторы... Этот закат... Эти разводы на окнах... Тьфу, мысли путаются... Мы сидим в кухне за столиком, пьём кофе, обмениваемся пронизательными, всё понимающими взглядами.
- Я так кумекаю: его грызёт чувство ответственности за меня...
- Зачем кумекать? Ты его спроси.
- Ха, тут он тебе и ответит!
- Вы что, не разговариваете?
- Почему же? Общаемся на бытовые темы: ломать стенку или не ломать, вешать репродукцию или не вешать, варить варенье или не варить, из айвы варить или из груш. Я говорю: ломай, вари, вешай, коли, руби, стреляй, только оставь меня в покое!
- Хм... Сколько уже длится этот цирк?

— Два года будет скоро. Бумажный юбилей. Все мои усилия что-то изменить, отвадить его как-нибудь, поговорить с ним начистоту ни к чему не приводят. Он просто замыкается в себе и не желает ничего обсуждать.

— Ты не пробовала врезать другой замок?

— Ну, что ты! Какие-то дразги. Это несерьёзно! Мы же взрослые люди.

— Прости. Я плохо пока разобрался в тонкостях вашей семейно-процессуальной жизни... А если бросить ему в голову чем-нибудь тяжёлым? Может быть, это поможет ему разговориться?

— Пробовала. Не помогает...

С мучительным гудением и шарахающим финалом на лестничную площадку прибывает лифт. Мы многозначительно переглядываемся и замираем. Гулко, размеренно, тяжело бухают шаги. Слышится кряхтение входной двери.

— Ну вот, явился на зов, — Светка поднимает плечи, беспомощно разводит руками и встаёт из-за стола, — Явление третье за этот месяц... Но как, подлец, подгадал!..

— Странно всё...

— Ничего странного. У тебя Рэчел. У меня вот... Дон Карлос. Таскается второй год. Хоть бы пил что ли, дрался, судился со мной — была бы классика. А этот из другой оперы — созидатель, футурист какой-то.

Светка слегка прикрывает дверь в прихожую и начинает беспокоило блуждать по кухне, временами удаляясь через пролом в стене в лоджию.

— Я бы сейчас закурила, — слышится из лоджии её дрожащий голос, — Но не могу... Бросила.

— Ты? Бросила? — удивляюсь я, — когда?

— Тогда, — говорит она, показываясь в проломе, — когда увидела тебя у проходной. Увидела и решила: бросаю!.. Бросила. Ты разве не заметил?

— Нет, не заметил, — мне становится стыдно за свою невнимательность, я быстро меняю тему, — а чего он не идёт сказать «здрасьте»?

— Он у меня замкнутый, невежливый. Домовой, а не муж.

— Тогда я сам пойду, поздороваюсь.

— Сиди. Появится, никуда не денется.

Мы ненадолго умолкаем и прислушиваемся.

— ...Раздражён, кажется, — сообщаю я полушёпотом, — шурудит там чем-то, шуршит... Сыплет, что ли, гвозди на паркет?

— Ага, сыплет, — Светка тоже переходит на полушёпот, — сеятель...

— Нет, — вздыхаю я, — не люблю томительных ожиданий. Схожу лучше сам. Познакомлюсь. Подойду к нему и скажу: «вот тебе моя рука».

— А он ответит...

— Стоп! Не предвосхищай! Для вдохновения мне нужна неожиданность, выстрел случая.

— Стрелять он не будет, не волнуйся...

— Я и не волнуюсь. Видишь — поднимаюсь, иду уже...

— Точно идёшь?

— Ага.

— Ну, хорошо, иди... Давай я тебя поцелую на дорожку... Вот так... Ещё разок... Сладкий какой, оторваться не могу...

— А крестить-то меня зачем?!

— Так. На всякий случай... Он — левша.

— Левша? К чему это мне?

— К чему? Заходи справа, если что...

— Ну-ну, опять предвосхищаешь! Я ж просил...

Мною овладевает растерянность, я начинаю суетиться — пытаюсь удалиться в пролом, чтобы проникнуть в коридор через спальню.

— Ты куда?! — смеясь, шепчет Светка, хватая меня за карман пиджака и тянет обратно, — иди, как все люди, через прихожую.

— Так же ближе, — шепчу ей.

— Не нужно выходить к нему из спальни! Это неэтично.

— Верно, — говорю, — Не сообразил.

Я приглаживаю волосы, откашливаюсь и размеренным шагом, как все люди, через прихожую, широко огибая углы, иду на шорох и глухие постукивания, доносящиеся из глубины квартиры. Довольно скоро я натываюсь на шершавый взгляд Светкиного супруга. Он стоит в ванной в выжидательно-вопросительной позе. В руке у него пластмассовое ведро, наполовину заполненное кровельными гвоздями, вперемешку с шурупами.

— Саша, — говорю ему, замерев на половине шага.

— Взаимно, — отвечает глухо.

— Что взаимно?.. И ты Саша? — удивляюсь.

— Бывает, — философски замечает он и ставит ведро с гвоздями на пол.

— Сплошь и рядом, — осторожно поддакиваю я и интересуюсь, — так-так.

А где тут у нас «Врубель сидящий»? В кладовке?

— Не Врубель, а Дюбель... — усмехается он, — то есть, тьфу! Демон... сидящий... да, в кладовке...

Разговор начинает клеиться. Клей хоть и жиденький, слабенький, канцелярский, но прогресс несомненный. Мы оба это чувствуем — у нас обоих нормализуются пульсы.

— Времени на всё не хватает, — жалуется Саша. — Замотался...

— Ничего-о, — успокаиваю я его, — со мной теперь быстрее дело пойдёт. Только, я предлагаю обозначить приоритеты. Бог с ним пока, с Дюбелем. Первым делом — сокровенное — бачок. Сколько воды утекло с тех пор, как он сломался?..

— И не говори, — подхватывает он.

— Это вопрос, — поясняю я.

— Вопрос?.. — скучнеет Светкин муж, — много воды.

— И сейчас течёт? — продолжаю допрос.

— Подтекает... — Сашино лицо светлеет, он оживляется. — Там интересная система. Не пойму, как подлезть к этой прокладке...

Мы чинно отправляемся в туалетную комнату, без накладок и суеты отключаем подачу воды, открываем крышку бачка, с сосредоточенными лицами принимаемся разглядывать содержимое.

— Действительно интересная конструкция, — сообщаю задумчиво, — я, конечно, не эксперт, но скажу почти с уверенностью: здесь всё построено по принципу безвинтового крепления, — прогрессивная технология, откручивать ничего не нужно, — отжимаешь здесь, отщёлкиваешь вот эти две хреновины, потом вот ту, и вон там другая торчит. Видишь?

— Так-так, — Саша, поглощённый разгадыванием головоломки, склоняется над бачком и пытливо шарит в его недрах.

— Вот, отщёлкиваешь, и вся эта фигня выпрыгивает тебе в руки — целиком или частями. Выпрыгивает, и прокладка — наша. Если она ещё не рассыпалась, смазываем её подсолнечным маслом, и будет держать. А завтра идём в магазин и покупаем запасную... Ты, в принципе, завтра свободен? Нужно же стенку доломать в конце концов.

— Завтра у меня... — Саша мнётся.

Ну, послезавтра, — настаиваю я, — дело же стоит... — моё лицо принимает мечтательное выражение, — я думаю ещё: обои нужно в прихожей переклеить...

«Фигня» из бачка уже целиком в Сашиных руках. Я деликатно достаю раздавленную трудами и временем прокладку и скептически разглядываю то, что от неё осталось.

— Да, Саня, — говорю, — Так и наша жизнь. Она безжалостна к нам, она корёжит наше тело, она изнашивает нас. Её течение и бурление подтачивает наши силы, убивает наши желания.

— Точно, — вздыхает Саня.

— Диалектика, — объясняю, — ставим всё на место, пусть ещё денёк потечёт.

— Завтра я бегу за прокладкой... Идём, выпьем, — за течение жизни, и вообще.

— Я не пью, — Саша пожимает плечами.

— И я не пью, — говорю ему, — Практически. Тогда выпьем чаю с вареньем...

— Чёрт! — хлопаю себя по лбу, — Варенье ж нужно сварить! Забыл совсем...

— Шурики, как вы тут? — в коридоре появляется Светка.

В глазах её хороводят демоны, снуют бесенята, там же — Врубель сидящий, стоящий, тусующийся и ещё чёрт знает кто... Выпила что ли?

— Нормально, — почти в один голос отвечаем мы.

— Нормально? — картинно удивляется она, бросает взгляд на внутренности бачка в Сашиных руках и восклицает: Боже, вы раскурочили самое дорогое, что было в этом доме!

— Всё будет окей, — странно спокойно говорит ей Саша.

Он осторожно ставит «фигню» из бачка на опущенную крышку унитаза, снимает с моей раскрытой ладони прокладку, мельком взглядывает на неё, кладёт её обратно, и говорит:

— Ладно, пойду я, пора мне.

— Пора? А чаю? — приглашает Светка, сверкая глазами, — с вареньем.

— Варенья нет, — напоминает Саша и кивает на меня, — вот он сварит. А прокладку я завтра куплю... Брошу в почтовый ящик... — обойдя посторолившуюся Светку, добавляет: Ну всё, я ушёл. Вы не скучайте тут без меня.

— Не будем, — в один голос обещаем мы вслед и смущаемся от своего порыва...

Мы опять сидим за столом на кухне и делаем вид, что пьём кофе. Простор за окном молчит и совсем почти не виден. Из темнеющего Сашиного пролома веет зябкий ветерок. Светка держит мои руки в своих и пристально смотрит в мои немигающие глаза:

— Демон ты, — говорит она.

— Сидящий, — соглашаюсь я.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

*Чудно! Чудно, мой друг, что я, не зная тебя,
могла жить спокойно и весело!
Теперь мне это непонятно, теперь думаю,
что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука.*
Н.М.Карамзин «Бедная Лиза»

Редкие, тихие, трезвые пары, возникая ниоткуда, движутся размеренно и плавно, сосредоточенные на вымученных, импровизированных, едва различимых на слух диалогах. Стол с закусками стоит девственно нетронутый, слабо освещённый. Там и сям со стен свисают плотные, спелые, упругие гроздья белых вперемешку с красными воздушных шаров. Площадка для музыкантов безлюдна, инструменты в состоянии ленивой паузы дремлют в изношенных громоздких чехлах. Перекошенная стойка микрофона застыла в позе оступившейся балерины... Ага — у балерины плохо отрегулированы пуанты. Я, нарушая единство действия, лезу в кадр, хватаю балерину за ножку, поддерживая за талию, стараюсь вернуть ей вертикальность. Она упрямится, норовит выскользнуть из моих нервных объятий. Наше па-де-де вытанцовывается с трудом, его сопровождают гулкие, глухие постукивания, доносящиеся из ратрубов динамиков, — микрофон вероятно включен...

Всё сегодня наперекосяк! Светка, главный винтик этой адской машины (по меткому выражению Панченко), куда-то бессовестно и беспросветно пропала. Я уже заметил, когда мы где-нибудь с ней гуляем или медитируем с видом на природу, она растеряна, суетится, жмётся ко мне, как цыплёнок к курице, будто боится, что я куда-нибудь исчезну. Когда мы являемся в театр, она совершенно преображается: успокаивается, размякает и немедленно исчезает по каким-то неясным своим делам...

Штатив микрофона теперь стоит строго вертикально. Я подступаю к его серебристой решётчатой фиге, говорю в неё интимно и развязно: «Раз! раз! Светка! ау!». Электронная утварь немедленно повторяет и разносит по всем углам эту очевидную глупость. Не зная, что ещё добавить к сказанному, помыслив немного, я начинаю декламировать отрывок из поэмы Пушкина «Анджело». Читаю по школьной памяти с элементами отсебятины. В сводах начинает гулять пугливое, робкое эхо. Никому нет до меня дела, совершен-

но — все привыкли, прикипели и к риторике помещения, и к акустике сводов, специфика такая. Утомившись, я заканчиваю на фразе: «Устами праздными жевал он имя бога, а в сердце грех кипел» ... Никто не реагирует на мои усилия. Мерзлота чувств. «Кипел!» — повторяю, повышая голос... Иней презрения. Пустое занятие.

Пожав плечами, я оставляю в покое микрофон и удаляюсь из фойе в гардеробный зал — в пустынное, доброе, тихое место. Сажусь у запертого выхода в вестибюль в кресло билетёра. Кресло замечательное — удобное, мягкое, ласковое. Раскрываю публикацию Бердяева. Эту книгу я купил час назад в магазине у Алёны. Бог знает, что такое: как только завожу беседу с Алёной, сразу же, в каком-то олимпийском угаре вместо Набокова покупаю Макиавелли, вместо Бабеля, не торгуясь, хватаю Карамзина. Сейчас вот искал Полякова, но выпал Бердяев. Какое постыдное пижонство! Неужели нет других способов произвести впечатление на Алёну? И зачем мне вообще сдалась эта Алёна? Ущербная мужская психология. Совершенно необоримый, безобразный и глупый инстинкт.

Читаю размышления классика о традициях отечественной религиозной мысли. Усваиваю материал, постепенно вращаясь в кресло. ... Хомяков и Достоевский — два выдающихся религиозных мыслителя XIX века... Так-так... Хомяков вот только ни одной дельной книжки не написал. Все свои гениальные интуиции (хорошее слово у Бердяева) он оставил в своих статьях... Статей не читал. Что там дальше?..

Достоевский же создал себе имя тем, что строчил романы как заводной, успевай только листы у него из-под пера выдёргивать... Вот-вот. Ему бы с Хомяковым подружиться...

Светки всё нет и нет. Да где ж она?.. Ох, тоска, сил нет...

Бердяев хмурится, строго подняв указательный палец, и говорит, говорит. Что, мол, русская религиозная мысль отталкивалась от германского идеализма... Я, повторяя его мимику и жест, возражаю ему, что мысль русская от германской только чуток оттолкнулась, а дозрела уже в Сибири, во глубине сибирских руд. Широкая мысль рождается на широких просторах...

Ох, муки вечные! Где ж Светка?..

За окном гудит, метёт, огонёк лампы на столе вздрагивает. Достоевский, ссутулившийся, сидит за столом и пишет ожесточённо и нервно. Хомяков стоит у него по левую руку и ловко выдёргивает из-под пера дописанные листы. И в стопочку их... Потом они выходят курить на крыльцо. Некуря-

щий Хомяков ёжится, дрожит, скачет вокруг Достоевского и заливает ему про свои интуиции. У крыльца бушует и воет Сибирь. Доигрались оба, вероятно. Тут же в избе, на лавке у печи, накрывшись тулупом, спит Гоголь ... Гоголя-то за что? Странно. Впрочем, в Сибири ой как хорошо интуиции думать, поэмы фантазировать и романы соображать, главное, чтоб в избе печка исправно топила, без угара, и молока свежего или щей можно было всегда попросить у хозяйки, или пельменей со сметаной... И пиши себе, размышляй, пиши да размышляй. А простор какой кругом! А воздух! А свежесть, а дичь, а свобода... И христианская свобода, и протестантская, и какая хошь...

— Спите!? — слышу гневный возглас из тумана.

— А! Что?! — катапультируюсь и внезапно оказываюсь нос к носу напротив Панченко.

Мы некоторое время напряжённо молчим и лишь обмениваемся настороженными взглядами ... В конце концов, сглотнув слюну, вступаю я и заявляю буквально следующее:

— Быть может, единственным большим русским писателем, у которого не было любви к человеку, у которого человечность была ослаблена сознанием зла и лжи, был Гоголь.

— Вы с ума сошли! — отвечает на это Панченко.

— Вовсе нет, — говорю я ему, окончательно проснувшись, — Гоголь — самый загадочный и жуткий из русских писателей. Вот — только что вычитал у Бердяева, — я поднимаю вверх томик и потрясаю им в воздухе, — впрочем, не обращайтесь внимания, — я совершенно не умею завязывать разговор с великими режиссёрами.

— Вы что, выпили?

— Не успел ещё.

— Тогда пойдёмте, спросим шампанского. Очень трудно с вами общаться в трезвом виде. Я, право, теряюсь.

— Взаимно, — говорю.

— Я заметил, что взаимно, — отвечает он с хитринкой. — Да! И оставьте вашего Бердяева в гардеробе. Во избежание новых философских озарений.

— Оставить?! Унесут.

— Не унесут. Мы ж не на премьере. Банкет — закрытое мероприятие.

Панченко уходит за стойку гардеробной и оттуда принимает у меня томик Бердяева. Взамен выдаёт номерок. Возвращается и, осторожно хлопнув меня

по плечу, вытянув шею, поправляет галстук. Я повторяю его движения, делаю то же самое, хотя галстук сидит на мне, как вшитый. Мы трогаемся солидной парой, изредка соприкасаясь плечами, размеренным шагом пересекаем фойе и садимся за служебный столик аккуратно под двухаршинным портретом Чехова. Нам без вопросов и задержки подносят шампанского.

Что ж не заходите? — безразлично спрашивает меня Панченко, отхватив одним махом полбокала.

Я следую его порыву — делаю то же самое.

— Как-то случай не представился, — отвечаю ему, переводя дыхание.

— Я, впрочем, вечно занят, — сухо сообщает он, шаря глазами где-то далеко позади меня, — совершенно недоступен для душевной беседы ... Вот и сейчас...

Он делает знаки кому-то невидимому за моей спиной, пожимает плечами, с виноватым видом указывая на меня глазами...

— Невежливо с вашей стороны, — говорю ему, намекая на его красноречивую мимику.

— Знаю-знаю, — отвечает сокрушённо, — абсолютно нет времени для чуткости, такта, сострадания.

— Давайте тогда ближе к делу, раз уж вам некогда заниматься условностями.

— К делу? — он поднимает брови, — это интересно.

— Вот именно, — говорю, — интересно. Надеюсь услышать от вас то же определение, когда вы познакомитесь с духовным наполнением моего произведения... Вот, — я вынимаю из кармана флэшку и широким махом припечатываю её к поверхности стола, как костяшку домино.

— Что это? — удивляется он.

— П-пьеса... — здесь я неожиданно икаю и прикладываю к губам кончики пальцев, — пользуюсь случаем... Файл находится в основной папке — «Клара точка док-к» ... — я икаю ещё раз, — ознакомьтесь и, если можно, побыстрее, у меня тоже, знаете, нет времени, я улетаю завтра вечером.

— Вы деловой человек.

— Ваше влияние действует...

— Что вы говорите! — напряжённо заполняет пробел Панченко.

Он наблюдает лежащую на столе флэшку, подозрительно разглядывает её, словно прихлопнутого таракана, который вот-вот очухается и побежит.

— Представьте себе, — я тоже держу паузу, беззвучно при этом посвистывая.

Взгляните на портрет! — он неожиданно повышает голос, поднимает вверх указательный палец, устанавливая при этом со мной цепкий зрительный контакт, — взгляните и, не моргая, не вслух, про себя скажите Ему следующее: «согрешил, светлейший, отпусти и благослови» ... Нет-нет, не нужно вставать, — режиссёр останавливает мой выразительный порыв, — тем более становиться на колени... Ни к чему. Он вас выслушает в любой позиции.

Я подчиняюсь, откидываюсь на спинку стула, задираю голову, обращаю глаза к портрету. Меня немного смущает пенсне «светлейшего», а также ироническая усмешка, таящаяся в его глазах, ускользающая и неуловимая, как улыбка Моны Лизы; но я всё-таки привожу себя в душевный порядок, и исповедь моя проходит без эксцессов...

— Отпустил? — тихо спрашивает меня Панченко.

— Вроде, да, — тихо отвечаю я.

— Хорошо, — заключает он, берёт флэшку, зажимает её в кулаке, салютует мне этим кулаком в стиле «но пасаран» и обещает:

— Я постараюсь принять вас завтра утром. О времени и месте свидания вам сообщат дополнительно.

— Договорились, — твёрдым голосом резюмирую я.

Мы привычным залпом допиваем шампанское. Панченко солидно и неколебимо поднимается, не утруждает себя рукопожатием и удаляется, направляясь к микрофону; я остаюсь под присмотром портрета, медленно сливаюсь с прибывающей толпой, накатывающей вокруг меня неторопливыми волнами...

От вида сутулых спин и вялых затылков меня опять клонит в сон. Пятачок у микрофона насыщается ярким светом, медленно раскаляется, там становится жарко, как в духовке. Директор театра Каретников пышно и горячо произносит официальную речь и одновременно выпекает питанную сдобой булку достижений коллектива, Панченко стоит у него по правую руку и время от времени искусно впечатывает, вlepляет в эту булку изюминки, вставляет реплики, довольно уместные и смешные. Далее они эту булку нащипывают аккуратными, но скудными ломтиками, — ломтики вручают по очереди лучшему постановщику, осветителю, актёру, билетёру, мастеру сцены. Вручение проходит под методическое гроханье оркестра в нужных местах. Ломтики, самые разные, расходятся в конвертиках, пакетиках, футлярчиках и как есть, в натуральном виде. Ломтик за

лучшую женскую роль, за мужскую... Кому ещё не отщипнули?.. Почётная грамота за лучшую роль заднего плана, за успешное раскрытие образа Спящей Принцессы в спектакле... Что?! С меня слетает весь сон. Грамоту?! Почему же нам грамоту?.. Всем часики, конвертики, букетики, а нам грамоту!.. Сверкающая фи́га микрофона кажется мне сейчас особенно наглой и противной... На пяточке появляется Светка... Светка! Нашлась! Она в немыслимом — белоснежном, пышном наряде, с высокой причёской, увенчана диадемой — в сценическом костюме той самой спящей (вернее, проснувшейся) принцессы...

Постановка называется «Сон в эпоху потрясений». За минувшие три недели я не пропустил ни одного спектакля со Светкиным участием или без неё. Может возникнуть вопрос: почему это образ Принцессы — роль заднего плана? Очень просто: героине пьесы в первой же картине всучивают отравленный абрикос; надкусив и пожевав его, она ахает, валится навзничь и впадает в кому. Далее по ходу действия Принцесса лежит спящей в хрустальном гробу за полупрозрачной ширмой (актриса Серова пошутила, что единственное место, где ей удаётся выспаться, — это в образе Спящей Красавицы). Красавица спит, а на сцене в это время происходят разгулы страстей, конфликты интересов, плетутся интриги, разворачиваются баталии. Принц, тот самый, единственный из сопредельного царства-государства, которому надлежит спящую поцеловать и разбудить, юридически оказывается пока ещё не принц. В связи с этим, коматозная Принцесса совершенно не реагирует на его поцелуи, ибо они ей, как мёртвому припарки. Лишь в самом конце первого действия, преодолев целую череду препятствий, разрушив дюжину интриг, завоевав доверие высшего совета, покорив два соседних королевства, соискатель любви Принцессы добывает себе титул принца.

И вот уже вроде бы дело на мази, он готов поцеловать её, он стремится к ней, он скачет к её ложу, чтобы осчастливить её, разбудить от долгого сна. Однако в самый неподходящий момент (как это всегда случается на сцене) в сказочном царстве-государстве вспыхивает революция. Народ страшно устал и оттого энергично бунтует, гвардия разбежалась, трон свергнут, устои разрушены — идут смутные времена, когда совсем нет ну никакого места для нежностей и поцелуев. В бывшем царстве-государстве зреет диктатура Пролетариата, ибо так зовут диктатора — Пролетариат. Наследный сын Пролетариата Первого, безвольный, самовлюблённый, истеричный юноша сгоряча лезет (и он туда же) целовать Принцессу, однако та лишь крутит во сне носом,

что-то бормочет, кого-то невнятно ругает, кроет, но принципиально не просыпается.

Так проходит ещё много лет — десятилетия хаоса, глупости и жестокости. У Народа иссякает второе дыхание. Народ сильно подустал от такого расклада и диктатуру поэтому тоже свергает — разбегаются очередная гвардия, свергнут очередной трон, рушатся очередные устои. Принцессе что — она всё спит. Зарубежные туристы толпами приходят поглазеть на спящую, игнорируя экскурсии в мавзолей Пролетариата Первого, чудом избежавший гнева народной революции.

Годы идут, вот уже совсем фантастические наступают времена. В сказочное царство из дальних краёв по программе обмена прилетает бельгийская кронпринцесса нетрадиционной ориентации. Прилетает и среди всеобщей дискотечной суматохи, хлебосольного гостеприимства тайком пробирается к Спящей Красавице и украдкой целует её. «Бинго!» — восклицает кронпринцесса, увидев, что поцелуй сработал, и поцелованная, наконец-то, слава богу, ура — просыпается. Выспавшаяся Красавица немного сконфужена спросонья, несколько обескуражена, но всё же толерантно счастлива. В финале Принцесса заднего плана восклицает торжественно и радостно: «Ах, как долго же я спала!» Занавес...

Вручили актрисе Серовой её куцый ломтик. Вручили, но все как будто не забыли ещё о ней, о её глупой грамоте. Как будто ждут чего-то от неё. Непонятное напряжение висит в воздухе... Светлана, не снимая растерянной улыбки с лица, торопливо бродит глазами по головам присутствующих. Меня ищет, кого же ещё? Лена стоит рядом с ней и уже давно высветила меня взглядом. Она легонько толкает Светку, указывает ей в мою сторону, затем берёт её за руку и ведёт ко мне. Ведёт сквозь медленно расступающуюся толпу плавно и величаво, словно к венцу...

— Ах, как долго же я спала, — издали, одними губами выговаривает мне Светка.

Подбородок её приподнят, глаза блестят. У Лены на лице хмурая торжественность, её подбородок тоже приподнят. В это время барабанщик заводит дробь, её переливы заводят мою внутреннюю пружину лёгкого беспокойства. Потом неожиданно врывается оркестр и даёт пышный с раскатами аккорд. Все аплодируют, улыбочиво поглядывая в мою сторону. Мне становится не по себе.

— Испугался? — спрашивают в один голос девчонки, приблизившись.

— Ничуть, — говорю им, — ничуть. Совершенно... Только у меня костюмчик не по жанру.

— Отговорочки, — хихикают, — Испуга-ался, вон коленки дрожат. Мы же видим.

— Да я!.. Я! — хорохорюсь.

— Ладно-ладно, мы шутим, — вздохнув, говорит Лена и вручает мне Светкину руку. — Жених нашёлся. Принц. Так мы тебе и отдали нашу красавицу... Вот, грамоту прими... — она удаляется.

Все о нас быстро забывают. Официальная часть окончена. Размякший оркестр рассеянно играет блюз.

— Светка... Я... — совершенно не представляю, что собираюсь сказать.

— Ш-ш-ш! — она зажимает мне губы ладонью. — Всё. Забыли. Шутка, глупый, — она подмигивает мне и улыбается, — у нас тут ещё и не такие номера заворачивают. Давай лучше танцевать.

Мы кое-как танцуем блюз. Светлана разнежилась в моих объятьях и еле волочит ноги. Устроила свою голову у меня на плече и тихо беседует со мной обо всём. Её дыхание щекочет мою шею...

— Напомни мне, — она в непонятном беспокойстве поднимает голову. — В четвёртом классе я любила тебя или Худякова?

— Хомякова, — отвечаю задумчиво.

— Какого Хомякова? Проснись.

— Ах да. Не то... Хомяков — это друг Достоевского... Худякова ты любила, Худякова. Его с боем, с милицией оторвали от твоего сердца, как скрипку от Паганини... Отобрали скрипку, принесли контрабас.

— А мне уже кажется, что это я тебя любила. Тебя, хоть ты и был контрабас. В четвёртом классе, знаешь, какая бывает любовь?

— Представляю.

— О-о-о, не улыбайся, ещё какая бывает! У меня, по крайней мере. Мы сидели с тобой за партой, и ты был такой... такой...

— Светка, ты кажется фантазируешь... И плачешь... Зачем это? О прошлом плачешь?

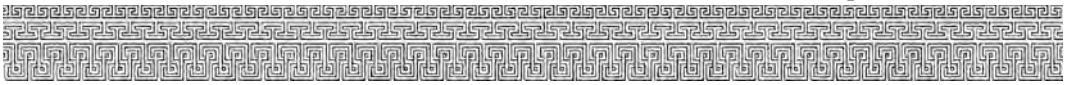
— Я никогда не плачу о прошлом. О прошлом слезливо грустят. Плачут о настоящем... И вообще, это у меня аллергия от шампанского.

— Светка, я подумал... Не приходи завтра вечером в аэропорт.

— Я и не приду. Очень надо.

—Точно не придёшь?

- Точно! Тётей клянусь!
- Марианной Фёдоровной?
- Ею присягаю!
- Так не идёшь?
- Не иду... Ночь сегодня будет на час длиннее. Они время назад переводят... Это такая удача.
- Это просто счастье, — соглашаюсь я.

КАРТИНА ПОСЛЕДНЯЯ

*Соната до минор, К 56. Allegro con spirito.
Д. Скарлатти*

Режиссёрский склеп. Распечатка моей рукописи лежит на краешке режиссёрского стола, измятая, распотрошённая, словно небрежно и неудачно препарированная мумия. Скомканный листок заглавия прижат к столу режиссёрским локтем, режиссёрский кулак подпирает сидящий висок. Пальцы режиссёрской свободной руки нервно барабанят по футляру очков...

Нет, лучше так. Панченко сидит в актёрском закутке на продавленном диване из реквизита. Он в пиратском костюме, треуголка съехала на затылок, наглазник с черепом сдвинут на лоб, по правую руку у него лежит рукопись, придавленная клеткой с чучелом лысеющего от старости попугая. Впрочем, нет — попугай настоящий, живой, молодой, он непоседлив и суетлив, и в данный момент крючковатым своим клювом пытается утащить в клетку листок с заглавием моей пьесы. Мэтр не чурается участия в своих же постановках, предпочитая главные роли. В данном случае, он — в образе пирата Дырки из собственной постановки «Про Лену, Васю и злого предводителя Пиратов» ... Слишком экстравагантно... Ну, хорошо. Он у себя дома, в кабинете, в домашних сандалиях и утреннем халате, пьёт кофе. В складках губ, мочках ушей и на кончиках пальцев угадываются симптомы утренней досады. В глазах тлеет ненависть к театру, драматургии и искусству в целом... Скупое?.. Нормально... Однозначно то, что в логово Панченко по сухому и краткому телефонному звонку являюсь я. Очевидно также, что он встречает меня хорошо темперированным, густо увитым сарказмом возгласом:

— Автор! Явился!

— Преступника, — не сморгнув, отвечаю я ему, — тянет на место преступления.

— И это хорошо, что тянет, — вяло успокаивает меня Панченко. Он искусственно хмурится... — У вас в рукописи, я заметил, вместо эпитафии написано: «В главной роли — артистка С. Серова». Это что — ультиматум?

— Вроде того.

— Ну-ну... Следующий вопрос. Я заинтригован. Вы что же, вот так запросто взяли и написали пьесу и полагаете, что так следует поступать всем, кому больше нечем заняться?

— Напротив, я считаю, что пьес не следует писать никогда и никому. Но, если это всё же произошло, и пьеса написалась, не следует рвать её на части, топтать, жечь и прочее. Проще принять свершившийся факт, как неизбежность.

— Вы писатель?

— Боже упаси! При этом, может же у человека быть хобби.

— Вы уже пробовали писать пьесы?

— Не пробовал. Опубликовал две повести и несколько рассказов. Пытался создать роман, но устал, бросил. Пьеса написалась случайно... Там что, совсем плохо?

— Я бы не сказал. Мне просто интересны мотивы вашего драматургического эксперимента.

— Мотивы ясны, взгляните на эпитафию.

— Продвинуть нужного человека?

— Точно. Крышевание и раскрутка... Так берёте или нет? — не выдерживаю я.

— Ну, вы наглец, молодой человек, — режиссёр беспомощно разводит руками, — пьеса, как вы сами догадываетесь, сыровата.

— Я спешил, у меня было мало времени.

— Я понимаю...

— Там ведь, кажется, есть пара жемчужин? — осторожно предполагаю я.

— Пара и не одна, — он собирает листки рукописи и пытается уложить их в аккуратную стопку, — я вам скажу, перламутра здесь гораздо больше, чем у Скороходова.

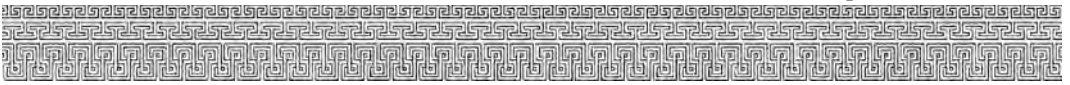
— Давайте не будем равняться на Скороходова.

— А на кого вы собираетесь равняться? На Антон Палыча?

— Какого Палыча?

— Уточнить?

— Не нужно... Берёте или нет?

— Я подумаю.

— Если Серова не подойдёт для главной роли — порвите, а лучше сожгите.

— Зачем топтать и жечь труд романтика? Проще, бережно положить на полку... Первое критическое замечание: меня пугает слишком активная жизненная позиция главной героини, её авантюризм.

— Вас пугает её позиция, а её пугает тоска действительности... Со шваброй... У неё нарушено восприятие мира...

— Восприятие мира, скажите пожалуйста! У неё есть любимое дело, профессия.

— Её любимое дело создавать иллюстрации к художественным произведениям, творить, а она вынуждена лепить макеты суперобложек! Её не ценят, не понимают, ей в жизни не хватает необыкновенных людей. Ей скучно. И вот вдруг является тот, который ей ужасно интересен...

— У неё, кажется, есть муж.

— Разве это муж? Типичный домовой, ведро с гвоздями, привидение в штанах...

— Ах, ей нужен материальный персонаж, герой. Так-так... Она влюбляется от скуки, вы хотите сказать?

— Какая разница от чего и в кого влюбляться? Важен результат — у неё восстанавливается интерес к жизни...

— Он разбивает её сердце и исчезает.

— Но в финале же чувствуется надежда!

— Какая там надежда?! Уезжая, он просит её не провожать его, не придти к вечернему поезду...

— Ну и ...

— А сам укатывает дневным. Она естественно приходит к вечернему, а его там нет.

— Но он же просил её не придти! Она поклялась двоюродной бабушкой, что не придёт!

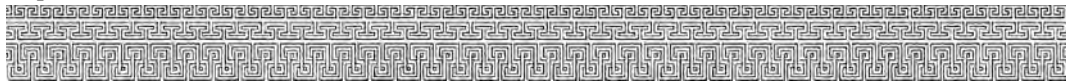
— И это вы называете надеждой?!.. Уф-ф. В целом, хочу заметить, ваш сумеречный юмор сбивает меня с толку...

— Дело привычки. Знаете, у меня мало времени. Через четыре часа — самолёт.

— Хм... Вы говорили, что самолёт улетает вечером...

— Разве? Не помню.

-
- Вы нас ещё посетите?
- Если пригласите на премьеру — прилечу обязательно... Вот адрес моей электронной почты.
- Вы предлагаете мне с вами переписываться? И откуда в вас столько оптимизма?
- Я его черпаю из вашей ауры.
- Значит он у вас быстро иссякнет, когда мы расстанемся... Ну, хорошо, если мне понадобится что-нибудь уточнить по поводу вашего творения, я вам напишу.
- Да, чуть не забыл, верните флэшку с файлом.
- Вы, оказывается, ещё и скряга, стяжатель... Запомните правило: рукописи не рецензируются и не возвращаются...
- Мы прощаемся кратко и сухо.
- Здесь, в самом конце чувствуется надежда...
- Чувствуется?..
- Нет? Ну, теперь уж всё равно.
- Занавес.

**ПРОЗАИЧЕСКИЕ
МИНИАТЮРЫ**

Елена ЩЕРБАКОВА — врач и литератор. Литературный институт имени Горького окончила в 2014 году. Член Академии российской литературы, ЛИТО «Друза», Академии русской народной поэзии, Союза писателей России, Союза независимых авторов и издателей, литературного клуба «Московский Парнас».

Автор 25 книг новелл, очерков, рассказов, сказов, сказок, лирики, пьес, биографических тетрадей и литературных дневников. Публиковалась во многих журналах, газетах и альманахах. Участница VIII Международного литературного фестиваля в Сербии и Черногории, посвящённого Всемирному дню русского языка и дню рождения А.С. Пушкина. Имеет 28 различных литературных наград.

ЧЕРНОГОРИЯ. ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД

Аэропорт Монтенегро, Тиват в долине крутых горных хребтов, обросших густой зеленью. В июне всё в цвету: деревья, кустарники, травы, каскад вьющихся цветов самых ярких красок падает с крыш домов, заборов, как бушующий фонтан. Хочется задержать взгляд на дивной красоте, но маршрутное такси круто поворачивает на дороге как раз в том месте, где острые камни, а дальше хоть закрывай глаза.

Вообще, дорога через горы стелется серпантином, извивается, пересекает холмы поперёк, объезжает повороты и бухты, то поднимаясь вверх почти до самой вершины, точно взлетает на вертолёт, то медленно опускается. При этом любишь бухтами залива Адриатического моря, его небольшими островками. Жарко светит солнце. И у отеля «Slavjanska plaza» шумная молодёжь.

Будва! Ликует с утра жизнь молодая. Парни с чубчиками, девушки в шортах, как пионеры из Артека.

Мой номер оказался в белом корпусе отеля с синими жалюзи. Отель вроде прост на вид, но в нём легко заблудиться, потому что номера расположены по лабиринту. Белый цвет здесь повсюду: белые камелии, магнолии, чьи цветы похожи на чаек, белые камни на вершинах гор и у подножья, и в стенах домов.

Чтобы освежиться после душного транспорта, я отправляюсь на пляж. Адриатическое море спокойное на редкость. Там никого, купаются 2-3 человека, 5-6 загорают. Такой тихий пляж, где еле-еле слышна музыка. Я не стала ни к кому присматриваться и сама вошла в воду. На дне сплошная галька вперемешку с мелкими камушками. И тихо-тихо, почти как на Мёртвом море, всплываешь на поверхность воды и лежишь спокойно, загораешь на воде.

Я смотрю на горные хребты, пересечённые длинными тропами. Они кажутся то старыми великанами, на спине которых растут леса и дома, то большими матрёшками, уставленными в ряд по росту, то циклопами, что пасут облачных барашков. Облака над ними устроили танцы и кружатся вокруг вершин, изменяя фигуры, можно засмотреться, наблюдая это представление: вот откуда-то взлетели чёрные тучки, как строгие птицы, отправившиеся на дозор. Вот одна тучка, потом вторая, за ней третья, двинулись почти синхронно друг за другом и вдруг исчезли. Удивительное небо!

Прямо перед пляжем лежит большой остров, точно бок большого чёрного кита. Мою медитацию на море вдруг нарушил крик молодёжной группы, что выбежала на пляж, и все кинулись купаться в море.

— Мне пора, — подумала я и вышла на берег. Большая толстоствольная пальма с метёлкой фиников, словно хвост обезьяны, неряшливо отбросила свою сухую ветвь в сторону. Пальмы здесь очень старые, стоят, как колонны вдоль дорог, и суккулентные кактусы, что пышно цветут, напоминают большого осьминога или кресло. Некоторые пальмы без крон, а некоторые – полые, с нишей, куда могут залезть дети.

Вечерами здесь тихо. На берегу в кафе зажигают свечи за столиками, на ступеньках к пляжу наигрывают сиртаки, русские песни поёт под гитару бард. Вдалеке виднеется башенка старого города. И там звонит колокол. Завтра намечается поездка в Котор, старый город-крепость.

...Мы уже там. За валом башня с часами, что бьют со скрежетом, как падающие железные стержни. Над воротами одной мастерской-крепости висит шлем средневекового рыцаря. Рядом, в подвальчике, за ручной работой ткачиха. Раздаётся громкий хохот из пивных и ресторанчиков. А поварёнок в белом колпаке и в фартуке-штанах разносит блюда.

Мы забираемся на башню-бойницу, откуда видны государственные флаги. У фонтана во дворике импровизирует флейтистка, а в кустах, среди стволов, как козочки, расселись подростки.

На открытом месте солнце готово тебя расплавить, как сахар на сковороде. Моё лицо краснеет, словно черепки на крышах домов.

Я смотрю вдаль, на горы. Где-то на вершине вход в пещеру. А дальше по склону, словно маленькие зубчики, видны часовенки, каменная стена, замки и церкви.

Завтра понедельник, 6 июня, день рождения А.С.Пушкина. едем в столицу Черногории Подгорицу, читать поэта у памятника и поднести ему цветы.

— Хитро, хитро, — торопит нас водитель Драгомир, чтобы мы быстрее переходили дорогу. Нас встречают студенты-лингвисты, школьники, академики и писатели Черногории.

После выступления направляемся в литературный центр «Возрождение», в библиотеку читать доклады о Пушкине, делать презентации книг.

Подъезжаем к церкви Христова Вознесения. Большие массивные кресты на её куполах, вход оформлен наскальными камнями.

После научной конференции едем к памятнику В.Высоцкому, к которому в Черногории особенное отношение.

В Подгорице много мостов, ущелий и устьей пересохших рек.

В программе наших мероприятий было много интересного, раскрылись некоторые новые факты из жизни поэта, даже тема под заголовком: «Неизвестный Пушкин, кто же он?». Самым серьёзным жюри оказалась маленькая девочка, которая смотрела фильм про Нельсона Манделу и знала о принятии специальной общины негров в Черногории.

Обратно дорога вела через длинный туннель, по которому мы ехали утомительно долго. И опять Будва, отель, пляж, Адриатическое море, галька. Горные хребты перестали колдовать с облаками, небо было чистое. Тётушки из соседнего номера ели мороженое, а вечером наша группа собралась на веранде, где мы распланировали дела и выпили Черногорское вино «Vranec».

Хорошо, что есть свой человек с машиной, Драгомир. Он отвёз нас на следующий день в республику Сербию и Боснию Герцеговину, в Требинье, к нашим коллегам, писателям и поэтам Сербии. Популярный Сербский певец Чекстович, вроде российского певца В.Меладзе, пел по Сербскому радио.

В Требинье, в офисе Сербских писателей прошло наше знакомство с местными поэтами. Выступали Хелью Ребане из Таллинна, Юлия Арешева из литературного общества «Глагол», а я почитала свою пьесу в стихах «Пушкин и Совесть».

В Требинье почитают Станишича, Дулича, Негоша, в Будве – Бакиша. Выйдя из офиса, мы прогулялись по городу, зашли в парк, в библиотеку, в кафе

съели очень пряный мякиш овсяного шарика с мёдом. Перешли через мост реку Требишницу и съездили в Острог за монастырским вином «Твердышг».

Обратно дорога сильно разворачивалась по зелёным холмам. Нашему взору открывались необъятные просторы гор и моря, неба, облаков и лесов. Я хотела всё сфотографировать. Но машина резко поворачивала, и я снимала только то, что могла поймать моя рука. Дело подходило к вечеру, и мы пересели на ближайший паром, чтобы сократить путь до Будвы.

Последний день в Черногории был проведён на Скадарском озере, что на границе с Албанией. Молодой рыжеволосый серб нам объяснил дорогу к озеру, где растёт множество водяных лилий. Пересев на маленькую лодку с навесом, мы проплыли под арку. А там, на сучке сухого дерева, сидела цапля и смотрела прямо на нас. Чуть поодаль летал серый пеликан, широко раскинув крылья, будто проверяя, добрые мы люди, или плохие. Навстречу плыли утки с утятами. Нас медленно укачивало в лодке под навесом. Казалось, мы совсем потерялись в этих диких местах. Как вдруг перед нами открылось большое пространство лилий. Их было бесчисленное множество. Они расцвели, и крупные белые чашечки были размером с дамскую руку в белой перчатке. Наш лодочник сорвал одну пышную лилию и сплёл из неё гердан, потом второй, третий и раздал всем дамам в лодке. Потом он сорвал большой широкий лист лилии и два цветка и скрутил из них шляпу. Это привело в восторг всех дам, каждая примеряла шляпу из водяных лилий. И это прибавило нашему путешествию мажора.

Лодочник пригласил к себе на карпа. Вернувшись из плавания, мы отобедали по-царски.

«Добре, добре!», — говорят черногорцы. Разве с таким поспоришь? Хорошего человека издалека видеть. И дородный черногорец Горан подпрыгивает вверх, намечая, куда метнуть кручёный мяч.

За неделю пребывания в Черногории наша литературная группа повидала очаровательное цветущее место, необъятные холмы гор, синеву Адриатического моря, и его сказочный берег. Завтра вылет из Тивата утром, из аэропорта Монтенегро. На дорожку я насобираю шелковицу и нашла опавший цветок белой камелии, он сильно пах, как надушенное полотенце. И я решила его сберечь.

ПРИЗРАК В КУРТКЕ

Однажды я одна отправилась прогуляться по осеннему парку. Слабо моросил дождик, но я поначалу не придавала этому значения. Вскоре, однако, влага от дождя стала просачиваться к телу, я почувствовала себя неудобно и решила поскорее возвращаться домой.

Между тем небо темнело всё больше. Парк был почти пуст. Воображение моё разыгралось. Стало казаться, что где-то рядом ходит маньяк-убийца, который крошит всё вокруг себя и расправляется с людьми. Я начала бояться, что он может в любое мгновение выскочить из кустов.

Я зашла довольно далеко, возвращение было нескорым, но я пыталась думать о лучшем. «Кому может навредить гуляющая по парку незаметная одиночка, вроде меня?», – пыталась я уговаривать себя, но всё-таки я решила поторопиться и прибавила шаг.

И вдруг из-за спины послышались шуршание и громкий топот. Шаги становились всё скорее. Я испугалась, что кто-то нагоняет меня и хочет схватить за руки. Рукава издавали громкий шуршащий звук, он постепенно усиливался, будто кто-то резко касался их.

Звук всё усиливался, вот-вот меня настигнет опасный незнакомец; я оглянулась, но за мной никого не было. Это шуршала ткань моей куртки, и стучали каблук туфель о мокрый асфальт. Я перевела дыхание.

Много шума из-за ничего – вот что оказалось. Так громко стучат мокрые туфли, и шуршит ткань, особенно когда гуляешь в парке одна.

Я успокоилась, одёрнула полу куртки и пошла дальше. Но непонятный пугающий шорох опять стал поугубивать и подраивать моё воображение. Казалось, непонятный призрак успел за мгновение овладеть мной и поселиться в куртке. Он хотел остановить меня, проверить, что в сумке, разговаривать со мной, быть может, допросить или даже запретить сюда ходить, как прежде. Казалось, он насмеялся надо мной. Призрак будто проник в рукава, в карманы, хотел подхватить меня и унести в неведомый край, похитить, как демон. Я чуть притормозила, сбила шаг, хотела стать почти незаметной, и... прокашлялась. Потом поправила воротник, манжеты на рукавах, одёрнула полу куртки и быстро пошла, стараясь не думать ни о чем.

Наконец я вышла на тропинку, где было много людей. Они шумно валили гурьбой мне навстречу. Я отпрянула назад и посторонилась, уверенная, что маньяк вряд ли может появиться здесь. Пошла крайней дорожкой к основному выходу.

ДЕНЬ АДАМА И ЕВЫ

Сентябрь закрывал свой садовый календарь днём Адама и Евы. На куполе Храма Воскресения Христова в Сокольниках будто осели солнечные лучи. Взрослые и дети торопились: школьный сезон был в разгаре. Почему-то ночью шумел в саду шиповник, и белая роза казалась озимым ростком, такая маленькая, неказистенькая. Ночью было темно, казалось, что куда-то пропала луна, стало темно по вечерам, накануне стреляли из петард. Казалось, так сильно потемнело, что могло что-то произойти.

Накануне я была под сильным впечатлением от букетной липы, где висела табличка, что о ней существует давняя легенда. Хотелось замурлыкать, как коту Миссюре, или попасть в салон А.П.Шерер, или послушать акустическую гитару Альбениса, или Сапера «Гато». Чудилось, что за ночь произойдёт невозможное, чёрное, гадкое – из-за того, что не хватает луны, чтобы любоваться чистотой и формой.

Настал октябрь, дома было душно. Я зашла в метро, и у лестницы увидела огромное красное яблоко, похожее на мяч. Хотела его поднять. Но что-то подействовало на меня гипнотически, яблоко показалось особенным, не настоящим; я не решилась его поднять. Словно это не яблоко, а... Что-то символическое... Такие же чувства возникали у меня и в четверг, в день Сердца. А сегодня 1 октября, суббота. И всё благоговейно, как в церкви.

Вчера я пересаживала цветы в большой горшок. Тревожная ночь прошла. Но будто сильно не хватало луны. Я вышла из дома и изумилась. А ведь вчера Еве исполнилось 5777 лет.

Валентина МАЛЬЦЕВА родилась в 1954 году. В 2010 году опубликовала книгу «Чудесные сюрпризы леса», в 2013 – «Свобода в бубенцах». Обе книги признаны МГО СП России лучшими книгами года. В 2016 году опубликовала книгу «В царство русской природы». Работала редактором детского журнала «Читайка», вела постоянную рубрику «Тайны растений».

НАВСТРЕЧУ СЧАСТЬЮ

При встрече Митя вручил Даше красивый букет цветов, который ей очень понравился. Некоторое время они шли мимо высокорослых зарослей боярышника, тайком посматривая друг на друга, иногда задавали вопросы, беседуя о прекрасных студенческих годах и текущих событиях. Нарядное пальто Даши подчёркивало её стройную фигуру, а светлая фетровая шляпа придавала миловидность.

Митя выглядел не менее эффектно: тёмно-синяя куртка была слегка растёгнута, поэтому просматривался элегантный костюм и светлая рубашка, а на запястье сверкали новые часы. Шагая вдоль аллеи, он часто посматривал на Дашу — это означало, что его мысли были заняты не красотой осеннего пейзажа, а спутницей. Проходя мимо ресторана, Митя пригласил девушку поужинать. Усевшись удобно за столиком, официант принёс заказанные блюда, которые выглядели весьма изысканно, да и не нужно быть гурманом, чтобы понять, что приготовлены они были квалифицированными поварами. За соседними столиками сидели супружеские пары — им было, о чём поговорить. Основную часть посетителей составляла молодёжь, пришедшая послушать музыку и повеселиться.

Приятно проведя время, влюблённые вышли на улицу, где дохнуло прохладой. Было довольно темно, лишь тусклый свет фонарей подбадривал своим присутствием. Погода не радовала теплом, да и неудивительно, ведь был конец ноября. Многие деревья сбросили листву, поэтому, взглянув на кроны,

без труда можно было рассмотреть нависшие над ними тяжёлые громады туч. В ожидании готовящихся перемен погоды, многие несли в руках зонтики, чтобы при необходимости, сразу же ими воспользоваться. Проходя мимо берёзовой рощи, Даша и Митя любовались белоснежными стволами, которые не только излучали свет, но и были чисты, как младенцы. Взявшись за руки, они пробежали несколько метров до высокого дуба с мощной раскидистой кроной и услышали барабанную дробь первых тяжёлых капель дождя. Холодные серебристые струи хлестали без перебора, пробиваясь сквозь кокон оставшейся листвы. Ливень безжалостно трепал пожухлую траву, превращаясь в потоки воды, которые стремительно мчались по дороге, заполняя обочины и низины. Укрыв зонтиком Дашу, Митя наклонился к ней и, почти дотронувшись губами до её уха, укрытого локоном волос, тихонько произнёс:

— Ещё немножко подождём. Надеюсь, что дождь скоро прекратится.

Девушка, вместо ответа опустила глаза. Взволнованная звуком его голоса она почувствовала, как стучит её сердце. А он по-детски, вопросительно посмотрел на неё и, сам того не замечая, очень нежно поцеловал в щёку. Некоторое время они пребывали словно в оцепенении, а очнулись, когда прекратился дождь. Приподнимая голову, увидели, как с выполосканных дождём листьев, падали редкие благоуханные капельки воды.

— Пора возвращаться домой, — сказала девушка.

Шагая по дорожке вдоль аллеи, они обратили внимание на высокие осинки. Разбросав во все стороны свои нежные ветви, они являлись стражами безлюдья и тишины. Митя взял Дашу за руку, и она не стала препятствовать. От робких прикосновений друг к другу они чувствовали себя счастливыми, а когда подошли к дому, то несколько минут стояли словно оглушённые, вглядываясь внимательно в глаза друг другу. Встрепенувшись от шума машины, проезжающей по улице, девушка быстро отворила калитку и, проходя мимо зарослей сирени, оказалась на крыльце дома. Прижав к груди букет, взмахнула на прощание рукой и вошла в дом.

Митя возвращался домой по мокрой асфальтированной дороге, прислушиваясь к шуму бегущих по асфальту ручейков.

Лёжа в постели, он долго не мог уснуть, поэтому вспоминал каждое слово, сказанное любимой, её взгляд.

— Даша, для меня ты являешься Музой любви! Твой восхитительный образ стоит перед моими глазами, а время, проведённое вместе, является источником радости и счастья. Я хочу, чтобы так продолжалось всю жизнь! —

стряхнув слезу, на этот раз от счастья, погрузился в глубокое размышление и не слышал шум дождя, который отчётливо стучал по стеклам.

Митя думал о Даше и прекрасно понимал, что она открыла перед ним новую жизнь — полную радости и приятных сюрпризов! Впервые он смотрел на свою спутницу широко распахнутыми глазами молодого мужчины, который оценил её взгляд, улыбку и осознавал, как она, взволнованная, будучи не в силах смотреть ему в глаза, опустила голову. Его мысли переплетались, словно в лабиринте. Он отчётливо понимал, что она является для него воплощением мечты!

Даша тоже не могла уснуть. Волосы её распластались по подушке, а на щеках горел лёгкий румянец. За тонкость неведомых до сей поры чувств она с дрожью и краской смущения испытывала к Мите бесконечную благодарность.

Татьяна ЛЕТНЕВА

ОСЕННИЙ ЛЕС, ЗЕМНАЯ ТВЕРДЫНЬ И ГОЛУБЫЕ ОЗЁРА...

Осень, это чуть-чуть грустно всегда. Ветер треплет золото листьев. Смена сезонов – не ерунда. Приближаются холода. Вытесняют щедрость улыбки и лето. Лето теперь лишь звезда. ОДИНОКАЯ. Вдаль уходит, в печаль, для кого-то глубокую.

Тучи небесные в красках свинцовых. То ли Небо упало в озёра, то ли озёра влились в Небесные берега. Отражений удивительных блюдца. А прохлады, словно беда. Всё реже балует солнышка луч. Скользит теплом чувств по мыслям и далям. Намечает неслучившимся, словно сбежал на секунду с необъятных, холмистых, земельных круч и качается озорно с невесомых, пугающих туч.

Всё чаще, и весьма зло, на облаках небесных ширь взбаламутит, пересыплет самолётками-вертолётками, семенами-листочками, неслышно шелестящими, спирально падающими, играющими трепетно с дыханием уходящей осени, что кружатся и с нежеланием медленно опускаются на поверхность земную и водную. А Земля ковром игольчатым устлана, сверху украшает сама себя охрой осыпающихся щедро берёз.

В каждом закатном вечере на берегу озёрном дух Жизни и Умирания, необъятности и равновесия, бессмертия и познания. Перебирают серебристыми, перламутрово-серыми верхушками игл только ели да сосны густистые, указуют, прошивают воздух лесистый и перетекают по масштабности простора лесного.

Голубые озёра от движения ветра меняют окрас свой – то в серебро ударятся, то в гладость сияющей черноты. Дождь морозящий, мельчайшая изморось слегка морщит, рябит поверхность воды. Короток вечер. А мысли долги и витиеваты. Кружит голову запах пожухлой травы, дым костров и истлевающей листвы.

Неслучайна красавица Осень. И линуют глубинностью просинь на озёрной глади чернеющих вод только белые лебеди точками света, словно письма любви оставляют на каплях озёрных.

Трогает уходящая осень, грустная осень тихой, кажущейся спокойной рассудительностью, мудростью...

Земная Твердынь... Псковская область... Запах судьбы, как полынь... Известковость пустынь... Пропитана щедро солдатской кровью и историей вековых крепостных и церковных Святынь. Полита слезами, как дождями, и пронизана болью людской. И склонили монументы изваянием серебряной краски непокрытую голову памяти незабытой реальности войн. Всем погибшим за Отечество — вечный поклон. И контрастом ярчайшим — природа, величием, красотой и свободой.

И Земля, как оплот жизни вечной, нестигаемой, возрождения оплот.

*Октябрь, 2016. Псковская область, Опухлики,
Чижевщина, Стуколово, Изборск, Печоры,
Михайловское, Тригорское, Пушкинские горы*

Альберт ЦВЕТКОВ родился в Ленинграде в 1933 году. Окончил с золотой медалью школу, затем с отличием Высшее училище им. Баумана. Вся трудовая жизнь А.Цветкова была посвящена работе в военной промышленности. Но всегда в свободное время писал стихи. К 75-летию А.Цветкова его сотрудники выпустили книгу «Литературные излишки», стихи из которой были опубликованы в альманахе.

Выйдя на пенсию, А.Цветков много времени посвящает исследовательской работе, в том числе в области литературоведения, опубликовал более ста разножанровых статей. Несколько из них посвящены жизни А.С.Пушкина и А.И.Куприна. Результатом изыскательской работы А.Цветкова стали книги «Ключи к тайнам Куприна» (Пенза) и «Долгое возвращение Куприна» (Санкт-Петербург), изданные в 2011 году. За эти книги А.Цветков стал лауреатом премии «Лучшая книга 2013-2015» МГО СП России, а также награждён дипломом литературно-общественной премии «Светить всегда» с вручением ордена В.В.Маяковского.

Член МГО СП России в 2012 года.

БУДЬ ЗДОРОВ, МАЛЫШ!

В наше молодое время были популярны стихотворные поздравления с праздниками и днями рождения. Это баловство тоже есть в моих записных книжках. Но один из случаев к баловству не отнесёшь. Скорее в нём есть мистический момент.

Была у меня в отделе сотрудница. Она страдала экземой. Обе руки от пальцев до локтей были поражены. Врачи рекомендовали единственный способ излечения: нужно родить. Родился мальчик и уже через месяц после рождения заболел чем-то тяжёлым.

Мои сотрудницы попросили меня написать какое-нибудь стихотворное пожелание, они хотели повесить его над постелькой больного. В этой просьбе не было ничего неожиданного, все сотрудники знали, что я пишу стихи. У многих из них были мои шуточные поздравления. У меня быстро сложились приведённые ниже строки.

Мужчины ужасно капризны,
С рожденья, с пелёнок, с «а-а».
Такие у нас организмы.
Их вирусы любят весьма.
Но всё же они вырастают
Сквозь корь, скарлатину, бронхит.
Тяжёлою штангой играют,
В руках у них дело горит.
А мамам одна лишь забота:
Всё помнить и помнить, когда
Врачей вызывали без счёта,
Когда отступала беда,
Когда... о, как много их было
У всех на Земле матерей.
Пройдёшь и сквозь это горнило.
Ты только держись, не робей!

Это стихотворение действительно повесили над кроваткой малыша, и ... он вскоре поправился. Излечилась от экземы и мать. На руках у неё остались только розовые пятна, которые со временем прошли. Надо сказать, что в моём «поэтическом творчестве» это было единственное исцеление, дара врачевания у меня никогда не было. Действительно исключительный был случай, требующий осмысления, который не отпускал меня долгие годы. Спустя много лет я нашёл в творчестве Александра Ивановича Куприна нечто, приоткрывшее мне эту тайну. Он, конечно, знал заговоры и наверняка, хотя бы раз, испытал на себе их воздействие. Вот как он пишет об этом в повести «Олеся»: «Вдруг её рука сделала едва заметное лёгкое движение, и я ощутил в мякоти руки, немного выше того места, где щупают пульс, раздражающее прикосновение острого лезвия. Кровь тотчас же выступила во всю ширину пореза, полилась по руке и частыми каплями закапала на землю. Я едва удержался от того, чтобы не крикнуть, но кажется, побледнел.

— Не бойтесь, живы останетесь, — усмехнулась Олеся. Она крепко обхватила мою руку повыше раны и, низко наклонившись к ней лицом, стала быстро шептать что-то, обдавая мою кожу горячим порывистым дыханием. Когда же Олеся выпрямилась и разжала свои пальцы, то на пораненном месте осталась только красная царапина».

У читателя сразу возникает много вопросов: что это за заговор, который Олеся прошептала над раной? Почему слова этого заговора мгновенно остановили кровь? Наконец, откуда его знал Александр Куприн?

Московские учёные из клиники Георгия Сытина отыскиали этот таинственный заговор на Смоленщине. Вот этот заговор: «Едет святой Георгий на коне, конь у него карий. Ты, конь, стань, а ты, кровь, не кань, чтобы больше век не показываться». В лаборатории с этим заговором проводились эксперименты. Удивительно, но замеры биопотенциалов испытуемых показали, что кровоостанавливающее воздействие оказывает именно слово «не кань». То есть все другие слова заговора только успокаивают кровь, пробуждают невидимые токи организма, направляют их по кругу, а когда произносится «не кань», накопленная энергия устремляется к ране. Кровь останавливается. «Не кань», стало быть, «не капли». Как подсказал мне словарь В. Даля.

Итак, в моём стихотворении надо было попытаться найти останавливающее болезнь слово. Внимательно прочитав его, я обнаружил одно такое слово, которое я нигде и никогда больше не использовал: это было звукосочетание, употребляемое всеми матерями мира, — знаменитое «А-а». И вся моя семья поддержала это открытие добрым смехом.

Елена КОТОК родилась и живёт в Москве. Окончила Российскую международную академию туризма. Член Союза писателей России. Печаталась в интернет-изданиях, подмосковных газетах, в журналах «Авиация и космонавтика» и «Культура здоровой жизни».

КОРМУШКА

Всё лето кормушка для птиц простояла у нас рядом с домом между большой ёлкой, берёзой и двумя пеньками. Птицы и белки уже привыкли к этому месту и подбирались к нему каждый по-своему. Белки проворно спускались по пушистым еловым веткам на берёзу, а оттуда на стол, где на жестяном подносе были рассыпаны семечки подсолнуха, стояла глиняная тарелка с пшеном и миска с чистой водой.

Дятлы предпочитали вначале посидеть на пеньке, оглядеться, взять семечку, снова перелететь на пенёк и там расклевать её.

Поползны тоже были осторожны, они цеплялись за стволы ближайших к кормушке деревьев, замирали на несколько мгновений, словно оценивая обстановку, и только после проверки осмеливались сесть на стол.

Желтогрудые синички оказались самыми смелыми. Их не пугала даже белка, которая не любила делить ни с кем кормушку, отгоняя от заветного стола и птичек-малышей, и крупных крикливых соек. Выждав момент, синичка хватала семечку и мигом пряталась в кустах или в ветвях деревьев, откуда доносилось лишь отрывистое постукивание. Ловко очистив семечку от шелухи, она возвращалась за другой.

Сойки прилетали за пшеном. Прилетали по одной, реже – вдвоём. Несмотря на свои размеры, эта птица осторожна и пуглива. Пользуясь крепким клювом, словно ковшом, сойка, слегка наклонив голову набок, энергично загребала крупу, однако при малейшем подозрении на опасность она срывалась с места и исчезала в глубине леса.

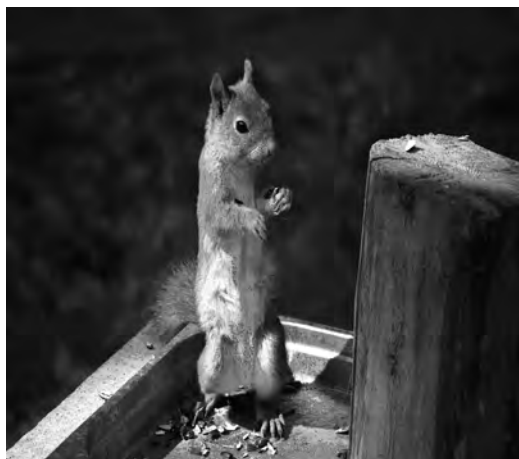
Посещало кормушку много разных красивых птичек. Заглядывал даже чёрный дятел – желна, крупная птица с угольно-чёрным опереньем, с красно-малиновой шапочкой и длинным клювом. О своём приближении он сообщал пронзительным печальным криком.

Так было летом. Поздней осенью, когда похолодало и на задний двор мы стали выходить редко, решено было перенести кормушку под крышу, поближе к окну.

С октября на кормушке появились московки, пухляки и другие птички-синички. Они оказались совершенно бесстрашные и продолжали клевать семечки, даже когда кто-то стоял в шаге от них. На белку они совсем не обращали внимания. Впрочем, и поведение белки изменилось: она больше не сидела по полчаса на кормушке, стараясь съесть всё подчистую, как раньше, она никого не гоняла и ни на кого не цокала. Она готовилась к зиме. Вот уже несколько недель, как белка делала припасы. Набив полный рот семечками, она бежала на поляну, возилась у корней одного дерева, подбегала к другому и возвращалась обратно на кормушку, наполняя рот снова и скрывалась в кустах. Через минуту она опять набирала запас, пряча под берёзой, под ёлкой, под сосной и опять в тех же кустах и у того же дубка, где только недавно прикопала тайник. Снова и снова носила белка к сараю, под дом, за пруд, десять, двадцать, сорок минут, изо дня в день она неустанно трудилась в надежде обеспечить себе сытую зиму.

Однако старались не все белки. На кормушке появились три ушастых озорных бельчонка. Мы не видели, чтобы они закопали хоть одну семечку, зато они любили гонять друг дружку со стола, играть в салки вокруг ствола сосны, так что тонкий слой коры осыпался, как листопад, или просто бегать по крыше дома. Наша белка — Хозяйка, как мы её прозвали, поначалу охраняла от них кормушку, но вскоре бельчата осмелели и стали сами её гонять. Постепенно отношения между ними наладились. Хозяйка продолжала делать припасы, молодые играли; порой даже можно было увидеть двух-трёх белок, мирно сидящих на кормушке.

Однажды мы оставили входную дверь открытой, чтобы проветрить в доме. Было тихо, на террасе никого. Очевидно, в поисках новых кладовых или просто из любопытства Хозяйка решила заглянуть вовнутрь. Прошла прихожую — никого, осмотрелась в зале — никого, тогда, осмелев, она забежала в первую приоткрытую дверь. Бабушка дремала в кресле. Каково же было её удивление, когда, подняв глаза, она увидела перед собой белку! Хозяйка чувствовала себя свободно,

а заволновалась она, только когда в комнату вошли все домочадцы и стали бурно обсуждать, как лучше выпустить белку на свободу. На окнах висели сетки от комаров, поэтому оставалось два варианта: либо ловить заблудившегося зверька, либо направить его к уличной двери. После неудачных попыток схватить гостью мы открыли дверь в зал, и белка метнулась туда, за ней с громким визгом Мишаня – ему 3 года, и наличие белки в доме вызвало у него неконтролируемую радость. Белка заскользила коготками по лакированному полу, прыгнула на стену и чуть не свалила картину, потом с разбегу врезалась в окно, метнулась по направлению к выходу, второпях поскользнулась на повороте и, наконец, вырвалась из дома. Всё это под размахивание кофтой, детские крики и смех. Белка наверняка испытала большое потрясение. Но вместо того, чтобы скрыться в лесу и там, в дупле прийти в себя после пережитого страха, Хозяйка обогнула дом по террасе, прибежала на кормушку и стала есть, есть, есть.

После бегства белки осталось много разбросанных семечек на полу, видно, с испугу она растеряла то, что несла прятать. Теперь, узнав, сколько семян помещается у белки во рту, видя, как много зарывает она припасов в разных местах, и, помня о забывчивости этого запасливого зверька, мы не сомневались, что весной вокруг дома вырастет не один подсолнух.

25.11.15

Инна ДЁМИНА родилась в селе Любавичи Смоленской области. Окончила Московский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской. Работала преподавателем музыки и пения, кандидат педагогических наук, в течение 5 лет была депутатом Черёмушкинского района Москвы. В 1997 году И.Дёминой присвоено звание «Ветеран труда». Автор более пятидесяти научных статей и пяти художественных книг.

ВСТРЕЧА ДУШ

Я никогда не видела своего папу. В июне 1941 года он ушёл на фронт и не вернулся, а я только успела родиться. Долгое время папы не было в моём сознании, а потому и в моей жизни. И, странное дело, не возникало никаких вопросов к маме. Однажды в школе был вечер (я училась в средней школе села Любавичи Смоленской области), собираюсь на «бал». Бал в кавычках, потому что в течение десятилетия после войны всё село, не только мама с пятью детьми, пребывало в великой бедности. Я собираюсь, а мама вдруг говорит:

— Сегодня 10 декабря. В этот день папа погиб. Так написано в извещении. Грешно в такой день веселиться.

«Папа» — это слово вошло в моё сознание, но тут же и пропало. И я отпраивалась в школу, ни разу не вспомнив об отце. Душа моя оставалась в глубоком «беспапье». Одна лишь случайно уцелевшая во время войны папина фотография напоминала нам, многочисленным его потомкам, что папа БЫЛ! Когда на телеэкране я впервые увидела Николая Баскова, я поразились — он очень напоминал папу, запечатлённого на фотографии.

Раз очам моим явился юный Басков.
Взглянула — оторопь взяла, то — папа мой!
Пшеничная копна волос, овал лица и губы...
В душе моей смятенье: вой иль песни пой!

Старшая сестра твердит: «Ты всё забыла»,
В моём сознание, в сердце — чехарда!
Снова пред экраном я застыла:
«Коля Басков, папа, пой всегда!»

Было это в декабре 2004 года.

И вдруг в 2008 году мы находим в интернете, что наш папа, Кукринов Владимир Степанович, умер в немецком концлагере «Шталаг VIIIС». На информационном листе был проставлен отпечаток указательного пальца папы, узенькая полосочка в 1 см. шириною. Когда я приложила свой палец к отпечатку, мой палец оказался в два раза толще папиного. А вес мой всего 56 кг. Таким худым был папа. От осознания этого в моей психике что-то треснуло, надломилось. Я заболела, заболела от счастья, что обрела папу, соприкоснувшись с ним пальцами, и от горя, что он замучен и его уже нет, что я, обрета папу, тут же его и потеряла навсегда!

ВСТРЕЧА ДУШ

Ворвался ты и СТАЛ в моей душе, в сознание.
Шестьдесят восемь лет жила я без тебя...
Не просто мне далось, что я твоё создание,
Как обоюдоострый меч, вонзился ты в меня!
Увидела на файле я твой отпечаток пальца,
Звон и смятение ударили в набат!
Смотрели на меня — нет, не глаза страдальца —
Родное милое лицо: дай детям жизнь моим, Матэр Стабат!

Горючая слеза тоски и счастья,
Как пламень, обжигает сердце и глаза.
Я родилась, я чувствую, что есть мой папа,
О, папа мой! Отныне мы с тобою навсегда!

Снега почти нет, за окном 4 градуса мороза.

Недели через две, выйдя из психологического «ступора», по горячим следам этого осознания, ещё чётко не понимая, что к чему, я приняла решение — ехать на могилу к папе. Это чувство, это желание, даже потребность, как

смерч, ворвалось в мою душу, шестьдесят восемь лет пребывавшую в девственном сиротстве. Позвонила всем сёстрам и брату (нас у мамы было пятеро), сообщив, что едем к папе на место его смерти. Однако долго потом пришлось искать возможность осуществить эту поездку. Министерство обороны России, «Красный крест» Польши (сегодня место концлагеря на территории Польши) весь 2008 год присылали ответ, что бесплатную визу в Польшу они дать мне не в состоянии. Позже выяснилось, что эта виза стоит 45 евро. Подумать только, из-за 2000 рублей не могла встретиться с папой целый год!

Выбросив из головы «бесплатную визу», мы со старшей сестрой выкупили индивидуальный тур в Польшу и поехали на встречу с папой! С собой везли рамку 30x40 см. с единственной папиной фотографией, где написали папе, можно сказать, письмо:

Кукринов Владимир Степанович (1905–1941)

Дорогой наш папочка!

Твоя жена Ульяна и все пятеро детей выжили во время войны, выросли, научились. Сегодня у тебя 10 внуков, 14 правнуков, 3 праправнука.

К тебе на могилу приехали Тася и Инна. Танечка умерла. Миша и Вася приехать не могут по состоянию здоровья.

Папочка, мы счастливы, что нашли тебя! Спи спокойно! Земля тебе пухом и Рай светлый!

Москва – Жагань, май 2009.

Концентрационный лагерь «Шталаг VIIIС»¹ был создан фашистами во время войны на территории промышленной Силезии в Германии с таким расчётом, чтобы обеспечить производство военной техники бесплатной рабочей силой будущих узников лагеря. Голодные, измученные непосильным трудом военнопленные всех национальностей быстро превращались в доходяг, не способных далее работать. Папа был пленён 30 июля 1941 года под Рославлем в Смоленской области, а уже 3 декабря, спустя 4 месяца, папу как доходягу перевели в лагерь «Жагань» (несколько километров от Шталага), где и умер 10 декабря 1941 года.

¹ Данные о концентрационном лагере «Шталаг VIIIС» получены в музее «Шталаг VIII», расположенном в поселке Жагань (Польша).

Главной комиссией по расследованию гитлеровских преступлений в Польше установлено, что на территории Шталага VIIIС и его многочисленных филиалов в Силезии захоронено 12000 безымянных узников разных национальностей. Среди них 739 советских военнопленных. Один из них — наш папа.

Советским и Польским правительствами (тогда между ними был консенсус) было решено увековечить память погибших военнопленных возведением памятника-obeliska с оформлением 17 безымянных могил замученных гитлеровцами узников, что и было сделано в 1964 году.

Много цветов возложили мы с сестрой к обелиску. Прикоснулись руками к узким и длинным могилам. Вознесли молитву — хвалу Господу, пославшему нам встречу с папой, давшему средства и силы приехать к нему в Жагань. Обслуживающий нас шофёр-гид часто, не скрывая, высказывал своё неприятие политики Сталина в отношении Польши во время войны. И Россию сегодня он тоже не приемлет. Показывал, что работает с нами только из-за денег. В музее и по местам захоронений нас сопровождала директор музея Тэрэза Шщыкно (ох, фамилия, написать можно, произнести непросто). От неё, в отличие от шофёра, исходило тепло и понимание психологического состояния людей, приехавших к отцу, которого не «видели» шестьдесят семь лет! Тэрэза в нашем присутствии с мастерами музея определила видное и удобное место в композиции одного из залов музея для привезённой нами рамки с фотографией папы. В знак признательности и благодарности за чуткое сердце мы оставили Тэрэзе некую сумму в качестве благотворительности.

Отголоски ВОВ всё дают и дают о себе знать. На майские праздники 2014 года я оказалась в Эстонии, в Таллинне. Однажды очередному эстонскому президенту не понравился памятник советскому солдату в центре города. Под покровом ночи, тайно, чтобы не будоражить русскоязычное население, составляющее 50% жителей города, памятник перенесли на окраину города, на погост, где слева захоронены нацисты, справа — советские воины. Между ними определили место памятнику.

КРИТИКА
ЭССЕ

Лев АННИНСКИЙ — литературный критик, писатель, публицист, литературовед. Родился 7 апреля 1934 года в Ростове-на-Дону, в семье учителей. В 1939 году снялся в кинофильме «Подкидыш» в роли маленького мальчика в детском саду, который хотел быть и танкистом, и доктором, по выходным дням — пожарной машиной, и даже пограничной собакой. Отец в 1941 году пропал без вести на фронте. Ещё в 8-м классе решил, что будет заниматься русской литературой. Окончил филологический факультет МГУ. По окончании университета был распределён в аспирантуру. Выдержал конкурсные экзамены, но после событий осени 1956 года

в Венгрии было решено «оздоровить идеологию». Вместо того чтобы писать диссертацию, Лев Аннинский стал делать подписи к фотографиям в журнале «Советский Союз», откуда через полгода был уволен за «профессиональную непригодность». Пришлось, по его выражению, «пойти в литподёнщики», что и определило весь дальнейший творческий путь будущего критика. Автор более 30 книг. Работал в журнале «Советский Союз» (1956–1957), в «Литературной газете» (1957–1960), в журнале «Знамя» (1960–1967), в Институте конкретных социологических исследований АН СССР (1968–1972), в журналах «Дружба народов» (1972–1991, с 1993, член редколлегии), «Литературное обозрение» (1990–1992), «Родина» (с 1992), в течение короткого времени был главным редактором журнала «Время и мы» (1998). Автор и ведущий циклов передач «Серебро и чернь», «Медные трубы», «Засадный полк», «Мальчики державы», «Охота на Льва», передачи «Я жил. Я звался Геркулес» на телеканале «Культура».

Награждён орденом «Знак Почёта» (1990). Лауреат Национальной телевизионной премии «ТЭФИ» в номинациях «Лучший сценарист» (1996), «Сценарист телевизионного документального фильма/сериала» (2004). Лауреат Премии имени Александра Невского «России верные сыны» (2006); Независимой литературной премии имени Б.П. Корнилова (2009); Премии Правительства РФ в области культуры за двухтомник «Красный век» (2010); Международной Лермонтовской премии в области литературы (2011). Живёт в Москве.

МАГИЯ СЛОВА

«О, слова имеют свою магию»

Леонид Подольский

Взвесим слова.

«Идентичность» — заглавие. Тихое, понятное. Особенно, если растолковать его по-русски.

Но предварительное, рабочее название! В нём что-то вызывающее, демонстративное, провокационное. «Еврей»!

В годы моей юности (послевоенные сталинские годы) этого слова старались избегать. Ходила такая полушутка: антисемит — это нееврей, произносящий громко слово «еврей». Власть избегала этого слова, потому что антисемитизм власти был негласным (черта оседлости гласно отменена, процентная норма негласно сохраняется). Интеллигенция тоже избегала — чтобы не запачкаться в какой-нибудь невольной гадости.

Но вот всё переменялось («вот» — это четверть века нашей истории), и еврейская тема гроыхает и полыхает во всех жанрах. От развлекательного стишка до серьёзного романа.

Серьёзный роман написал Леонид Подольский.

Полновесный, на полтысячи страниц том, полный сюжетов, гипотез, версий и контрверсий, фактов, предположений, ссылок...

Тьма биографий. Тучи сведений. Энциклопедический замах. Галерея образов, иные из которых восходят к гоголевской традиции.

Я хотел бы обратить на это внимание: ссылки и справки есть почти на всех страницах; по общему объёму эти сведения приближаются к доброй половине всего текста книги и воспринимаются как своеобразная энциклопедия...

Энциклопедия еврейско-русских контактов — со времён древнейших до времён советских и постсоветских.

Бездна фактуры!

Как всякая бездна, она пахнет безграничем, иногда похожим на артистичный умысел. Всё словно перемешивается и блекнет в тумане. Царит над этим энциклопедическим Левиафаном такое чувство, что фактуру выверить в принципе невозможно. И что ещё важнее — вряд ли её стоит выверять, настолько она утоплена в давно прошедшем времени и фактически уведена в небытие.

Ну, в самом деле, кто теперь, несколько тысяч лет спустя, вспомнит Амана... персидского придворного, ненавидевшего евреев до такой степени, что

уговорил царя их уничтожить... План сорвался. Но откуда такая ненависть? Оттого, что еврею Мордехаю разрешили не падать ниц перед царём? Не только. Здесь заключён отсыл к Библии, ещё почти на тысячу лет назад, к истории противостояния евреев и амалекитян. Злой Аман — потомок амалекитянского царя Агага, умерщвлённого пророком Самуилом...

Вряд ли нынешний читатель, поверхностно знающий Библию, да и древнюю историю вообще, надолго сохранит подобные эпизоды в памяти. Впрочем, роман Подольского совсем не об этом. Не об Амани и не об Агаге. Это современный роман — семейная, родовая сага и одновременно история народа — роман, погружённый в историю, со множеством исторических деталей.

Иной раз эти детали поразительно интересны.

Русские специалисты по происхождению Петра Великого не пропустят того, откуда взялись на Руси «Нарышки» и что означало это прозвище, которое Иван Третий дал караиму Мордехаю, приехавшему в Москву служить из Крыма («Нарыш» означало «Храбрец»).

Увы, и эта Нарышь вряд ли надолго удержится в памяти читателя. Затягиваются пеленой события куда более близкие и болезненные. Например, «дело врачей», ставшее сигналом к антисемитской кампании середины прошлого века. Кто там инициатор? Берия (чтобы отвлечь власть от «Мингрельского дела», направленного против него)? Маленков (без которого такое дело вряд ли могло обойтись)? Сам Сталин? Но что заставило Сталина раскрутить маховик этого дикого, средневекового по существу, дела? Старческое помутнение разума, страх, плохо объяснимая злоба? Или какой-то дьявольский расчёт?

Во всех этих хитростях и сам Костырченко, великий архивист, до конца не разберётся... И люди, оравшие на площадях, что евреев надо сослать в Сибирь, не очень вникали в «дело» — ведь не их же собирались сослать, а каких-то там «врачей»... Берия прекратил эту кампанию, как только Сталин умер — и кануло «дело» с подробностями в беспросветную тьму истории.

А там и Берия канул.

Подольский оставляет многие подробности в сносках — для любителей истории. Впрочем, не только в сносках. История для него — фон, живая и мёртвая вода, эмбриональная среда, в которой формируются личности, характеры, менталитет. У Подольского человек всегда не сам по себе, его герои несут сильный отпечаток общества, в котором живут, времени. Подольский — писатель социальный. Его одинаково интересуют и история отдельных людей, и история народов. Недаром он замечает: «История народов очень похожа на

жизнь отдельных людей, и так же, как жизнь людей, она имеет свое начало и свой конец. Как кровь и гены перетекают из одного рода в другой, так же и народы перетекают из одного в другой. Так что в конце концов остаются только прежние названия, и ещё, может быть, память, или что-то неуловимое — душа, неясные предания, культура...».

Столь же скрупулёзно, со знанием дела и юмором, проследивает автор смену вождей. Вожди охарактеризованы находчиво и точно. Лучше всех Михаил Горбачёв: он «пытался преодолеть пропасть мелкими шажками».

А надо было — отчаянным прыжком?

Тогда вопрос: откуда у нас эта вечная пропасть? И неизбежность решаемо-нерешаемых проблем? И их забвение? Что такое Синай? А кто его знает... Вроде бы тысячи лет назад по этому Синаю евреи бежали из Египта, и море то ли расступилось, то ли нет. И ещё чего-то там на Синае было недавно... С теми же евреями и Египтом...

Историю без конца пишем заново. Никто уже не помнит, что было на самом деле. Кто были Рюрик и Синеус. Существовал ли Трувор? Кто такие Аскольд и Дир? «Все скрыто во тьме истории», — напоминает Подольский. И «всё это не так уж важно». «Память о прошлом неумолимо исчезает».

Это — наша русская память.

А еврейская? Народ Книги, с самой древней историей? Они, как сказал бы Чингиз Айтматов, тоже «манкурты»?

«Русские евреи — ненастоящие евреи», — говорит автор романа устами одного из героев.

А настоящие?

А «настоящие» в перечень черт, делающих евреев настоящими, вставили (во времена БУНДа) такой признак:

«Там, где мы живём, там и наша страна».

А если «мы живём» по всему миру? Если по всему миру прогнала нас история? Что мы приобрели, что потеряли?

Свою страну — на тысячи лет — потеряли.

А приобрели... «костры инквизиции, изгнание из Англии, из Франции, из Испании...». Прочитую перечень Подольского с некоторыми сокращениями ради экономии места: «И Хмельнитчина, и Уманская резня, и Кишинёвский погром — да разве один Кишинёвский? — и дело Бейлиса, и холокост, и «дело врачей», и расстрелянный Антифашистский Комитет... Это история народа...». Расплата за всемирную роль.

Можно отменить эту историю?

Нельзя. Призабыть — можно. Чтобы вытерпеть.

А если представить себе еврейство вне его всемирного скитания, если вернуться туда, где это еврейство чудом сохранилось в неискажённом виде? Герой Подольского испытывает определённое потрясение, посетив (в первый раз) землю пращуров:

«Экзотическое средневековье шумит, кричит, двигаясь словно в огромном муравейнике... Столбы с цепями, которыми перегораживают улицы по субботам, чтобы в квартал не заехал кто-нибудь чужой. В субботу они скорее умрут, чем пропустят сюда скорую помощь... На таком фанатизме и держалось еврейство две тысячи лет...».

Преодолевая изумление, герой романа выдерживает встречу с древним народом.

Роман — весь — цепочка таких вот встреч, иногда до боли трогательных, но чаще полных невыносимости: какая-то сила, несмотря ни на что, тянет к предкам — эту тягу ощущает главный герой романа, имеющий русский паспорт и ощущающий... какой-то свинцово-несдвигаемый слой своей души, из неизмеримой глубины взывающий к праотцам.

И тяга эта — неотделима от той всемирной доли, которой наградила евреев судьба.

Нелёгко жребий: «Вести весь мир, осуществляя волю Единого Бога, радующего всему человечеству».

Оценили масштаб? Место в истории — уникальное: и по значимости, и по ответственности.

«История древнего мира — это история противоборства греческой культуры и еврейской духовности. Не только противоборства, но и — взаимопроникновения... И евреи, и греки, каждый по-своему, передали эстафету от античности к средневековью, когда римский мир рухнул...».

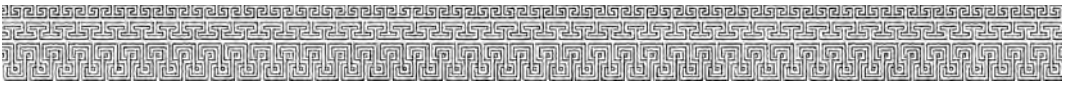
Только римский мир рухнул? — вырывается у меня. — А из пришедших ему на смену сколько рухнуло?

Решаются конкретные задачи: как выжить, как не рухнуть в этом бесконечном коловращении бытия. А потом, выжив и не рухнув, ощущаешь все ту же тяжесть необъяснимого выживания.

«Вечная еврейская печаль»...

А у русских — не то же самое? Что-то глубинное. Что-то замораживающее в разгар неугомного веселья...

Извечная русская тоска, подобная английскому сплину?

Хотя сплин английский — не от павшей ли и на британцев мировой роли?..

Когда славяне из приднепровских степей добрались до финских болот... и круче: когда их повело за Волгу и дальше — за Урал, за их казачьим посвистом уже маячило азиатское безграничье и безграничная же тоска по маячащей недостижимой всемирности.

Достоевский нашёл необходимую формулу: «русская всеотзывчивость».

Выдержать эту роль невозможно без имперского величия. А оно тоже тошнотворно. И это сильно передано через ощущения героя романа Подольского, который в Израиле изумлён средневековым видом его еврейских предтеч, а в России испытывает глубокое разочарование — и от власти, и от народа, эту власть проклинаящего и одновременно принимающего. При всех правителях и под любимыми флагами.

Власть российскую герой Подольского ненавидит. Называет её: «они», иногда однообразно стилистически. К народу отношение сложнее. Стилистически разнообразнее. И интереснее.

«Народ державу сколотил и на плечах, как ребёнка, вынес... И не просто державу — великую, а в доме так и не сумел навести порядок. Этот могучий народ-подкаблучник».

У меня другое отношение к этой проблеме: власть сменить трудно, но можно, сменить народ — невысказано. Но «подкаблучника» готов оценить как яркую стилистическую находку.

Взаимопритяжение русских и евреев — при всех гримасах антисемитизма, всамделишного и притворного — не от интуитивного ли чувства общей роли, от которой невозможно освободиться?

И эта острота контакта:

«Ещё не русские, но уже не евреи...».

«Всё смешанное: русское, еврейское, советское...».

«Кентавр. Да, кентавр. Наполовину русский, наполовину еврей. Русский еврей... Еврей внутри, но не совсем настоящий... Но и русский ненастоящий. А впрочем, что значит быть настоящим русским?».

Любить всех?.. Хорошо бы. Да не получается.

А у русских с евреями — про любовь не будем... но откуда такая готовность к контакту? Не в веках, об этом тоже не будем, — а в этот вот исторический период, который на глазах у нас кончается, — оставляя нам томительное ожидание: что будет дальше?

Подталкивая нас к размышлениям на эту тему, Леонид Подольский начинает свой роман с эпизода, не лишённого сюжетной экстравагантности. Дело происходит в самом начале того исторического периода, который, наконец, за сто лет истёк. Истёк кровью и слезами.

Намечены две фигуры. Оба персонажа входят в число изначальной Красной элиты и носят одинаковые имена и фамилии. Яков Блюмкин. Различаются отчествами. Так что по отчествам и надо их маркировать: один Гершевич, другой Мойшевич.

А судьбы сложились так: Гершевич заделался бесстрашным террористом-исполнителем, угробил германского посла Мирбаха, выполнял ответственные задания разведки, был близок не только к Дзержинскому, но и к Троцкому. В 1929 году расстрелян. По легенде, поставленный энкаведешниками к стенке, успел прокричать: «Да здравствует коммунизм!»

Мойшевич, старый сподвижник Ленина, тоже мог встать к той же стенке. Но чудом в списки не попал и продолжал сотрудничать с советской властью: занялся наукой, сделался профессором. Дожил до войны. Расстрелян в Бабьем Яру...

«Расстрелян в качестве обыкновенного сумасшедшего», — уточняет Подольский. Мы теперь много знаем про Бабий Яр... Но тут скорее рулетка: кого в какую энциклопедию, кого к какой стенке. Тем более тезки-однофамильцы: легко спутать.

Легко спутать?.. Так, может, это недосмотр автора? Нет, извините, зная манеру письма Подольского, я думаю, что тут не недосмотр, а скорее «предусмотр». Так всё предусмотрено в тексте, чтобы этих деятелей легко было спутать. И разница между ними — несущественна, а существенна общая социальная среда, из которой они вербовались.

Эта среда — интеллектуальная богема начала XX века, безудержная и не знавшая, куда девать энергию.

Чем это для них обернулось, Гершевич и Мойшевич узнали оба. Перед смертью. Очень похоже и очень по-разному.

«Мечтательные, близорукие мотыльки и стрекозы устраивали революцию, праздновали, танцевали и пели и не видели ничего вокруг, пока и революцию, и их самих не сожрали могильные черви».

Пока народы, таясь, готовятся к войне (не зная ещё, какой жуткой она окажется), пока в русских сёлах ещё только начинают под бабий вой провожать мобилизованных новобранцев, — в этой безумной среде идёт интеллектуаль-

ная гульба, и перемешаны будущие osobisty всех цветов... от красных до белых... к какой стенке кого из них судьба поставит, самой судьбе неведомо. А пока что...

А пока что Блюмкины ищут выход своей бешеной энергии: их поколению предстоит «потрясти мир и сойти в ими же созданный ад»...

Дальше — пронзительная диагностика:

«Тут не только злая, беспощадная воля Сталина, тут историческая несовместимость старых западников-марксистов, мечтателей, теоретиков, людей позы и фразы, воображавших себя мессиями, много лет проживших за границей, и мрачных, исполнительных, бесчувственных сталинских людей дела; комплексующих интеллигентов, не сумевших вырвать до конца остатки старой буржуазной гуманности, плохо знающих Россию, и новых безжалостных стадных людей, смутно знавших теорию и никогда не читавших Маркса, но зато пропитанных пролетарским сознанием, требовавшим человеческих жертвоприношений во имя неясной, далёкой, но априори высокой цели...»

Жертвоприношения осуществлялись в миллионных масштабах. Это и была жуткая реальность. Цели оставались висеть в запредельности. Это была прекрасная интеллектуальность.

Как же сочетались эти уровни? Как к этим висящим целям относился народ — тот самый, который — «подкаблучник»?

Контакт непредсказуем — а реализуется! Интеллектуалы реально идут в народ. Вот у Подольского замечательное описание контакта:

«Любил вспоминать профессор ссылку в Архангельскую губернию. Но это не ссылка была, не сталинский курорт, а царский рай — с дискуссионным клубом, по очереди в гостях у разных ссыльных, с интрижками, межфракционной борьбой, выпивками, охотой и ночными чтениями Маркса. Там иные из идейных превращались в обыкновенных скотов: пили, сквернословили, дрались с деревенскими, гадили друг другу, спали с местными бабами, делали им детей и сматывались за границу. Революция, которой они служили, всё должна была списать, им всё было можно».

Копится энергия на всех уровнях: и там, где спят с бабами, и там, где читают Маркса, и там, где висят высокие цели, и там, где готовы кричать что-то у стенки.

Вот этот вопрос встаёт, наконец, и сегодня. Век Блюмкиных миновал. Мы — на пороге неведомой новой эры. Идеи схлёстываются, авторитеты ставятся вверх ногами, энергия ищет выхода.

Куда она денется, эта ищущая выхода энергия?

Русскую тему оставим до дальнейшего разговора, впрочем, заметим важнейший аспект: при всём отвращении к имперской власти и при всём презрении к народу, который эту власть терпит, необъяснимым образом автор романа испытывает к этому народу — любовь. А если объясняет, то так: выросши в России и восприняв русский язык и культуру с рождения, — он не может отрешиться от этой изначальной связи...

Я думаю, что тут задета важная часть правды: каждый человек получает от судьбы изначальную духовную закваску. Однако не каждый так дорожит ею — иной искатель счастья меняет эту связь на... лучшую. То есть готов отрешиться от своего исконного. Герой Подольского ищет не «лучшее», а истинно своё. И любит Россию — при всём понимании её бесчеловечных черт. Почему? Он русских и Россию жалеет... а потому любит. Это дорогого стоит!

Но тянет-то героя на другой путь. Не на «лучший». А на интуитивно неотступный. Свой. Как висящая ирреальная цель в очередной смутной круговерти... Об этом и идёт речь в романе.

Леонид Подольский написал роман эпический, исторический, лирический, романтический, психологический, с видимыми элементами магического реализма, но ещё и... научный. Автора явно манят бездонные лакуны истории: древняя Русь, древняя Хазария, проблемы русско-еврейского взаимодействия с древнейших времен, наконец, проблемы этногенеза. Леонид Подольский чувствует себя в истории, как рыба в воде, — настолько, что даже бросает виртуальную перчатку Льву Гумилёву. Впрочем, здесь не очень ясно — и у Подольского, и у Гумилева, — где научные концепции переходят в интеллектуальную игру, а где, наоборот, интеллектуальная игра — в научные концепции.

Перед нами — живописное полотно, сотканное, как ковёр, из множества судеб и ярких эпизодов. «Идентичность» — это роман-правда, роман-исповедь, где некогда запретные слова неожиданно обретают магический смысл.

Леонид ПОДОЛЬСКИЙ

«ЗАХАР ПРИЛЕПИН: МЕЖДУ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДОЙ И ЛОЖНОЙ ИДЕЕЙ»

В 2014 году Захар Прилепин стал лауреатом премии «Большая книга» за роман «Обитель». Не могу не присоединиться к жюри: блестящий роман и исключительно талантливый. Впрочем, сомнений не было и раньше: Захар Прилепин — одарённый бытописатель. Его изображению поддаются сложнейшие, труднейшие для писательской кисти эпизоды. Вот, в той же «Обители», эпизод начала «любви» (страсти?) Артёма (заключённого) и Гали (чекистки, да ещё и любовницы начальника лагеря Эйхманиса) — с одной стороны: страсть, желание, с другой — смерть. И как ярко, без пошлости рисует это писатель. Тут любому мастеру есть чему поучиться. Я редко какие книги читал с таким увлечением. Я — верил. Захар Прилепин написал так, будто сам не один год провёл в СЛОНе (Соловецком лагере особого назначения). Интересно, какие документы смог он найти, чтобы написать такую правду? Где проходит грань между реальностью и вымыслом? В том-то и дело, что чем талантливее писатель, тем тоньше, тем незримее эта грань.

Вероятно, в романе были эпизоды, в которых можно было бы усомниться, но мне не хотелось сомневаться. И только в самом конце, в послесловии уже, быть может, совсем не нужном, когда я прочёл: «Я не люблю советскую власть. Но ещё больше я не люблю людей, которые её не любят. Это отчасти примиряет меня с ней» (цитирую по памяти), — я почувствовал, что моё очарование от романа начинает таять. Я не знаком с Захаром Прилепиным, не сомневаюсь, чуждая мне натура — тут я почувствовал, что единожды или даже дважды это обо мне. Что из-за нелюбви к таким, как я, он готов примириться с дьяволом, то есть с советской системой. Вот тогда только я стал вспоминать, особенно один эпизод, показавшийся мне при чтении незначительным.

...На стене у чекистки Гали висит портрет не Сталина (а ведь Сталина все должны были любить больше, чем собственных детей, родителей, возлюбленных!), а — Троцкого! Троцкого!!! А ведь уже 1929 год, автор не называет дату, но — высчитать легко, через несколько месяцев начальника лагеря Эйхманиса сменил Ногтев. Итак, 1929 год, сопротивляющегося Троцкого уже вынесли из московской квартиры, отправили в Алма-Ату, а затем депортировали. Он уже враг народа. Уже идут первые процессы (главные — впереди), посадки,

и — портрет?! Пусть в послесловии Прилепин поясняет, что энкавэдэшница Галя — личность реальная и служила в Гражданскую в поезде у наркомвоенмора Троцкого. Всё равно, этого не могло быть, я имею в виду портрет на стене. Ошибка автора? Сначала я думал: ошибка, случайность.

Да, если ничего не знать про Захара Прилепина, прочитав «Обитель», его можно принять за либерала. Тем более, когда-то сотрудничал в «Новой газете». Художественная правда бывает выше и сильнее автора. У автора — человеческие страстишки, интересы, взгляды, выгоды, а правда — одна, великая, вечная! Если задуматься, в «Обители» самое главное, может быть, не то, как описывает Прилепин Артёма, Галю, Эйхманиса, Ногтева, даже Секирную башню, где казнили живьём, где сдирали кожу, мучили, издевались — много об этом страшном месте написано, не Прилепин первый — но: с и с т е м а, н а р о д. Красноармейцы, которые, не задумываясь, расстреливают. Люди-роботы красной идеи. Красный фашизм. Сталинизм — это не Сталин плюс Ежов, и не Сталин плюс Берия. Сталинизм — это Сталин плюс народ, те самые 80 процентов.

Приезжает из Москвы комиссия, расследует, судит за зверства, расстреливает!!! Расстреливают те же красноармейцы! Комиссия уезжает и — всё то же, те же издевательства, тот же режим. Вот они, люди! Вот она, страна, разделенная на тех, кто сидит, и на тех, кто охраняет. Время от времени они меняются местами. Да ведь не просто либерал Прилепин. Либералиссимус! Не меньше, чем Светлана Алексиевич.

Да, если бы не знать! Но вот настали Крым и Донбасс и — совсем другая, национал-патриотическая риторика. Настал момент истины — и тотчас наши левые превратились в милитаристов. Только превратились ли? Да нет, были! Всегда были! «Русские люди готовы потерпеть ради высоких целей». Писатель — судья? Определяет, что значит «высокие»? Из-под либеральной «Обители» вылезает леворадикальный «Санька». Ладно, тут — особенное, тут задето национальное чувство, тут обстоятельства противоречивы, я имею в виду Крым и Донбасс, правда — многослойна. Возьмём другой пример...

С разницей в несколько месяцев с награждением за «Обитель» опубликовано было «Письмо товарищу Сталину». Это уже манифест. Да ещё ёрнический, от имени «либеральной интеллигенции». Трудно даже понять, какое чувство сильнее владеет писателем: любовь к Сталину или ненависть к «либеральной» интеллигенции. А, кстати, бывает другая интеллигенция, не либеральная? «Завластная, засталинская, национал-патриотическая»? Это,

скорее, советская мутация. Родовой признак русской интеллигенции: оппозиционность к власти, защищающей несвободу.

Но вернёмся к письму. «Это ведь не мы убили русскую деревню, русскую науку и низвели русскую интеллигенцию на уровень босяков и бастардов». Ну да, понятно, не коллективизация, не новое крепостное право, не «философские» поезда и пароходы, не сталинские лагеря, не дела «Промпартии» или «врачей», не уничтожение генетики, кибернетики и многих других наук — это ни в одной другой стране так высоко не ценили — вплоть до расстрела — писателей. Это — либеральная интеллигенция виновата. Но, может быть, Захар Прилепин имел в виду ельцинских реформаторов-псевдолибералов? Так вот, к девяносто пятому году пути ельцинской бюрократии и либеральной интеллигенции разошлись. Хотя... и в девяносто шестом пьяница Ельцин был лучше сталиниста Зюганова.

«Мы говорим, что ты сам хотел развязать войну, хотя так и не нашли ни одного документа, доказывающего это». Ни одного документа? А пакт Молотов-Риббентроп? А война с Финляндией? А совместный разгром Польши? А кто вскармливал до последнего немецкий нацизм? Где тренировались лётчики люфтваффе? А Катынь?

«Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решен. Ты положил в семь слоёв русских людей, чтобы спасти жизнь нашему семени». Красиво! Правда всегда противоречива и трудна, зато ложь велеречива и выпренина.

Никита Михалков — не первый, наверное, антисталинист и «патриот» не меньший, чем Прилепин. Так вспомним, с чего начинается его «Цитадель». Пьяный генерал посылает на смерть солдат. Многократно посылает, безжалостно.

Наверное, плох тот солдат, который очень жалеет себя, но стократ хуже генерал, солдат не жалеющий. Но особенно — Верховный, ничем не рискующий в своём кабинете. Сколько солдат по его воле, упрямству, непрофессионализму оказалось в окружении под Киевом, сгнуло в Харьковском котле, под Ржевом, во Второй ударной армии Власова, сколько погибло, чтобы рапортовать о победах точно к революционным датам? Это под его мудрым руководством мы потеряли больше, чем все враги и союзники вместе взятые, чем Россия во всех вместе предыдущих войнах. Но «он спас жизнь нашему семени».

...Но вот культовый роман Захара Прилепина «Санькя». Некий «Союз созидающих» (интересно, что созидаёт эта люмпенская, безбашенная тусовка? Или тут главное — аббревиатура «СС»?), созданный бывшим офицером (!) Костенко. Под прозрачными псевдонимами читается: партия национал-большевиков и её лидер Лимонов. Захар Прилепин и сам — был? остаётся? — в учениках у Лимонова. Странная, эпатажная смесь левого большевизма и правого имперского национализма.

Лимонов давно вызывал у меня антипатию. В конце 80-х, кажется, я открыл его книгу «Это я, Эдичка» — надо же, в том самом месте, где наш герой занимается оральным сексом с огромным африканцем. Мне стало противно, я почувствовал тошноту и с тех пор Лимонова не читал. С Лимоновым мне всё ясно: самовлюблённый, извращённый нарцисс, тип исключительно эпатажный, на всё готовый ради минуты славы. Он не лишен некоторого таланта, но — чему может научить столь душевно болезненный литератор? Надо же, с КГБ не ужился (или блеф?), а за бугром — левак. Здесь он себя к Лобному месту не приковывал, страшно, зато там — к зданию New York Times, славы искал не меньше, чем любви африканца.

Да, вот он, бывший офицер Костенко. Бузят собранные им ребята. Протестуют... Есть против чего протестовать, конечно. Но — «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Переходящий в прямой бандитизм. Борьба с «кровавым режимом» посредством переворачивания уличных урн. Драка с «хачиками», пьянка на вокзале, грабеж, опять пьянка, беганье от милиции.

А ведь Захар Прилепин героя своего любит. Пытается облагородить, очеловечить. Показывает вымирающую русскую деревню. Вот они, корни. Вот: жизнь и — боль. Одинокий, единственный в деревне ребёнок изо дня в день рисует прутиком в луже. Молодёжь, регулярно гибнущая по пьяни на мотоциклах. Эпопея с гробом, который десятки километров везут по бездорожью. Россия...

...Мечется, мечется прилепинский герой, Санькя, мечется и не понимает. Зато ненавидит. Люто. Им есть что ненавидеть, этим зверёнышам, этим изгоям, выброшенным из обыденной колеи, этим маргиналам, не сделавшим даже слабой попытки вернуться в нормальную жизнь. Вместо этого — ненавидят «буржуазное общество», успешных людей. Оно действительно жестоко, это общество, оно воровское, несправедливое, но сами-то что? Кто? Отбросы.

Однако в самом деле, «ты и убогая, ты и могучая». Злобные маргиналы хотят покорить мир. Они — судьи! Носители справедливости! По заданию сидящего в тюрьме Костенко (Лимонов, участник войн в Абхазии, в Придне-

строве и в Югославии, автор статей «Лимонка в хорватов» и «Чёрный список народов», возбуждавших межнациональную ненависть, «сидел» за подготовку вооружённого вторжения в Казахстан для защиты русского языка (огонаселения), да, так вот, по заданию Костенко решено поднять российский флаг над рижской башней. В чужой стране! И — поднимают! Действительно было. А дальше: суд в Риге, четыре года участникам акции. И вот уже Санька по заданию партии (вспоминаете? — и это было; опять играем в большевиков) отправляется в Ригу с револьвером — убить судью, вынесшего приговор. Это уже фантазия Прилепина. Но в их духе. В сёдозволено. Терроризм. Причём терроризм международный. Автор мог бы осудить своего героя, мог бы показать его не в лучшем свете. Но — симпатизирует и заставляет сочувствовать читателей. У них — иная правда, иные понятия, иная мораль. Художественная правда, а иногда и полуправда, сливается с ложной идеей. Это ещё не терроризм. Не настоящий терроризм. Но — литтероризм. Литтероризм как порождение идеологии национал-большевизма.

Можно догадаться: если бы роман закончен был на несколько лет позже, Санька и иже с ним отправились бы в Донбасс. Воевать «с фашистами». Из озлобленных, безголовых правдоискателей очень часто получают убийцы. Да, они точно так же отправились бы в Донбасс, как Савенко-Лимонов, он же Костенко — в Югославию. Эти люди всегда уверены, что все, кто против них, — фашисты. Другие, но не они.

Кажется, ещё время Ельцина. Яна, молодая девчонка, бывшая любовница Костенко (опять параллель? В 1998 году 55-летний Лимонов начинает сожительство с 16-летней школьницей Настей Лысогор), бросает в голову президента (Ельцина??? Или? И подумать страшно) пакет с томатным соком, майонезом, сметаной и прочими ингредиентами «коктейля Лимонова». Я давно не люблю Ельцина. Но — опять литтероризм?

Понятно, что против «Союза созидателей» начинаются репрессии. В ответ, даже не в ответ — на опережение — «созидатели» устраивают «революцию» в областном центре: захватывают сначала базу ОМОНа, затем областное управление МВД и, наконец, здание администрации. Ленинская формула революции усовершенствована Прилепиным: не вокзал и телеграф, а базы силовиков...

Сказать по правде, глупый, мальчишеский финал, безнадежный.

В аннотации к книге написано: «горьковская «Мать» XXI века». Но чувствуете разницу? Там — пролетариат, по Марксу, здесь — люмпены-нацболы, по Лимонову и Прилепину.

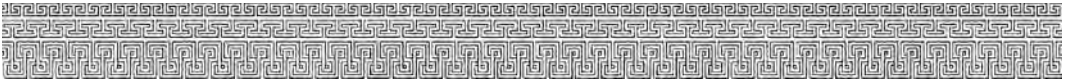
О, широка, идейно безгранична наша литература, если на одном её фланге «Бесы» и «Преступление и наказание», а на другом — «Санька». Да ещё где-то посередине «Чапаев и Пустота». Санька ведь — один из этой тёмной, неразличимой пелевинской массы пролетариев.

Нет, я не могу упрекнуть Прилепина в том, что он плохо написал. Напротив, он хорошо написал, он талантлив, замечательный бытописатель и психолог, он блестяще описал феномен классовой ненависти и люмпенщины, тут претензий нет. Но — какова его идея? Что, кроме ненависти? Нет ответа. Художественная правда отталкивается от ложной идеи. Прав был классик: трагедия оборачивается фарсом.

Всё фарс: Лимонов, лимоновщина, национал-большевизм. Оттого и художественная правда скукоживается, теряет масштаб. И оказывается мелок Санька. Обыкновенный хулиган. Только с обложки книги смотрит чистое, безусое, совсем не brutальное лицо почти мальчика.

Большой писатель в России всегда учитель, но чему, кроме «пацанской солидарности», может научить Захар Прилепин? Блестящий бытописатель, но не мыслитель. Не Достоевский, не Лев Толстой, скорее, их антипод. Они учили любви, он — ненависти. Оттого жестоки, brutальны его герои. Вернее, он выбирает именно таких. Между тем масштаб писателя определяется не только талантом, но и масштабом личности тоже. Но как переустроить мир, Прилепин не знает. Лимоновщина не рецепт.

На этом, пожалуй, можно было бы закончить с «Санькёй», но... Известный российский олигарх, президент «Альфа-банка» Петр Авен обрушился с критикой на роман. Понятно, что олигарх выступает против революции. И пишет дальше: «Проблема наша не в том, что власти плохие (??? — Л.П.), а в том, что русский народ ленив» (?! — Л.П.). Прилепина и его героев Авен называет неудачниками, лузерами, которые ничего не могут, не способны «делать дела» (?! — Л.П.), поэтому идут в политику и на баррикады. «А я и мои коллеги, — заявляет Авен, — заработали свои капиталы честным трудом, и нам не за что просить прощения у народа». Ой ли? Это они-то, олигархи, заработали честным трудом? Да весь российский капитализм стоит на коррупции, разворывании государства и рейдерстве. Сам отец приватизации Чубайс признавал, что «российская приватизация не была ни справедливой, ни честной». Так что не напрасно грезят Санька и другие прилепинские герои о неизбежной новой революции. Вот только как бы ни плоха была власть, эти «революционеры» ещё страшнее. Вот так и бьётся Россия — между нынеш-

ней властью и призраком Хама, идущего во власть. Да что там, вчера ещё Лимонов с Прохановым смотрелись крайними маргиналами, а сегодня — мейнстрим. Так что, увы.

Напрасно Прилепин играет в справедливость, напрасно романтизирует своих героев. Куда ни кинь, везде клин.

Роман Захара Прилепина «Патологии» дебютный. О Второй чеченской войне. Роман очень удачный, к тому же одно из немногих произведений о страшной войне, которая прошла где-то рядом, ожесточила российское сознание, стала прологом к слову младенческой и хрупкой российской демократии, но все же мало кого из нас затронула близко. В романе почти нет идеологии, нет оценочных категорий — и это, наверное, огромное достоинство — в романе только страшная правда о войне и о людях на ней. В романе Прилепина мы видим войну только с одной стороны, от нас многое ускользает — причины войны, история российско-чеченских отношений, её (войны) тайные пружины, чеченцев мы видим только через прицелы автоматов, — но и за то, что показал писатель, за маленький фрагмент этой полной ужаса бойни, мы должны быть Захару Прилепину безмерно благодарны. Прежде всего, за правду. Он не приукрашивает наших бойцов, показывает их такими, как есть. Огрубевшими от войны, одинаково способными на убийство и на подвиг, беспощадными, но и жаждущими любви. Среди пепла, ужаса и крови Егор Ташевский, главный герой, от имени которого ведётся повествование, то и дело вспоминает свою девушку — это не просто любовь, это подсознательное стремление вырваться из ада.

И лицо войны — страшное, беспощадное. Вот «наши» задерживают шестерых чеченцев и расстреливают их, не слишком разобравшись, боевики или мирные жители. Трупы сжигают. И только когда они горят, начинают взрываться спрятанные в сапогах патроны. Или расстреливают автомобиль и водителя, опять же, наугад. Множество таких эпизодов. Сцены войны перемежаются со сценами торговли. И снова бои, расстрелы пленных, пьянство, пьяный прапор играет с гранатой и едва не убивает своих, чеченцы отрезают голову русскому офицеру и, наконец, бой, долгий, мучительный, когда и счёт времени потерян, и смерти, смерти, смерти ребят. Стужённый, сконцентрированный ужас войны. И вот финал: батя, командир — не щадя жизни, он пробивается к своим солдатам, спасает выживших, командует, кажется, вот он, безупречный пример, а он занывает премию, предназначенную солдатам. Грязная война, где всё вперемежку: храбрость, самоотверженность, ис-

полненный долг — и рядом предательство и воровство. Понятно, о смысле этой войны речь не идёт.

Я бы расценил «Патологии» как очень сильный антивоенный роман. Хотя, кто знает, писатель мог иметь в виду совсем другое. Тут кому как. Сам Прилепин много раз ездил в Донбасс и осуществлял там не только гуманитарные миссии...

Наконец, ещё один роман Прилепина — «Чёрная обезьяна». Как написано в аннотации: «портрет больной души, изнемогающей в тупиках плоти и лабиринтах рассудка». В романе мешанина из добрых семейных сцен, немотивированного поведения героя, «любовных утех», «хачиков», визит к проститутке, несколько ксенофобских абзацев, картины вырождения, пьянства, умирания русской деревни и маленьких городков, таинственная лаборатория, где обследуют особо жестоких детей, средневековая легенда о «недоростках» и о безжалостных малолетних солдатах, воюющих в Африке. Хотя ведь были и настоящие малолетние солдаты-«большевики», учинившие геноцид в Кампучии. Тема о детской жестокости заявлена главной, но по существу — ничего, автор обходит её по касательной. Трудно сказать, в чём главная мысль романа. Больное общество? Что-то неладное происходит то ли с Россией, то ли с героем, то ли с самим писателем?

Вы можете представить, чтобы автор «Войны и мира» написал ещё и «Кавалера Золотой звезды»? С Захаром Прилепиным такое происходит. Один из талантливейших наших писателей постоянно мечется между большой художественной правдой и ложной национал-большевицкой или имперской идеей. Между тем истинная величина писателя определяется не тем, как он пишет (это условие необходимое, но недостаточное), но тем, что он пишет, теми идеями, которые он несёт обществу и читателю.

P.S. Когда я готовил эту статью для альманаха, стало известно, что Захар Прилепин отправился в ДНР в качестве заместителя командира батальона спецназа. Что же, логично, сталинист взял верх над художником. Отец литературных героев-террористов отправился дорогой своих идейных сыновей. Ложная идея восторжествовала. Впрочем, это, скорее всего, только часть правды. А другая часть состоит в том, что Захар Прилепин решает некие рекламно-политические задачи, — и свои, и неких заинтересованных лиц (сил). По рекламе будущей книги, например, или (и) по облагораживанию лица сепаратистов. Если так, литература превращается в разменную монету, в подручное средство, в часть имперской пропаганды.

Наталья КРАВЧЕНКО

НА ЧТО МНЕ ЛЮДИ?..

Помню, как неприятно поразили меня однажды строки Бродского:

Я не люблю людей...
Что-то в их лицах есть,
что противно уму...

Кажется, так открыто ещё никто не признавался в человеконенавистничестве. Или в человекобезразличии, как, например, Георгий Иванов:

А люди? Ну на что мне люди?
Идёт мужик, ведёт быка.
Сидит торговка: ноги, груди,
платочек, круглые бока.

Насколько больше импонирует нам народническая экзальтация Пастернака:

Превозмогая обожанье,
я наблюдал, боготворя.
Там были бабы, слобожане,
учащиеся, слесаря...

Или благородное самоуничижение Ахмадулиной:

Это я, человек-невеличка,
всем, кто есть, прихожусь близнецом...
Плоть от плоти сограждан усталых,
хорошо, что в их длинном строю
в магазинах, в кино, на вокзалах
я последнюю в кассу стою.

Но были ли они в этих стихах так же безоглядно искренни, как Бродский и Г. Иванов? Пастернак, скорее, «превозмогал» свою суть, а не «обожанье», когда писал о любви к простым людям. Слишком непростым человеком был он сам, чтобы органично вписаться в компанию «учащихся» и «слесарей». И вряд ли бы они поняли его сумасшедший захлѐб, заговори он с этими людьми на своём языке. (Домработница Пастернака, послушав его сумбурные речи, сказала как-то с долей сочувствия: «У нас в деревне тоже был один такой: говорит-говорит, а половина — негоже»). Нет, что-то натужное, искусственное, добровольно-принудительное слышится мне в этих его строчках о любви к народу. Природа, музыка, поэзия, философия — да, но не люди. То есть не люди «без шестых чувств», следуя определению Цветаевой. Они так же безразличны Пастернаку, как и то, «какое, милые, у вас, тысячелетье на дворе?». И «пил» он лишь с Байроном и Эдгаром По, не меньше. Эти небожители могли «сливаться» только с себе подобными.

И Ахмадулиной вряд ли удавалось слиться с толпой, «как слово и слово на моём и на их языке». Хотя пить могла с кем угодно, и восхищаться крысомором, и воспевать садовника, и водить дружбу с дачными рабочими. Но любила она при этом не этих людей, о которых могла говорить самые невозвышенные и превозносящие до небес слова («имею право расточать, я не оскудею»), а — себя, и «не себя даже, а производимое ею впечатление», как точно подметил Ю. Нагибин. «Белла холодна, как лёд». И, вознеся, могла следом окатить холодом безразличия: стать «безнадёжно равнодушной к тем самым людям, которых перед этим обласкала». («Дневник» Ю. Нагибина). Гораздо органичнее для неё одиночество: «Как холодно ты замыкаешь круг»... «Утешусь, прислонясь к твоей груди, / Умоюсь твоей стужей голубою». Но этот царственный холод снежной королевы ей ближе ненастоящего плебейского тепла. Она способна «ощутить сиротство как блаженство». «Тишь библиотек», «концертов строгие мотивы» — вот что созвучно её душе. На что ей люди? Да и она — им?

...Вот Павел, Матвей и Кузьма попрощаться пришли.
«Прощай, — говорят, — мы-то знаем тебя не по книжкам.
А всё же для смеха стишок и про нас напиши.
Ты нам не чужая — такая простая, что слишком...»
Ну что же, спасибо, и я тебя крепко люблю,
заснеженных этих равнин и дорог обитатель.

За все рукоделья, за кроткий твой гнев во хмелю,
ещё и за то, что не ты моих книжек читатель.

В читателях «от мира сего» не нуждался и Фёдор Сологуб:

Что мне мир. Он осудит
иль хвалой оскорбит.
Тёмный путь мой пребудет
нелюдим и сокрыт.

Всё земное Сологуб считал тяжким бременем, злом. Люди его утомляли, он старался быть от них подальше. В одиночестве видел единственно возможное для поэта существование:

Оставь селенья, иди далёко
или создай пустынный край,
и там безмолвно и одиноко
живи, мечтай и умирай.

...Послушай моё пророчество
и горькому слову поверь:
в диком холоде одиночества
я умру, как лесной зверь.

Он не выносил грубой Жизни, которая представлялась Сологубу румяной и дебелой бабищей-Евой в отличие от прекрасной лунной Лилит — его Мечты.

Мечтатель, странный миру,
всегда для всех чужой, —

таким он остался в памяти потомков. Отчуждение от мирских привязанностей проповедовал Блок:

Всё на земле умрёт: и мать, и младость,
жена изменит и покинет друг,

но ты учишь вкушать иную радость,
глядясь в холодный и полярный круг.

И к вздрагиваньям медленного хлада
усталую ты душу приучи,
чтоб было Здесь ей ничего не надо,
когда Оттуда ринутся лучи.

И Георгий Иванов пытался учиться у Блока этой божественной отрешённости, мечтая обрасти такой же защитной коркой ледяного бесстрастия, но у него это плохо получилось:

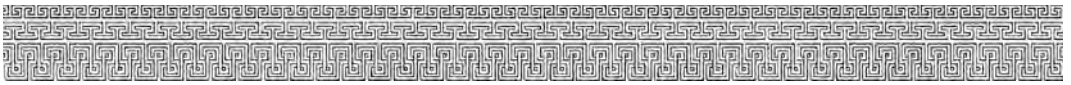
Когда же я стану поэтом
настолько, чтоб всё презирать,
настолько, чтоб в холоде этом
бесчувственным светом играть?

А Цветаева? Вся жизнь — роман лишь с собственной душой. Безоглядный порыв навстречу кому-то, кто показался «вровень», «равносилен» и «равномощен», и — горькое разочарование, когда спадала с глаз пелена, и рядом оказывался всего лишь «грешок грошовый», «убожество», «бедняк», а в сущности — обычный человек, простой смертный. «Я взяла тебя из грязи — в грязь родную возвращаю!». Жар крылатых объятий сменяет высокомерный холод царственных лат. Но — ненадолго, «до первого чужого, который скажет пить».

А всё же с пути сбиваюсь,
(особо весной!).
А всё же по людям маюсь,
как пёс под луной.

Однако это ненасытимая Танталова жажда, умирание от жажды над ручьём. «Чуть встретишь — уж рвёшься прочь». Но это «вероломство» — не что иное как верность себе, своему призванию, гению, внутреннему голосу, верность своему высокому Духу, который не терпит никакого насилия над собой, никакого принижения, никаких чуждых ему слияний. «Я ни с кем, одна, всю жизнь, без читателей, без круга, без среды, без всякой защиты, причастности, хуже, чем собака, а зато... А зато — всё».

Я часто привожу эти слова М. Цветаевой, но что-то на этот раз помешало мне закончить на столь высокой отрешённой ноте. А если конкретно — то эссе Аделаиды Герцык, которыми в последнее время зачитываюсь. Исследователи Серебряного века пишут о ней, как правило, лишь в «цветаевском контексте», хотя это была оригинальная и вполне самостоятельная литературная фигура. Так вот закончить мне хотелось бы её словами об отношении к людям и о том, какую роль они играют в её творческой судьбе: «Я не умею общаться с людьми, питаться плодами их духа. Но я не могу без них — они нужны мне... Моя любовь, моя жалость, моё нетерпение влекут меня к людям, не давая покоя. Я вяну без ласки человеческой и жадно, как свет солнечный, тяну её в себя. И, не зная, что с ней делать, — отдаю её назад, но распускаюсь, согретая. Не мысли, не идеи, а что-то другое нужно мне в людях — очень внешнее, или очень внутреннее — за чертой слов и понятий». («Мои блуждания», 1915).

**Валентин РЕЗНИК,
лауреат премии им. А. Дельвига**

**«ИДЕНТИЧНОСТЬ»:
КНИГА, КОТОРУЮ НУЖНО ПРОЧЕСТЬ**

Не так давно президент Путин предложил составить список из ста книг, которые нужно прочесть. Пожалуй, если даже сократить этот список до десяти, я бы включил в него новый роман Леонида Подольского.

В романе, условно, есть две главные сюжетные линии. Одна, личная, о судьбах людей: самого Леонида Вишневецкого, главного героя романа, скрипача Эфраима Циркиса, писательницы Моти Блох, диссидентов и отказников Иосифа Голдентуллера (Шимшона) и Натана Чернобыльского, который напоминает Щаранского, и других. Эта линия, безусловно, интересна, даже, я бы сказал, она блестяще выписана, но мне хочется сейчас сказать о другом. О той линии, где главный герой – народ. Еврейский народ, русский народ. О той линии, которую можно было бы условно назвать философской...

«Время покажет», «60 минут», «Место встречи», «Право голоса», «Право знать»... Я навскидку перечислил передачи, заполнившие телящик. Они вроде бы носят дискуссионный характер. По замыслу авторов эти толковища должны служить показателями свободы наших СМИ. На самом деле они представляют собой механизм для выпуска пара. Состав их участников удручает постоянностью присутствующих и говорящих персон, так что заранее знаешь все их реплики и реакции.

Читая книгу Подольского, словно попадаешь в атмосферу подобных передач. Но «казус» Подольского состоит в том, что он действительно заинтересован в поиске правды, истины. В связи с этим мне на память приходят слова автора книги «Уолден, или жизнь в лесу» Генри Торо. Цитирую по памяти: «Не надо мне любви, не надо денег, не надо славы, дайте мне только истину». Может, отсюда и безапелляционность суждений Подольского. Настоянных на выстраданности того, о чём он говорит. С большинством его оценок я согласен. Вот, к примеру, такая: так называемая ленинская гвардия сама повинна в таком явлении, как сталинизм, сама создала ад, в который и оказалась низвергнута. Или другой пример. Леонид Подольский отнюдь не приходит в восторг от народа, среди которого живёт. Он нашёл жёсткое и, пожалуй, очень точное, ёмкое определение этого народа: подкаблучник. Что

и говорить: запоминается. Недаром в своём блестящем послесловии Лев Аннинский отметил этот эпитет.

Одна из тем, затронутых в романе, – антисемитизм. Воистину бессмертная тема для российского сознания. Мне на протяжении своей, довольно затянувшейся жизни в разное время приходилось общаться с людьми, имеющими отношение к церкви в качестве её служителей. Надо отдать им должное, что касается понимания искусства, философского антуража, да и насчёт материализма они вполне на уровне, но стоит только задать вопрос насчёт паствы, исповедующей религию, основанную евреем и при этом заражённой отменным антисемитизмом, как беседа тотчас принимает не самый джентльменский характер. Как тут не вспомнить слова Бабеля, сказанные им Паустовскому в 1920 году: «Я не выбирал себе родину. Я еврей, жид. Иногда мне кажется, что я могу понять всё, и только одного я не могу понять: причину той чёрной ненависти, которую так скучно зовут антисемитизмом».

Подобными горячими темами изобилует вся книга. Причём автор здесь выступает и в роли трибуна, и в качестве судьи. Его оценки людей, делавших и делающих историю, событий, в которых он участвовал или о которых знает из различных источников, порой ошарашивают своей субъективностью, даже я бы сказал, циничной снисходительностью. К примеру, это касается и лично мною уважаемого Михаила Горбачёва. В конце концов, именно Горбачёву мы обязаны той гласностью, при которой автор «Идентичности» может себе позволить такую свободу суждений. Впрочем, автор чрезвычайно эрудирован, великолепно владеет материалом и приводит свои аргументы. Не только убеждает, но иной раз и переубеждает читателя.

Нужно отдать должное Подольскому: книга его прямо-таки насыщена огромной информацией. В том числе, что особенно важно, о той эпохе и о тех событиях, которые нам досталось прожить.

Совершенно блестящи страницы, относящиеся к истории хазар, тех самых «неразумных», по определению Пушкина. Хочу отметить эрудицию и качество изложения. Не хуже лекции о лесе в романе Леонида Леонова.

О романе Подольского можно было бы сказать ещё много хороших слов, но мне хочется оборвать свои восторженные и одновременно путаные соображения, потому что «Идентичность» нужно читать. Сия книга стоит того, чтоб её прочесть и передать товарищу.

И БЫЛ ОСТАВЛЕН Я НА ТРЕТИЙ ГОД

Такой печальной подробностью начиналось одно из моих стихотворений. После появления его в печати меня иногда спрашивали: «А на «третий год» — это вы для размера?», — поскольку на «второй год» размер нарушал. Как правило, в момент этого вопроса что-то происходило с моим слухом.

Но ведь прежде чем остаться на третий год, сначала надо было остаться хотя бы на второй. Знай я тогда, что второгодниками были Белинский, Чехов, Астафьев, может быть, не так и убивался бы.

А начиналось всё не совсем скверно. Ещё в четвёртом классе я был крепким четвёршником. Более того, последнюю четверть умудрился закончить с одной четвёркой. По русскому письменному. Балл снизили за почерк. В остальном же, как у юного Ленина: по математике — 5, по литературе — 5, по истории — 5, по географии — 5. Бред какой-то. Имея в виду моё последующее третьегодничество.

Словно бы предчувствуя, что подобные успехи мне в будущем не грозят, отец решил выжать из моего «подвига» на школьной ниве максимум возможного. Речь зашла о моём поступлении в музыкальную школу. А точнее — в военно-музыкальную.

Сам отец играл в самодеятельном оркестре на трубе. Я не раз видел, как на демонстрациях Первого мая и Седьмого ноября он шёл во главе колонны в составе музыкантов предприятия, где тогда он работал. И хотя ни о каких моих музыкальных способностях речи не шло, но то ли тот факт, что мы жили напротив «Гнесинки», из окон которой с утра до вечера неслись звуки: рояльного, скрипичного, баянного, гобойного и т.д. характера, то ли он полагался, как сейчас бы сказали, на гены отпрыска. Короче говоря, несмотря на серьёзный конкурс — тысяча с лишним человек на пятьдесят мест, решение было принято. Отцом, разумеется. Поступать.

Во всяком случае, все экзамены я сдал и проходной балл набрал. Особенно запомнился экзамен профилирующий, в результате которого определяли музыкальные способности и вид инструмента, на котором предстояло в дальнейшем зарабатывать кусок хлеба.

Комиссия была смешанной. Половина гражданских, половина военных. Вхожу. Один из экзаменаторов выстукивает на крышке рояля нечто. Повторяю «нечто». Просят показать руки. Смотрят на пальцы. Тогда я впервые услышал специфический термин — «децима». И только лет через десять, про-

читав у Слуцкого, «дециму берёт», понял, как мне кажется, что сие значит. И в заключение, один из гражданских попросил плюнуть. Набрал в лёгкие как можно больше воздуха, я, что называется, харкнул, и на полу оставил «вещдок». Раздался хохот. «Да нет, просто поплюйте». Я просто поплевал, и тут же был вынесен вердикт — флейта.

В течение уже довольно длинной жизни мне приходилось держать в руках с переменным успехом: кувалду, кирку, лопату, лом, молоток, в том числе и отбойный, зубило, напильники всех рангов, но только не флейту. Отец поздравлял с успехом. Я уже должен был ехать за формой...

В ряду казённых заведений, куда я не поступил, — военно-музыкальная школа была первой. Меня не принимали даже туда, куда иных загоняли чуть ли не силой. Я неоднократно пытался, когда мои дела в учёбе пошли менее блестяще, устроиться в ремесленное училище или ФЗО, но по причинам, о которых могу только догадываться, путь в эти «престижные» заведения для меня был закрыт.

Пятый класс я заканчивал упёртым троешником. А уж в шестом засел всерьёз и надолго.

По составу наш шестой «Б» был одним из сильных в школе №103. Одних «круглых» отличников насчитывалось шесть человек. Имена некоторых помню до сих пор: Алик Шнайдер, Володя Лысенко, Игорь Трякин, Женя Филиппов. Четвёрошников было пруд пруди. А я троешник. Правда, это никак не сказывалось на моих отношениях с «лидерами». С Женей Филипповым я даже дружил. Вернее, он со мной.

Вот уж чем жизнь меня не обделила, так это друзьями.

Существует мнение, что друзей, знакомых, приятелей надо заводить равных себе по интеллекту, социальному положению, способностям, а в последнее время, даже и национальность должна соответствовать требованиям. Формируйся круг моих знакомых в наши дни, я, скорее всего, был бы обречён на одиночество. Ни «социалкой», ни интеллектом, не говоря уже о национальной принадлежности, я не отвечаю современным требованиям на звание друга. А вот, поди ж ты. Если б не «природная» скромность, я бы привёл имена людей, которые числят меня в своих приятелях, знакомых, друзьях. Но первым таким другом, не отвечающим современным требованиям, был Женька Филиппов. Может, этому способствовало и то, что жили мы в пяти минутах ходьбы друг от друга. Он на Молчановке — рядом с нынешним музеем Лермонтова, я на Воровского в доходном — потом я прочёл у Олега Волкова — доме Писемского.

Вообще район, где «квартировал» наш класс, — Воровского, Молчановка, Собачья площадка — был нашпигован мемориальными местами. Один дом Цветаевой чего стоит. Другое дело, что мы не имели никакого представления о той же Цветаевой. Уже четверть века спустя я напишу:

Играли в салочки и жмурки,
Проказам не было числа,
В Борисоглебском переулке —
Там, где Цветаева жила.
Носились по бульжной суше
На самокатах и коньках,
И не нуждались наши души
В её трагических стихах.
Воспитанные с малолетства
На почитанье «Одного»,
Мы про великое наследство
Почти не знали ничего.
Мы были временем объята,
Как пламенем, со всех сторон.
Мы были сказочно богаты
Предчувствием иных времён.
Какие радости и муки
Испепеляли нас дотла! —
В Борисоглебском переулке,
Там — где Цветаева жила.

У Женьки была нормальная, в смысле состава, семья. Папа, мама, бабушка, сестра (младшая) и даже домработница. Хотя, если учитывать положение, занимаемое главой семьи (он, кажется, был большой начальник), то домработница вполне вписывалась в этот семейный ряд. Как и было положено по тем, только-только послевоенным временам, имея такого «главу», мама Женьки не работала. Сам отец, несмотря на занимаемый «пост», отличался ровным характером. Без «фокусов». Я никогда не слышал, чтобы он повышал голос, жучил кого-нибудь, давал «указания». За три года, что я общался с Женькой (с третьего по шестой класс), я не слышал в его адрес реплик типа: пора за уроки, не задерживайся на улице, не связывайся с хулиганами. На полного

хулигана я не тянул, но и помимо довольно прохладного отношения к учёбе, я обладал некоторыми качествами, от которых и мой-то родитель не приходил в восторг. Тем не менее, никто из домашних моего приятеля меня не ставлял, не учил, не бранил.

А было за что.

Главное, что я устраивал Женьку. А чем? Поди знай! Ведаю моё семейное положение — я рос без матери — меня подкармливали. И даже, когда в наших совместных проделках моя доля вины явно превалировала — её делили поровну. С ним я прошёл все положенные возрасту увлечения. Шахматы, шашки, игра в ножички, расшибец и прочие. Теперь названия иных игр забылись, хотя и сейчас я вполне могу подбрасывать на ногу тряпку с пришитой для веса пуговицей.

У Женьки я впервые познакомился с проигрывателем. И в присутствии, а особенно в отсутствии, родителей мы до упаду гоняли модных тогда певцов. Репертуар одного из них — Александровича — до сих пор у меня на слуху.

С Женькой мы расстались в середине шестого класса. Родители перевели его в английскую школу.

В силу того, что мы с Женькой в основном общались в школе, после его перевода наша дружба постепенно пошла на убыль.

Если успехи Женьки в английском помогли ему в дальнейшей карьере, то для меня инглиш стал одним из предметов, по вине которого я, собственно, и «загребел» сначала на второй год, потом и на третий. Вторым предметом в этой «сладкой парочке» была тригонометрия. Слово тригонометрия до сих пор ассоциируется у меня с большим мотком колючей проволоки. А с такими ассоциациями вникать в сущность всех этих «тангенсов», «катангенсов» — занятие малопродуктивное.

Но как бы то ни было, представить, что меня — Валентина Резника — оставят на второй год... Воля ваша... Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

Оказалось — может. Последовала переэкзаменовка на осень. Но кто же в начале лета думает об осени. Впереди пионерский лагерь. Три года (ох уж эта цифирь) я проводил одну из смен — каждая по сорок дней — в пионерском лагере от «Верховного Совета».

Дело в том, что мой отец с пятидесятого года работал наборщиком в газете «Известия» — органе Верховного Совета.

Располагался лагерь в Спас-Клёпиках. Добираться до него надо было в два приёма. Сначала на «кукушке» до Егорьевска сто вёрст, потом восемьдесят на грузовиках по дороге, о качестве которой говорит такая деталь: грузовики изнутри были выложены матрасами. Но всё равно это не спасало от синяков и шишек. Многих, и меня в том числе, укачивало до состояния, когда «хвалятся харчами». В дорогу, помимо родительских конфет и пряников, давались большие полубатонные бутерброды, проложенные маслом, сыром, колбасой, плюс свежие огурцы, сваренные вкрутую яйца и ещё что-нибудь съедобное. Как правило, всё это богатство мы во время рейса бросали стоящим вдоль дороги жителям окрестных деревень. Они уже заранее знали о дне, когда очередная лагерная смена будет проезжать.

Если иметь в виду, что край, через который мы направлялись в «Спас-Клёпика» — Мещёра, так великолепно описанная Константином Георгиевичем Паустовским, можно понять мою любовь к этому писателю. Каждый раз, перечитывая эту повесть, я как бы заново проделываю тот, Бог знает, какой давности и тряскости маршрут.

Будни и праздники пионерлагеря тоже не очень способствуют подготовке таких строгих дисциплин, как английский и тригонометрия. Масса отвлекающих обстоятельств. Спортивные мероприятия, военная игра, соревнования между отрядами на лучший спектакль, на лучшую стенгазету, да мало ли чем занимали юных ленинцев, только чтобы они не слонялись без дела. А ведь у каждого ещё были свои увлечения, хобби. У меня такой страстью являлась рыбалка.

Я только туда и обратно,
Туда и обратно. Туда —
Где лес в вечеряющих пятнах,
В закатных разводах вода.
Где мальчик на свае горелой
Следит за пером поплавка,
Где смотрятся оцепенело
В зеркальное лоно века.

В стихах речь идёт о вечерней рыбалке, а ведь была ещё главная — утренняя. Когда на «рабочем месте» надо быть часов в пять-шесть. А подъём в лагере в восемь. И вот мимо спящей вожатой, через окно, которое надо осто-

рожно открыть, поскольку корпус, где находится отряд, на ночь закрывают, а там лёгкий соскок на муравистую землю и к мосту, под которым находится та самая «горелая свая», служащая «рабочим местом».

Следы босых ног чётко отпечатываются на покрытых иием досках. Дрожащей от волнения и от холода рукой разматываешь сооружение, именуемое удочкой, состоящей из ивового прута, капроновой лески, поплавок, грузила и крючка. На крючок насаживаешь аппетитного навозного червя рубинового цвета. Быстро поплевав, чуть не поцеловав извивающегося красавца, забрасываешь удочку и в тишине, нарушаемой кряканьем утино выводка или всплеском прибрежной живности, начинается действие. Вдруг поплавок (всегда вдруг) камнем пошёл вглубь. Тут не зевай. Точная подсечка — и вот уже в ладонях бьётся язь или краснопёрая плотва.

С червями у меня связана одна «хулиганская выходка». Обычно после рыбалки в коробке из-под леденцов оставалось какое-то количество навозных питомцев. И однажды «осенённый» я решил их использовать не совсем по назначению. Предварительно приведя червей в «божеский вид» — очистив их от среды обитания, сполоснув, я принёс их в столовую. По меню, вывешиваемому у входа в столовую, я знал, что на обед будет картофельное пюре. Когда дежурные разнесли тарелки со вторым по столам, я незаметно для соседей опрокинул содержимое леденцовой банки в белую пышную холмообразную порцию. Быстро забросал опешивших червей картофельной вкуснятиной и стал ждать. Когда навозники поползли на свет, я обратил на это внимание сидящих за столом...

Я тогда ещё не видел шедевр Эйзенштейна — «Броненосец Потёмкин», но история с червями в гнилом мясе, ставшая одной из причин бунта на корабле, была мне знакома.

Через час после «выходки» я стоял «с вещами» в прихожей директорского кабинета. Мне грозило «исключение». А если учесть, что за мной числилась ещё «перезэкзаменовка», можно представить, с какой радостью папа принял бы меня дома. Но всё обошлось. Видимо, учли статус моего отца — он был одним из лучших работников «Известий». Да к тому на руках двое детей (у меня ещё старший брат — Гриша), лишённых матери. Так что, скорее всего, решили не расстраивать его. Торопливо дав «честное пионерское», что такое больше не повторится, и наказанный отлучением от «кина» — вечером должны были продемонстрировать «Без вины виноватых» — я был отпущен с миром.

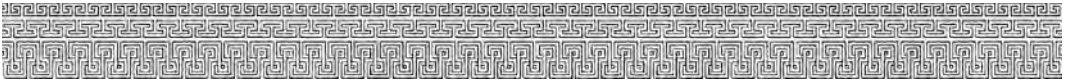
Придя 1 сентября 1951 года в школу, я нашёл своё имя в списке того же шестого «Б», только с другим составом участников. Началось моё второгодничество.

Ко второгодникам я относился с презрением. У нас в школе было несколько экземпляров этой разновидности. И хотя причины, по коим они стали второгодниками, были различные (по болезни, к примеру), всё равно моё отношение к ним оставалось неизменным. Самое интересное, что уже и сам став второгодником, я продолжал относиться (исключая себя, разумеется) к ним по-прежнему. И тогда, и сейчас «второгодник» звучит для меня более отрицательно, чем «третьегодник».

Новый шестой «Б» по успеваемости уступал «моему» «Б». Хотя и здесь были отличники и четвёрошники, но, во-первых, не в таком количестве, а главное, не такого качества.

В связи с этим вспоминаю одну историю. Кажется, в классе пятом, пользуясь тем, что не пришёл кто-то из учителей, и урок оказался свободным, мы вызвали всех шестерых своих отличников к доске и «гоняли» их по всей учебной программе. Задавали вопросы, какие только приходили в голову, даже такие, на которые и сами вряд ли могли ответить. Наши «кругляки» держались молодцами. Прямо готовая команда для будущей ворошиловской телеигры «Что? Где? Когда?». Однажды, когда я предложил провести подобный эксперимент своим новым одноклассникам, на меня так посмотрели... чья бы корова мычала...

Второй год обучения был выдержан примерно в таких же параметрах, как и первый. Та же неподъёмность в тригонометрии и английском. В остальном, кроме истории, географии, конституции, литературы, — твёрдые тройки. Как и положено «ветерану», я сидел на задней парте со скучающим видом. Нам, дескать, всё это знакомо. Со мной вместе сидел такой же «ветеран» вроде меня. Он был переведён из другой, менее благополучной, школы в нашу сто третью, видимо, в надежде, что более высокий уровень преподавания поможет ему повысить и свою успеваемость. Звали моего нового товарища по несчастью Владимир. Когда я как-то попытался «утеплить» его имя, назвав Володей, он ещё раз повторил — Владимир. Выглядел Владимир старше своих лет. Хотя сколько ему было «своих» я не знал. Вёл он себя степенно. На переменах из класса выходил одним из последних и после её окончания входил в том же порядке. Курил. Это был первый курильщик, с которым я был знаком. Имея в виду своих сверстников. Отличаясь повышенной немно-

гословностью, он как-то кратко сообщил, что в раздевалке на катке «срубил целку», из чего я несколько позже сделал вывод, что кроме табака он был знаком и с женщинами. Не помню, чтобы Владимир «тянул руку», дабы продемонстрировать свои знания. Чтоб просил списать или готовил шпаргалку к очередной контрольной. На меня он не «влият» ни в дурную, ни в хорошую сторону. В конце третьей четверти он просто перестал «посещать» занятия. Я никогда больше его не видел. Но то достоинство, с каким Владимир нёс крест второгодничества, остался в моей памяти. Для меня же второй срок обучения был памятен случаем, в результате которого я, второгодник, был избран председателем совета отряда.

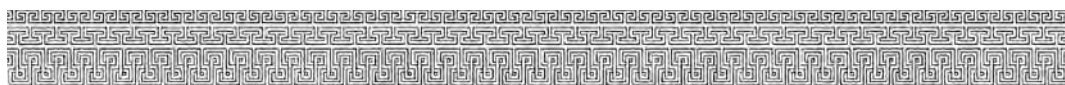
Началась эта история с моего столкновения на перемене с одним одноклассником-арабом. Ничего, кроме хорошего, сказать о нём не могу. Сын одного из дипломатических работников, он мало чем отличался от всех прочих: поведением, учёбой, экипировкой. Если бы не внешность — смуглый цвет лица, курчавые, как у Пушкина, волосы, то прямо свой брат арбатского разлива. Его особенно не выделяли ни учителя, ни ученики. Хотя, казалось бы, экзотика.

Итак, не помню, что послужило причиной, но в результате потасовки или драки араба и еврея (правда, о том, что я еврей, никто в классе не знал, и я в первую очередь. До «дела врачей» во всяком случае в школе на пятый пункт не обращали внимания). Были разбитые носы, значит, текла кровь и у того, и у другого. Но кровь дипломатического отпрыска ценилась выше, хотя сам отпрыск на следующий день в знак примирения принёс мне целых два бутерброда с красной икрой. Правда, тогда красная икра не была в таком престиже и в такой цене, какой стала позднее. Срочно собирается классное собрание и меня в два счёта исключают из пионеров. Потом, объясняя строгость применённой ко мне меры, старшая вожатая говорила, что мой поступок — стычка — мог отрицательно повлиять на наши отношения, кажется, с Суданом. Некоторое время я ходил в «героях дня». А когда истёк «карантин», я был исключён на несколько месяцев, то на процедуре «приёма», как бы в пику старшим, пользуясь пионерской демократией, мои товарищи выбрали меня председателем совета отряда.

Но моё «председательство» никак не сказалось на успеваемости, хотя, мне казалось, уменьшало шансы на то, что со мной в «случае чего» поступят менее кровожадно.

Увы! Сценарий повторился с неумолимой точностью. Переэкзаменовка по тригонометрии и английскому опять светила мне в конце учебного года.

И тогда мой родитель, видя, что моё второгодничество может плавно перейти в третьегодничество, решился на неординарную меру. Он предложил мне следующее: за каждый трудный предмет в случае повышения его уровня до четвёрки или пятёрки — он платит. За четвёрку четыре рубля, за пятёрку — пять.

Вскоре в моём дневнике четвёрки и пятёрки стали не редкими гостями и как раз по «трудным предметам». В конце недели я предъявлял дневник как наряд для оплаты сделанной работы. Первый, кто обратил внимание на такую «успеваемость», был старший брат — Гриша. Он справился у одного моего одноклассника, что проживал в нашем дворе, насколько верны «валькины оценки». Одноклассник, не предупреждённый мной (а то прикрыл бы), сказал всё, как есть. Брат «доложил» об истинном состоянии дел, и расплата не замедлила грянуть. До этого случая отец ни разу не поднимал на меня руку. И, конечно, не денег ему было жалко, а та наглость, с которой я воспользовался его «педагогическим приёмом».

Прости, папа!

Прошло пионерское лето. Настало первое сентября 1952 года. Услышав решение педагогического совета с той же формулировкой, только вместо «на второй год» там было «на третий», я флотской походкой вышел из класса, осторожно прикрыл дверь и вышел на улицу.

Свободен!!!

А дальше что? Ясно только, что с таким результатом домой лучше не появляться. И я пошёл искать работу. Это в четырнадцать-то лет, да с моими физическими данными. О таких говорят — «шибздик». Поехал в Краснопресненский райисполком. Нашёл комнату, где занимаются трудоустройством. Стучусь.

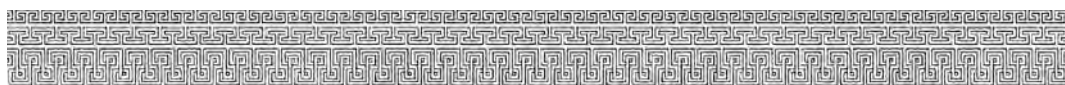
— Войдите. Тебе чего, мальчик? — спрашивает средних лет женщина.

— На работу пришёл устраиваться, — отвечаю.

— Вот видишь, — обращается она к стоящей перед ней девице, — такой маленький, а хочет работать. А ты? Ну, выйди в коридор, а мы пока с мальчиком разберёмся. Выкладываю трудоустройщице всё, как есть. И про учёбу, и про сиротство (это был мой основной козырь). Ни о чём меня больше не спрашивая, эта святая женщина, имя которой я должен бы хранить до гроба, а забыл через два дня, — села на телефоны, и вскоре в моих руках был адрес завода, куда я должен был пойти устраиваться на работу. Нахожу на Горбатом мосту Завод кроватный №3. Направляюсь в отдел кадров. Оттуда вместе с

кадровичкой в кабинет главного инженера завода. Подходит директор. Начинают решать, куда меня определить. В малярку? — Там воняет красками, да и бабы слишком матом ругаются. Может, к прессовщикам? — А чему он там научится, только на подхвате ящики с деталями таскать. Остановились на ОГМ — отдел главного механика. Самое элитное место на заводе. Там работали высококлассные слесаря-инструментальщики и слесаря по ремонту оборудования. После ухода кадровички главный инженер, татарского вида мужчина, спросил с улыбкой:

— Пьёшь?

— Нет, — честно ответил я.

— На, возьми. И он протянул мне красно-жёлтый мясистый солёный помидор.

До сих пор я закусываю им.

Елена САФРОНОВА — прозаик, литературный критик-публицист. Окончила Историко-Архивный Институт Российского Государственного Гуманитарного Университета в Москве (1990–1995 г.г.). Как литературный критик, публицист и прозаик печатается в литературных журналах «Знамя», «Октябрь», «Вестник Европы», «Родомысл», «Урал», «День и ночь», «Литературная учеба», «Дети Ра», «Кольцо «А» (журнал Союза писателей Москвы). «Новый Ренессанс», «Бельские просторы», «Утро» (Рязань), «Первоцвет» (Иркутск).

Прозаические произведения выходили в сборниках: «Пролог» (молодая литература России) — 2007; «Новые писатели» за 2006 год; «Первостанник» Астафьевского фонда 2007 года; сборнике фантастики «Аэлита — 2008», антологии «Русская фантастика — 2013», альманахе «Литеры» Союза писателей Москвы.

Автор рецензий на книги современных авторов, выходящих в «НГ — Экслибрис». Автор книг критико-публицистических статей «Все жанры, кроме скучного», М., Вест-Консалтинг, 2013, «Диагноз: Поэт», М., Арт Хаус Медиа, 2014. Рассказ «Виртуальное зачатие» удостоен диплома лауреата литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Проза» 2005 года. Повесть «Жители ноосферы» вошла в лонг-лист литературной премии «Ясная Поляна» 2009 года. Лауреат Астафьевской премии в номинации «Критика и другие жанры» 2006 года, премии журнала «Урал» в номинации «Критика» 2006 года, премии журнала СП Москвы «Кольцо А» в номинации «Критика». «Обзор журнала» 2007 года. Дипломант 6-го Волошинского литературного конкурса 2008 года в критической номинации. Лауреат премии Санкт-Петербургского литературного журнала «Зинзивер» за 2008 год, журнала «Дети Ра» за 2009 год за книжные рецензии. Лауреат премии «Венец» 2013 года в номинации «Критика». Член Русского ПЕН-клуба, Союза писателей Москвы, Союза российских писателей. Живёт в Рязани, работает в Москве.

ПРИЗРАКИ «ГОЛУБОГО ЭКРАНА»

Заметки читателя, ставшего кинозрителем

По своему психотипу я больше читатель, чем зритель. Не могу похвалиться доскональным знанием истории мирового кинематографа и «от зубов отскакивающим» перечислением его достижений. Но в силу того, что я убеждённый читатель, для меня интересно одно направление кино- и телеиндустрии: экранизации литературных произведений.

В экранизациях недостатка никогда не было, с тех пор, как «голубой экран» стал показывать сюжеты посложнее прибытия поезда. Но старые добрые немые наши «Медвежью свадьбу» (1926) или «Сорок первый» (1927) (как и зарубежные работы основоположников игрового кинематографа Жоржа Мельеса, Викторена Жассе, Луи Фёйяда, перенесших на экран книги Свифта, Дефо, Гёте) можно оставить почитать на заслуженных лаврах. Они уже в большей степени история кинематографа. А процесс экранизаций продолжается и ширится!..

Вот совсем недавно по «голубым экранам» страны прошёл новый фильм «Война и мир» по мотивам самого знаменитого русского классического романа. Телевизионный продукт, сохранивший толстовское название, согласно его официальному статусу — драматический мини-сериал в шести сериях, снятый в Великобритании, по заказу канала BBC (работа над ним началась в 2013 году). На «родине» сериал был показан в январе 2016 года, на родине первоисточника — в мае 2016 года. Шестисерийную адаптацию романа «Война и мир» для телевидения написал сценарист Эндрю Дэвис. Режиссёром выступил Том Харпер. Роли исполняли артисты Пол Дано (Пьер Безухов), Лили Джеймс (Наташа Ростова), Джеймс Нортон (Андрей Болконский), Джесси Баккли (Мария Болконская), Отто Фаррант (Петя Ростов), Том Бёрк (Фёдор Долохов) и многие другие актёры. Среди всего актёрского ансамбля не нашлось ни единого сильно «засвеченного» лица или имени, осяянного всемирной славой. Впрочем, это представляется как раз хорошим ходом — для рядового зрителя суперзвезда в какой угодно роли, от князя Болконского до графа Дракулы, прежде всего, суперзвезда, а потом уж экранный персонаж. То есть непрофессионалу тяжело абстрагироваться от популярности узнаваемого актёра, тогда как малоизвестные исполнители ролей выглядят более естественно в своих киношных амплуа и практически совпадают с изображаемыми героями.

Тот факт, что работа над сериалом по «Войне и миру» (несмотря на приставку «мини» в его определении) велась три года, вроде бы свидетельствует о добросовестности британской команды. Да и выбор места съёмок похвален: часть сцен снималась на Дворцовой площади и в Успенском соборе в Санкт-Петербурге, другие — на территории Большого Гатчинского дворца и в окрестностях его парка. Сцены балов сняты в Екатерининском дворце Царского Села и Юсуповском на Мойке. Значительная часть съёмок состоялась в Латвии, в Рундальском замке, архитектором которого был сам Растрелли, и латвийский памятник архитектуры в кадре смотрится вполне «по-петербуржски».

Но все идеальные «декорации» и логично подобранные натурные съёмки не избавляют от того факта, что британская «Война и мир» оставляет впечатление, которое уместнее всего охарактеризовать нелитературным и искусствоведческим в принципе термином — словом «кисло!». Почему-то вся история, полная и любовных драм, и грандиозных баталий, и душещипательных объяснений между героями, и характерных сцен русского быта, не создаёт у зрителя чувства, что перед ним прошла оформленная в яркие художественные образы «энциклопедия русской жизни первой половины XIX века», как порой называют «Войну и мир» вслед за «Евгением Онегиным».

Экранная история Тома Харпера представляла зрителям упрощённой и даже уплощённой, сведённой в основном к перипетиям личных отношений персонажей, лишённой глубины и выразительности, всех тех черт эпичности, которыми буквально дышит роман (и из-за которых он, будем честны, с таким трудом читается, особенно школярами, которым чья-то умная голова велит изучать его в десятом классе). Действие было одномерным и как будто «висящим в воздухе», а не основанным на глубинных исторических процессах, не стоящим на плечах народа — основного, как помнится из той же школьной «препарации» эпопеи Толстого, героя книги и вершителя судьбы России. Однако сказать это проще, чем объяснить, в чём именно выражалась «неглубокость» экранизации. Отдаю себе отчёт, что, если разбирать фильм детально, придирчивый зритель вряд ли сумеет выделить однозначные минусы. Они сведутся к «отдельным недостаткам», типа весьма вольных упражнений режиссёра с возрастом персонажей. Так, Наташа явно не тринадцати лет, затем шестнадцатилетняя девочка, она с первого появления — матрона лет тридцати на вид. Зато этот, на мой взгляд, явный перегиб «уравновешивают» сильно «помолодевшие» относительно советской экранизации «Войны

и мира», осуществлённой Сергеем Бондарчуком, князь Андрей Болконский и Пьер Безухов. Безухову, согласно роману, всего-то 20 лет, и, конечно, в его образе солидный Бондарчук был явным анахронизмом, да и «вечно молодой» Вячеслав Тихонов тоже не выглядел человеком на заре жизни. Американские герои мужеска пола «утодили» во временные лузы, очерченные Толстым, удачнее наших, чего не скажешь о женщинах. Но почему же они вместе с тем утратили многогранность образов, превратившись в некие не то схемы, не то призраки?..

Однако и прочие замечания к художественной и идейной ткани фильма также могут быть опровергнуты по формальным признакам. И в итоге прямого ответа на прямой вопрос: «Так чем же плох «мини-сериал» «Война и мир», да и плох ли он?» — мы не найдём. Самое резонное объяснение будет и самым загадочным: в британской экранизации нет магического «русского духа». Хотя экранная погоня за ним — тоже палка о двух концах.

Наследие Льва Толстого не раз испытывало на себе тягу зарубежных режиссёров воссоздать на экране «русский дух». Особенно сильно она выразилась в английском фильме режиссёра Джо Райта «Анна Каренина» с Кирой Найтли и Джуда Лоу в главных ролях, вышедшем на российские киноэкраны в конце 2012 года. Роман Толстого в сценарии Том Стоппард претерпел настолько серьёзные изменения, что хотелось, смотря фильм, не раз воскликнуть: «Роог Толстой!». Свести гигантское многоплановое полотно к буффонаде на огромных театральных подмостках, ограниченных четырьмя стенами декораций — дома аристократов, конторы чиновников, великосветские салоны и т.п., пронизав остаточное действие музыкальным рефреном «Во поле берёзонька стояла» без слов, — надо было постараться. Том Стоппард, как новоявленный Леонардо, от глыбы мрамора поистине отсёк всё ненужное и, вероятно, умаялся отбивать пластины смысла. В эстетике театральной постановки великий русский роман оказался сведён к схеме и набору весьма ожидаемых «гэгов». Зато стало очевидно, что возможности «изложения краткого содержания» литературного произведения любой величины поистине неисчерпаемы.

Но «утрамбовывание» «Анны Карениной» в ряд театральных сцен было отнюдь не случайностью, а изначальной задумкой сценариста и режиссёра, поданной весьма амбициозно. Ещё до появления картины в русском прокате «общенациональный телегид» журнал «Антенна-Телесемь» посвятил подробную статью ожидаемому кинопродукту, объясняя, каким мы его уви-

дим и почему именно таким. В статье подчёркивалось (с отсылкой на прямую речь создателей фильма), что Том Стоппард прочитал роман пять раз, и, обсуждая с режиссёром постановку, они решили перенести действие на театральные подмостки. Цитирую статью: «Театр — как метафора общества XIX века, театр — как сцена, где актёры разыгрывают историю любви... Любовь Карениной и Вронского вся на глазах у публики, поэтому их история целиком будет разыграна на театральной сцене. В огромном павильоне... был выстроен театр — со сценой, зрительным залом, балконами. Двуглавый орёл над порталом сцены, тяжёлый занавес, бархат и позолота в зрительном зале. Четырнадцать задников было написано для четырнадцати сцен, которые разыгрываются в этом зале. И лишь история Левина и Китти будет сниматься на натуре, в английском поместье, ведь, по мнению создателей, именно их любовь настоящая...».

Превознесение режиссёром истории Китти — Левина как «подлинной любви», противовеса публичной связи Анны и Вронского, доказывает, что очень важный нюанс романа — то, что Левин вскоре после женитьбы начинает тяготиться идиллией, — остался ни постановщиком, ни сценаристом не понят. На деле, эффект получается ровно обратный: зритель, привыкший к тому, что громадный многопластовый роман втискивается в четырнадцать сцен на подмостках, к искусственным задникам и нарочитым декорациям, уже и пастораль, на фоне которой развивается история Левина-Китти, воспринимает просто как ещё один занавес с нарисованными облачками и травкой. Тем паче, что в фильме есть и сцены в господском доме Левина, в которых при желании можно усмотреть и насмешку британца над русским бытом: голые бревенчатые стены, иконы с рушниками по углам, а по столу, уставленному чуть ли не оловянной посудой, ходит и квохчет живая курица. Да и убранство всех прочих «подмостков», которые английский режиссёр и сценарист установили для съёмок «Анны Карениной», отражает лубочные представления иностранцев о «русском характере» (точнее, об его доходчивом изображении). Иначе к чему весь этот китч, псевдороскошь, фальшивый блеск и двуглавый орёл в роли кокетливой побрякушки, венчающей пошловатый «торт»?.. К декорациям возникает не интерес и даже не любопытство — а отторжение. И уже не суть важно, насколько выразительно дрожала ручка Киры Найтли, сжимающая веер, когда лошадь Вронского сломала спину... Как этот эпизод может взволновать? — это же театр! Вон, и на заднике уголок отклеился...

Строго говоря, «Анну Каренину» нельзя считать исключительно «русским» романом. На мой взгляд, гораздо более применимо к нему понятие «мировая классика», один из величайших романов о любви, когда-либо написанных человечеством. Не признание ли его мирового значения — двадцать одна экранизация в самых разных странах (включая Индию и Аргентину)? Самый первый фильм «Анна Каренина» появился в 1910 году в Германии. С тех пор через каждые два-три года выходили новые киноверсии — русские, американские, немецкие, английские, венгерские... Возможно ли выбрать из них лучшую? Наверное, на вкус и цвет товарища не найдётся.

Но — случайность ли это? — вижу уже второй фильм по «Анне Карениной», снятый на Западе, который отдаёт должное «русским» стереотипам — то есть стереотипам изображения «варварской» России глазами цивилизованного иностранца. Имею в виду «Анну Каренину», снятую в США в 1935 году на студии «Metro-Goldwyn-Mayer» Клэрэнсом Брауном, с Гретой Гарбо и Фредриком Марчем в главных ролях... где завязкой драматического действия служит едва не четвертьчасовая пирушка гвардейцев, с икрой ковшами, водкой штофами, армейской забавой лазания под столом с песнями. Тогда как рассказ о запутанных отношениях любовного треугольника и душевных метаниях страстной и несчастной женщины оказался довольно схематичным. Ему отведено непропорционально меньше внимания, чем созданию «колорита а-ля-рюс».

А ведь есть мнение, что фильм Брауна — наиболее удачная экранизация книги Толстого! Так выходит по рейтингу «кинематографического» портала «Сам Фильм.рф» (сайт создателей авторского кино).

На портале «Сам Фильм.рф» составили краткую «иерархию» фильмов, снятых по мотивам произведений классической русской литературы и получивших наибольшее признание зрителей, критиков и ценителей классики (критерии отбора — награды престижных международных кинофестивалей и всенародная любовь). В списке из семи позиций «Анна Каренина» Брауна — замыкающая.

- 1 место: советская «Война и Мир» С. Бондарчука, 1965–1967 год;
- 2 место: «Доктор Живаго» Дэвида Лина, США, 1965 год;
- 3 место: «Мастер и Маргарита» Мацея Войтышко, Польша, 1990 год;
- 4 место: отечественный «Вий» 1967 года, режиссёры Георгий Кропачёв и Константин Ершов;

5 место: «Онегин», США, Великобритания, 1999 год, режиссёр Марта Файнс;

6 место: «Идиот», СССР, 1958 год, режиссер Иван Пырьев.

7 место: «Анна Каренина», США, 1935 год, режиссер Клэрэнс Браун.

По моему внутреннему рейтингу, самой удачной экранизацией стоило бы признать «Анну Каренину» режиссёра Александра Зархи (1967 года), с Татьяной Самойловой, Василием Лановым и Николаем Гриценко в главных ролях. Но она «на пьедестале» отсутствует.

Из вышеприведённого списка я не видела «импортных» «Онегина», «Живаго» и «Мастера».

С одной стороны, нет оснований не доверять отзывам профессионалов, людей творческих, опытных и «насмотренных». С другой стороны, именно потому, что профессионал судит по своей высокой мерке, оценивая не только то, что лежит на поверхности, возможно серьёзное расхождение его компетентного впечатления и непосредственной реакции «широкого зрителя», к каковой категории я себя с полным правом отношу.

Как зрителя «от сохи», меня смущают характеристики, данные фильмам из этого рейтинга профессионалами. К примеру: «Художественный фильм, снятый по мотивам романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Картина, создавшая представление для «западного» зрителя о России, Российской истории и о необыкновенной русской душе». Замечательно, казалось бы, что весь мир познакомился с русской советской литературной классикой, отмеченной трагическим знаком отличия — неполученной Нобелевской премией!.. Обидно, что мир увидел в кино эпохальный роман о русской интеллигенции раньше, чем СССР. И что Россия в третью очередь «сняла» его — после американской экранизации 1965 года и после английской экранизации 2002 года. Но это уж претензии не к западным режиссёрам, а к собственным идеологам. Но... весь вопрос — с чем мир познакомился в голливудской версии «Доктора Живаго»? Что, если — с приключенческим боевиком? Или того хуже?..

От откровенной формулировки «создание представления о России и необыкновенной русской душе» у меня на обыкновенной русской душе кошки скребут — страшно даже представить себе, каким вышел русский интеллигент в исполнении красавца, специалиста по ролям обаятельных авантюристов и непокорных аристократов Омара Шарифа. Не оказался ли он ещё од-

ним «призраком голубого экрана» — гламурным «щекотателем нервов», а его трагедия не сведена ли к невозможности соединиться с Ларой?..

Наш «записной красавец» Олег Меньшиков в роли Юрия Живаго (экранизация Александра Прошкина 2005 года) не идеален, но более уместен.

Честно говоря, если вдуматься, способны ли представители другой культуры снять живой, действенный, эмоционально воздействующий фильм о той странице российской истории, которой посвящён «Доктор Живаго», и об её прямом продолжении — имею в виду эпоху репрессий — я бы ответила «нет». В этом отрицании не будет ни толики «квасного патриотизма». Просто эта растерянность интеллигента в послереволюционной смуте, его страх перед происходящим, его мучительный поиск объяснения происходящему, а также попытки определить степень собственной вины и ответственности за «данс-макабр» вокруг, по моему мнению, явление довольно уникальное, и не прожитое и забытое, а пережитое и оставившее в россиянах генетический и психологический след. Он не поддаётся вербальному объяснению, переводу на какой-то всемирный «эсперанто», язык всем доступных понятий. Язык искусства для передачи этой гаммы чувств подходит, пожалуй, более всего, однако тут есть большое «но»: как перевести на язык искусства то, чего не испытал?.. Думаю, точно так же русская команда вряд ли смогла бы снять убедительный фильм по роману Купера «Последний из могикан», не балансируя на грани падения в залихватский вестерн. И в этом нет ничего обидного.

По этим соображениям и голливудская попытка (пусть и удачная, на взгляд кинокритиков) снять «Доктора Живаго» ассоциируется у меня с телевизионным семисерийным сериалом «Тихий Дон», смонтированным Фёдором Бондарчуком из материалов Сергея Бондарчука, который бредил этим фильмом с 1960-х годов. Русско-англо-итальянская экранизация одного из величайших романов XX века оставила после просмотра горькое удивление полным несоответствием визуального ряда — текстовому. Не в последнюю очередь — благодаря изысканному красавцу Руперту Эверету с его «музыкальными» пальцами — в роли казака (то бишь — воина и земледельца) Григория Мелехова. К счастью, английский артист, безусловно, талантливый, но не созданный для этой роли, сам понимал свою «чужеродность»: «Когда меня пригласили сниматься по роману Шолохова, я очень удивился: мне казалось, что я не очень подхожу на роль Григория Мелехова, русского казака. Я был ошеломлён. У нас нет ничего общего. Я был, вероятно, самым странным выбором для этой роли. Я понимаю, что это роль-мечта для любого актёра, но

это в то же время и кошмарная роль. Прочитав роман, причём не один раз, я всё равно смог приблизиться к этой роли очень ограниченно». Владимир Гостюхин, заслуженный артист РСФСР, высказался обо всём сериале непохвально: «Не думаю, что это именно то, чего хотел Бондарчук... Я бы сказал, что это вариации на тему фильма Бондарчука...».

Неразумно, должно быть, — но после знакомства с бондарчуковским «Тихим Доном» я уже не хочу смотреть американского «Доктора Живаго», чтобы не нарваться на ещё один когнитивный диссонанс: Омара Шарифа и роли Юрия Живаго.

Но если бы проблема «странного» прочтения русской литературной классики «экранизаторами» была сплошь зарубежной, она бы, возможно, не стоила обсуждения. Однако как читателя и зрителя меня волнуют и некоторые отечественные версии знакомых с детства произведений.

В стадию «волнения» моя личная рефлексия вошла после просмотра фильма Карена Шахназарова «Палата № 6» 2009 года выпуска. С того момента, наверное, я и стала задумываться над проблемой, поднятой в этой статье. Признаться, тягостное недоумение вызвал чеховский сюжет с чеховскими же диалогами, вписанный в реалии современного рабочего посёлка, унылой окраины, и приём вложения крупных фрагментов чеховского авторского текста в уста персонажей, и частые вкрапления в ленту пародийных любительских видеороликов с Ютуба. Впрочем, может быть, пародировалось другое — съёмки скрытой камерой, ведомые журналистами криминальных программ при расследованиях или «акциях с провокацией». На такое толкование словно бы намекали непрезентабельные сюжеты роликов — пьяные танцы почтмейстера и Рагина либо циничное интервью бывшего главного врача больницы... В котором любой журналист тут же уловит «прокол» — ни один снятый с должности чинуша не скажет о себе прямо: «А я воровал спирт и устроил себе небольшой гарем из санитарок». Нет, он будет уверять, что ошибались или злоупотребляли все, кроме него, а он «пострадал за правду», в лучшем случае «в раздачу попал», или «стрелочником оказался»! Но если передать речь от третьего лица первому, получается нелепость. В подчёркнутой «документальности» киносюжета «Палаты № 6» нет достоверности. Её подменяют фантазмагии; в особенности в заключительной сцене, отсутствующей в оригинальном рассказе, а в реальной психбольнице попросту невозможной — где пациенты мужской и женской психиатрической клиники вместе встречают новый год...

Редкими оазисами достоверности и — более того — художественной правды — были в этом фильме главные герои: доктор Рагин (Владимир Ильин) и больной Громов (Алексей Вертков). «Перевернутое», опустошённое лицо свихнувшегося Рагина — Ильина спасло, по моему мнению, фильм, вернув его к гениальному чеховскому рассказу.

В передаче «Закрытый показ» (прекратившей существование в 2013 году, к моему великому сожалению) показывали «Палату № 6» Шахназарова, а следом дискуссию профессионально подкованных зрителей с создателями картины. Мнения разошлись по амплитуде от полного восторженного приятия до категорического неприятия, и было видно в зеркале телеэкрана, как болезненно воспринимает Карен Георгиевич то, что его «не поняли». Конечно, режиссёра можно понять: для него этот фильм — выстраданное детище. Ведь сценарий Карен Шахназаров и Александр Бородинский написали ещё в 1988-м году, а роль Андрея Рагина первоначально предназначалась Марчелло Мастоияни. Однако тогда проект не состоялся из-за творческих разногласий с итальянскими продюсерами (интересно, что не понравилось итальянской стороне? Вдруг да иностранцы пришли в культурный шок от режиссёрских «находок»? Об этом широкой аудитории как-то не сообщили).

В интернете критики анализировали «Палату № 6» таким образом: «Повесть Чехова экранизирована в характерном для нашего времени жанре «докудрамы», оно же «сенсации, интриги, расследования». Но позвольте, при чём тут «докудрама», при чём сенсации, интриги и расследования, когда Чехов оставил нам глубинный рассказ о выборе пути, смысле жизни и поиске внутренней свободы — который возможен и отличает человека от голема, даже когда тело заперто в палате для душевнобольных?.. Что тут расследовать? Пропажу стетоскопа, за которым «отлучился» Хоботов, чтобы запереть коллегу в скорбном узилище?..

После просмотра «Палаты № 6» даже как-то царапнуло, что в интервью каналу «Культура» Карен Шахназаров сказал: «Режиссура — это вопрос высочайшей культуры, личной культуры. Что такое культура? Это колоссальная эрудиция во всех областях», — словно бы сведя вопрос человеческой «культурности» ко владению многими ценными знаниями. Мне наивно казалось, что личная культура — это и умение уважать чужое слово (тем более — экранизируемый первоисточник). На упрёк, что я и сама не уважаю «слово» Карена Шахназарова относительно хрестоматийного рассказа Чехова, резонно ответить: «Он первый начал!».

Да, Карен Шахназаров — режиссёр, предпочитающий «двойное дно», в его фильмах никогда не бывает «линейного» действия (даже в милой эксцентричной комедии «Мы из джаза»), наоборот, стыкуется множество смыслов, огромная художественная нагрузка ложится на подтекст. В большинстве его картин это получается естественно и органично. Как «прозвучал» первый российский фильм абсурда — «Город Зеро» (1988 года)!.. Как потрясла драма «Царевубийца» (1991 года), сценарий которой также написан Александром Бородянским и Кареном Шахназаровым!.. Почему же такое непонимание у интеллигентной аудитории вызвала «Палата №6», продолжающая линии трагического абсурда?

Могу предположить: потому, что те фильмы создавались соавторами «с нуля», и в своём литературном пространстве они были, что называется, «хозяин — барин». А здесь ни за что ни про что пострадал Чехов. Как будто рассказу сделали «адаптированный пересказ»!.. Зачем? Ради популяризации? Ради пробуждения любви к Чехову? Боюсь, такой материал создал о творчестве Антона Павловича представление превратное...

Важно соответствие не только идейно-художественных замыслов книги и фильма, но и семантики текста и метода воплощения «книжной» реальности в «реальность» кинематографическую. Априори возможно передать средствами одного вида искусства то, что отображено средствами другого вида искусства, вызвав у адресата — читателя и зрителя — те же самые рефлексии. Авангардная киносъёмка отвечает авангардной прозе. Например, фильм Алексея Федорченко «Овсянки» соответствует повести Дениса Осокина (Аиста Сергеева) — в большей степени это экранизация собственно текста, каким он предстал на печатном листе, а не сюжета — потому что сюжетом-то повесть скудна. Как пишет в рецензии на «Овсянок» критик Екатерина Качалина, «В авторской вёрстке повесть напоминает изыски поэтов-концептуалистов XX века: ни одной заглавной буквы, практически нет запятых... Стиль — свойский, почти поток сознания. История, рассказанная потомком финского племени мери, — странная... Проще всего — объявить повесть одним большим стихотворением, частично в прозе. Здесь есть для этого всё: законченность, плавность, наглядность. Едва ли не поминутно строки складываются в верлибры...». Действительно, весь сюжет состоит в том, что двое мужчин из племени мерян везут в машине умершую жену одного из них на берег реки, где хоронят её по-мерянски (сжигают). Но и сами после этого долго не зажи-

ваются. Для киношного стандарта роуд-муви это не история — только её фон. Собственно, этот фон и снят, фильм своей неспешностью и акварельностью походит на плавные верлибры текста. Между художественным смыслом повести и картины нет разрыва! Но «Палата №6» Шахназарова не соответствует тексту «Палаты №6» — скорее, она сделана в эстетике фелетонов Антоши Чехонте.

К счастью, у зрителя есть выбор отечественных экранизаций драмы Громова-Рагина: Шахназаров сделал вторую «Палату №6» (первая была снята в 2004 году Кириллом Серебренниковым и называлась «Рагин»).

Вскоре после шахназаровской «Палаты №6» нам показали «Анну Каренину» Сергея Соловьева (снят в 2009 году, заняты Татьяна Друбич, Олег Янковский, Ярослав Бойко, Александр Абдулов). Сначала по кинотеатрам страны прошла краткая версия, затем по телевизионным каналам полная экранизация.

О «киношной» экранизации точнее всего было бы сказать, что он заслуживает названия не «Анна Каренина», а «Сцены из жизни Анны Карениной» — в этой картине оказалось «потеряно» очень многое из того, что составляет панораму романа. При всей аккуратности и почтительности режиссёра Сергея Соловьева (он же сценарист) к тексту Толстого, в его кинофильме совершенно исчезла линия нигилистов, без которых пресен был бы роман о быте и нравах тогдашнего российского общества; да и линия Левина и Китти пунктирна, причем её острые углы «скруглены». В финале картины нет и намёка на то, что «счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нём, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться. Но Левин не застрелился и не повесился и продолжал жить». Так что не один Джо Райт погрешил против толстовской истины. Сергей Соловьёв, соотечественник Толстого, тоже «отмахнулся» от столь явной девальвации идеи «тихого семейного счастья» — от которого Левин не знает, куда деваться. Конечно, из книги фразы: «Левин был счастлив, но, вступив в семейную жизнь, он на каждом шагу видел, что это было совсем не то, что он воображал...» — не вычеркнуть; но в сценарий её не обязательно переносить. Наверное, соблазнительнее построить визуальную антитезу: «Анна — Вронский» и «Китти — Левин», чем приходить к безысходной констатации факта (лишь намеченного Толстым, но осознанного многими, состоящими в браке, на собственной шкуре), что все

счастливые семьи несчастливы по-своему. И Сергей Соловьёв не избежал этого искушения.

Отчётливо и выпукло показана Сергеем Александровичем история прелюбодеяния Карениной и Вронского — при том, что комедийно-боевиковый завсегдатай Ярослав Бойко (да-да, это Бойко, а не Вронский, несмотря на гвардейский мундир!) слишком простоват для Анны (которую Татьяна Друбич играет, превзойдя саму себя в драматизме и психологизме!). Наверное, это было совместное решение режиссёра и актрисы — но для нагнетания трагической атмосферы они злоупотребили нервными сценами: где Анна глотает морфий, устраивает возлюбленному истерики... При этом, что уж вовсе удивительно, режиссёр «вырезал» из киноверсии жуткий сон (о мужичке, ковавшем железо), приснившийся одновременно Анне и Вронскому и связавший их судьбы страшным пророчеством (в телевизионной версии он на месте). Может, то была попытка сохранить интригу, имевшая в виду человека, не только не читавшего, но и книги видевшего только в качестве сырья для самокруток?... Но вряд ли кто-то не знает, хоть из анекдота, что Каренина в конце концов бросилась под поезд. Ну, и, видимо, данью кровожадности современного кинематографа да памяти своих более ранних экшен-фильмов было смакование в кадре «тела» разрезанной колесами Анны...

В остальном же «Анна Каренина» Соловьёва произвела впечатление внимательного прочтения «семейной драмы».

Предмет моего беспокойства — несоответствие сценария по художественной книге первоисточнику. Всякое расхождение с текстом бьёт по книге, хотел ли того режиссёр, или нет. Подбор артистов и «попадание» их в роль — важно, конечно, но не до той степени, как «попадание» всего фильма в идейно-художественную концепцию книги. Как может быть иначе? Ведь экранизация — «интерпретация средствами кино произведений другого вида искусства (чаще всего, литературных произведений)». Тут, по определению, «первее» литература, и вопрос о «курице или яйце» даже не ставится.

Тем не менее, сколько существует экранизация как жанр кино, столько её основной проблемой остаётся противоречие между чистым иллюстрированием литературного «исходника», буквальным его прочтением и уходом в большую художественную независимость.

В марте 2012 года вышел на телеэкраны сериал «Белая гвардия» режиссёра Сергея Снежкина — по первому, отчасти автобиографическому, на-

сыщенному историзмом роману М. Булгакова. В интервью журналу «Огонёк», данному накануне показа, продюсер сериала Сергей Мелкумов признался, что «Книжка сложная для экранизации, даже антикинематографическая. В сценарии важно было сохранить дух книги и дух города. У Михаила Афанасьевича в романе нет Киева, у него Город... Вот этот Город..., которого не существует давно, хотелось придумать. Мы собирали его по камешкам, рисовали». Речь продюсера несколько противоречива: то он уверяет, что фильм снят близко к роману, но не экранизирован «по буквам», то говорит, что в нём «что-то допридумано», однако в духе Булгакова. На выходе получился продукт весьма спорный, и авторитетный литературный критик Владимир Бондаренко в его адрес публично произнёс слово «провал».

Моё впечатление не столь радикально. По мне, «Белая гвардия» неплохой для сериала фильм, перекликающийся с романом Булгакова на всём протяжении ленты (при некоторой, увы, карикатурности Михаила Пореченкова в роли белого офицера Мышлаевского и некоторой ходульности Фёдора Бондарчука в роли идейного злодея Шполянского). Заданную, принципиальную близость текста и экранизации подчёркивают крупные куски романа, зачитанные за кадром Игорем Квашой. Они — точно заметные стежки, «пришивающие» одно к другому. Наверное, можно было бы и без них обойтись, потому что видеоряд точен, а речь героев почти дословно взята из романа. За исключением самого конца киноэпопеи.

Продюсерам «Белой гвардии», по выражению Сергея Мелькумова, хотелось придать сериалу (хотя я даже не уверена, что правомерно называть этот кинопродукт сериалом — он достаточно глубок и психологичен) «финал с надеждой на жизнь». В итоге в «Белую гвардию» для завершённости сюжета вплетены события не из романа, где финал открытый и вовсе безрадостный, где всем почти героям снятся тягостные сны, и только маленький «Петька Щеглов во флигеле видел сон» про большой сверкающий алмазный шар, где автор горестно удивляется: «Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них (звёзды. — Е.С.)? Почему?». «Дополнениями» к сюжетным линиям романа — как они интерпретированы в сценарии — служат рассказы Булгакова о Гражданской войне на Украине. Особенно ярко прослеживается рассказ «Я убил» — это фрагмент истории, где доктор Турбин расстреливает — казнит — петлюровского полковника Козыря-Лешко, диктатора и садиста, поработившего Город страхом и массовыми убийствами. Потом самоотверженного врача спасает один знакомец по

«прежней жизни», и ему даётся авторами сериала возможность, которой не дал Булгаков — объясниться и предаться любви с Юлией Рейсс. И даже, судя по заключительным кадрам фильма, остаться с ней. Впрочем, что потом, всё равно неизвестно — как и в романе.

Мне показалось немного странным «педалировать» соответствие фильма тексту обширными цитатами (то есть возводить тождество в ранг первостепенной режиссёрской задачи), но при этом «дописывать» роман вместо автора. Хотя в художественном пространстве картины незаметен «переход» от экранизации романа к экранизации рассказа, выглядит он достаточно органично.

Булгаков вообще любим советскими режиссёрами. Первая экранизация «Дней Турбиных» — трёхсерийный художественный телевизионный фильм по одноимённой пьесе — была снята по заказу Гостелерадио СССР в 1976 году. Как режиссёр и автор сценария выступил Владимир Басов, сыгравший в фильме одну из главных ролей — Мышлаевского. Но, пожалуй, о том фильме корректнее сказать, что автором сценария являлся сам Михаил Булгаков — ведь «Дни Турбиных» — не что иное, как авторское изложение для сцены романа «Белая гвардия». Чуть ли не единственная сыгранная на театральных подмостках при жизни писателя его пьеса — и то благодаря тому, что лично Сталин любил эту пьесу. Владимир Басов отнёсся к тексту «Дней Турбиных» трепетно. Как и дуэт авторов сценария и режиссёров Александра Алова и Владимира Наумова, создавший в 1970 году эпохальную киноленту «Бег» — экранизацию одноимённой пьесы Булгакова с «привнесением» фрагментов из произведений «Белая гвардия» и «Чёрное море». Булгаков к тому времени уже тридцать лет, как покоился в могиле, но в съёмке фильма участвовала его третья жена и муза Елена Булгакова (Шиловская). Владимир Наумов называл её не иначе как связующим звеном между съёмочной группой фильма и Михаилом Афанасьевичем, что создавало эффект присутствия писателя. Многие сцены она рекомендовала переделать, а одну внесла сама в фильм. Это сцена, когда гробовщик проводит пальцем по щеке одного из белых офицеров и говорит: «Надобно побриться! А то мёртвого будет не сподручно брить!». Весь этот рассказ выглядит метафизически; но, как бы то ни было, «Бег» снят таким, как он снят, «с соизволения» Булгакова.

Гораздо смелее подошли соавторы Владлен Бахнов и Леонид Гайдай к созданию сценария лидера советского кинопроката 1973 года «Иван Васильевич

меняет профессию», расцветившие текст комедийной пьесы Булгакова дополнительными уморительно смешными репризами, а видеоряд — головокружительными «гайдаевскими» трюками. Тем не менее, основную сюжетную линию — смешение прошлого и настоящего — задал сам Михаил Афанасьевич, и в этом бурлеске переборщить, кажется, невозможно.

С приходом перестройки на экране появились фильмы по иным книгам Булгакова. «Собачье сердце» Владимира Бортко (1988 год) — отличная экранизация, бережно сохранившая текст повести и включившая туда несколько блестящих фельетонов Булгакова (строго говоря, по такому же пути пошла и команда, снявшая сегодня «Белую гвардию»). Очень удачной находкой было использование фильтра для камеры «сепия», давшую коричнево-белую гамму фильма и зрительно вернувшего действие в описываемый Булгаковым период. Этот же приём Бортко применил и в десятисерийной картине «Мастер и Маргарита» (2005 год), но там уже такого художественного единства, как в «Собачем сердце», не получилось. Хотя многосерийную эту экранизацию стоит пересмотреть несколько раз — она «раскрывается» постепенно. Однако Бортко ни в одном своём фильме не грешит против первоисточников, свято соблюдая исторический фон нужной эпохи (даже в откровенно лубочном «Тарасе Бульбе»).

А вот «Мастер и Маргарита» Юрия Кары (1994 год) против «истины» — то есть литературной основы — погрешил весьма существенно. Известно, что версия Кары не увидела свет до 2011 года из-за разногласий режиссёра и продюсеров, а также из-за претензий потомков Елены Булгаковой, которым принадлежат авторские права на роман. Создатели фильма спорили с владельцами авторских прав о «точке зрения». Надо сказать, не без оснований. Кое в чём Кара «прочитал» и «иллюстрировал» Булгакова лучше, чем Владимир Бортко: Валентин Гафт уместнее смотрится в роли Воланда со своей демонической внешностью и повадками, чем Олег Басилашвили, прокуратор Понтий Пилат, старый солдат, конечно, «подходит» Михаилу Ульянову больше, чем «положительному» Кириллу Лаврову. Подбор актёров претензий не вызывает — и Анастасия Вертинская более в эстетике 30-х годов, чем Анна Ковальчук, и Александр Филиппенко в роли Коровьева — вот уж воистину, наглый гаер!.. Возражаешь концепции режиссёра — как, вероятно, и потомки Булгакова.

Эклектика последней, печатной версии романа с эпизодом из первой, не опубликованной книги, «Чёрного мага» (сцена на Патриарших,

где Воланд подначивает Ивана Бездомного растоптать святой Лик, чтобы не быть «интеллигентом») — лишняя. Ведь сам писатель удалил этот эпизод из позднейших версий книги, которую переписывал, как спорят булгаковеды, то ли пять, то ли шесть раз — наверняка потому, что он кощунственный. Но кощунство Булгакова, осознанное им самим, уступает сценарной вольности Юрия Кары: явлению ещё живых в 30-е годы Сталина и Гитлера на балу у сатаны. Это противоречит духу и букве романа — по логике автора, там был один живой гость, шпион барон Майгель, и он был наказан за предательство, публично казнён на глазах других негодяев, уже мёртвых, ибо Воланд «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Плюс к этому, фильм в массовом прокате был изуродован сокращениями. В киношной версии осталось обилие чудес, кровавых сцен и голых тел. Как будто это всё и есть «основное содержание» знаменитого романа. Броский визуальный ряд, на мой взгляд, затмил тихий, но упорный смысл всей многостраничной (затем многосерийной) фантазмагории.

Но даже «Мастер и Маргарита» Юрия Кары — «цветочки» по сравнению с тем, во что превратилась великая повесть братьев Стругацких «Трудно быть богом» в экранизации Алексея Германа-старшего, доведённой до конца Алексеем Германом-младшим. Фильм вышел на экраны спустя год после смерти Алексея Юрьевича. Мировая премьера фильма состоялась 13 ноября 2013 года на Римском кинофестивале, вне конкурса. Алексей Герман посмертно за свой последний фильм получил премию «Золотая Капитолийская волчица» за вклад в киноискусство.

Всем ли известна история создания сценария, а потом и фильма Германа «Трудно быть богом»?

У германовской экранизации «Трудно быть богом» было два сценария — один написан вместе с Борисом Стругацким ещё в 1968 году, его реализации помешала «Пражская весна». Второй создан Германом в соавторстве с женой Светланой Кармалитой уже в 90-е. Нам, простым смертным, неизвестно, читали ли «поздний» сценарий великие братья и что говорили режиссёру по его поводу. Случайное ли совпадение то, что монтировать фильм начали после смерти Бориса Стругацкого, последовавшей в ноябре 2012 года? Но теперь мы уже не узнаем, как бы отнеслись братья АБС к интерпретации Германа, которая переменяла все знаки, расставленные авторами книги, на прямо противоположные.

Германовский «Трудно быть богом» оказался не лучше, чем книга. И не хуже, чем книга. Он просто совершенно другой. Самостоятельное произведение искусства. Недаром в ходе работы над сценарием Герман дал ему рабочее название «Резня в Арканаре» (или «Хроники арканарской резни»). Думаете, это пустьак? Нет, это принципиально иной подход.

Бог с ними, с поданными режиссёром «затравками» (среди них и несколько партий соло на саксофоне, которые исполняет Игорь Бутман), что они не получают сюжетного развития! — возможно, замысел режиссёра в том и состоял, чтобы показать стагнацию (застой) лицом. Бог с тем, что многие образы понятны, напротив, без расшифровки — скажем, реальная, жирная, чавкающая грязь, которая, кажется, является основным героем картины. Но у Стругацких грязи как таковой в повести нет! «Моральная» грязь выражена подбором слов, точных и лаконичных, чем всегда славились великие братья. Но фильм и «лаконичным» не назовёшь! Он длится три часа! И его ритм — стопроцентная антитеза динамичности слаженного сюжета первоисточника. Ведь почему «Трудно быть богом» в пору расцвета своей популярности у культурных «хомо советикус» частенько становилась любимой книгой подростков, ещё не понимавших гигантского антропософского смысла этой повести? Да потому, что она написана как захватывающий приключенческий роман! Но от динамичности Герман отказался полностью. В вялом течении фильма вязнешь, как жители Арканара в чавкающей грязи на улицах. С грязи и начинаются антитезы Германа посылам Стругацких.

«Вывернуто наизнанку» всё. Сознание прогрессоров — один из первых «постулатов», с которыми обошёлся великий режиссёр так непочтительно. Если у Стругацких они априори боги, всеми силами старающиеся сохранить свою «божественную» природу (одно из возможных прочтений названия книги: «богом быть можно, но очень трудно»), то у Германа — существа, опускающиеся в гнилой среде на уровень той же «жрущей и размножающейся протоплазмы» — аборигенов. Если у Стругацких они собираются в потайном убежище на болотах, чтобы поговорить на «своём» языке и отойти душой, то у Германа они собираются, чтобы нажраться и поскандалить, припомнить друг другу «междусобойные» обиды, обменяться грубыми оскорблениями, подраться. Разночтения невозможны — закадровый текст услужливо поясняет, что прогрессоры в этом государстве именно спивались и опускались. Закадровый текст по духу — антагонист тексту Стругацких. Впрочем, и со-

бытия в фильме — антагонисты событиям повести. Ужасно обошлись сценаристы с обаятельным бароном Пампой де Бау!.. В книге Румата вызволяет его из застенков монашеского Ордена, и отъезд буйного барона в свой замок символизирует торжество человека над системой. В фильме барон уезжает в какой-то хламиде, подозрительно похожей на эковскую телогрейку, а потом зрителю показывают тело в этой самой хламиде, лежащее под крепостной стеной с десятком стрел в спине, и его уже засыпали гниющими объедками. За кадром голос подтверждает, что барона Пампу расстреляли. Это один из множества режиссёрских приёмов, подчёркивающих безнадёжность возникновения любого «свежего ростка» в таком болоте. Именно к ней сводил свою историю Герман.

Как сценаристы «переиначили» образ возлюбленной Руматы туземки Киры, о которой Стругацкие говорили самыми ласковыми и восхищёнными словами, удивляясь, как в такой дряни могла вырасти такая душевная и тонко чувствующая девушка. Прямо тошно рассказывать: неграмотная, не желающая ничему учиться, похотливая, «рыба-прилипала», нашедшая себе выгодного жениха.

Но самая тяжёлая часть фильма начинается, когда Орден набирает силу, в дом Руматы ломятся с оружием монашествующие братья, убивают Киру шальной стрелой, и он берёт свои знаменитые мечи и идёт биться. Тут и возникают «Хроники Арканарской резни». Лучше бы Герман оставил своё название — оно бы «дистанцировало» его детище от повести Стругацких, став хотя бы знаком уважения режиссёра к первоисточнику. Мерзости и ужасы стущаются, и апогей наступает, когда прогрессор Пашка долго вылавливает из лужи отрубленную голову, подцепляя её то палкой, то мечом, то пальцами за ухо... Стругацкие всё это выразили одной фразой: «Видно было, где он шёл». Герман же озаботился деталями. Детали удались на славу. «Призраки голубого экрана» оказались зловещими и отталкивающими, как будто впрямь адских духов выпустили из преисподней.

Точка фильма — опять сценарная вольность: Румата, которого обнаружили не во дворце, где он свершил «правосудие», а в гигантской луже на улице, отказывается улетать на Землю и винит прогрессоров в том, что именно они натворили всю эту резню. Затем наступает зима, ложится снег. И по этому снегу скачет кавалькада всадников, которую возглавляет Румата. Под саксофон Бутмана. Кино «закольцовано» музыкальной партией. Получается, что Румата становится новым доном Рэбой. Только гораздо более жестоким. И

никакой Анки, подруги детства, никакого соснового бора на Земле, никакой земляники, испачкавшей пальцы Антона красным соком. Его руки будут испачканы настоящей кровью.

Типичное шестидесятническое восхищение человеком и его возможностями стало у Германа-старшего (тоже, к слову, «шестидесятника», тоже апологета свободы, равенства, гражданских прав и возможности человека честно делать своё дело) демонстрацией того факта, что нельзя «причинить добро». Нельзя насильственно просветить, окультурить, облагородить скота — сам в него превратишься. Эту идею Германа я «нащупала в потёмках» по прошествии нескольких месяцев после просмотра фильма. Только тогда унялся, пардон, рвотный рефлекс, стимулированный видеорядом: то убийства, то повешенные крупным планом, то разлагающиеся трупы, то препарация ещё живого человека, то появление скелета, пересыпанного землёй («Знаете, кто это?» — хихикая, спрашивает Румату дон Рэба? «Нет? Это вы! Дон Румата Эсторский, скончавшийся пятнадцать лет назад в возрасте 85 лет. Если это вы, то сейчас вам 105 лет! Ой, не могу! Ему 105 лет!»), то сцена массового повешения. На мой взгляд, вся эта кунсткамера не пошла на пользу фильму. В конце концов, кинематограф — это прежде всего зрелище. Если зрелище отвратно, оно уже идёт вразрез с концепцией кинематографа. А то, что у Германа и более ранние фильмы страшные — так ведь не омерзительные.

В итоге мне просто жаль текста Стругацких и тех идей, что они в него вкладывали!.. Считаю, что Герман имел право снять фильм о резне в Арканаре — только на основе самостоятельного сценария, а город мог бы назвать, допустим, Баррангут.

В моих глазах проблемы вольной интерпретации текста в кино могло бы вообще не быть, если бы режиссёры, желающие полного самоопределения, заказывали сценаристам самостоятельный сценарий и творили в его пространстве всё, что угодно. А переделывать книги под сценарии позволительно только самим авторам. Массива мировой классики это уже, понятно, не касается, но касается ныне живущих авторов — Бориса Акунина, например, «подправившего» сюжет «Турецкого гамбита» для киношной версии. Или Юрия Полякова, дописавшего довольно много «страниц» к повести «Апофегей» в сценарий ради экранизации этой вещи, которую сам Юрий Михайлович считает одной из лучших в списке экранизаций своих книг.

Непонятно, почему творческое самоутверждение должно проходить по известным литературным произведениям. Куда почётнее создать полностью «своё» произведение, начиная от сценария и кончая кинематографическим воплощением. Или... быть первопроходцем намного труднее, лучше экспериментировать с известным материалом?..

Ответа у меня нет. Есть только горячее желание передать режиссёрам своё трепетное и уважительное отношение к Книгам! Всё же Книги — нечто большее, чем «материал» для постановки фильмов.

ПУБЛИЦИСТИКА

Алла ВАЛЬКО — член Российского союза писателей, автор книги мемуаров «Тридцать девять лет в почтовых ящиках» и путевых очерков «Америка моими глазами». Победитель конкурсов альманахов «Российский колокол» и «Литературная республика» с вручением именной статуэтки «Золотая звезда», финалист конкурсов альманахов «Год литературы» и «Грани реальности», обладатель бронзовой медали конкурса «Весна строкой красна» с вручением ордена им. С.А.Есенина.

Готовя к печати альманах, я прочёл очерк Аллы Валько с большим интересом и, сознаюсь, с немалым смятением. Перед нами «другая» история. Не будучи историком, я не хотел бы вступать в полемику с автором, хотя некоторые «факты», например, о зависимости России от Крымского ханства в XV-XVIII веках я никак не могу принять. Да, был период тесных союзнических отношений при Иване III, были многочисленные набеги в XV-XVI веках, Крымское ханство действительно играло немалую роль в тогдашней геополитике, но зависимость? Однако, это частности. Автор поднимает очень серьёзные вопросы о происхождении-формировании великорусского этноса, об исторической преемственности с Киевской Русью, о родственных связях русского народа с украинским и белорусским, о влиянии Орды на формирование русского государства. Очевидно, что не все утверждения автора, опирающегося лишь на ограниченное количество источников, к тому же нередко тенденциозных, верны. Однако, признаюсь, и официальная история со временем начинает вызывать всё больше сомнений. Именно поэтому очерк Аллы Валько очень интересен: и как пример, несомненно, далеко не безупречного исторического исследования, но, в первую очередь, как приглашение прикоснуться к тайнам истории. Не получить чёткие и ясные ответы, они впереди, но сформулировать вопросы. Уяснить, что настоящая история — это не то, что мы изучали в школе. Что процессы этногенеза и формирования российской

нации и российской государственности были значительно более сложными и противоречивыми. И что история есть поле битвы, усеянное многочисленными мифами.

Хотел бы добавить: вопросы, которые рассматривает в своём чрезвычайно интересном, но и спорном очерке Алла Валько, представляют не столько практический, сколько научный, академический интерес. В самом деле, сущность народа, его идентичность, принадлежность к нему, определяются не генами, а культурой, языком, религией, историей, ментальностью, его собственными представлениями о себе, целым комплексом социокультурных черт. Едва ли кто-то решится утверждать, что Пушкин и Лермонтов, потомок эфиопа и шотландского графа, не русские. И касательно истории народов: мы знаем множество трансформаций.

Сознаюсь, мы испытывали некоторые сомнения публиковать ли очерк Аллы Валько ввиду его определённой односторонности. И решили: публиковать. Автор имеет право на особенную точку зрения, которая может быть интересна для определённого круга читателей и привлечь внимание к обсуждаемой проблеме.

Леонид Подольский

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ

Из серии репортажей о турпоездке по Украине

Впечатления от посещения замков Львовщины оставили в моей душе глубокий след. Однако самое сильное воздействие на меня оказали средневековые карты в Золочевском и Олесском замках, приведя в изумление надписью на них Russia. Я застывала перед ними, рискуя отстать от экскурсии. Однако задавать вопросы экскурсоводу, который ни словом не обмолвился на эту тему, я не решилась и карты только сфотографировала. Уже в Москве я вплотную занялась изучением истории двух государств, что привело меня к поразительным открытиям.

Славяне широко распространились в Европе в V—VII веках. Их многочисленные племена разделились на южных, ушедших на Балканский полуостров, западных и восточных. Часть восточных племён расселилась в бассейне Днепра на территории современной Украины, другая переселилась из Померании на северо-восток. На рубеже VIII — IX веков происходило объ-

единение племён полян, северян, древлян, дреговичей, полочан и словен. В результате этого объединения на территории от Таманского полуострова на юге, Днестра и верховьев Вислы на западе и до верховьев северной Двины на севере возникла Киевская Русь.

Ядро древнерусского государства составили поляне, жившие в VI–IX веках по среднему течению Днепра в районе Киева, от Припяти до Роси, правого притока Днепра. По мнению некоторых историков, именно с Росью связано происхождение названия Русь и опосредованно — Россия. В Рось впадают реки с названиями Роська, Россавя и другие, имеющие в названии тот же корень. Главным городом Киевской Руси стал Киев. В «Повести временных лет» сказано: «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским».

В VIII веке с началом эпохи викингов в Восточную Европу начали проникать варяги. К середине IX века они обложили данью не только Прибалтику, но и многие территории между Балтийским и Чёрным морями. В 862 году, согласно «Повести Временных лет», предводитель народности русь Рюрик был призван на княжение одновременно чудью (финно-угорскими народами, населявшими Эстонию и Финляндию), весью (прибалтийско-финским племенем) и их соседями, славянскими племенами — псковскими кривичанами и ильменскими словенами.

Рюрик обосновался среди славянских поселений в крепости, близ которой позже возник Великий Новгород. К концу жизни Рюрик расширил владения своего рода до Полоцка, Мурома и Ростова, а его преемник Олег к 882 году захватил Смоленск и Киев. Титульным этносом нового государства стал не один из славянских или угро-финских народов, а русь, варяжское племя. Оно выделялось как отдельный этнос ещё при ближайших преемниках Рюрика, князьях Олеге и Игоре, но постепенно растворилось в славянском народе при Святославе и Владимире.

В результате интеграции племени русь со славянским населением Киевских земель, название русь распространилось сначала на славянские племена полян, о чём сообщает «Повесть временных лет»: «Поляне, которые теперь зовутся русь», а позже и на всё население Киевской Руси. Это вторая версия происхождения названия государства Русь, основанная на древнерусской летописи:

«... и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы

владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англý, а ещё иные готландцы — вот так и эти».

В 981 году к Киевской Руси были присоединены восточнославянские земли вятичей и хорватов. После походов славянских дружинников славяне расселились до границ владений пруссов. Спустя три года власть Киева распространилась на радимичей. К 1054 году в составе Киевской Руси оказались почти все восточнославянские племена.

Соседями Киевской Руси были финно-угорские племена: меря, мурома, мещера, мордва, ливь, чудь, весь и другие. До прихода татаро-монгольской орды земли Залесья в X-XIII веках, населённые этими народами, были вассалами Руси. В 1169 году объединённая рать 11 князей, снаряжённая Андреем Боголюбским, двинулась на Киев. Разорённый и разграбленный Киев навсегда утратил своё былое значение центра Киевской Руси, просуществовавшей свыше 300 лет. Историк Ключевский считал завоевание Киева Боголюбским рождением Московии.

В 1277 году после переписи населения золотоордынский хан Берке выдал первый ярлык на появившееся поселение Моксель среди финно-угорских народов меря, мурома, мещера на реке Яуза. Обладателем ярлыка Моксель был Даниил, сын Александра Невского и куманки Эфимии из рода Оссолука, представительницы кочевого народа тюркского происхождения. Даниил стал родоначальником московской линии Рюриковичей.

Итак, спустя 400 лет с начала существования Киевской Руси в записях документов татаро-монгольской Орды появилось название подотчётного ей поселения — Московский улус — с населяющим его неславянским народом моксель, позже переименованным в московитов. Это были неславянские Залесские мерянско-мокшанские земли. Рядом находились Суздальские земли, тоже населённые неславянскими народами. В 1352 году улус Московия получил статус княжества. В XV веке часть золотоордынских татар, опустошив Залесско-Суздальские земли, начала расселяться дальше, другая вернулась в Азию, третья осталась на месте, став в будущем «русскими». Московия с её многочисленными народностями досталась пришедшим на смену Золотой Орде Крымским татарам династии Гиреев.

Начиная со времен правления правоверного Ивана III, его византийская жена Софья Палеолог пыталась реформировать татарскую Московию на европейский манер, чтобы добиться для своего мужа царского звания. Однако

Крымские ханы не дали добро на такие реформы. В конце XV века гречанка предприняла попытку отколоться от Тартарской Орды, перестав платить дань и прося защиты у католической Литвы. Она внушала Ивану III, что их дети — потомки византийского рода, поэтому им надо отойти от ислама, а Ватикан поможет обратиться в новую веру.

Британия, надеясь подмять под себя московитов и овладеть природными недрами вокруг Московии, засылала туда своих послов и торговцев. В 1556 году Дженкинсон, английский дипломат, путешественник, картограф и купец, по поручению английской королевы Марии Тюдор прибыл в качестве официального посла в Москву. Будучи одним из руководителей английской торговой компании, действовавшей на территории Московии, он во время своей поездки составил карту Восточной Европы.

В период XV–XVI веков немалое влияние на московитов оказывали Крымские Ханы династии Гиреев, и только с их разрешения московиты могли с кем-то сотрудничать или вести деловые международные отношения. Крымские Ханы не возражали против «Московской компании», поскольку свою долю с Москвы Гирей имели ежегодно. Они дали «добро» великому князю московскому Ивану IV на предоставление английской торговой компании права беспошлинной торговли с Московией. Именно англичане помогли московитам выступить против своих хозяев — Крымских татар. На случай неудачи мятежа Иван Грозный начал подготовку к тому, «как удрать в Европу», и Дженкинсон выступил посредником в переговорах Ивана Грозного и королевы Англии Елизаветы I о заключении брака, который обеспечивал бы московскому великому князю Ивану IV политическое убежище. В 1589 году Московия получила своё первое патриаршество, оставаясь православным княжеством, зависимым от исламского Крымского Ханата.

В статье Ольгерд «Московия, или, как её ещё называют, Татария», опубликованной 17 мая 2006 года в «ЦЕНЗОР.НЕТ», говорится, что основой исторических территорий, на которых зарождалась и прошла становление как государство Киевская Русь, были земли современной Украины и Беларуси. Столетиями здесь проживал народ, который был и есть потомок народа Киевской Руси. Этот народ никуда не переезжал, не уходил и по большей части ни с кем не смешивался. Именно княжества Подолья, Галиции, Волыни, Черниговщины, Переяславщины были истинными историческими преемниками культуры, языка и государственных традиций Киевской Руси.

Русский языковед и писатель Даль описывал деревни всего в 100-200 верстах от Москвы, где жители почти не говорили на «русском языке», который он изучал. Клерки канцелярии Петра I после введения названия «Россия», стали именовать народ и язык Московии русским. Это слово является прилагательным и по своей сути означает принадлежность к определённой территории.

В вышедшей в Смоленске книге «Страна Моксель, или Московия» её автор, доктор исторических наук Владимир Белинский пишет об истории Московского государства за 320 лет, начиная с момента его появления. Автор подробно рассматривает вопросы происхождения великорусского этноса, возникновения Москвы и Московского княжества, его взаимодействия с Золотой Ордой, Крымским и Казанским ханствами. Московия располагалась на землях, ранее принадлежавших и подчинявшихся Киевской Руси, на татарских землях и в азиатской части Евразии. Московия ликвидировала систему управления, торговли и культуру бывших земель Киевской Руси — в Великом Новгороде, Суздале, Полоцке и других городах.

Украинские и литовские города уже в те времена жили по законам европейской цивилизации. Город Брест получил Магдебургское право в 1390, Каменец-Подольский — в 1432, Киев — в 1494 году. По этому праву горожане имели самоуправление, власть же князя была ограничена. «В Московии к подобным законам управления пришли только после революции 1905 года», — утверждает историк.

На княжество огромное влияние оказывала Орда и татары. Формирование государственности, системы торговли, военного дела, бытового уклада, языка и менталитета населения происходило именно в период расцвета Орды в XIII–XV веках и подчинялось её законам, правилам и укладам.

Москва, согласно российским источникам, впервые упоминается в 1147 году. Однако великороссов как таковых ещё не было, поскольку вокруг на тысячи вёрст жили финские племена. «Все селения Ростово-Суздальской земли к моменту прихода Рюриковичей с их дружинами были построены и заселены финскими племенами. С появлением Ростово-Суздальского княжества, а позже Московского, эта земля ещё добрых пять сотен лет оставалась захолустьем, не имевшим возможности тягаться даже с тогдашним разорённым Киевом», — утверждает Владимир Белинский.

Белорусский писатель Михаил Голденков в своей книге «Русь — другая история» пишет, что миф, будто бы Московское государство является преем-

ником Киевской Руси, разбивается при более внимательном анализе исторических фактов. Профессора Московского университета Соловьев и Ключевский признавали существование Руси в старину, но великороссы как народ появились лишь в XV—XVII веках, и такими признаниями они разрушили миф о праве великороссов на «собрание земель киевской руси»

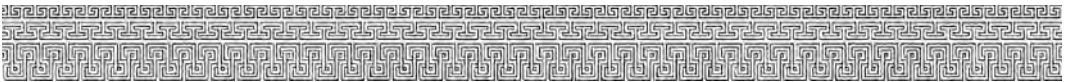
Белинский развеивает миф о знаменитой короне московских царей — «шапке Мономаха». По его мнению, никакого отношения к киевскому князю Владимиру Мономаху она не имеет: «Её сделали в 1330-е годы для хана Золотой Орды. А в конце XV века шапку «переименовали», добавив к ней крест и легенду, связавшую корону с императором Константином Мономахом».

Историк приводит также свидетельства посла короля Франции Людовика IX, посетившего в 1253 году страну хана Саратака: «Хан владел землями Золотой Орды от Дона до Волги и от Каспийского и Азовского морей до северных мест страны Моксель, куда дошли татары в 1238 году. Жили в «стране Саратака» в те годы, кроме татарских племён, только «два рода людей: моксель (евшие свинину) и мердинас (мусульмане, не употреблявшие свинину)». Именно «моксель» называли народ Московии. Автор делает вывод: «Великорусский народ... возник на базе финских племён, с последующим смешением с болгарским и татарским этносами. И образовался он значительно позже».

Возникнув среди муромы, мери, веси, мокши, мещеры, печоры, чуды, перми, черемисов, которым в X—XIII веках принадлежал весь обширный край от Тулы и Рязани на север и восток, племя великороссов, согласно русскому историку Василию Ключевскому, начало «растекаться» дальше. Великороссы захватывали земли, покоряли жившие там племена, навязывали им свою веру, изгоняли с родной земли. Завоевание земель исконной Руси московскими князьями было завершено к концу XV века. В 1478 при поддержке татар был окончательно захвачен Новгород, после чего новгородцы были массово выселены с родной земли. Псков какое-то время сохранял некоторую самостоятельность, но не долго. Силой или путём заключения браков под власть Московии попали Ярославль в 1463, Ростов в 1474 и Тверь в 1485 году.

В 1480 году Иван III отказался платить дань Великому Ахмед-хану и при поддержке ногайских татар успешно противостоял ему. В 1487 году Московия захватила и подчинила часть земель Казанского ханства — основу Орды. При поддержке Султана Оттоманской империи и Крымского хана Менгли Гирея I Московия вела войны преимущественно православного Ве-

ликого Княжества Литовского, а в 1495 году хан помогал Московии наладить отношения со Стамбулом, куда Московия направила посольство.

Согласно исследованиям Белинского и других историков, отношения между московскими и татарскими политиками были тесными и прагматичными. Прочный политический союз между Василием II и ханом Улу Мехметом в значительной степени обусловил победу Москвы в гражданской войне XV века, в которой противниками Василия были его православные двоюродные братья, противостоявшие ему и татарам.

В следующем поколении самым близким иноземным союзником Ивана III был крымский хан Менгли-Гирей. Союз этот был тесным и взаимовыгодным, что сделало возможным завоевание Новгорода и Пскова. Иван IV никогда бы не завоевал Казань и Астрахань без тесного сотрудничества со своими давними татарскими союзниками — ногайцами. С обоими исламскими союзниками Москва обменивалась жестами доброй воли, посольствами и символическими дарами: конями для хаджа в Мекку и «шапкой Мономаха». Московские политики продавали татарам-мусульманам христиан в рабство, рождались с их княжескими домами.

Почти 500 лет Московия во многом была фактически оторвана от общеевропейской культуры и хода исторических событий в Европе XIII–XVIII веков. Исконная Русь, т.е. современная Украина, была для Московии «окраиной», потому что все важные исторические события, войны, торговля и отношения Московия имела с Ордой и с Татарией. Отношения же с исторической Русью были ограничены, особенно в XIV–XVI веках. Её земли представлялись далёкими, и события в них не имели прямого отношения к бурно развивавшемуся под покровительством Орды и Татарии Московскому Княжеству.

Впервые об исторической прародине московских князей по отцовской линии вспомнил Иван III, который, называя себя Князем Московским, присвоил себе звание царя «Всея Руси». Но тогда взбунтовался Король Польский, и Ивану III пришлось отказаться от этого высокого титула.

На протяжении столетий название России многократно менялось — от Мерянии, Суздаля, Залесья и Московии до Российской империи и СССР. По заказу Петра I в 80-е годы XVII века была написана официальная история Московии, которая признавала особый, местный и неславянский характер Московии, отличающийся и от Руси, и от Польши. Однако новые возможности, открывшиеся перед Московией после экспансии в славянские земли

Украины и Польши, заставили официальную Москву пересмотреть свои официальные подходы к истории. Историческая правда была заменена политической целесообразностью. Окончательный отказ Московии от своего финно-угорского корня произошел в XVIII веке.

В 1721 году Пётр I назвал Московию Россией, а москвитов — русскими, хотя Москва никогда не была Русью. Московское княжество никогда себя русским не считало. Но оно постоянно расширялось, захватывая соседние земли, и при Петре пора было «приобщиться» к Западу. Для этого ему пришлось изменить название государства, заимствовав его у Киевской Руси. Однако название «Россия» в Европе официально не признавали до середины XVIII века. Это отражено в исторических картах XV–XVIII веков. Все древние летописи, хроники и документальные источники с названием RUSSIA/RVSSIA до 1721 года относились к истории Руси, правительству Украины. До 1721 года исторические факты о современной России упоминались в хрониках только в связи с Московией и его народом москвитами.

По заданию Екатерины II, не желавшей быть императрицей татарского населения, история нового государства переписывалась трижды. Для этого выдумались исторические свидетельства и документы, уничтожались исторические памятники. Так случилось со многими документами времён Киевской Руси, со «Словом о полку Игореве» и «Переяславским договором». Оригиналы документов не сохранились, а переписанные и отредактированные копии XVIII–XIX веков до сих пор предьявляются и выдаются за оригиналы, которые якобы подтверждают миф.

Олег Панфилов, профессор Государственного университета Илии в Грузии, в статье от 16.09.2015 «Настоящая Русь. О чём бояться вспоминать россияне» пишет, что в Европе уже после падения Киевской Руси с XIV века и до 1772 года существовало Русское Королевство, которое находилось совсем не на территории современной России. В 1908–1913 годах в Санкт-Петербурге в издательстве Брокгауза и Эфрона вышел перевод «Еврейской энциклопедии», увидевшей свет в Нью-Йорке в 1901–1906 годах. В ней впервые на русском языке были опубликованы справочные сведения о «земле Русской», не имеющей никакого отношения к России.

В работе Натальи Яковенко, посвящённой исследованию истории Украины с древнейших времён до конца XVIII века, приводится подробное описание «Русской земли». В 1254 году Даниил Галицкий принял титул короля Руси от

Папы римского Иннокентия IV, основав галицкий королевский дом. Потомки Даниила Романовича Галицкого имели титул «король Руси» и «князь всей земли русской, галицкой и владимирской».

До занятия в 1340 году земель Галицко-Волынского княжества Казимиром здесь находились три отдельных древнерусских княжества — Львов, Галич, Перемышль, позже объединённых под общим названием Русское королевство, или Русская земля. В XV веке его центром был город Львов. Около 1434 года здесь было образовано воеводство, которое в начале XVII века было частью огромного польского государства — Речи Посполитой, граничащей с Московией на востоке. В 1770 году там жили 1495000 человек. Самые крупные этнические группы составляли поляки, русины, евреи, немцы, армяне и валахи. Русское воеводство было ликвидировано в 1772 году после аннексии земель Речи Посполитой, когда Галиция вошла в состав Австрийской империи. У российских историков редко встречалось упоминание Русского королевства. Это замалчивание было связано с необходимостью заново создавать историю Российской империи.

Исторические карты служат источником для изучения названий, земель, княжеств, территорий и государств на различных этапах их исторического развития. На картах, изданных в Лондоне и Амстердаме в 1600-1794 годах, Московия показана в составе Большой Татари, находившейся на границе с Европой, на других территория современной Украины обозначена как Русь — *Pars Rusiae*, а Поволжье как *Tartariae Pars*, на третьих чётко разделены понятия Русь, Московия и Татария. Анализ карт XVI века, когда татарская Московия в Залесье (праматерь России) ещё не получила своего нового имени, проводил историк Михаил Килимник. Карты XVI–XVIII веков анализировал также Дмитрий Белоусов в своей книге «Тартария — империя, которую скрыли?».

На карте 1562 года, составленной Дженкинсоном, упоминаются названия Белая Руссия (*Alba Russia*), Московия, Тартария. В 1600 году в Кёльне была издана карта Московской Тартарии. На карте Московии 1606 года её западная граница показана чуть Крыма, то есть нынешняя Украина в состав Московии не входила.

Во Всемирной истории Дионисия Петавиуса, изданной в 1659 году, есть карта Российской империи — Тартарии. «Карта Тартарии» Гийома де Лиля 1766 года издания имеет и второе название: «Сибирское царство». На другой карте XVIII века вся Сибирь за Уральским хребтом названа Великой Тарта-

рий. В фундаментальной Британской Энциклопедии, вышедшей в 1771 году, приведены географические карты Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки. На карте Европы есть надпись «Russia» под точкой Peterburg и надпись «Moscovite Tartary» справа от точки Moscow.

На кёльнской карте 1597 года от Антонио Маджино Патавини «Татарская империя» выделены четыре города: 1) столица «правителя Московского» Москва, 2) Астрахань, 3) столица Камбалу-Катай, находившаяся между верховьями Оби и Енисея, недалеко от Алтайских гор, 4) Самарканд. Только эти четыре города обозначены на карте Патавини в виде городских башен. Все остальные изображены просто кружками как рядовые города. Самый большой значок с изображением городской башни Патавини поставил на месте Москвы, а остальные три значка гораздо меньше. По мнению Патавини, именно Москва была главной столицей Татарской Империи конца XVI века. Это обстоятельство объясняет присутствие названия «Московская Татария» на более поздних картах XVIII века, ибо исторической столицей «Татарской» империи была Москва.

В Британской энциклопедии, помимо Московской Тартарии, также упоминаются «Независимая Тартария» со столицей в Самарканде и «Китайская Тартария» со столицей в Чиньяне. «Независимая Тартария», ещё один огромный «осколок» Великой Руси-Орды XIV-XVI веков, была завоевана Романовыми в середине XIX века. Таблица территорий, представленная в энциклопедии, согласуется с данными А. Косенко, в книге которого доказано завоевание Петром I в конце XVII века территорий реки Невы, Новгорода, Пскова, Яма, Ладоги, Архангельска и существование в течение весьма продолжительного времени двух государств, одного — со столицей в Петербурге, а другого, Московской Тартарии, — со столицей сначала в Москве, а потом в Тобольске.

Политолог Александр Палий утверждает, что Россия — это скорее славяноязычная, чем славянская страна. На территории нынешней России славяне появились лишь в IX — X веках. Это были племена радимичей и вятичей, которые, по данным летописей, «пришли от ляхов». Однако киевский летописец даже не внёс вятичей и радимичей в перечень славянских племён, вероятно, из-за того, что эти славянские народы достаточно быстро растворились в финно-угорских народах.

Почти все русские города Центральной России с более чем 500-летней историей имеют финно-угорские названия. Большинство названий рек

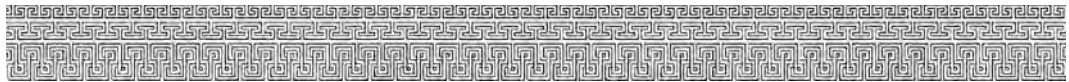
(Нева, Волга, Москва, Ока) и городов, ничего не означающие для славян, о многом говорят финно-угорским народам. Так, Рязань была центром этнографической группы мордвы эрзя и называлась Эрзань. Название Коломна в переводе с финно-венгерских языков означает «рыбная река», «пограничная река». Муром происходит от названия финно-венгерского племени мурома и означает «люди на суше». Вологда, Волга — «белый», «светлый». Можайск — «неглубокое место». Суздаль — «девы». От финно-угорских языков происходят названия Кострома, Толшма, Тотьма, Вохрома, в которых последний слог «ма» означает «земля».

Относительно названия российской столицы популярными являются гипотезы, предложенные, в том числе и русским историком Ключевским, которые производят название Москвы по аналогии с другими финно-угорскими названиями — Протва, Кушва, Лысьва, Сосьва, Нева, Колва, Силва, где «ва» по-фински — «вода».

Археологические раскопки, проведённые Дубыниным, руководителем можайской археологической экспедиции, показали, что граница между славянским племенем вятичей и угро-финским племенем меря в IX-XI веках проходила по территории Московской области. Ещё при Петре I мерянская речь была довольно распространённой в районе Можайска. Ни древнерусские, ни литовские словари не проясняют происхождение названий сёл в этой местности. Объяснение нашлось в мордовском языке. Название реки Можайка первоначально звучало как «Мазай Ава». Некрасовский дед Мазай жил в Мещерской низменности и носил мордовское прозвище или был обрусевшим мордвином. Одна из версий предполагает, что в основе названия Можайск лежит мордовское слово «мазя» — мель. Можайка — это река Мелкая, что близко к переводу, предложенному Александром Палием. На основе мордовского языка можно дать объяснение названию реки Москвы. В древности финский народ, населявший эти места, называл себя «мокша», как до сих пор называет себя мордва. Название этой реки могло звучать как «Мокшава». В славянском языке вначале оно звучало как Моксавя, а впоследствии как Москва.

В статье «Когда Московия была Русью?», опубликованной 26 октября 2010 года на сайте «Политические форумы России», говорится, что Русью с княжеских времён называли современную центральную и западную Украину. Есть много документов о Галицкой Руси, Волынской Руси и Черниговской Руси, но ни в одном из них не говорилось о Московской или Суздальской Руси.

Тот факт, что Россия, получив свое название в XVIII веке, претендовала на историческое наследие Руси, созданной на семьсот лет раньше, дал основание Карлу Марксу утверждать в работе «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», что «Московская история пришита к истории Руси белыми нитками». Эта работа Карла Маркса единственная, которая никогда не печаталась в СССР.

В очерке Аллы Валько выражено личное мнение автора, которое никак не согласовывалось с мнением редакции.

ПЕРЕВОДЫ

Алексей КЛОКОВ родился в Костроме 20.08.1974. Детство прошло в городе Данков Липецкой области. В 1996 году закончил исторический факультет Воронежского университета. Историк, переводчик, преподаватель английского и финского языков.

В этом номере альманаха мы представляем переводы с финского языка стихотворений Тайсто Сумманена. Переводчик — Алексей Клоков.

* * *

Нужны ли твоему стихотворенью
прекрасные и редкие слова
для большей выразительности?
Вдруг, красотами стихов заворожённый,
читатель твой пройдёт мимо того,
что сказано в них?
Мы же никогда
ни в радости, ни в горе
не ищем постоянно
красивых выражений,
а говорим о том, что на душе,
немногими обычными словами
или молчим.

**ВЕНКИ НА ЛАДОГЕ
(SERPELEITÄ LAATOKALLA)**

к 30-летию Победы

Опущены венки на водный щит,
И траурная музыка звучит.
Стоят недвижно старики седые.
Перед глазами — грозная пора,
И в лица бьют те самые ветра,
То жгучие, то ледяные.

Не согревая, не жалея, дуют
В сердца простые, сразу напрямую
И навевают каждому своё.
И смотрят люди в воду, как в могилу
Прозрачную. А те, кто мир покинул,
Навстречу так же смотрят из неё.

Не броситься, руки не протянуть.
Туда, за край, живым заказан путь.
Недавнее давно уж миновало.
И вот — венки лишь движутся одни.
Как траурное шествие они,
Несомые воды пологим валом.

Давно венки на воду положили.
И корабли вернули пассажиров
На берег, в день сегодняшней. Легко
И тихо здесь. Заря уж догорает.
И лес зелёный озеро венчает
Большим, неувядающим венком.

НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

Опять часов полночный бой раздался.
А помнишь, как в метель, в морозы, в ночь
Мы, молодые, выбегали прочь
Из дома и кружились в белом вальсе?

И я ловил снежинки тех мгновений
И верил в чудеса — как будто мог
Из тающих минут в короткий срок
Бессмертное сложить стихотворенье.

Мечты тех лет, увы, не стали былью.
Растаяла та радость снежной пылью.

Взгляни на двор: там водят хоровод
Другие люди и метель другая.
А вальс — всё тот же. Слышишь, дорогая?
И снова наступает Новый Год.

СЧАСТЛИВЫЕ СТРАНИЦЫ (ONNELISET SIVUT)

От памяти дверями не закрыться,
Взорвётся вдруг подобием цветка.
Из книги жизни ни одной страницы
Не уничтожить, не стереть никак.

Когда лежу, не в силах погрузиться
В глубокий сон, души холодный мрак,
Опять, сквозь толщу лет пробившись, так
Просвечивают вспышками зарницы

Тех самых лучших дней... Я эти строки
Не раз, не два читал. Тоску, мороку,
Уныние проглатывает тьма.

Слабеют боли обручи тугие.
На вас, мои страницы дорогие,
И книга раскрывается сама.

СЕНТЯБРЬ (SYYSKUU)

Немного желтизны на листьях сада
Пока. Но с нетерпением, дрожа,
Не понимая, что летать — не падать,
Они к ветрам в попутчики спешат.

Глаза озёр глядят сегодня с лёгкой
Но явной грустью. Это несмотря
На то, что солнце на небе высоком
Горит, и воды бликами пестрят.

Покой и тишину лесного моря
Одной волной обрушит ветра вздох,
Могучий, грустный и тяжёлый ох-х-х.
Предвидя холода, деревья вторят:
Сентябр-р-рь.

ОСЕННИЕ СТИХИ

Мудрено ли хмурый день осенний
С ночью белой взять и перепутать.
Дремлют берега под небом серым
В ожиданье солнечного утра,

В радостном неведении не зная,
Что прошёл у солнца летний пыл.
И горит закат, предупреждая:
То не утро — вечер наступил.

Налетят бушующие ветры,
Вспенят воду и замкнут кольцо.

Вздвогнет роцца, в жёлтое одета,
Жёсткой правде заглянув в лицо.

Не ругайся, критик, понапрасну.
Пусть не получилось веселее,
Песня грусти осенью ненастной
Добрым людям сердце отогреет.

МОЯ ХАТА С КРАЮ (OKSALLA ISTUJAT)

Сидели каждый на своём суку
в довольстве и покое судеб
и думали, на их веку
всегда так будет.

Ума хватало не губить
тех веток, на которых сели.
Чужих к себе не допустить
у них считалось главным делом.

Вот так и жили: каждому была
по сердцу ветка. Крона разрасталась.
А что касается ствола,
их не касалось.

Он гнил, старел, и — вот-те на:
со страшным грохотом и стоном,
опоры прочной лишена,
обрушилась на землю крона.

Не понимая ничего,
неуязвимые доселе
сидельцы все до одного,
вцепившись в ветки, вниз летели.

Своею головой никак
не успевал и самый умный
сообразить, в чём дело. Шмяк —
и некому и нечем думать.

**ДРУГАЯ ЛЮБОВЬ
(TOINEN RAKKAUS)**

Любовь что зелье в молодости нашей,
Легко и сразу голову кружит.
Любой из нас мгновенно и бесстрашно
Влюбляется в свои же миражи.

Проходит время жизни бесшабашной.
Где ж образ привлекательный, скажи?
Вблизи все люди выглядят неважно.
Не всякий это может пережить.

Очнулся я и тоже удивлён:
Другая ты была, совсем другая.
Нет, та же ты была, но не такая.

И вот, оставив прошлое, как сон,
Не зная меры и не видя края,
В тебя опять, как молодой, влюблён.

**САТИРА
И ЮМОР**

Марина САЛЬТИНА родилась в Казани. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета и режиссёрский факультет ГИТИСа (курс профессора М.О. Кнебель). Режиссер, актриса, педагог, писатель. Член Союза театральных деятелей и Союза писателей России. Автор книг «Опаловый флакон Пенелопы», «Поезд на Монтеррей», «Слеза Европы», «Бедный Юрик», «Компот из детства». Произведения Марины Сальтиной публиковались в журналах «Наша улица», «Казань», «Меценат и мир», «Грани», «Московский Парнас», «Аргамак — Татарстан», «Лесной орех», «Российская литература».

ПОКЕР С ШУЛЕРАМИ

Володька сидел на лавочке и курил. Курить на свежем воздухе гораздо приятнее, чем на лестничной клетке — кто же спорит?

На бульваре появилось новое лицо — импозантный мужчина в хорошем костюме и при шляпе.

«Франт», — определил про себя Володька.

Франт фланировал по бульвару и приглядывался к прохожим.

«Бабу клеить будет», — усмехнулся Володька.

На дорожке показался сосед — очкастый студент Витюша.

Франт направился к нему.

«Оба-на! — удивился Володька. — Оч-ч-чень интересно».

Франт перехватил Витюшу неподалёку от скамейки, где сидел Володька. Володька слегка поёрзал — и подвинулся поближе, чтобы лучше слышать.

— Ты мужчина или мужик? — спросил франт.

Витюша удивился, задумался и проямлил:

— Ну, мужик... Наверное...

Франт усмехнулся:

— Мужики падут. Вот я — мужчина. Посмотри, как я одет.

Витюша посмотрел и уточнил свой ответ:

— Ну, мужчина... Наверное...

Володька наострил уши: не пора ли спасти соседа?

Франт обворожительно улыбнулся:

— А мужчины никогда не обманывают. Так?

Витюша подумал и кивнул:

— Так.

— Тогда я тебе задам вопрос. И если ты меня обманешь, заплатишь мне столько, на сколько обманул.

Витюша не совсем понял, но кивнул.

— Какого ты года рождения? — задал франт невинный вопрос.

— Ну, девяносто пятого.

Франт широко улыбнулся:

— А вот и нет! Тысяча девятьсот девяносто пятого! Ты меня обманул на тысячу девятьсот рублей. Так что плати.

Витюша растерялся, очки съехали на нос, дрожащей рукой он пытался во-друзить их обратно.

«Ничего себе! — восхитился Володька. — Новый вид вымогательства».

Пора было выручать соседа.

Он подошёл, встал напротив франта, заслонив собой Витюшу.

— Связался чёрт с младенцем? — весело и нагло спросил он.

— Простите? — франт вежливо приподнял шляпу.

— А вот не прощу! Ты что это на нашем бульваре пацанов обираешь?

— Идите, куда шли, — посоветовал франт. — Я не с вами разговариваю.

— А я — с тобой. Сам иди, куда шёл. Вон у меня друганы на тренажёрах качаются, — Володька махнул рукой. — Сейчас позову — мало не покажется!

Франт покосился туда, куда показал Володька. И действительно, на площадке с тренажёрами занимались крепкие такие ребята.

Франт понял, что лучше обратиться подобиру-поздорову.

Он укоризненно покачал головой, улыбнулся, приподнял шляпу:

— Мужчины не обманывают и держат слово.

И с достоинством удалился.

Володька обернулся к Витюше. Тот всё ещё стоял с открытым ртом и вы-таращенными глазами:

— Ух, как вы его...

Володька засмеялся:

— Есть ещё похрен в похреновницах.

— А вы этих парней знаете? — спросил Витюша.

— Да откуда?

— Обманули? — улыбнулся, наконец, Витюша, выходя из обморочного состояния.

— Так я же — мужик, — ответил Володька.

И добавил в назидание:

— А ты — лопух. Сколько раз говорил: не садись играть в покер с нами, шулерами.

ПРИЛИЧНЫЕ ДЕТИ

— Том, а, Том! У меня уже сил нет! — взмолилась Люся. — Я вообще терпеть не могу эти большие магазины! Ты как хочешь, а я пойду.

Тома посмотрела на подругу и сжалилась:

— Ну, подожди. Я только в косметику загляну, ладно?

Люся поплелась за подругой.

Тома зашла в секцию. За полками с краской для волос слышалось какое-то шуршание и сдавленный смех.

Она любопытствовала, что же там происходит, и ахнула.

Два пацана лет десяти, хихикая, меняли местами тубики в коробках с краской.

— Хулиганы! Что вы тут делаете? — рявкнула Тома.

Пацаны, хихикая, пробежали мимо неё и скрылись.

Люся, устало прислонившись к стене, наблюдала.

Возмущённая Тома разыскала отсутствующего менеджера и рассказала о происшествии.

Расстроенная девушка-менеджер спросила, что же теперь делать.

Тома посоветовала проверить все коробки с красками.

Девушка совсем скисла:

— И что, всё теперь проверять?

— Конечно! — сказала Тома. — Если не хотите, чтобы обманутые клиентки пришли вам морду бить.

И Тома гордо удалилась. Люся семенила следом.

...Они ехали в метро.

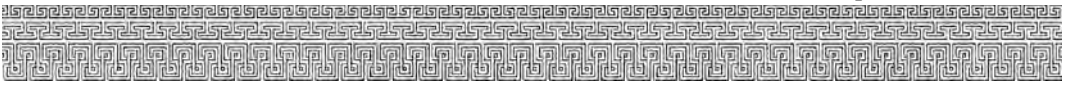
Люся дремала.

Тома же была бодр:

— Не спи, подруга! Вот ты не обращала внимания, что на радиальных линиях к центру остановки объявляют мужчины, а из центра — женщины? Почему?

Люся пожала плечами:

— Наверное, утром люди едут к центру на работу, и мужские голоса активизируют их на трудовой день, а вечером народ возвращается домой, и женские голоса всех успокаивают.

— Может быть, — и Тома задумалась.

...Они вышли на своей станции и решили не толкаться в троллейбусе, а пройтись до дома по бульвару.

Тома всё возмущалась поведением мальчиков в магазине:

— Хорошо, что наши не такие. Приличные дети.

— Ну, твой-то уже взрослый — студент, — сказала Люся, — такими глупостями не занимается.

Они шли по бульвару.

На лавочке сидела неразлучная тройца: Люсин сын Лёшка и его друзья — Ахметка и Додик. Они кормили голубей.

— Видишь, голубей кормят. Я же говорю — приличные дети, — улыбнулась Тома.

Люся хотела окликнуть сына, но Тома вдруг дёрнула её за рукав:

— Стой!

— Что такое? — забеспокоилась Люся.

— Что-то странное, — Тома внимательно наблюдала за действиями тройцы.

Мальчики отламывали куски от зазеленевшей булки в руках Ахметки и бросали крошки голубям. Но не около себя, как делают все, а старались закинуть крошки как можно дальше, поближе к газону.

Тома пригляделась и всплеснула руками:

— Они же голубей к кошке подгоняют!

На газоне в траве распласталась рыжая кошка.

Не успела Тома закричать, как кошка прыгнула, и голубь забился у неё в зубах.

Стая, громко хлопая крыльями, взлетела и уселась на провода.

Тройца друзей радостно пустилась в какой-то индейский пляс.

— Это что? — грозно спросила Тома.

Тройца застыла.

— Живодёры! — продолжала Тома. — Загоняете голубей к кошке! Не стыдно, а?!

Люся молчала, не зная, как реагировать.

Первым очнулся Ахметка:

— Этта! Кошки тоже кушать хочут!
— Хотят, — автоматически поправил Додик.
— Ну! А я чё сказал? Она тоже кушать хотит.
— Хочет, — поправил Додик.
— Этта! Чё ты меня всё путаешь? — возмутился Ахметка.
— Сами додумались или кто научил? — бушевала Тома.
— Этта! Деда Саня так делает, — сознался Ахметка.
— А такой интеллигентный старичок, — беспомощно пробормотала Люся. — Стыдно-то как...

Додик авторитетно заявил: он видел по телику, что в Кремле специально держат ястребов для уничтожения голубей и ворон, которые гадят на золотые купола. А когда ястребы не справляются, то на охоту выпускают филина Филю.

— Ястребы сами за птицами гоняются, — сердилась Тома, — а вы — малолетние провокаторы, голубей к кошке загоняете. Пусть сама охотится. А если бы вас вот так к крокодилу подталкивали, вам бы понравилось?

Троица переглянулась: такая мысль не приходила в юные головы.

— Этта! Так жалко кошку, — оправдывался Ахметка.

— Вот и неси ей котлету из дома. Или колбасу, — отрезала Тома, — раз ты такой жалостливый.

— Не-а! — возразил Ахметка, шмыгая носом. — Нельзя. Мамка ухи надерёт.

Додик хотел поправить друга, но передумал.

— Марш по домам, живодёры! — скомандовала Тома.

Троица понуро поплелась из сквера.

Тома и Люся замыкали шествие.

— Вот тебе и приличные дети, — сокрушалась Люся. — Какой позор!

Тома вдруг засмеялась.

— Ты чего? — удивилась Люся.

— Да вспомнила. Когда мы в школе писали выпускное сочинение, одна из тем была по «Поднятой целине». И подружка Танька написала, что то ли Нагульнов, то ли Размётнов, сейчас уж не помню кто, очень любил животных и поэтому убил свою кошку, когда та повадилась жрать голубей.

Люся не смеялась:

— Не знаю, как реагировать на Лёшкин поступок.

Тома пожала плечами:

— Никак. Мы пашем, на детей времени нет. Как в советские времена, только хуже. Раньше кружки были. Пионерская организация. А сейчас? Кружки за деньги. Пионерская организация приказала долго жить. Один мой приятель до сих пор ностальгирует по своему «красногалстучному детству». Кстати, ты помнишь, сколько стоил пионерский галстук?

Люся помотала головой.

— Я тебе скажу. Пятьдесят пять копеек. Только не помню, это цена шёлкового или сатинового. Наверное, шёлкового. Сейчас — двести пятьдесят рублей.

Люся фыркнула:

— А зачем их сейчас покупают?

Тома подумала:

— Для прикола, наверное. Или как сувениры. Или на память о детстве.

— Так что с Лёшкиным живодёрством делать? — Люся вернулась к большому вопросу.

— Что-что? Колбасу для кошки давать. Из Лёшкиного рациона. Если кошку жалеет — пусть от себя отрывает. Тоже мне, юные натуралисты выискались.

СКВОРЦОВ Эдуард Суневич, родился 30 сентября 1940 г. в Туле (Российская Федерация). Член Московской городской организации Союза писателей России.

Всю сознательную жизнь прожил в Москве (в районе Арбата и Теплого Стана), учился в школе № 58, окончил МГУ им. М.В.Ломоносова. Защитил кандидатскую диссертацию в ИПУ РАН им. В.А.Трапезникова. На поприще научной деятельности работал в головных московских организациях НАТИ и НАМИ.

Длительное время занимается литературным трудом. Напечатал трилогию «Гуща жизни».

Новую книгу «Омут будней» (2017) составили остросюжетные новеллы, рассказы, повести, афоризмы и пьеса «Тропой любви». Книга «Сердце под рукой» (2016) также содержит новеллы, рассказы, повести, афоризмы и пьесу «Драма Андрея Боголюбского».

Предыдущие книги художественной прозы «Двойная блокада» (2014), «Сундук прозы» (2015) содержат множество басен, притч, повести и подборки афоризмов. Авторские книги «Белая лента» (2013) и «В круге жизни» (2015) удостоены Диплома, а книги «Гримасы любви» и «Перепутье времен» — Грамоты по итогам конкурса «Лучшая книга года» 2011–2015 гг., проводимого МГО СП России.

Участник альманахов «Литературная Республика», «Муза», «Золотое руно».

БАРСУК И ЛИСИЦА

Едва выпал первый снег, барсук удалился в подземную нору на высоком пригорке в чаще леса.

Он прошёл в спальню, расправил ложе из сухих стеблей травы вперемешку с мелкими кореньями и блаженно закрыл глаза.

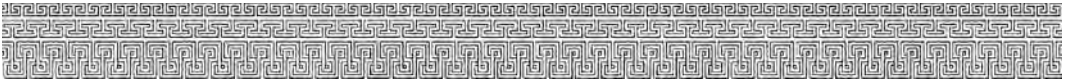
Вскоре хозяин услышал шорох в норе за пределами своей опочивальни.

— Кто там? — решительным голосом поинтересовался барсук.

— Это я, милейший, — прозвучал вкрадчивый голос лисицы.

— Чего тебе надо, неугомонная? — сквозь наступающую дрему пробурчал барсук.

— Зачем же так не приветливо? — ластится лисица.

— А какого ты ожидаешь приёма? — недовольно отозвался барсук.

— У меня к тебе одна просьба: приютить меня, беззаботную, в твоём жилище до прихода весны.

— Это как? — воскликнул барсук, с которого сон как рукой сняло.

— Разреши мне лечь с тобой рядом.

— Вот уж незадача! Ну ложись, милостая.

Щуплая лиса пристроилась около дородного барсука. Притихла. Барсук снова начал засыпать.

— Послушай, милейший, а ты не мог бы меня накормить? Больно есть хочется.

— Ты в своём уме, лиса? На дворе зима! Какой я тебе еды могу предоставить? Осенью надо было отъедаться, жирок накапливать.

— Какой же ты педант! — возмутилась лиса и выскочила наружу.

— Лисица из норы, барсуку спокойнее, — проворчал домосед.

Однако к вечеру лисица вернулась в тепло и легла чуть живая около барсука.

— Почему ты не спрашиваешь, где я была? — едва переводя дыхание, произносит лиса.

— Но ты же мне не жена! — возмутился барсук. — Какое мне дело, где ты шлялась?

— Ну вот, уже и шлялась. Жена не жена, а всё симпатичная особа, — отогревшись, произнесла лисица.

— Особа! Шла бы ты гулять из норы на все четыре стороны, — возмутился барсук.

— Не могу! — покаянно произносит лиса. — У выхода охотники дожидаются, решают, как собак запустить в нору...

Мораль: если кто рядом с тобой спит, не отпускай его одного. Непременно накличет беду.

БУТЫЛКА ВОДКИ И ШАМПАНСКОГО

Встретились два соратника, каждому за 80 лет.

Поскольку теперешней пенсии на вино и водку не хватает, стали пить пиво под донскую воблу.

Разговорились: с умилением вспомнили социалистические попойки за дружеским столом в ежовых условиях коммунистического лагерного режи-

ма. Так как из бездефицитной закуски в период недоразвитого социализма присутствовали только огурец и селёдка, пить шампанское было не комильфо. А потому пролетарии и сочувствующие им крестьяне и длительное время после Октября употребляли исключительно водку, это непреложный факт. И только после принятия Сталинской конституции в 1936 году появились так называемые игристые вина. В пику гнусным французским буржуинам сей напиток назван был «Советское шампанское».

Победил ли социализм в СССР, алкаши спорят до сих пор. Но то, что шампанское скрашивало жизнь тем, кто не «трубил» в колымских лагерях, — это тоже факт непреложный.

Судя по всему, Сталин лично следил за тем, чтобы в Елисейском магазине всегда продавалось шампанское по цене 4 р. 65 коп., причём цена не зависела ни от настроения кормчего, ни от денежного состояния населения. Справедливости ради надо напомнить, что и в периоды острого дефицита шампанского в канун 7 ноября и 1 мая партийным бонзам в распределителях выделялось по одной бутылке шампанского по единожды установленной цене. И что интересно! Как только рухнул сталинский казарменный социализм, исчез дефицит на шампанское.

Более того, поскольку грань между буржуинами и пролетариями по происхождению установить российские органы госбезопасности оказались не способны, на всех торжествах сомелье из чекистов ненароком спрашивает: водочку или шампанское? А современный российский обыватель, далёкий от политики, потребляет водку и шампанское вперемешку.

Очевидно, от такой смеси у нормального человека играет одновременно и в голове, и в желудке, что позволяет ему смириться как с отсутствием социализма, так и с дефицитом вино-водочных изделий.

АФОРИЗМЫ-СКВОРСИЗМЫ

30 серебряников на всех желающих не хватает, даже для членов правящей партии.

Браки заключаются на небесах, все остальные неприятности происходят на земле. Наоборот не получается.

Бывшие охранники лагерей представляют государство как один большой лагерь. Например, социалистический.

В апогей кризиса всплыла всякая дрянь. Впору нос затыкать.

Веб-тролли пополняются из продажных журналистов и всяких прочих кашеваров. Под присмотром кремлевских рестораторов.

Видящие бесов бесноваты сами.

Власти изолгались, но все ещё врут. Уже себе.

Война — не сестра, даже если ты ей брат. Не пощадит обоих.

Дай бандиту волю, попадешь к нему в неволю.

Диктатор лютует: народ ему, видите ли, диктует.

Долги омрачают жизнь тем, кто намерен их возвращать.

Дураков переименовали в патриотов, но жить лучше не стало. Зато патриоты теперь обижаются, когда их называют дураками.

Интересно, имеется в Раю Первый канал ? Или там порнуху негде будет смотреть?

Когда не удаётся грабить за рубежом, приходится воровать на Родине.

Любителей ресторанной кухни редко привлекает политическая. Запах не тот.

Молился, молился, да ложью подавился. Господа не обманешь.

Наелся смолоду гадости, живи всю жизнь без радости.

Не скажешь правду, будешь ходить в сообщниках.

От зарплаты мужа жена в ужасе.

От народной ненависти в могиле не спрячешься.

Патриотизма у иных людей ровно столько, сколько ворованных денег. Райской жизни не дождались. Без суда и следствия все оказались в аду.

Упыри стараются держаться на расстоянии один от другого, когда испытывают голод и жажду. Боятся друг друга.

Валентина МАЛЬЦЕВА

САЛОН КРАСОТЫ

Наташа, сегодня я впервые в жизни побывала в салоне красоты! Зашла туда, чтобы поболтать и излить свою душу кому-нибудь из знакомых, а одно новости узнать, но... не тут-то было! — от хохота согнулась пополам. — Ой, что я там увиде-е-ела!

— И что же ты там могла увидеть?

— Захожу в салон, а там сидит так много народу! — всплеснула руками. — У всех головы полотенцами обмотаны. Подбежала я к своей приятельнице и спрашиваю: «У тебя голова болит?». Она глаза выпучила и говорит: «С чего ты взяла, я абсолютно здорова!».

— Ответила без фальши!

— Макс, ты в этом увере-е-ен? — покрутила пальцем у виска. — Сам знаешь, «человек не орех — сразу не раскусишь», поэтому я решила задать ей ещё один вопрос, на засыпочку: «Разве здоровые люди полотенцами головы обматывают, да ещё в чужом помещении?».

— Все присутствующие рассмеялись?

— Все, кроме моей знакомой! Она посмотрела на меня «квадратными глазами» и тихонько произнесла: «Акулина, ты рассуждаешь, будто первый день, как на свет родилась».

— Конечно же, ты ей возразила!

— О, нет-е-ет! И спорить, и возражать не стала. Отошла в сторону, присела на стул и думаю, что дальше будет, чем дело кончится?

— И что же здесь необычного?

— Ой, скажу я вам, — это ву-у-ужасти! Одна выходит рыжая, другая — блондинка, а моя Агафья додумалась покрасить волосы в ярко сиреневый цвет.

— Цвет привлекательный и многим идёт! — с восхищением произнесла молодая хозяйка.

— Я придерживаюсь другого мнения! — топнула ногой. — Поэтому с пренебрежением посмотрела на неё и закричала, что было сил: «Милая, за какие преступления тебя так изуродовали?».

Размашистым шагом Брусничкина прошлась по кухне и, чтобы сосредоточиться, сделала глубокий вздох.

— Подумала, что она начнёт возмущаться, увидев себя в зеркале, а она наоборот, изумлённо захлопала ресницами и засияла в улыбке: «Меня сделали красавицей! Цвет волос мой называется «баклажан». Я им восхищена!»

Нацелив взгляд на хозяйку, Акулина хитро улыбнулась.

— Наташка, ты не поверишь! Она сказала мне это с чувством огромного достоинства и пошла на ресе-е-епшин. Думаю, что она там забыла? Оказывается, платить пошла!

— А как иначе? За красоту нужно платить и не малые деньги!

Брусничкина пригладила ладонью волосы и с бьющей через край энергией вышла в холл, чтобы полюбоваться в зеркало своей внешностью.

— Красота-а-а неописуе-е-мая! Глаз не отвести! Любовалась бы собой и любовалась! Думаю, что красивее меня нет никого на свете!

Глядя на незваную гостью, Наташа и её мама рассмеялись.

— А как меня любит мой кавалер, словами не передать! У-у-ух! — прищурив хитро глазки, улыбнулась. — Каждый год на день рождение дарит мне гребешок. Ах, как я горжусь этим дорогим подарком!

— Разве можно им волосы расчесать? — с недоумением спросила молодая хозяйка. — Я, например, пользуюсь только массажной щёткой.

— Мои волосы шелковистые, потому что я мою голову хозяйственным мылом!

— Можешь дальше не продолжать, а то куры засмеют!

— Макс, не сбивай меня с панталыку! — стукнула кулаком по столу. — Господа, делюсь своими впечатлениями, а вы даже чашку чая не предложите!

— Чаем сейчас угостим — это этикет приличия! — Наташа начала быстро расставлять чашки.

— Хочу вкусных конфет, а конфетница наполнена какой-то ерундой.

— Позволь с тобой не согласиться! Это вкусная карамель. Мы её очень любим!

Пока хозяйка заваривала чай, Акулина набрала горсть конфет и, не церемонясь, быстро их съела.

— Конфеты действительно ничаво-о! С горя съесть можно, как говорила моя драгоценная бабушка.

Выслушав незваную гостью, хозяйка огорчились, но сделать замечание не решилась. Акулина жевала конфеты с особым пристрастием, затем восторженно воскликнула:

— Я предположить не могла, что в салоне красоты несколько помещений!

— Несколько кабинетов. — поправила Наташа.

В знак согласия Брусничкина перешла на драматический шёпот.

— В один заглянула — там волосы красят, а когда заглянула в другой, то и обомлела... — от весёлого смеха, сотрясалось всё её нутро. — Там ногти красят не только на руках, но и на ногах! Ой, что творится на белом свете!

— И что здесь особенного? Интеллигентные люди всегда следят за тем, чтобы их руки и ноги были ухожены.

— У них ножниц нет дома? Или они не знают, как надо ногти обрезать?

— Качественно обработать ногти могут только квалифицированные специалисты!

— Ой, Наташка, так и быть, не буду с тобой спорить, а то ты меня в следующий раз в гости не пригласишь! Но учти, я ещё не всё рассказала! — пригладив волосы, продолжила: — А в третьем кабинете, что я уви-и-идела! О-о-й! Сидят все размалёванные! И губы им красят, и брови, и ресницы, и щёки тоже красят! Это же надо! Они сами не могут это сделать?

— Акулина, ты как будто «с луны свалилась»! Закрутила кудельку на затылке и думаешь красиво, а уважающие себя люди заранее записываются в салон красоты, чтобы выглядеть красивыми и ухоженными! — Макса взорвала буря эмоций. — Кстати, доведу до твоего сведения, что за своей внешностью следят не только люди, но и животные!

— Не поняла.

— Многие хозяева предварительно записывают кошек и собак к мастеру, чтобы сделать их неотразимыми! Например, мои подруги выглядят безукоризненно, потому что регулярно посещают салон красоты!

— Мордастый, ты хочешь сказать, что это заведение называется салон красоты?

— Конечно!

— Не-е-т! — протянула Брусничкина, покачивая из стороны в сторону указательным пальцем. — Это «МАЛЕВОЧНЫЙ САЛОН!»

Внезапно отворилась входная дверь, и на пороге дома появился Алексей. При виде хозяина, Акулина быстро встала со стула, набрала горсть конфет и затолкала в карман.

— Отдохнула, выпила чая с конфетами и новости рассказала! Сегодня моя душа рукоплещет от счастья! — торопливыми движениями она накинула на плечи пальто, нахлобучила на голову шляпу и, не попрощавшись, захлопнула за собой дверь.

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ АНИСИМОВОЙ

В сентябре 2016 года преждевременно ушла из жизни Наталья Анисимова — художник, модельер, дизайнер и поэтесса, член клуба «Золотое руно», Совета литераторов Москвы и Подмосковья и ЛИТО «Избранники муз», «Фея кошек и цветов».

Клуб «Золотое руно» Наталья Анисимова посещала недавно и выступала только один раз. Она очень любила В.Шекспира и вступила с ним в творческий диалог. Свои «Диалоги с Шекспиром», перекликавшиеся с сонетами великого поэта и драматурга, она прислала ещё летом 2016 года. Сонеты Шекспира и свои ответы на них. Несколько из них мы печатаем в своём альманахе.

МОЙ ДИАЛОГ С ШЕКСПИРОМ

ШЕКСПИР

116

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь — над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане.
Любовь — звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь — не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжёт мой стих,
То нет любви — и нет стихов моих!

(Перевод С.Маршака)

ОТВЕТ

(116)

Но тот, кто любит, тот попал в капкан.
Он пленник образа, что в сердце поселился.
Сегодня счастлив он без меры, что любовью не предан,
А завтра плачет он, что в бездну провалился.
И муками терзаемый день ото дня,
Сегодня вянет он, а завтра расцветает,
Никто не знает, что случится с ним, когда
Объект любви своей он потеряет.
Но пусть сегодня радуется он
И о возможном бедствии не знает.
Да пусть сегодня радуется он
И пусть не будет жизнью побеждён.

ШЕКСПИР

113

Со дня разлуки — глаз в душе моей,
А тот, которым путь я нахожу,
Не различает видимых вещей,
Хоть я на всё по-прежнему гляжу.

Ни сердцу, ни сознанию беглый взгляд
Не может дать о виденном отчёт.
Траве, цветам и птицам он не рад.
И в нём ничто подолгу не живёт.

Прекрасный и уродливый предмет
В твоё подобье превращает взор:
Голубку и ворону, тьму и свет,
Лазурь морскую и вершины гор.

Тобою полон и тебя лишён,
Мой верный взор неверный видит сон.
(Перевод С.Маршака)

ОТВЕТ
(К 113)

Вот та опасность, что любовь в себе таит,
Кто потерял её, тот оглушён и слепнет.
Но он был жив.
Так дерево цветущее грустит, когда цветы роняет.
Но из цветов рождаются плоды,
Пусть дерево о том не знает.
А кто любить боялся, тот не жил,
Он деревом цветущим не бывает.
Откуда ж он плоды себе возьмёт?
Да сам с другого дерева сорвёт
Да и прямехонько себе положит в рот.
Ведь в зрелости всем хочется плодов
И даже тем, кто не видал цветов.

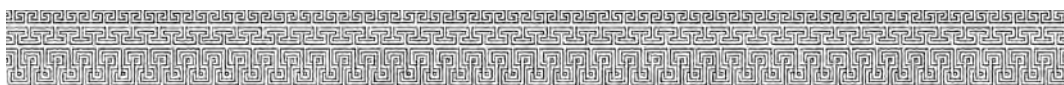
ШЕКСПИР
141

Мои глаза в тебя не влюблены, —
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.

Ушей твоя не услаждает речь.
Твой голос, взор и рук твоих касанье,
Прельщая, не могли меня увлечь
На праздник слуха, зренья, осязанья.

И всё же внешним чувствам не дано —
Ни всем пяти, ни каждому отдельно —
Уверить сердце бедное одно,
Что это рабство для него смертельно.

В своём несчастье одному я рад,
Что ты — мой грех и ты — мой вечный ад.

(Перевод С.Маршака)

ОТВЕТ
(К 141)

Вдыхая медленно весь твой порок,
Я сам порочным становлюсь немного.
Теряю грань между добром и злом,
За это постоянно я молю прощения у бога.
Не знаю, что мне делать, как мне быть,
Что самому дороже мне?
Твой милый грех, моя ли добродетель.
Ах сердце бедное,
Как нужно осторожным быть
При выборе любви своей,
И в том мне Бог свидетель!

Литературный альманах
ЗОЛОТОЕ РУНО

№ 4, 2017

Редактор Э. Фастова
Корректор А. Юрьева
Художественное оформление и макет Е. Меркина

Сдано в набор 15.01.2017 г.
Подписано в печать 22.03.2017. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 39. Тираж 500 экз.
Заказ №

В оформлении обложки использован фрагмент картины греческого художника Константиноса Воланакиса «Арго»

Телефоны и электронный адрес для справок:
8 (916) 306-82-63
leonidas26@mail.ru

«Издательство «Золотое руно»

Типография «Реал Принт»

